Э. В. Будаев

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРОЛОГИЯ

2020

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Российский государственный профессионально-педагогический университет

Э. В. Будаев

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРОЛОГИЯ

Монография

Электронное издание
локального распространения

Санкт-Петербург
Наукоемкие технологии
2020

© Будаев Э. В., 2020
ISBN 978-5-6044793-2-2

УДК 81'373.612.2
ББК 81.2
Б90

Рецензенты:

А. П. Чудинов, д-р филол.н., профессор, зав. каф. межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

С. Л. Кушнерук, д-р филол.н., профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Б90 **Будаев Э. В.** Сопоставительная политическая метафорология [Электронный ресурс]: монография. – 2-е изд., испр. и доп. – Электрон. текстовые дан. (4,4 Мб). – СПб.: Наукоемкие технологии, 2020. – 464 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-6044793-2-2

В монографии рассмотрена история возникновения и развития одного из динамичных направлений современной лингвистики – сопоставительной политической метафорологии.

Монография адресована широкому кругу филологов – преподавателям, аспирантам, студентам, а также специалистам в области связей с общественностью, политологии, лингвистики и межкультурной коммуникации, социологии, журналистики, государственного и муниципального управления, а также всем, кто интересуется методами и приемами речевого воздействия в политической сфере и СМИ.

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:

- процессор: Intel x86, x64, AMD x86, x64 не менее 1 ГГц;
- оперативная память RAM ОЗУ: не менее 512 МБайт;
- свободное место на жестком диске (HDD): не менее 120 МБайт;
- операционная система: Windows XP и выше;
- Adobe Acrobat Reader;
- дисковод CD-ROM;
- мышь.

УДК 81'373.612.2
ББК 81.2

ISBN 978-5-6044793-2-2
© Будаев Э. В., 2020

Научное издание

Будаев Эдуард Владимирович

Сопоставительная политическая метафорология

Монография

Текстовое электронное издание

Издательство «Наукоемкие технологии»
ООО «Корпорация «Интел Групп»
http://publishing.intelgr.com
E-mail: publishing@intelgr.com
Тел.: (812) 945-50-63

ISBN 978-5-6044793-2-2

Подписано к использованию 25.06.2020.
Объем издания – 4,4 Мб.
Комплектация издания – 1 CD.
Тираж 500 экз.

Монография издана в авторской редакции

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение……..... 6

ГЛАВА 1. Теоретические истоки политической метафорологии…… 11
1.1. Политическая лингвистика……..... 12
1.1.1. Становление политической лингвистики…… 14
1.1.2. Политическая лингвистика 60–80-х гг. XX века……. 24
1.1.3. Современный этап развития политической лингвистики……..……. 27
1.1.4. Специфика развития российской политической лингвистики…. …….. 38
1.2. Метафорология…….. 46
1.2.1. Основные направления метафорологических исследований..... 46
1.2.2. Когнитивный поворот в метафорологии……..... 50
1.3. Выводы по первой главе…… 68

ГЛАВА 2. Теоретико-методологические основания сопоставительного исследования политической метафоры……. 72
2.1. Структура методологии политической метафорологии……... 72
2.2. Онтологический уровень методологии……. 77
2.2.1. Риторическое направление …….. 78
2.2.2. Когнитивное направление ……... 86
2.3. Аксиологический уровень методологии……... 103
2.3.1. Критический анализ……. 103
2.3.2. Дескриптивный анализ……. 106
2.4. Гносеолого-квантитативный уровень……. 107
2.4.1. Квалитативный/квантитативный анализ……. 108
2.4.2. Отбор источников по содержательной релевантности……... 113
2.5. Междисциплинарный уровень…….. 122
2.5.1. Дискурсивный анализ……... 122
2.5.2. Лингвокультурологический анализ……. 137
2.5.3. Методы психологии и нейролингвистики……... 140
2.5.4. Политолого-социологический анализ…….. 147
2.6. Выводы по второй главе…… 151

ГЛАВА 3. Сопоставительная политическая метафорология: когнитивно-дискурсивные аспекты анализа…….... 156
3.1. Когнитивные объекты сопоставления……... 156
3.1.1. Сферы-источники метафорической экспансии……... 164
3.1.2. Сферы-мишени метафорической экспансии……... 172
3.1.3. Базисные когнитивные структуры.…….. 180
3.2. Ракурсы дискурсивного сопоставления…… 186
3.2.1 . Этнокультурное сопоставление……. 188
3.2.2. Социальное сопоставление…….. 201

3.2.2.1. Идеологическое сопоставление…….. 201
3.2.2.2. Идиолектное сопоставление……... 204
3.2.2.3. Гендерное сопоставление……... 209
3.2.3. Диахроническое сопоставление…….. 218
3.2.3.1. Диахронические свойства метафорических систем…… 223
3.2.3.2. Динамика метафоричности политического дискурса……. 226
3.2.3.3. Динамика доминантности метафорики……... 231
3.2.4. Мультимодальное сопоставление……... 238
3.3. Выводы по третьей главе……... 250

ГЛАВА 4. Когнитивно-дискурсивные эвристики сопоставительного анализа политической метафорики 258
4.1. Комплекс методик сопоставительного исследования метафорики……... 259
4.2. Методика сопоставительного таргетирования…….. 265
4.3. Полидоменное векторно-рефлексивное таргетирование российской и британской политической метафорики…… 271
4.3.1. Продуктивность и конгруэнтность политической метафорики……...…… 273
4.3.2. Конгруэнтный тип метафорической модели……. 277
4.3.3. Смешанный тип конгруэнтности метафорической модели…….. 298
4.3.4. Неконгруэнтный тип метафорической модели……. 322
4.4. Диахроническая фрагментация политического дискурса ……... 337
4.5. Выводы по четвертой главе…….. 347

Заключение……. 350
Библиографический список…….. 358
Приложения:
Приложение 1. Список источников «корпуса А»……... 459
Приложение 2. Список источников «корпуса Б»……... 460

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая монография посвящена сопоставительной политической метафорологии как формирующемуся направлению современной лингвистической науки. Со времени публикации первого издания в 2011 г. прошло почти целое десятилетие. За эти годы было опубликовано много новых работ в этой научной области, сформировались новые тенденции в теории, методологии и практике сопоставительных исследований политической метафоры, что потребовало дополнения и систематизации новых данных в настоящем издании.

Политическая метафорология возникла в процессе взаимодействия двух ведущих направлений современного языкознания – метафорологии и политической лингвистики. Сближение этих направлений связано как с бурным развитием исследований, посвященных политической коммуникации, так и с переосмыслением самого понятия метафоры, новым пониманием ее роли в организации ментальных процессов.

В современной науке формируется представление о политической метафоре как об инструменте для осознания, моделирования и оценки политических процессов. Метафоры, используемые при обсуждении политической жизни общества, все чаще привлекают внимание специалистов, которые стремятся выяснить, как и почему рождаются эти метафоры, в какой мере они отражают социальную психологию, политические процессы и личностные качества их участников.

В результате бурного роста научных изысканий в данной области долгое время ощущалась необходимость начать целостное и пространное описание теоретико-методологического разнообразия исследований в сфере анализа закономерностей функционирования метафоры в сфере политики. Учитывая, что когнитивная теория метафоры была призвана эксплицировать сложное взаимодействие между сознанием, языком и культурой и что

именно когнитивная трактовка метафоры дала импульс к конвергенции метафорологии и политической лингвистики, логично было бы ожидать, что сопоставительный аспект политической метафорологии займет более заметное место в исследовательской практике отечественных и зарубежных специалистов. Однако на фоне роста исследований в области политической метафорики отсутствует сколько-нибудь системное описание этой области лингвистических изысканий. Решению этой насущной проблемы посвящено настоящее исследование.

Методология настоящего исследования сложилась под влиянием когнитивной теории метафоры (Р. Гиббс, Э. Гоутли, Дж. Грэди, М. Джонсон, З. Ковечеш, Дж. Лакофф, С. Коулсон, Т. Рорер, М. Тернер, Ж. Фоконье и др.), в том числе отечественной теории метафорического моделирования (А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, Т. Г. Скребцова, А. П. Чудинов и др.).

Представленная работа также опирается на достижения теории дискурс-анализа (А. Н. Баранов, Р. Водак, Т. Ван Дейк, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, Е. С. Кубрякова, А. Мусолфф, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, Дж. Юл и др.), прагмалингвистики (Н. Д. Арутюнова, Т. ван Дейк, М. Р. Желтухина, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин, Е. И. Шейгал и др.) и лингвокультурологии (С. Г. Воркачёв, В. И. Карасик, В. В. Красных, В. А. Маслова, Ю. Е. Прохоров, В. Н. Телия и др.).

Ведущее место в теоретико-методологической системе данного исследования занимает когнитивно-дискурсивная парадигма исследования, разрабатываемая в отечественной лингвистике (Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, И. М. Кобозева, Е. С. Кубрякова, А. П. Чудинов и др.). В исследовании также использовались эвристики дескрипторной теории метафоры (А. Н. Баранов), корпусной метафорологии (Ф. Боерс, А. Мусолфф, Дж. Чартерис-Блэк и др.) и комбинаторной теории кризисной коммуникации (Х. Де Ландтсхеер).

Также в исследовании использовались авторские методики сопоставительного анализа: методика полидоменного векторно-рефлексивного таргетирования и методика равномерной комбинированной фрагментации политического дискурса.

Основная часть монографии состоит из четырех глав. В первой главе «Теоретические истоки политической метафорологии» рассматривается теоретико-методологическая история становления политической метафорологии как направления лингвистических исследований. Рассматривается процесс становления современной теории политической метафоры на пересечении двух научных направлений: политической лингвистики и теории метафоры. В первой части главы прослеживается эволюция политической лингвистики, определяются основные этапы и направления ее развития. Во второй части главы рассматривается эволюция метафорологии в XX в. и анализируются два основных ее направления – риторическое и когнитивное.

Во второй главе «Методология исследования политической метафоры» представлена характеристика общеметодологической структуры политической метафорологии, состоящей из четырех уровней. Дается характеристика каждому из уровней, связанных с определенным аспектом научной деятельности: онтологический уровень (бытийный аспект), аксиологический уровень (оценочный аспект), уровень релевантности источников (гносеолого-квантитативный аспект) и уровень дополнительных методов (междисциплинарный аспект). На онтологическом уровне анализируются когнитивные и риторические теории метафоры, на аксиологическом противопоставляются критические и дескриптивные исследования, на гносеолого-квантитативном уровне характеризуются принципы и методы отбора и анализа материала, на междисциплинарном уровне рассматриваются эвристики смежных с политической метафорологией направлений науч-

ных исследований: дискурс-анализа, лингвокультурологии, психологии и психолингвистики, нейролингвистики, политологии и социологии.

В третьей главе «Сопоставительная политическая метафорология: когнитивно-дискурсивные аспекты анализа» рассмотрены основные объекты и ракурсы когнитивного и дискурсивного анализа политической метафоры: выделены основные группы когнитивных структур и типы отношений между ними, определены и систематизированы ракурсы сопоставительного дискурс-анализа метафорики.

В четвертой главе «Когнитивно-дискурсивные эвристики практического анализа политической метафорики» проведен анализ методик когнитивно-дискурсивного сопоставлении и предложены новые варианты этих методик, на основе которых демонстрируется операциональность теоретико-методологической модели.

В этой главе осуществляется верификация эвристичности методики сопоставительного полидоменного векторно-рефлексивного таргетирования на материале российской и британской метафорики, рассматриваемой в ракурсе таких свойств метафорических моделей, как продуктивность и конгруэнтность. С помощью данной методики изучаются корреляции между продуктивностью сферы-источника, продуктивностью сферы-мишени и типом таргетирования, а также выделяются три типа конгруэнтности метафорических моделей, каждый из которых отражает степень воздействия когнитивно-дискурсивных факторов на функционирование метафор.

Глава завершается диахроническим исследованием, проведенным с применением методики равномерной комбинированной фрагментации политического дискурса. При таком подходе исследуются закономерности эволюции российской политической метафорики на основе контраста данных, полученных с помощью различного шага фрагментации.

Материалы данного исследования неоднократно обсуждались на научных конференциях и в беседах с коллегами, что сыграло важную роль

в подготовке данной книги. Выражаю искреннюю признательность коллегам, плодотворное общение с которыми сыграло важную роль в подготовке монографии: Ларисе Михайловне Алексеевой, Ричарду Андерсону, Владимиру Николаевичу Базылеву, Уильяму Бенуа, Виктору Алексеевичу Виноградову, Рут Водак, Людмиле Ивановне Гришаевой, Светлане Викторовне Ивановой, Владимиру Ильичу Карасику, Надежде Ильиничне Коноваловой, Алексею Александровичу Кретову, Ирине Павловне Лысаковой, Зое Ивановне Комаровой, Элле Александровне Лазаревой, Андреасу Мусолффу, Наталье Михайловне Нестеровой, Наталье Владимировне Юдиной.

Автор глубоко благодарен Анатолию Прокопьевичу Чудинову и Светлане Леонидовне Кушнерук, выступившими официальным рецензентами монографии.

ГЛАВА 1.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ

В основе большинства отечественных и зарубежных публикаций по проблемам теории и практики исследования политической метафоры лежит отождествление современных представлений о политической метафоре с теорией концептуальной политической метафоры, созданной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф 2004; Lakoff 1980, 1993]. Трудно отрицать выдающуюся роль названных специалистов в становлении политической лингвистики, однако, во-первых, необходимо учитывать, что созданное ими направление не является единственным, у него есть конкурент с богатыми традициями, а во-вторых, не следует забывать о значительном вкладе предшественников Дж. Лакоффа и М. Джонсона в становление теории концептуальной метафоры. Поэтому имеет смысл начать рассмотрение современной теории политической метафоры с обращения к ее истокам, ко времени зарождения и политической лингвистики, и современных представлений о метафоре. Ретроспективный взгляд на теорию и практику изучения политической метафоры поможет лучше понять закономерности ее эволюции и точнее охарактеризовать особенности существующих научных школ и истоки современных дискуссий о политической метафоре.

Современная теория политической метафоры возникла на пересечении двух, казалось бы, совершенно не взаимосвязанных научных направлений: политической лингвистики и теории метафоры (метафорологии). Так случилось, что одни лингвисты искали эффективные методики для исследования имевшихся у них богатейших текстовых материалов, тогда как другие ученые искали новое поле применения для теоретических подходов, хорошо зарекомендовавших себя при изучении художественной и бытовой речи. В результате специалисты по политической коммуникации обратили внима-

ние на достижения метафорологии, тогда как специалисты по метафорологии предприняли попытку использовать свою методологию при изучении сферы политической коммуникации. Эвристики и методики каждого из этих направлений объединились в теории политической метафоры, что способствовало достижению принципиально новых важных результатов.

При обращении к истокам современной теории политической метафоры целесообразно автономно рассмотреть роль каждого из названных направлений в становлении и развитии современных представлений о сущности политической метафоры и ее функциях в политической коммуникации. Поэтому в первом разделе настоящей главы будут рассмотрены в ретроспективном аспекте отечественные и зарубежные публикации по проблемам политической лингвистики, а во втором – исследования специалистов по метафорологии.

Как известно, отечественная лингвистика и особенно те ее направления, которые, так или иначе, связаны с исследованием политической коммуникации, в течение многих десятилетий развивалась, по существу, в отрыве от мировой науки. Эта тенденция не преодолена до настоящего времени. Поэтому в настоящей главе оказалось необходимым рассматривать не только глобальные закономерности развития политической метафорологии, но и выявлять специфические черты отечественных исследований рассматриваемого феномена.

1.1. Политическая лингвистика

Номинации для новых научных направлений традиционно приходят с опозданием. Прежде чем сформировавшееся направление получит определенное наименование, эта область исследований должна сформулировать свой предмет и опробовать новые методологические подходы. Словосочетание политическая лингвистика появилось в конце 80-х гг., но фактические

истоки этого направления следует искать раньше, когда устойчивый методологический интерес к исследованию политической коммуникации, риторики, семиотики начал складываться в отдельную область научных изысканий. На настоящий момент политическая лингвистика, возникшая на пересечении политологии и лингвистики, относится к активно развивающимся направлениям современного языкознания.

Вопрос о возникновении и историческом развитии политической лингвистики в той или иной мере рассматривался в учебниках А. Н. Баранова [2001], М. В. Гавриловой [2003, 2008а, 2008б], А. А. Романова [2002], И. В. Вольфсона [2003], А. П. Чудинова [2006], в монографиях Н. А. Купиной [1995, 1999], Е. И. Шейгал [2004], в выпусках коллективной монографии «Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов» [Методология 1998, 2002, 2008], в учебных пособиях «Современная политическая лингвистика» [Будаев 2006] и «Зарубежная политическая лингвистика» [Будаев 2008], в статьях В. Н. Базылева [2005], В. З. Демьянкова [2002, 2003, 2010], П. Б. Паршина [1999, 2000, 2002], Н. М. Мухарямова и Л. М. Мухарямовой [2002], Э. В. Будаева и А. П. Чудинова [2006]. Рассматриваемая проблематика регулярно освещается в издаваемом с 2006 г. в журнале «Политическая лингвистика» (ред. А. П. Чудинов) и «Journal of Language and Politics» (ред. Р. Водак, П. Чилтон).

Среди зарубежных публикаций по истории политической лингвистики выделяются сборники «Political Communication Research: Approaches, Studies, Assessments» [Paletz 1987], «New Directions in Political Communication: A Resource Book» [Swanson, Nimmo 1990], «The Theory and Practice of Political Communication Research» [Stuckey 1996].

Рассмотрим основные этапы в истории изучения политической коммуникации.

1.1.1. Становление политической лингвистики

История возникновения и становления любой научной дисциплины неразрывно связана с историей общества, и политическая лингвистика не стала исключением. В череде событий XX в. точкой отсчета для становления политической лингвистики стала Первая мировая война, которая привела к невиданным человеческим потерям и кардинальному изменению мироощущения человечества. В новых условиях необходимость изучения политической коммуникации и ее взаимосвязи с общественно-политическими процессами становилась все более очевидной. После опыта беспрецедентного пропагандистского противостояния воюющих стран, знание о механизмах манипуляции общественным мнением приобретает высокую научную и гуманитарную ценность. Поэтому неудивительно, что после войны внимание исследователей языка политики было направлено на изучение способов формирования общественного мнения, эффективности политической агитации и военной пропаганды.

Наиболее значимые работы периода становления дисциплины связаны с деятельностью Уолтера Липпманна, Пола Лазарсфельда, Гарольда Лассвелла, Натана Лейтеса.

У. Липпманн в период Первой мировой войны писал пропагандистские листовки для армии союзников во Франции, после войны занялся изучением вопросов пропаганды и агитации, служил советником у двенадцати президентов США. В современной политической лингвистике используется предложенное У. Липпманном понятие «процесса установки повестки дня» (agenda-setting process), т.е. высвечивания в политической коммуникации одних вопросов и замалчивания других. Таким образом, ученый разграничил реальную актуальность той или иной проблемы и ее «важность» в восприятии общества.

Также У. Липпманну принадлежит первенство в применении контент-анализа в качестве метода для исследования общественных представлений о политической картине мира. В 1920 г. У. Липпманн и его коллега Ч. Мерц опубликовали исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции 1917 г. [Lippman 1920] Как показало это исследование, среднему американцу невозможно было составить сколько-нибудь объективного мнения о происходящих в мире событиях ввиду антибольшевистской предвзятости анализируемых текстов.

У. Липпманн разработал эффективную методику применения контент-анализа в исследовании общественных представлений о политике. В 1920 году У. Липпманн совместно с Ч. Мерцем опубликовали исследование корпуса текстов газеты «The New York Times», которые были посвящены Октябрьской революции в России [Lippmann 1920]. Анализ показал, что среднему американцу невозможно было составить сколько-нибудь объективного мнения о происходящих событиях ввиду антибольшевистской предвзятости публикуемых текстов. Это исследование продемонстрировало, что в большинстве текстов желаемое выдавалось за действительное (статьи убеждали читателей в скором крушении большевистского государства), не позволяя читателям делать собственные выводы и прогнозы.

Другим значимым предшественником политической лингвистики был Пол Лазарсфельд, активно занимавшийся изучением пропаганды в Колумбийском университете. В 1937 г. он руководил исследовательским проектом по воздействию информации радиовещания на американскую аудиторию. Впоследствии этот проект вылился в создание «Бюро прикладных социальных исследований» – единственного основанного на базе университета исследовательского института того времени, который занимался вопросами политической и массовой коммуникации. Вместе со своим коллегой Р. Мертоном П. Лазарсфельд разработал метод опроса фокус-группы,

который применялся для сбора данных об отношении рядовых американцев к правительственным призывам по радио разводить «огороды победы» или приобретать облигации военных займов. Примечательно, что эти правительственные программы разрабатывались и анализировались как самим П. Лазарсфельдом, так и другими исследователями (в том числе Гарольдом Лассвеллом).

П. Лазарсфельду принадлежит первенство в применении контент-анализа к исследованию зависимости электорального поведения от предвыборной агитации в СМИ. Наибольшую известность получило его исследование, проведенное в округе Эри (штат Огайо). В течение полугода вплоть до президентских выборов 1940 г. П. Лазарсфельд и его коллеги проводили опрос фокус-группы в 600 человек с целью выявить эффективность агитационного воздействия политических текстов СМИ на американских граждан. К удивлению исследователей, только 54 участника эксперимента поменяли за полгода свои предпочтения в пользу другого кандидата в президенты, и еще меньшее количество респондентов сделало это под прямым воздействием газет, журналов и радиопередач. Этот эксперимент заставил засомневаться в доселе принимаемом как само собой разумеющееся положении о тотальном характере воздействия СМИ на избирателя.

Впоследствии П. Лазарсфельд и другие исследователи разработали модель двухуровневой коммуникации, согласно которой в любом обществе существуют восприимчивые к воздействию политической пропаганды «лидеры общественного мнения» (opinion leaders), распространяющие политическую информацию по каналам межличностного общения. Методика П. Лазарсфельда получила значительное распространение и применяется вплоть до настоящего времени. Хотя исследователи указывали на недооценку пропагандистской роли СМИ, разработки П. Лазарсфельда иници-

ировали интерес к исследованию дополнительных факторов коммуникационного воздействия на избирателя.

Одним из нововведений политической лингвистики того времени стало расширение исследовательского инструментария за счет методов квантитативной семантики. Основоположником этого направления можно считать Г. Лассвелла, продемонстрировавшего эвристики метода в серии исследований, среди которых наиболее известна монография «Language in Politics: Studies in Quantitative Semantics» [Language in Polticis 1949]. Г. Лассвелл и его коллеги выявляли различные взаимозависимости между семантикой языковых единиц, их частотностью и политическими процессами (см. в переводе на русский язык [Де Сола Пул 2009, Лассвелл 2006, 2007а, 2007б, 2007в, 2009; Лейтес 2007а, 2007б, 2009; Якобсон 2007]).

Широко известна работа Г. Лассвелла, в которой он продемонстрировал тесную связь между стилем политического языка и политическим режимом [Lasswell 1949] (в русском переводе [Лассвелл 2007в]). Исследователь показал, что дискурс политиков-демократов очень близок дискурсу избирателей, к которым они обращаются, в то время как недемократические элиты стремятся к превосходству и дистанцированию от рядовых членов общества, что неизбежно находит отражение в стилистических особенностях политического языка власти. Языковые инновации предшествуют общественным преобразованиям, поэтому изменения в стиле политического языка служат индикатором приближающейся демократизации общества или кризиса демократии.

Примером синтеза квантитативной семантики и традиционных методов служит исследование Эрвина У. Феллоуза «Пропаганда: история слова» [Fellows 1959; Феллоуз 2009]. Применение приемов контент-анализа позволило Э. Феллоузу проследить изменения в истории слова *propaganda* по двум критериям: коннотации и сфера употребления. Автор показал, что первоначально слово propaganda использовалось в католическом дискурсе

в словосочетании *de propaganda fide* (святое братство, призванное распространять веру посредством миссионерской деятельности) и обладало мелиоративными коннотациями. В первой половине XX в. *propaganda* ассоциируется с мировыми войнами и приобретает пейоративные коннотации. В поствоенный период основной сферой употребления термина становится политика, что сопровождается сменой резко пейоративных коннотаций более мелиоративными оттенками.

Рассматривая этот этап развития политической лингвистики, историки науки называют, помимо специалистов по коммуникации, английского писателя Джорджа Оруэлла и немецкого литературоведа Виктора Клемперера, обратившихся к критическому изучению тоталитарного дискурса.

Первый из них написал в 1948 г. роман-антиутопию «1984», в котором были описаны принцип «двоемыслия» (doublethink) и словарь «новояза» (newspeak), то есть на конкретных примерах были охарактеризованы способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве. Джордж Оруэлл наглядно показал, каким образом с помощью языка можно заставить человека поверить лжи и считать ее подлинной правдой, как именно можно положить в основу государственной идеологии оксюморонные лозунги «Война – это мир», «Свобода – это рабство» и «Незнание – это сила». Пророческий дар Дж. Оруэлла постоянно отмечают современные специалисты по политической пропаганде: иногда кажется, что именно по рецептам «новояза» американские лидеры называли военную агрессию против Югославии и Ирака «борьбой за установление демократии».

В 1946 г. Дж. Оруэлл опубликовал известную статью «Politics and the English Language» [Orwell 1946] (в русском переводе [Оруэлл 2006]), которую можно отнести к первым опытам по политической лингвистике. Дж. Оруэлл обратил внимание на то, что в политической речи такие слова, как *democracy, socialism, freedom, patriotic, realistic, justice* не имеют опре-

деленного значения (meaningless words), а попытки дать им однозначное определение встречают среди политиков сопротивление. Например, в слове *демократия* универсальной является только оценочная характеристика. Когда мы называем страну демократической, мы ее хвалим, поэтому защитники всякого политического режима (в том числе фашистского или коммунистического) стремятся назвать этот режим демократией. Тоталитарные лидеры сопротивляются тому, чтобы дать термину «демократия» точное определение, поскольку в этом случае они уже не смогут свободно его использовать. Как отмечает Дж. Оруэлл, подобные слова умышленно используются в целях манипуляции общественным сознанием. (например, *class, totalitarian, progressive, reactionary, bourgeois, equality*). Дж. Оруэлл указал на широкую распространенность подобных слов (сейчас бы их назвали идеологемами) в политической коммуникации различных государств.

Описанный Джорджем Оруэллом «новояз» был плодом его фантазии, предположением о том, к чему может привести развитие тоталитарных идей в Великобритании. Немецкий филолог Виктор Клемперер подробно охарактеризовал фашистский «новояз», за которым он имел несчастье наблюдать 12 лет [Klemperer 1947]. Практика нацистского «новояза» оказалась значительно многообразнее и изощреннее созданной Джорджем Оруэллом теории. Например, оказалось, что вовсе необязательно запрещать то или иное выражение – достаточно взять его в кавычки. Например, «немецкий поэт» Гейне – это уже совсем не немецкий и не совсем поэт; соответственно написание «выдающийся ученый» Эйнштейн позволяет поставить под сомнение гениальность выдающегося физика. На службу идеям фашизма в гитлеровской Германии были поставлены и многие другие языковые средства: особенно детально Виктор Клемперер описывает символику и метафорику фашистской пропаганды, а также практику за-

прета на «неугодные» слова и понятия с одновременной пропагандой «новых» слов и идей.

В рассматриваемый период окончательно формируется особое направление политической лингвистики – лингвистическая советология [Будаев 2009а]. После Второй мировой войны отношения Советского Союза со странами Западной Европы и США резко изменились. На смену военному союзу объединенных наций пришла эпоха, которую ярко характеризовали доминантные политические метафоры «холодная война», «железный занавес», «равновесие страха» и «охота на ведьм». Лингвистическая советология в это время стала восприниматься как изучение политического языка враждебной страны и методики вражеской пропаганды. Подробный анализ этой сферы исследования представлен в монографии «Лингвистическая советология» [Будаев 2009а].

С исследованиями советского политического дискурса тесно связано введение в методологический инструментарий политической лингвистки лингво-психоаналитического анализа, связанного с идеями З. Фрейда, А. Адлера, К. Юнга, Э. Фромма. Основным инициатором использования психоаналитических методик был Натан Лейтес, известный эксперт по Советскому союзу. Н. Лейтес должен был предоставлять информацию о советской политической элите правительству США. Такие задачи ставились перед ним как перед сотрудником корпорации РЭНД, известном научно-исследовательском центре в Калифорнии, изучающем проблемы международных отношений и национальной безопасности. Предмет изысканий Н. Лейтеса (дискурс конкретных политиков) определил методологическую направленность его исследований. Выполняя заказ правительства, Н. Лейтес обратился к психоанализу, что было вполне уместно при изучении идиолектов. Это позволило отграничить квантитативную семантику по Г. Лассвеллу, применяемую в исследовании Н. Феллоуза, от психоаналитического анализа по Н. Лейтесу.

Будучи американским исследователем, Н. Лейтес ставил перед собой прагматические цели: советский язык интересовал его в первую очередь как способ распутать механизмы загадочного большевистского (русского) мышления, как шаг к прогнозированию политических реакций коммунистических лидеров. В своей книге «A Study in Bolshevism» [Leites 1954] Н. Лейтес исследовал образы, фантазии, характерные метафоры, используемые большевистскими лидерами (в основном использовались труды Ленина и Сталина), а также «литературные модели», с которыми большевики себя идентифицировали или которые отвергали. По словам Н. Лейтеса, существует мало культур, которые смогли так рельефно запечатлеть в своей литературе типы национального характера. В частности, автор выделяет поведенческие модели, связанные с образами Карамазова, Раскольникова, Мышкина, Верховенского, Рудина, Чичикова, Обломова, чеховских героев. Анализируя отношение к этим поведенческим моделям в большевистском дискурсе, автор определил, какие «психологические маски» принимаются, а какие отвергаются большевистскими лидерами и, соответственно, с какой моделью мышления и поведения они себя идентифицируют.

Используя эти модели, Н. Лейтес обратился к методам фрейдизма в попытке высветить «латентные значения» большевистских образов. Исследователь пришел к выводу о том, что модель большевистского поведения формировалась как отрицательная реакция на Обломовых, которые проспали свою жизнь; на Рудиных, болтунов высокого полета, которые ничего не делают; на философию толстовского Каратаева. Большевистский дискурс пронизывает новый принцип «Кто кого», который Н. Лейтес разворачивает в радикальную формулу «Кто кого убьет первым». Сопоставление дискурса большевистской элиты с мировоззрением русской интеллигенции XIX века привело Н. Лейтеса к выводам о том, что основоположником этого принципа был В. И. Ленин, «отец» большевистского дискурса и большевистского образа, которому и следовали «дети-ленинцы». Если элита XIX века легко поддава-

лась перемене настроения и для нее были характерны «задумчивость», «интроспективность», «поиски души», то представители большевистской элиты характеризуются исследователем как жесткие, подозрительные, неподатливые, агрессивные. Их отношение к действительности и поступки, по мысли исследователя, во многом напоминают мировосприятие и деятельность религиозных фанатиков.

Натан Лейтес отмечает, что фашистские ученые перед вторжением в СССР тоже изучали русский характер по произведениям классической русской литературы, но они не сопоставляли эти данные с большевистским дискурсом (очевидно, что фашистской элите не нужны были «открытия» в области исследования тоталитарных дискурсов). В результате, фашистская армия ожидала увидеть на полях сражений апатичных чеховских героев и Обломовых, а встретила Маресьевых, Матросовых и Панфиловых. Это, по мнению исследователя, служит еще одним аргументом в пользу важности изучения исторической динамики развития русского национального характера.

Еще одной иллюстрацией психоаналитического подхода в политической лингвистике может служить коллективное исследование американских ученых «Politburo Images of Stalin» [Leites 1951] (в русском переводе [Лейтес 2009]), которое до сих пор активно цитируется зарубежными социологами, лингвистами, политологами, психологами. Широкий междисциплинарный интерес к этой статье связан с тем, что ее авторы обратились к анализу корреляций психологических типов и политического языка. Авторы статьи проанализировали основные образы, используемые членами Политбюро для описания Сталина, и предположили корреляцию между степенью «политической приближенности/удаленности» от генсека и предпочтением того или иного образа.

Помимо теоретических инноваций, исследователи использовали традиционные риторико-стилистические методики. После Второй мировой войны особенно активно изучались разнообразные аспекты риторического мастер-

ства президентов [Будаев 2008а]. Причины убедительности президентских выступлений искали в фонетических и ритмических особенностях, остроумии, задушевности, открытости, простоте, образности и иных качествах речи.

В этот период закладываются основы риторического критицизма, значимого компонента американской политической лингвистики. У истоков этого направления стоял Кеннет Берк. К. Берк преподавал в десяти университетах США, в том числе в Гарварде и Принстоне, и выпустил 18 книг. В США К. Берк относится «к наиболее влиятельным исследователям риторики со времен Аристотеля» [Borchers 2006: 145], а как отмечает Т. Бенсон, речевая коммуникация как научная дисциплина «не может быть адекватно представлена без его огромного вклада» [Benson 1993: xi]. К. Берк рассматривал политическую риторику с позиций ее возможности конструирования реальности. Риторика по К. Берку – это исследование того, «как язык и другие символические системы создают риторические миры, в которых мы живем» [Borchers 2006: 144]. К. Берку принадлежит создание теорий и разработка методов, которые до сих пор популярны среди исследований политической коммуникации в США. Среди них теория риторического драматизма, теория символического действия, метод анализа «драматической пентагмы» и метод фрейминга символического опыта,

Примечательно, что многие исследователи того времени указывали в качестве теоретической основы труды Г. Лассвелла. Одни полностью заимствовали его методики, другие делали уклон в сторону З. Фрейда, третьи дополняли анализ теорией М. Эдельмана. Это единство и многообразие хорошо характеризует развитие политической лингвистики в сер. XX в. С одной стороны, политическая лингвистика еще только формировалась и исследователи эксплуатировали то немногое, что было сделано в этой области, а с другой стороны, в середине века уже прослеживалась значительная методологическая дифференциация.

1.1.2. Политическая лингвистика 60–80-х годов XX века

На следующем этапе развития политической лингвистики зарубежные специалисты сосредоточили свое внимание на изучении коммуникативной практики в современных западных демократических государствах. Эти исследования показали, что и в условиях «свободы» постоянно используется языковая манипуляция сознанием, но это более изощренная манипуляция.

Новые политические условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика – это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Например, опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов». Однако хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам. Умелый специалист будет предлагать бороться за социальную справедливость, за «сокращение пропасти между богатыми и бедными», и не всякий избиратель сразу поймет, что это призыв к повышению прямых или косвенных налогов, а платить их приходится не только миллионерам. Точно так же опытный политик будет говорить не о сокращении помощи малоимущим, а о важности снижения налогов, однако легко предположить, какие именно статьи бюджета пострадают после сокращения налоговых поступлений.

Подобные факты широко обсуждаются в критической теории Франкфуртской школы, представители которой (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер) начали изучать формы тоталитаризма, антидемократизма, националистического шовинизма после окончания Второй мировой

войны. Аналогичные материалы представлены также во многих публикациях англоязычных авторов.

Вполне закономерно, что в эпоху холодной войны особое внимание лингвистов привлекал милитаристский дискурс. На фоне «балансирования между войной и миром» понимание того, как политики убеждают рядовых граждан в необходимости применения ядерной бомбы, получает гуманистический смысл. По аналогии с «новоязом» Дж. Оруэлла (newspeak), в понятийном арсенале лингвистов закрепляется понятие «ньюкспик» (nukespeak) [Chilton 1982; Schiappa 1989], т.е. «ядерный язык», который используют политики для оправдания возможного применения ядерной бомбы, для завуалирования и затемнения катастрофических последствий такого сценария развития событий. С другой стороны, важную роль в развитии политической ситуации играли и метафорические образы, подчеркивающие всю опасность последствий атомной катастрофы («ядерная зима», «атомный апокалипсис», «поджигатели войны» и др.). Неудивительно, что осознание актуальности задач, стоящих перед исследователями политической коммуникации, становится значимым фактором в становлении политической лингвистики.

Еще одним направлением политической лингвистки можно считать изыскания в области политического символизма, связываемого с именами М. Эдельмана, Р. Кобба и Ч. Элдера. Работая в русле политической семиотики, исследователи выбрали в качестве предмета анализа политические символы, которые в первую очередь рассматривались как способ легитимации власти [Cobb 1973; Edelman 1964, 1977, 1988; Elder 1983; Sarcinelli 1987] (на русском языке см. [Кобб 2009]). Согласно теории политического символизма основой легитимации власти служит ее эффективность, которая в свою очередь приводит к подкрепляемой и усиливаемой символами удовлетворенности властью. Впоследствии символы становятся самостоятельными феноменами, способными заменять эту удовлетворен-

ность. Высокий статус, приписываемый теорией символам, обусловливает детальное внимание ученых к их семантике, синтактике и прагматике.

В этот период получили широкое распространение исследования политической лексики, теории и практики политической аргументации, политической коммуникации в исторической перспективе. Внимание исследователей привлекали вопросы функционирования политического языка в ситуации предвыборной борьбы, парламентских и президентских дебатах, в партийном дискурсе и др (см. обзор в [Будаев 2008а]).

В рамках изучения языковых средств политической коммуникации исследователи уделяли значительное внимание рассмотрению политических метафор [Aden 1988; Arendt 1983; Bachem 1989; Betz 1977; Blankenship 1976; Bosman 1987; Burkhardt 1988; Chilton 1985, 1987, 1988; Drommel 1978; Edelman 1967; Gribbin 1973; Hardaway 1976; Hastings 1970; Henry 1988; Hook 1985; Howe J. 1977; Howe N. 1988; Ivie 1982, 1986, 1987, 1989; Jäger 1971; Jamieson 1980; Jensen 1977; Kahn 1965; Keller-Bauer 1983; Kress 1989; Kurz 1982; Küster 1978, 1983; Miller 1979; Mumby 1983; Osborn 1962, 1967а, 1967б, 1977; Perry 1983; Rayner 1984; Rickert 1977; So 1987; Stelzner 1977; Svensson 1980; Thaiss 1978; Zarefsky 1986; Zashin 1974].

Уже в этот период изучение политической коммуникации складывается в относительно самостоятельное направление лингвистических изысканий. В 70–80-х гг. за рубежом регулярно появляются монографии и учебники по политической коммуникации и методам ее анализа [Atkinson 1984; Bachem 1979; Bergsdorf 1983; Corcoran 1979; Denton 1986; Dieckmann 1975, 1981; Edelman 1967, 1977; Fairclough 1989; Geis 1987; Good 1975; Green 1987; Grieswelle 1978; Herrschaft 1976; Hudson 1978; Language and Politics 1984; Language and the Nuclear 1985; The Handbook 1981; Shapiro 1981; Zimmermann 1975 и др.].

1.1.3. Современный этап развития политической лингвистики

Особенно активно зарубежные исследования политической коммуникации развиваются в конце XX – начале XXI вв. (R. Anderson, A. Beard, F. Beer, W. Benoit, J. Blommaert, A. Burkhardt, D. Busse, P. Chilton, W. Connolly, H. Diekmannshenke, T. van Dijk, N. Fairclough, E. Felder, L. Feldman, H. Girnth, D. Hahn, K.L. Hacker, R.P. Hart, F. Januschek, S. Jäger, J. Klein, J. Kopperschmidt, P. Kornelia, G. Lakoff, Ch. De Landtsheer, F. Liedtke, U. Maas, A. Musolff, O. Panagl, P. von Polenz, B. Pörksen, F. Rigotti, C. Schäffner, H. Stürmer, D. Watts, C. Wächter, R. Wesel, J. Wilson, R. Wodak и др.).

На современном этапе развития становится все более ясным, что политическая лингвистика, которую раньше объединяли лишь материалы для исследования (политическая коммуникация, «язык власти»), становится самостоятельным научным направлением со своими традициями и методиками, со своими авторитетами и научными школами. В этот период получает широкое распространение и признание название дисциплины (political linguistics, Politolinguistik), проводятся специальные научные конференции, публикуются многочисленные сборники исследований соответствующей тематики. Политическая лингвистика активно вбирает в себя эвристики дискурс-анализа и когнитивной методологии, а сфера научного интереса расширяется за счет включения в анализ новых аспектов взаимодействия языка, власти и общества (дискурс терроризма, дискурс «нового мирового порядка», политкорректность, социальная толерантность и др.).

В рамках современной политической лингвистики можно выделить четыре относительно автономных научных направления:

– критический анализ политического дискурса;

– контент-анализ политического дискурса;

– риторический анализ политического дискурса;

– когнитивное исследование политического дискурса.

Важно иметь в виду, что между представленными направлениями нет непроницаемых границ и в практических исследованиях возможно использование разнохарактерных методов. Иногда приходится фиксировать «фамильное теоретическое сходство» исследований: когнитивный подход может сочетаться с критическим дискурс-анализом, а тот, в свою очередь, дополняться психолингвистическими методиками. Вместе с тем базовые различия в теоретических основаниях и ведущих методах исследований не вызывают сомнения.

Критический анализ политического дискурса направлен на изучение способов, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Специалисты стремятся выяснить, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное неравенство, а также наметить способы языкового сопротивления. Представители этого направления занимают активную социальную позицию, они ищут пути для предупреждения социальных конфликтов. Эти исследования представляют собой своего рода реакцию на традиционные публикации «рецептурного» и «восхваляющего» направлений предшествующей научной парадигмы.

Подробный анализ критического направления представлен в монографиях Дж. Бломмаэрта «Discourse: A Critical Introduction» [Blommaert 2005], Т. ван Лейвена «Discourse and Practice: New Tools for Critical Discourse Analysis» [Van Leeuwen 2008], М. В. Гавриловой «Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике» [2003], Г. Уиддоусона «Text, Context, Pretext: Critical Issues in Discourse Analysis» [Widdowson 2004], Д. Мейчина и Т. ван Лейвена «Global Media Discourse: A Critical Introduction» [Machin 2007], К. О'Халлорана «Critical Discourse Analysis and Language Cognition» [O'Halloran 2003], Л. Чоулиараки и Н. Фэрклафа «Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse

Analysis» [Chouliaraki, Fairclough 1999], а также в коллективных монографиях «A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, methodology and Interdisciplinarity» [2005], «Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity» [2003], «Mediating Ideology in Text and Image» [2006], «Methods of Critical Discourse Analysis» [2001], «Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis» [1996] и серии монографий Н. Фэрклафа («Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research» [Fairclough 2003], «Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language» [Fairclough1995], «Discourse and Social Change» [Fairclough 1992]). Пространное представление о рассматриваемой области дает пятитомная коллективная монография под ред. Т. ван Дейка «Discourse Studies» [2007a, 2007b, 2007c, 2007d, 2007e].

Материалом для критического дискурс-анализа, как правило, становятся политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Определение «критический» используется в подобных исследованиях для того, чтобы подчеркнуть обычно скрытые для неспециалистов связи между языком, властью и идеологией. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации. С 1990 г. выходит специальный журнал «Discourse and Society» («Дискурс и общество») (под ред. Т. ван Дейка), представляющий публикации названного направления, созданные в различных странах, а также журнал «Critical Discourse Studies» («Критические исследования дискурса») (под ред. Н. Фэрклафа и Р. Водак).

В работах специалистов по критическому дискурс-анализу особое внимание уделяется социальному, гендерному (половому) и этническому неравенству. Внимание авторов особенно привлекают факты злоупотребления властью в различных сферах общественной жизни. В частности, фе-

министские критические исследования представляют женщин как угнетенную социальную группу, характеризуют многообразные коммуникативные проблемы, являющиеся следствием угнетенного положения женщин в патриархальном обществе. Не меньшее внимание уделяется коммуникативным аспектам этнического и расового неравенства.

Внимание специалистов по критическому дискурс-анализу особенно привлекают отрицательные образы «чужих» как представителей иных рас, этносов и культур. Примером могут служить исследовательские программы, выполненные под руководством Т. ван Дейка в Голландии. При реализации этих программ изучается то, как суринамцы, турки, марокканцы и другие «чужаки» представлены в публикациях голландских СМИ, учебниках, парламентских дебатах, корпоративном дискурсе и др. В исследованиях, выполненных под руководством Рут Водак, детально охарактеризован антииммигрантский и антисемитский дискурс в Австрии. Подобные научные программы активно реализуются и в иных демократических государствах.

Важный результат сопоставления националистических дискурсов в различных европейских странах состоит в обнаружении значительного сходства между стереотипами, предубеждениями и другими формами вербального умаления «чужих», которые преимущественно представлены как нарушающие традиционные нормы, то есть лентяи, преступники, нравственные уроды или фанатики.

На современном этапе продолжаются исследования коммуникативной практики тоталитарных режимов и способов «языкового сопротивления» в диссидентских дискурсах [Вайс 2007, 2008а, 2008б; Вежбицка 1993; Мусолфф 2006; Тот 1998; Червиньски 2008а, 2008б, 2009; Borkowski 2003; Bralczyk 2001, 2003; Der Tod 2000; Dytman 1999; Głowiński 1990, 1991, 1997; Ilie 1998, 2005; Schoenhals 2007; Seriot 1991, 1992; Siewierska-Chmaj 2006; Weiss 1998, 1999, 2000; Xing 2004; Young 1991; Zwoliński 2003 и др.].

Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, для которого, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и пристрастие к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогичными формами коммуникации, пропагандистский триумфализм, резкую дифференциацию «своих» и «чужих», пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем.

Значимое место в современной зарубежной политической лингвистике занимает контент-анализ политического дискурса, имеющий более чем вековую историю применения к изучению политической коммуникации. Среди хрестоматийных примеров эффективного использования этой методики – предсказание британскими и американскими аналитиками использования фашистской Германией крылатых ракет «Фау-1» и баллистических ракет «Фау-2» против Великобритании, сделанное на основе анализа пропагандистских кампаний в Германии. Другой пример связан с работой американской военной цензуры в годы Второй мировой войны: повторение определенных тем в прессе послужило основой для обвинения редакторов некоторых СМИ в связях с нацистами.

В отличие от критического дискурс-анализа лингвисты этого направления полностью дистанцируются от субъективности исследователя и анализируют большие корпусы политических текстов с использованием методов компьютерной обработки материала. Исследователи ориентируются на квантитативные данные, на основе которых делаются выводы о качественных характеристиках политической коммуникации. Основная задача таких исследований сводится к выявлению связи между социально-политической жизнью общества и использованием политического языка, поиску закономерностей функционирования политического дискурса, выраженных в ста-

тистической форме. Первоначально девизом подобных исследований было «чем больше корпус, тем лучше». Однако многие исследователи акцентировали внимание на важной роли небольшого, но специально подобранного корпуса политических текстов. При подобном подходе материал для контент-анализа связан с конкретным политическим событием, институциональным дискурсом, определенным временным периодом.

В рамках современного контент-анализа активно изучаются квантитативные характеристики тактик восхваления, критики и защиты; соотношение в речи политиков содержания, ориентированного на общественные проблемы, и на личные характеристики политиков; соотношение в политическом дискурсе акцентов на прошлое, настоящее и будущее (У. Бенуа, Л. Бразеаль, А. Клюковски, В. МакХейл, П. Пир, В. Уэллс, А. Харткок и др.). Например, как показали такие исследования, во многих странах претенденты на президентский пост всегда чаще используют тактику дискредитации оппонента, чем действующий президент, баллотирующийся на второй срок.

К риторическому направлению в изучении политического дискурса принадлежат специалисты, стремящиеся использовать традиционные, хорошо зарекомендовавшие себя методики (Р. Айви, Р.Д. Андерсон, Р. Карпентер, М. Осборн, В. Риккерт и др.). Следует согласиться с тем, что новизна методики не гарантирует высокого качества исследования, что еще не до конца исчерпаны возможности традиционных методик изучения политической коммуникации. Вместе с тем наблюдается и несомненное развитие методик риторического изучения политической коммуникации.

Центральное место в североамериканских риторических исследованиях занимает риторическая критика (риторический критицизм) (rhetorical criticism). Первоначально основным предметом риторических исследований в США считалось умение произносить публичные речи убедительно и действенно. Однако эта область анализа (часто именуемая как «public ad-

dress», т.е. «публичное выступление») в последствии расширила свой предмет. Теперь в область интересов «public address» включаются исследования риторики на телевидении, радио, в кино и даже анализ убедительности в межличностной коммуникации. Риторическая теория и «public address» доминировали в американской риторике до тех пор, пока не произошел «идеологический поворот», связанный с направлением известным как риторическая критика.

Если аристотелевская методология была направлена на анализ того, насколько используемые риторические формы эффективны для достижения поставленной цели, то критическая методология призвана определить, как «риторический текст формирует ожидания и нормы того, что считать приемлемым и неприемлемым для определенного общества» [Borchers 2006: 176]. До этого считалось, что ученые должны давать объективные описания риторической практики, руководствуясь риторической теорией. «Критики» же, считают, что необходимо показать скрывающуюся за риторикой идеологическую символику и интенции ораторов; выяснить, как риторика влияет на культурные стереотипы, и как эти стереотипы отражаются в риторике. «Критики» допускают, что риторические факты часто содержат в себе много скрытой для поверхностного взгляда информации [Brummett 1994: 72], поэтому их задача сводится не к деструктивному и враждебному отношению к риторике, а к тому, чтобы показать, что еще, кроме очевидного, есть в риторических фактах. Другими словами, задача критиков «сделать невидимое видимым», например, показать, как в выступлении на определенную тему передаются культурные стереотипы, отображаются (или навязываются) ценности определенного сообщества, или как риторика создает «Третью Персону» – образ того, «кем нельзя становиться» [См. Wander 1984].

Смена акцентов риторических исследований привела к расширению предмета риторических исследований за счет усиления внимания к вопро-

сам идеологии, аксиологии, семиотики и в меньшей степени психологизма. «Идеологический поворот» в риторике и активизация критических исследований послужили одним из источников американской политической лингвистики.

На настоящий момент сложилось несколько направлений риторической критики, которые с полным правом могут быть отнесены к методологическому багажу современной политической лингвистики: критика метафорики, нарративный анализ, жанровая критика, критика пентагмы (pentadic critic), кластерный анализ и идеографическая критика [Foss 2004].

Риторическая критика направлена на изучение того, как символические функции реализуются в текстах и посредством текстов. Что касается методов, то обычно анализ проводится с помощью «подробного текстуального анализа и исследования исторического и культурного контекста текстов» [Benson 1993: xiii]. Иллюстрациями к этим двум способам анализа риторики могут служить исследования Г. Стелцнера [Стелцнер 2008] и К. Берка [Берк 2008]. Первая публикация посвящена детальному, пословному анализу выступления Ф. Рузвельта от 8 декабря 1941 г. Она ближе к детальному текстуальному анализу. В статье К. Берка «Риторика гитлеровской «Борьбы»» больше внимания уделяется символизму фашистского текста на фоне историко-культурного контекста и трансформации религиозной риторической модели в политической коммуникации.

Большинство современных исследований в сфере теории политической метафоры и практики ее использования тесно связаны с когнитивной теорией метафоры. Специфика этого направления политической лингвистики будет подробно рассмотрена ниже.

Если становление политической лингвистики тесно связано с европейской и американской лингвистикой, то современное состояние этой области исследований свидетельствует о том, что границы политической лингвистики уже не ограничиваются языковедческими изысканиями спе-

циалистов из стран Запада. Политическая лингвистика не только активно развивается в странах Востока, но и имеет свою специфику. В эволюции политической лингвистики в странах Востока прослеживаются две тенденции.

Первая характеризуется значительным влиянием западных теорий и активным их внедрением в исследовательскую практику азиатских лингвистов. Теории анализа политического языка в рамках дискурс-анализа, когнитивной лингвистики, контент-анализа получили распространение в Южной Корее (Й. Ву, Т. Ким, Й. Ли, К. Ли, Й. Так), Сингапуре (А. Ви, Е. Куо, А. Чой), Тайване (Дж. Вэй, Й. Гонг, П. Куо, Ш. Хуанг, Р. Ченг).

Вторая тенденция связана с критикой западных подходов к анализу политического дискурса, с указанием на невозможность механического применения западных теорий для исследования азиатской политической коммуникации. Так, особое развитие политическая лингвистика получила в Японии (М. Ида, Й. Ито, Т. Макита). Западные исследователи склонны считать японские исследования по политической коммуникации теоретически ограниченными. Их удивляет возможность построения научных теорий на основе концептов «стыд» или «сохранение лица». Однако сами японские специалисты объясняют невысокую популярность западных теорий их малой эвристичностью в контексте японской культуры. К примеру, использование понятия «лидеры общественного мнения» при изучении политической коммуникации в Японии априори не эффективно: японцы избегают личных разговоров на политические темы, чтобы предупредить возможное расхождение мнений и межличностную конфронтацию.

По мнению японских лингвистов, для изучения политической коммуникации в Японии не подходят европейские и американские теории по воздействию СМИ на общество или правительство. Й. Ито [Ito 2000] предлагает взамен существующих западных теорий использовать при анализе японских СМИ «триполярную модель кууки» (tripolar kuuki model): «пра-

вительство – СМИ – общество». Согласно этой модели, информационное давление на один из компонентов триады возможно только при наличии особой атмосферы согласия (kuuki) между двумя остальными компонентами.

Аналогичные мысли о невозможности механистического применения западных теорий к азиатскому политическому дискурсу высказывались и другими исследователями. По мнению китайского специалиста Г. Чу [Chu 1988], в западных исследованиях политической коммуникации редко учитывается культурная переменная. Культура часто рассматривается как некая константа (по западному образцу), которую можно не принимать во внимание. Также исследователь указывает на то, что доминирование в западной лингвистике квантитативных методов ограничивает круг исследуемых вопросов. На Западе преимущественно исследуются вопросы, которые можно решить с помощью статистических методов, в то время как изучение политического дискурса включает в себя более широкую проблематику.

По-своему сложилась история исследования политического языка в Китае, в чем-то напоминающая аналогичный процесс в нашей стране. В период холодной войны китайские исследователи анализировали структуру, функции и эффективность китайской коммунистической пропаганды, часто в сравнении с риторическими «образцами» советских журналистов и политиков. С 80-х гг. прошлого века в китайскую науку о языке начинают просачиваться демократические веяния и западные теории. Если в предыдущий период лингвисты использовали в качестве материала для анализа официальные тексты, то в последнее время становится возможным изучение языковых механизмов идеологического контроля в Китае, сравнительный анализ политической коммуникации в Китае и капиталистических государствах, исследование коммуникативной «борьбы между рынком и коммунизмом» за влияние на СМИ, изменения в политической коммуникации по-

сле событий на площади Тяньаньмэнь и др. (Й. Жао, Й. Жу, Ж. Гуо, К. Ли, К. Линг, Ж. Хе, Й. Чан, Т. Чанг).

Следует принимать во внимание, что некоторые направления политической лингвистики, получившие развитие в Европе и США, невозможны в отдельных азиатских странах ввиду особенностей законодательства и политических систем. К примеру, в Китае и Сингапуре нельзя проводить исследования общественного мнения, направленные на выявление восприятия рядовыми гражданами политических лидеров или кандидатов на государственные должности. Свои ограничения накладывают традиции освещения политических событий в СМИ. Наконец, в некоторых странах только начинается процесс становления политической лингвистики как области лингвистических исследований. Примером может служить Индонезия, в которой долгое время исследования политического языка были затруднительны из-за жесткого цензурного контроля, существовавшего при президенте Сухарто. После падения тоталитарного режима в 1998 г. стали появляться исследования, ориентированные на объективное изучение роли СМИ в демократизации общества (К. Верельст, Е. Газали, Л. д'Аененс, К. Сен).

Большинство азиатских исследователей склоняются к поиску собственного пути в политической лингвистике. Как указывает Й. Миике [Miike 2009], основная цель, стоящая перед азиатскими коммуникативистами, заключается в том, чтобы четко определить, какие западные методики или их аспекты не подходят для изучения азиатской политической коммуникации, и продемонстрировать, как собственные оригинальные подходы позволяют преодолеть недостатки западных методологий.

Поиски собственного пути развития и неприятие универсалистского характера западных (преимущественно американских) теорий в политической лингвистике оставили закономерный отпечаток и на развитии метафорологических изысканий в области политического дискурса, осуществленных исследователями из стран Азии.

1.1.4. Специфика развития российской политической лингвистики

В силу особенностей социального развития нашей страны политическая лингвистика развивалась в России не совсем так, как в остальном мире. Рассмотрим основные этапы становления и развития отечественной политической лингвистики.

В истории изучения политического языка советской эпохи выделяется три периода [Чудинов 2006: 15–17]. Первый из них приходится на 20–30-е гг., когда Г. О. Винокур, С. И. Карцевский, Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, П. Я. Черных, Р. О. Якобсон изучали преобразования, происходящие в русском литературном языке после 1917 г. Были обнаружены значительные изменения в лексической и стилистической системе. Внимание исследователей привлекло появление множества аббревиатур, экспансия варваризмов и диалектизмов, значительное влияние просторечия и одновременно официально-деловой речи, а также сдвиги в семантике и эмоциональной окраске многих слов. В речевой практике новых политических лидеров страны обнаружилось последовательное стремление к «народности», что привело к изменению коммуникативного идеала, которому стремились соответствовать широкие массы населения. Результатом всех этих процессов стало общее снижение уровня речевой культуры.

Второй период приходится на 30–40-е гг., когда последователи Н. Я. Марра стремились выделить и автономно описать «язык эксплуататоров» и «язык трудящихся» как едва ли не отдельные системы в рамках национального языка. Советские специалисты стремились охарактеризовать факторы, способствующие успеху в речевом воздействии на массовую аудиторию.

Определенный историко-лингвистический интерес представляют также опубликованные в этот период работы, в которых представлен лингвополитический анализ «языка и стиля» некоторых советских политических

лидеров (С. М. Киров, М. И. Калинин, В. И. Ленин, И. В. Сталин и др.). Авторы указанных исследований отмечали ораторское мастерство большевистских руководителей, «народность» их речи (в смысле ее доступности для широких масс). С этими выводами (если с пониманием отнестись к тому, что в таких работах доминировал восхваляющий пафос) следует согласиться: плохой оратор просто не способен стать лидером в стране, где кипят революционные страсти, или победить в острых внутрипартийных дискуссиях, так характерных для первых лет советской власти.

Третий период в изучении советского политического языка относится к 50–80-м гг., когда проблемы политической речи рассматривались в публикациях по теории и практике ораторского искусства и лекторского мастерства (Г. З. Апресян, Л. А. Введенская, Н. Н. Кохтев, В. В. Одинцов и др.), при освещении деятельности средств массовой коммуникации (Ю. А. Бельчиков, В. Г. Костомаров, Д. Э. Розенталь, Г. Я. Солганик и др.), в исследованиях по вопросам агитации и пропаганды. Подобные публикации носили преимущественно «рецептурный» характер. Проблемы политической лингвистики занимали важное место и в некоторых публикациях, посвященных развитию русского языка в послеоктябрьский период, его стилистической дифференциации, обогащению его лексико-фразеологического фонда (П. Н. Денисов, С. Г. Капралова, А. Н. Кожин, Т. Б. Крючкова, М. В. Панов, И. Ф. Протченко и др.). Среди советских специалистов были и блестящие мастера эзопова языка, и искренние сторонники господствующей идеологии, и люди, для которых сама возможность заниматься наукой значила больше, чем рассматриваемый материал. Наши языковеды смогли многое сделать и многое сказать (иногда между строк).

Следует отметить, что в советскую эпоху едва ли не всякое опубликованное в нашей стране исследование по проблемам политической речи было изначально скомпрометировано. Как известно, в условиях жесткой цензуры и самоцензуры было крайне сложно объективно охарактеризовать

особенности речи как коммунистических лидеров (идейная чистота и высокая должность как бы предопределяли их речевое мастерство), так и их политических противников; допускались лишь своего рода «советы» агитаторам, стремящимся увеличить воздействие своей пропаганды, рекомендации журналистам по проблемам «языка и стиля» в средствах массовой коммуникации, а также критический анализ языка «буржуазной» прессы. Положение изменилось только после начала перестройки, когда гласность сделала возможной публикацию хотя бы сколько-нибудь объективных исследований.

Совершенно особое место в изучении отечественного политического языка занимают зарубежные исследования (Андре Мазон, Астрид Бэклунд, Эгон Бадер и др.), в том числе выполненные эмигрантами из России (С.М. Волконский, С.И. Карцевский, Л. Ржевский, А. Фесенко и Т. Фесенко и др.). Среди современных исследований подобного рода выделяются работы П. Серио [2002, 2009], Р. Андерсона [Андерсон 2006; Anderson 1996, 2001a, 2001b, 2004], Дж. Данна [Dunn 1999; Данн 2006], Дж. Кодевиллы [Codevilla 2003], Л. Цыбатова [Zybatow 1995], а также публикации специалистов из бывших советских республик – ныне суверенных государств (А. Д. Дуличенко [1994], Н. Н. Клочко [2008], Э. Р. Лассан [1995], С. Н. Муране [2001], Б. Ю. Норман [1994], Г. Г. Почепцов [2000] и др.).

Новый этап в развитии отечественной политической лингвистики начался в период перестройки социальной системы нашего общества. Обсуждение проблем политической коммуникации на предшествующих этапах происходило, по существу, вне контекста мировой науки. Западные публикации по этой проблематике считались идеологически порочными и по различным причинам почти не были известны в нашей стране. Положение изменилось только в конце XX в., когда демократизация общественной жизни сделала политическую коммуникацию в России предметом массо-

вого интереса. В этот период у нас стала возможной объективная оценка трудов крупнейших зарубежных специалистов в области политической коммуникации и – самое главное – достаточно объективное исследование речевой практики действующих политических лидеров. В этом отношении особенно выделяется монография Е. И. Шейгал [2004], в которой, с одной стороны, широко представлены и глубоко осмыслены идеи зарубежной политической лингвистики, а с другой – продемонстрирован потенциал использования соответствующих эвристик для анализа отечественной политической коммуникации.

Как и на Западе, среди современных российских публикаций представлены исследования, которые можно отнести к различным направлениям – рецептурному, аналитическому (восхваляющему и дискредитирующему) и критическому; материалом для этих исследований служат как тоталитарные, так и демократические коммуникативные практики.

Одним из характерных примеров использования методики критического дискурс-анализа могут служить исследования А. А. Филинского [2001, 2002], в которых детально проанализирован политический дискурс предвыборных кампаний 1999-2000 гг. в Государственную Думу РФ и на пост президента РФ. Автор детально рассматривает манипулятивные методики представления «своих» и «чужих» в коммуникативных практиках национал-коммунистов под руководством Г. А. Зюганова и «партии власти», возглавляемой В. В. Путиным. Исследователь показывает, что прагматической особенностью дискурса НПСР является назидательность, директивная дидактичность, пафосность. Основными априорными характеристиками В.В. Путина стал образ человека из силовых структур, сумевшего победить во второй чеченской кампании. Стратегически В. В. Путин как политический субъект представал в качестве образа сильного и жесткого политика, способного обеспечить порядок, сохранив демократические свободы; при этом он – честный, верный, ответственный, проницательный

и владеющий собой человек. Задачей штаба будущего президента стало смягчение образа «жесткой руки», а также ориентация на большую прозрачность и понятность Путина как человека и политика.

По существу российским вариантом критического дискурс-анализа являются методики, использованные в монографиях А. Д. Васильева «Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления» [2003] и В. Н. Шапошникова «Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении» [2006]. Авторы этих книг не скрывают своего негативного отношения как к реформам Б. Н. Ельцина, так и к современной политической коммуникации, средства которой постоянно используются для обмана и запутывания населения.

Методика контент-анализа с использованием фиксированного электронного корпуса текстов успешно использована в исследовании Н. А. Санцевич «Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции)» [2003].

Автор детально анализирует способы представления оппозиции «свой – чужой» в немецкой и русской прессе и обнаруживает, что указанная оппозиция выражается различными языковыми средствами и трансформируется в свою очередь в преломлении к исследуемому языковому материалу в следующие оппозиции: «Запад (Германия) – Восток (Россия)», «богатый – бедный», «опасный – безопасный», «здесь – там», «народ – власть». В процессе исследования подтверждается вывод Е. И. Шейгал [2004] о том, что дистанция между властью и народом проявляется в следующих аспектах: особое расположение в пространстве, разделение барьером, охрана, специальное помещение, власть находится на отдалении и на возвышении (дворец, трон, трибуна мавзолея, расположение в центре, во главе стола); недоступность политиков высокого ранга для прямого речевого контакта, общение с народом только через ретранслятора; право на

обладание особыми предметами власти: корона, скипетр и держава, герб, президентская печать, спецсамолет, резиденция и пр.; ореол таинственности, священный трепет при общении с власть имущими, осознание особой мудрости и проницательности «вождя»; монополия на информацию, ограничение доступа к информации для нижестоящих, семиотическая роль секретности. Показательно, что российские властные структуры отдалены от народа даже в большей степени, чем немецкие.

Следует однако отметить, что методики критического дискурс-анализа и контент-анализа политической коммуникации не получили в нашей стране широкого распространения. Значительно чаще в отечественной лингвистике используются лингвокогнитивные методики изучения политического дискурса. Ярким примером подобного подхода может служить монография М. В. Гавриловой [2004], ведущее место в которой занимает описание коммуникативной практики президентов Б. Н. Ельцина и В. В. Путина.

Особенно много отечественных специалистов использует методики анализа, характерные для когнитивной лингвистики. Когнитивные методики используются, в частности, в словарях А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1991, 1994], в монографиях А. П. Чудинова [2001, 2003], Е. А. Нахимовой [2007], во многих статьях и диссертациях [Вершинина 2002; Гуляева 2007; Ряпосова 2003; Стрельников 2005; Феденева 1998; Федосеев 2004; Чудакова 2005; Шапочкин 2005 и др.]. Столь значительную популярность идей Дж. Лакоффа в России можно объяснить тем, что его методика в определенной степени соответствует традициям отечественной лингвистики и во многом «перекликается» с отечественными исследованиями многозначности.

Смежное с когнитивным анализом положение занимает «психологическая редакция» политического дискурс-анализа, получившая наименование интент-анализ. Сторонники этого направления реконструируют интен-

ции политиков по их речи, выявляют стратегии и тактики в политической коммуникации, ищут скрытый подтекст выступлений, недоступный при других формах анализа. Изыскания в этом направлении представлены в книге «Слово в действии: интент-анализ политического дискурса» [2000], исследованиях Д. А. Бокмельдера [2000], Ю. М. Ивановой [2003], О. И. Иссерс [2006], О. Н. Паршиной [2005, 2007], Т. С. Скопинцевой [1998], В. Н. Степанова и А. В. Месечко [2002], Т. Н. Ушаковой [1998] и др.

Отличительной чертой российской политической лингвистики является высокий интерес к лингвокультурологической специфике политической коммуникации. Примерами лингвокультурологических исследований служат публикации О. В. Ворожцовой [2007], Л. И. Гришаевой [2002], Е. В. Декленко [2004], С. В. Ивановой [2008], А. А. Касловой [2003], М. Ю. Кочкина [2003], Е. А. Нахимовой [2007], Т. А. Светоносовой [2006], О. В. Спиридовского [2006], В. В. Фениной [2008] и др.

В качестве своего рода отечественного аналога риторического направления в американской политической лингвистике можно рассматривать исследования, выполненные в рамках стилистики, в том числе тропологии, учения о нормативности и иных качествах речи. Ярким примером в этом отношении может служить монография М. Р. Желтухиной, в которой рассматривается эффективность воздействия тропов в политическом дискурсе [2003]. С позиций традиционной риторики язык политики рассматривается в книге Г. Г. Хазагерова «Политическая риторика» [2002]. К рассматриваемому направлению в отечественной политической лингвистике относятся публикации Г. У. Алеевой [2009], С. И. Виноградова [1993], О. И. Воробьевой [2000], М. Ю. Глазковой [2010], Т. М. Грушевской [2002], В. В. Данилиной [2002], А. Дорлигийн [1999], Е. В. Какориной [1996], М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [2003] и др.

В широком семиотическом контексте политический дискурс рассматривается в монографиях Т. Н. Астафуровой и А. В. Олянича [2008], Б. В. Кривенко [1993] и Е. И. Шейгал [2004].

Показательной чертой современной российской политической лингвистики является интерес к советскому политическому языку. Подобные исследования по идеологическим причинам не могли быть опубликованы в Советском Союзе, а поэтому в нашей стране «новояз» стал предметом глубокого изучения только тогда, когда он уже вышел из активного употребления. Первой крупной публикацией по этой проблеме стала монография Н. А. Купиной [1995]. Позднее проблемы советского языка рассматривались в работах К. А. Богданова [2009], О. И. Воробьевой [2000], А. А. Ворожбитовой [1999], Н. А. Купиной [2009], А. П. Романенко [2003] и других специалистов.

В ряде отечественных публикаций послених лет представлен обощающий взгляд на теорию, методологию и практику исследования политического дискурса [Будаев, Чудинов 2018, 2019; Руженцева 2018; Теория и методика 2016].

Отечественные исследования показали, что на смену советскому «новоязу» в политическую практику современной России пришел новый политический язык. Характерные для советской эпохи неумеренные восторги сменились максимально критической оценкой. Вместе с тем критически мыслящие специалисты считают, что современный «постновояз» еще далек от идеала, что на смену пропагандистскому триумфализму, лозунговости, стандартизированности и ритуальности пришли механическое следование западным образцам, безответственность и чрезмерная раскрепощенность, способствующие успеху в реализации новых способов манипуляции сознанием читателей и слушателей.

1.2. Метафорология

Исследование метафоры имеет более чем двухтысячелетнюю историю: известно, что многие современные исследования по-прежнему базируются на определении, идущем еще от Аристотеля, который утверждал, что метафора – это имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид.

Однако, несмотря на значительный объем накопленных знаний о метафоре, интерес к ней в настоящее время не только не ослабевает, а наоборот, усиливается в связи с переходом изучения метафоры на качественно новый уровень, обусловленный актуализацией когнитивных исследований. В последнее время к проблемам метафорологии регулярно обращаются философы, логики, социологи, психологи, лингвисты, литературоведы, представители иных гуманитарных наук.

1.2.1. Основные направления метафорологических исследований

В последние десятилетия сформировалась самостоятельная научная область – метафорология, объектом исследования которой является метафорика, включающая в себя как результаты метафорогенной деятельности человека, так и все механизмы этой деятельности (нейрологический, синестетический, когнитивный, коммуникативный). О. Н. Лагута в монографии «Метафорология: теоретические аспекты» [2003], обобщая основные результаты метафорологических изысканий в рамках философских, логических, психологических и лингвистических работ, приходит к выводу о том, что метафора и метафоризация в исследованиях разных направлений рассматриваются как особые объекты:

– лингвопоэтические, находящиеся на стыке предметных интересов лингвистики, текстовой поэтики, риторики и стилистики;

– ментальные сущности, концепты, обладающие особым механизмом образования;

– нейролингвистические;

– онтолингвистические;

– герменевтические и интерпретационные;

– лексикологические;

– объекты идиолектных описаний;

– лексикографические;

– лингвокультурологические;

– объекты коммуникативистики и теории речевых актов;

– объекты прагматических исследований;

– семиотические объекты;

– объекты социолингвистического описания [Лагута 2003: 8-11].

Подробный анализ исследований по метафоре в научной литературе содержится в работе Г. Н. Скляревской «Языковая метафора в толковом словаре» [1993]. Исследователь делает вывод о том, что понимание сложного, а подчас противоречивого статуса метафоры «заставило исследовательскую мысль двигаться в разных направлениях, рассматривать разные грани этого многогранного явления, устремляться вширь, сопоставляя его с другими, иногда весьма отдаленными явлениями, и вглубь, расчленяя его структуру» [Скляревская 1993: 11]. В отечественной науке Г. Н. Скляревская условно выделила одиннадцать направлений изучения метафоры:

– семасиологическое;

– ономасиологическое;

– гносеологическое;

– логическое;

– собственно лингвистическое;

– лингво-стилистическое;

– психолингвистическое;

– экспрессиологическое;

– лингвистико-литературоведческое;

– лексикологическое;

– лексикографическое [Скляревская 1993: 6-11].

Достаточно полное представление о направлениях лингвистического изучения метафоры в зарубежной науке прошлого века дает сборник «Теория метафоры» [Теория 1990], где представлены работы, отражающие самые разные точки зрения. Широкий спектр проблем современной метафорологии, рассмотренный под углом различных методологий, представлен в монографических исследованиях Х. Бальдауф [Baldauf 1997], Э. В. Будаева и А. П. Чудинова [Будаев 2012], Э. Гоутли [Goatly 1998, 2007], О. И. Глазуновой [2000], Б. Дебатина [Debatin 1995], Е. Ф. Киттей [Kittay 1987], Г. Г. Кенена [Coenen 2002], З. Ковечеша [Kövecses 2000, 2002, 2005], Н. Ф. Крюковой [2000], В. П. Москвина [2006], Х. Скирл и М. Шварц-Фризель [Skirl 2007], Э. Рольфа [Rolf 2005], С. А. Хахаловой [1998] и др.

Широта объектных и предметных границ метафорологии как новой научной области отражает неоднозначность решения проблемы метафоры в современной науке. Вместе с тем, по мнению В. В. Петрова, все многообразие исследовательских подходов к изучению метафоры можно свести к двум различным направлениям – семантическому и когнитивному. «С позиций первого, механизм и результат переноса хорошо описываются посредством концепции значения. В рамках второго – основную роль играет "знание"», – пишет исследователь [Петров 1990: 135]. При семантическом подходе метафора понимается как языковое явление, как способ оформления и украшения мысли, тогда как в основе когнитивного направления лежит представление о том, что метафора – это явление не языковое, а ментальное, соответственно метафоричность – это особый способ мышления.

В обзоре «Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу» В. В. Петров, обращаясь к исследованиям М. Блэка, Дж. Серля, Д. Ротбарта, Е. Киттей, выделяет основные признаки семантического уровня представления метафор. В частности, существенными являются предложенные М. Блэком понятия «фильтрации» и позже «проекции» некоторых характеристик *B* на *A* [Блэк 1990].

Другой важной особенностью теории М. Блэка В. В. Петров считает упор на концепцию значения при описании модели метафорообразования. «В соответствии со строго семантической точкой зрения образование метафоры обязательно предполагает изменение значения исходного выражения. Самый простой вариант – экстенсивное расширение значения слова или выражения до нового, метафорического значения, – указывает В. В. Петров. – При этом одно и то же выражение может иметь два вида значения – буквальное и так называемое метафорическое, появляющееся в конкретных актах употребления» [Петров 1990: 136].

Таким образом, при семантическом подходе в первую очередь рассматриваются семная структура метафоры, семантические процессы, формирующие метафорические значения, соотношение сем в исходном и метафорическом значениях, а также семантические поля (лексико-семантические или тематические группы), к которым эта метафора относится в первичном и вторичном значении. В подобных исследованиях могут акцентироваться стилистические функции метафоры, в том числе оценочность метафорического значения, его эмоциональность, эстетическая значимость, что дает основания для обозначения данного направления как семантико-стилистического. Основные положения семантико-стилистического направления представлены в работе В. П. Москвина «Русская метафора: Очерк семиотической теории» [2006].

Несмотря на значимый вклад в метафорологию риторического и семантико-стилистического подходов, исследовательский бум в этой области связан с другой парадигмой языкознания.

1.2.2. Когнитивный поворот в метафорологии

С момента выхода в 1962 г. книги Т. Куна «Структура научных революций» [Kuhn 1962] понятие «научная парадигма» прочно закрепилось в научном терминологическом аппарате. Накладывая понятийную сетку куновской методологии на эволюцию той или иной науки, исследователи рассматривают становление и развитие науки как смену научных парадигм (научных революций).

С середины 70-х гг. в области гуманитарных наук появляется тенденция включать в сферу исследовательского интереса вопрос о когнитивных структурах и когнитивных механизмах оперирования этими структурами для объяснения феноменов, которые не поддавались адекватному изучению в рамках традиционной позитивистской методологии. Впоследствии этот процесс получил название когнитивной революции (cognitive revolution), когнитивного поворота (cognitnve turn), приведшего к возникновению когнитивной науки (когнитологии, когитологии) и когнитивной лингвистики как ее ответвлению.

Необходимо уточнить термин когнитивный, определяющий одно из направлений в современной лингвистике и подход к исследованию метафоры. Едва ли есть смысл (если не учитывать «терминологическую моду») использовать термин когнитивный как синоним традиционного для ряда наук термина познавательный.

Как отмечает Е. С. Кубрякова, заимствованный из английского языка термин cognition означает не только познание, как процесс достижения знания, но и само знание, как его результат [Кубрякова 1994: 35], поэтому

когнитивная наука ставит своей целью исследовать как процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира [Болдырев 2001: 8], так и системы репрезентации и хранения знаний [Кубрякова 1994: 34]. Другими словами, определение когнитивный следует понимать как относящийся и к знанию, и к познанию.

Когнитивистика – это комплекс наук, в центре внимания которых находятся ментальные аспекты человеческой деятельности: познание мира, усвоение, хранение и переработка информации, классификация, категоризация и оценка действительности. В названной федерации различаются когнитивная лингвистика, когнитивная психология, когнитивная нейрофизиология и ряд других наук. Формирование когнитивистики как самостоятельного направления относится ко второй половине прошлого века, то есть совпадает по времени с периодом расцвета политической лингвистики.

Когнитивная лингвистика – направление, «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» [Демьянков 1995: 304] и когниция «в ее языковом отражении» [Рудакова 2002: 10]. Когнитивная лингвистика возникла в США (М. Джонсон, Р. Джэкендофф, Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, Л. Талми, М. Тернер, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, У. Чейф и др.) и получила значительное распространение, дальнейшее развитие и свою интерпретацию в российской науке (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Н. Н. Болдырев, В. З. Демьянков, Д. О. Добровольский, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, В. В. Петров, Е. В. Рахилина, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, А. П. Чудинов и др.). В советской лингвистике значимым событием стал выпуск работ зарубежных лингвистов, работающих в рамках когнитивной парадигмы, в очередном выпуске «Новое в зарубежной лингвистике» [1988].

Становление когнитивной лингвистики, развитие ее проблематики и научный аппарат подробно охарактеризованы в работах А. Н. Баранова и

Д. О. Добровольского [1997], Г. И. Берестнева [2005], В. З. Демьянкова [1994], Е. В. Дзюбы [2018], У. Крофта и Д. Круза [Croft 2004], Е. С. Кубряковой [1994, 1999, 2004а, 2004б], Д. Ли [Lee 2001], В. А. Масловой [2004], М. В. Пименовой и З. Д. Кондратьевой [2006], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [2001, 2004, 2007], Е. В. Рахилиной [1998, 2000], А. В. Рудаковой [2002], Т. Г. Скребцовой [2000, 2011], Дж. Тейлора [Taylor 2002], Ф. Унгерера и Х.-Й. Шмида [Ungerer, Schmid 2006], А. Ченки [1996, 1997], А. П. Чудинова [2001], М. Шварц [Schwarz 1996], В. Эванса и М. Грин [Evans 2006a]. Своеобразной квинтэссенцией работ, оказавших значительное влияние на развитие когнитивной лингвистики, стала книга «Cognitive Linguistics: Basic Readings» [2006]. В нее вошли уже ставшие классическими исследования Р. Лэнекера, Дж. Лакоффа, Л. Талми, К. Бругман, Д. Герартса, Р. Гиббса, У. Крофта, Ж. Фоконье, М. Тернера, Ч. Филлмора, А. Голдберг и др.

Многоаспектное описание современной когнитивной лингвистики и ее практического применения нашло отражение в монографиях «Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives» [2006], «Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory» [2007], «Cognitive Linguistics and Non-Indo-European Languages» [2003], «Cognitive Linguistics: Internal Dynamics and Interdisciplinary Interaction» [2005], «Cognitive Linguistics Investigations: Across Languages, Fields and Philosophical Boundaries» [2006], «Cognitive and Communicative Approaches to Linguistic Analysis» [2004], «Cognitive Approaches to Pedagogical Grammar» [2008] «Cognitive Aspects of Bilingualism» [2007], «Cognitive Exploration of Language and Linguistics» [2004], «Cognitive Linguistic Approaches to Teaching Vocabulary and Phraseology» [2008], Cognitive Models in Language and Thought: Ideologies, Metaphors, and Meanings» [2003], «Cognitive Paths into the Slavic Domain» [2007], «Cognitive Poetics: Goals, Gains and Gaps» [2009], «Cognitive Poetics in Practice» [2003], «Cognitive Sociolinguistics: Language

Variation, Cultural Models, Social Systems» [2008], «Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis» [2002], «Corpora in Cognitive Linguistics: Corpus-Based Approaches to Syntax and Lexis» [2006], «Handbook of Categorization in Cognitive Science» [2005], «Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition» [2008], «From Perception to Meaning: Image Schemas in Cognitive Linguistics» [2005], «Language and the Cognitive Construal of the World» [1995], «Methods in Cognitive Linguistics» [2007], «New Directions in Cognitive Linguistics» [2009], «Sprache und Sprachwissenschaft. Eine kognitiv orientierte Einführung» [2003], «The Historical Linguistics-Cognitive Linguistics Interface» [2006] и др. Исследования по когнитивной лингвистике представлены в журналах «Cognitive Linguistics» и «Annual Review of Cognitive Linguistics». С 2003 г. в России выходит журнал «Вопросы когнитивной лингвистики», отражающий новейшие изыскания в данной области.

В современной когнитивной лингвистике выделяются два основных направления: когнитивная семантика и когнитивная грамматика.

К основным принципам когнитивной семантики относятся четыре постулата [по Evans 2007b]:

1) тезис о воплощенной когниции (когнитивные структуры определяются телесным опытом);

2) семантические структуры – это концептуальные структуры;

3) репрезентация значения носит энциклопедический характер (лексические концепты не строго инвентаризованные упаковки знания, а только «точки доступа» к обширному хранилищу информации, связанному с определенным концептом или концептуальным доменом);

4) конструирование значения – это концептуализация.

В рамках когнитивной семантики наибольшее распространение получили теория схем-образов, энциклопедическая семантика, теория идеализированных когнитивных моделей, когнитивная лексическая семантика,

теория концептуальной метафоры и метонимии, теория ментальных пространств и теория блендинга, теория прототипов и категориальная семантика Э. Рош, теория этнокультурной семантики ключевых культурных концептов А. Вежбицкой, теория фреймов М. Минского и Ч. Филлмора.

Когнитивная грамматика основывается на символическом тезисе (the symbolic thesis) и тезисе основания практического применения (the usage-based thesis). Первый основывается на утверждении, что фундаментальной единицей грамматики необходимо считать неразрывную пару форма-значение – символическую единицу. Согласно второму тезису, ментальная грамматика говорящего формируется на основе абстрагирования символьных единиц, употребляемых в реальной ситуации. Важным следствием этого тезиса является утверждение об отсутствии принципиальных различий между разграниченными в генеративистике понятиями компетенции и употребления (competence and performance), потому что знание о языке есть знание о том, как язык использовать.

Среди ведущих теорий когнитивной грамматики выделяются когнитивная грамматика (Р. Лэнекер), теория структурирования пространства и фонообразования (Л. Талми), ряд теорий грамматикализации (Р. Дашер, Е. Суитсер, Э. Троготт) и различные варианты конструкционных грамматик (Б. Берген, А. Голдберг, П. Кей, М. О'Коннор, У. Крофт, Ч. Филлмор, Н. Чанг). Детальное описание этого направления когнитивной лингвистики представлено в монографиях В. Вильдгена [Wildgen 2008], Б. Гейне [Heine 1997], А. Голдберг [Goldberg 1995, 2006], Р. Джекендоффа [Jackendoff 2002], В. Имо [Imo 2007], У. Крофта [Croft 2001], Р. Лэнекера [Langacker 1991, 1999, 2002, 2008], Г. Раддена и Р. Дирвена [Radden 2007], Дж. Тейлора [Taylor 2002], а также в ряде коллективных монографий [Constructional Approaches 2008; Construction Grammar 2004; Construction Grammars 2005; Konstruktionen 2006; Konstruktionsgrammatik 2006 и др.]. Применительно к метафоре когнитивно-грамматический подход реализо-

ван в монографии Дж. Стина «Finding Metaphor in Grammar and Usage» [Steen 2007].

Своего рода «энциклопедиями» когнитивной лингвистики являются «Краткий словарь когнитивных терминов», подготовленный под руководством Е. С. Кубряковой [Краткий словарь 1996]; толковый словарь В. Эванса «A Glossary of Cognitive Linguistics» [Evans 2007a]; пространный труд ведущих когнитологов планеты «The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics» [2007].

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира. Мы взяли в скобки слово *основную*, потому что, как будет показано ниже, не все исследователи когнитивной метафоры придают ей статус основной операции.

В основе когнитивной метафоры лежит идея о том, что метафора – это феномен не лингвистический, а ментальный: языковой уровень лишь отражает мыслительные процессы. Метафоры в языке – это не украшение мыслей, а лишь поверхностное отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность.

Основной предпосылкой когнитивного подхода к исследованию метафоры стало положение о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект). Нередко генезис когнитивной теории метафоры связывается с разработкой теории концептуальной метафоры, что не совсем верно. Более того, в теории концептуальной метафоры не было ничего такого, что не было бы высказано

ранее другими исследователями. Теория концептуальной метафоры синтезировала и систематизировала разрозненные идеи.

На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, К. Льюис, С. Пеппер, Ф. Барлетт, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Х. Уолпоул, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи (работы некоторых из них представлены на русском языке в сборнике «Теория метафоры» [Теория 1990]). То, что метафора – явление ментальное, причем нередко культурно специфическое, было известно задолго до возникновения когнитивной лингвистики. Для антропологов постулат о том, что метафора есть атрибут мышления, является банальностью, без которой исследование культуры было бы просто невообразимо [Fernandez 1991].

Еще в начале прошлого века высказываются предположения о том, что метафора способна задавать способ осмысления политической реальности. Р. Челлен – шведский политолог, парламентский деятель и автор термина «геополитика» – однажды задался вопросом о том, какие понятия используются в прессе для осмысления политических сущностей. Исследователь пришел к выводу о том, что в представлении прессы мир международных отношений населяет группа человекоподобных существ, которые находятся друг с другом в дружественных или во враждебных отношениях, имеют имена вроде «Дядя Сэм» или «Суоми-Неито», соперничают за пространство, живут и умирают и т.п. В 1916 г. Р. Челлен выпустил книгу [Kjellen 1916], в которой изложил эти наблюдения и привел примеры из прессы того времени, что позволяет считать его наблюдения одним из первых опытов исследования политической метафорики.

В 1967 году М. Осборн указывал на то обстоятельство, что человек склонен метафорически ассоциировать власть с верхом, а все нежелательные символы помещать внизу пространственной оси, что, по сути, соответствует классу ориентационных метафор в теории концептуальной ме-

тафоры, а в разработанной М. Осборном теории архетипичных метафор просматриваются истоки теории «телесного разума» [Osborn 1962, 1967a, 1967b; Осборн 2008]. Относительным аналогом концептуальных метафор можно считать метафорические кластеры, как способ описания системности политических метафор [Jamieson 1980].

Отечественному читателю недостаточно известны работы американского ученого Дж. Джейнса. Занимаясь проблемой генезиса и эволюции человеческого сознания, Дж. Джейнс предложил оригинальную гипотезу об исторической динамике функциональной асимметрии человеческого мозга, отраженной в письменных источниках различных исторических эпох. В 1976 г. исследователь выпустил книгу «The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind», в которой отдельная глава была посвящена метафорам, что отражает ту роль, которую ученый отводил метафоре в формировании когнитивной системы человека [Jaynes 1976]. Дж. Джейнс связывал эволюцию сознания со способностью к метафоризации и считал, что метафора – это способ расширения нашего понимания мира, экспансии человеческого сознания.

Как отмечал Дж. Джейнс, «абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор» [1976: 50], но большинство людей не осознает метафоричности многих слов – «слова, обозначающие абстрактные понятия, как древние монеты, чье изображение стерлось от частого использования» [1976: 51]. По Дж. Джейнсу, понять – значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного. Для описания того, как функционирует метафора, Дж. Джейнс предложил понятия метафира (metaphier), метафранда (metaphrand), парафира (paraphier) и парафранда (paraphand). Метафранд – это объект действительности, который мы не достаточно хорошо понимаем и который сравниваем с чем-то другим. Метафир – это то, что понятно и воспринимается нашими органа-

ми чувств. Свойства метафиров и связанные с ними ассоциации – это их парафиры. Например, одеяло – это то, что всем нам знакомо (метафир), с ним связан ряд ассоциаций-парафиров (тепло, защита, горизонтальное положение, кровать и др.). Эти ассоциации проецируются на понимаемый объект (метафранд) и становятся парафрандами этого объекта, т.е. его новыми свойствами. Таким образом, с помощью метафоры возникают новые идеи. Например, метафора «the snow blankets the ground» (снег накрывает землю одеялом) благодаря метафорической проекции приводит к возникновению парафрандов. В данном примере новая идея может состоять, например, в том, что земля под одеялом будет спокойно спать до весны и т.п.

Дж. Джейнс выделил ингерентные свойства сознания, лежащие в основе когнитивных процессов человека (нарратизация, отбор, серийность и др.). Некоторые из этих свойств тесно связаны с метафорой. Например, к свойствам сознания Дж. Джейнс причисляет «опространствование» (spatialization). Все в нашем сознании получает пространственное измерение, без которого мы не можем что-нибудь осмыслять. «Мысль имеет связь с конкретными действиями в конкретном мире» [1976: 61], поэтому в нашем мысленном пространстве мы постоянно оперируем объектами, помещаем их рядом друг с другом или разделяем их. По этой же причине единственный способ понять время или сознание – это дать ему пространственное измерение через метафору.

Предложенные Дж. Джейнсом понятия метафранда, метафира, парафира и парафранда соотносятся со сферами источника и мишени и метафорическими следствиями (entailments) в теории концептуальной метафоры. Вместе с тем эти понятия нельзя отождествлять. Метафир и метафранд – это объекты действительности, имеющие языковое отображение, а парафиры и парафранды – это исходные и полученные в результате метафоризации знания об этих объектах действительности и связанные с

объектами ассоциации, опять же объективированные в языке. В то время как у Дж. Джейнса метафора еще сильно привязана к языковой системе, в теории концептуальной метафоры локус концептуальных сфер и метафорических следствий исключительно в когнитивной системе человека и окружающая человека действительность рассматривается через систему когнитивных репрезентаций.

Рассмотренные исследования способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, но именно в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [Lakoff 1980] была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Как и их предшественники, авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, а сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. Наша обыденная понятийная система по сути своей метафорична. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. В более поздней работе «The Contemporary Theory of Metaphor» Дж. Лакофф строго разграничил метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [Lakoff 1993: 203].

Современные специалисты рассматривают вербальную метафору как отображение крайне важных аналоговых мыслительных процессов, подчеркивается ее активное участие в формировании личностной модели мира, важная роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека. Одновременно метафора признается ключевым элементом концептуализации, категоризации и оценки мира в языке, мышлении и восприятии [Петров 1990; Баранов 1991, 1994; Кубрякова 2004 и др.].

Известный языковед А. Ченки относит к числу наиболее важных следующие черты концептуальных метафор.

1. Метафоры представляют собой мост от знакомого к незнакомому, от очевидного к менее очевидному. По сравнению с областью-мишенью, область-источник обычно:

– интуитивно понятнее,

– конкретнее,

– известна, скорее всего, через непосредственный физический опыт,

– известна более детально,

– легче передается одним человеком другому.

2. Области, связанные метафорой, асимметричны, неравны. Метафора «Любовь – это путешествие» распространена в ряде культур, а «Путешествие – это любовь» не встречается, поскольку физические события не осмысляются через абстрактные понятия.

3. Метафоры содержат парадокс, утверждая, что A = X и при этом X ≠ A. Они сосредоточивают внимание на избранных аспектах сравнения. Например, метафора «Время – деньги», характерная для американской культуры, сосредоточивается на функции денег, а не на размере купюры или материале.

4. Метафоры функционируют на разных уровнях конкретности, некоторые на высшем, более общем уровне, а другие на более конкретном. Метафоры высокого уровня пользуются большей универсальностью, проявляются в разных языках и культурах, а метафоры более низкого уровня, скорее, культурно специфические [Ченки 2002: 352–354].

В роли фундаментальной когнитивной операции, участвующей в организации, обобщении человеческого опыта и восприятия мира, постулируется метафора. «Метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии. Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы мыслим и действуем,

метафорична по самой своей сути… Наши понятия упорядочивают воспринимаемую реальность, способы нашего поведения в мире и наши контакты с людьми. Наша понятийная система играет, таким образом, центральную роль в определении повседневной реальности. И если мы правы в своем предположении, что наша понятийная система носит преимущественно метафорический характер, тогда наше мышление, повседневный опыт и поведение в значительной степени обусловлены метафорой», – писали Дж. Лакофф и М. Джонсон, создатели одного из ведущих направлений когнитивной лингвистики – теории концептуальной метафоры [Лакофф, Джонсон 1990: 387].

Многообразие современных исследований по концептуальной метафоре свидетельствует не только о непрекращающемся, но и растущем интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Утверждение о том, что концептуальные метафоры охватывают всю сферу человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом, на сегодняшний момент подкрепляется многочисленными исследованиями концептуальной метафоры, охватывающими практически большинство сфер человеческой деятельности. В исследованиях по концептуальной метафоре даже сложилась своеобразная «мода» называть научные работы по образцу классической монографии Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Так появились публикации о метафорах, которыми живут лингвисты («Metaphors linguists live by») [Wierzbicka 1986] и экономисты («Metaphors economists live by») [MacCloskey 1995], мужчины («Metaphors men live by») [Murphy 2001] и японские женщины («Metaphors Japanese women live by» [Hiraga 1991], африканеры («Metaphor and nation: metaphors Afrikaners live by» [Dirven 1994] и другие неевропейские народы («Metaphors others live by») [Mühlhäusler 1995], Восток («Политические метафоры, которыми живут на Востоке») [Будаев 2006] и Европа («Metaphors Europe lives by») [Drulák 2004].

Исследователи проанализировали метафоры, которыми мы любим («Metaphors We Love by») [Tissari 2001; Undie 2007] и убиваем («Metaphors We Kill by») [Brenner 2005], с помощью которых мы планируем («Metaphors we plan by») [Eggington 1997] и программируем («Metaphors We Program by») [Blackwell 2006]; метафоры, с которыми мы работаем («Metaphors We Work by») [Thornbury 1991] и умираем («Metaphors we die by») [Burkhardt 1988; Cochran-Smith 2002; Goatly 1996; Romaine 1996]; с помощью которых дискриминируем («Metaphors we discriminate by») [El Refaie 2001], все еще учим («Metaphors We (Still) Teach by») [Mayher 2003] и учимся («Metaphors We Can Learn by») [Ponterotto 1994], перемещаемся в пространстве («Metaphors we move by») [Özçaliskan 2007], обслуживаем [Taylor 2008] и путешествуем по Интернету («Metaphors we surf the web by») [Maglio 1998]. Лингвисты рассмотрели метафоры, которыми не следует жить («Metaphors we ought not to live by») [Metaphors URL] и с которыми мы могли бы выжить («Metaphors we might survive by») [Norgaard 1995]; метафоры, с которыми работаем на компьютере («Metaphors we compute by») [Lawler 1999; Rohrer 1995] и с помощью которых становятся грамотными («The metaphors they become literate by») [Stokes 1995] и т.д. Детальный анализ подобных интертекстуальных трансформаций представлен в специальных обзорах [Будаев 2007б; Budaev, Chudinov 2017].

Сфера применения эвристик когнитивной теории постоянно расширяется за счет включения в научные изыскания материалов по концептуальным метафорам из генетически далеких от английского языков: аймара [Nuñez 2006], арабского [Al Jumah 2007; Maalej 2004, 2007, 2008], венгерского [Kövecses 2000, 2002, 2005; Hidasi 2008], зулусского [Taylor 1998], иснага [Barlaan 2003], кабардино-черкесского [Битокова 2009; Гукетлова 2009; Кимов 2008а, 2008б], китайского [Ahrens 2002, 2004; Chung 2003a, 2003b; Jin 2008; Slingerland 2007; Yu 2000, 2003, 2004, 2009b], кора [Casad 2003], малагасийского [Dahl 1995], малайского [Ho-Abdullah 2008, 2009],

сесуто [Alverson 1994], тайского [Ukosakul 2003], турецкого [Özçaliskan 2003, 2007], чагга [Emanatian 1992, 1995], эскимосского [Fienup-Riordan 1994], японского [Berendt 2008; Hidasi 2008; Hiraga 1991, 1999, 2005, 2008; Matsuki 1995; Shinohara 2002; Yamanaka 2008] и др.

С одной стороны, теория концептуальной метафоры потеснила главенствующие позиции риторики, стилистики и литературоведения в исследовании метафоры. С другой стороны, когнитивная метафорология дала новый импульс к исследованиям метафор в художественных произведениях, что сыграло важную роль в возникновении нового направления исследований, получившего название когнитивной поэтики. Детальный анализ этого направления изложен в целом ряде исследований [Bertuol 2001; Cognitive poetics 2003; Danaher 2003; De Geest, van Gorp 1999; Freeman D. 1993, 1999; Forceville 1999; Freeman M. 1995, 1997, 2000, 2002, 2007; Herman 1999; Hiraga 1999a, 1999b; 2002, 2005; Hogan 2003; Holland 1988; Irandoust 1999; Kardela 2002; Miall 1989; Popova 2002; Rohrer 2005; Shen 1997, 1998; Spolsky 1993; Steen 1994, 1999; Stockwell 2002; Sun 1994; Sweetser 2004, 2006; Tsur 1992, 1998, 2003; Turner 1987; Wye 1998; Zunshine 2003 и др.].

Еще одно направление развития названной теории – это обращение к метафорическому потенциалу невербальных семиотических систем, то есть исследование концептуальной метафоры в карикатуре [Ворошилова 2013; Тихонова 2013; Шустрова и др. 2016; Bergen 2003; Brone 2005; Conners 2005; Edwards 1997, 2001; El Refaie 2003, 2009; Kennedy 1993; Marín-Arrese 2008; Medubi 2003; Morris 1993; Schilperoord 2009; Silaški, Đurović 2019; Teng 2009; Yus 2009], жестах и амслене [Bouvet 1997; Cienki 2004; Corts 1999, 2006; Emmorey 2002; Grushkin 1998; Herlofsky 2003; Mittelberg 2009; Müller 2009; O'Brien 1999; Taub 2001; Wilcox 2000; Woll 1985], в визуальной рекламе [Королева 2012; Caballero 2009; El Refaie 2009; Forceville 1996; Koller 2009; Maes 2008, 2009; McQuarrie 1999; Phillips 2003; Proctor 2005; Teng 2002; Urios-Aparisi 2009; Van Mulken 2005], креолизованных

текстах [Артемова 2002; Ворошилова 2013; Шинкаренкова 2005; Чудакова 2005], комиксах [Садуов 2013; Eerden 2009; Shinohara 2009], диаграмах [Blackwell 2001; Hiraga 1994], эмблемах [Vicari 1993] и даже музыке [Brower 2000; Forceville 2009b; Saslaw 1996; Zbikowski 2002, 2009].

Рост исследований по концептуальным метафорам и осознание необходимости их инвентаризации и классификации привели к появлению ряда лексикографических публикаций. Среди них выделяются словари российской политической метафорики А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1991, 1994], справочник по английским концептуальным метафорам, подготовленный Э. Дейнан [2003], словарь английских идиоматических метафор Н. Рентона [Renton 1990], словарь английских метафор Э. Соммер и Д. Вайс [2001].

Метафорика в различных сферах коммуникации постоянно привлекала внимание специалистов, но после того, как получил широкое признание когнитивный подход к метафоре, исследовательский интерес к метафорике в институциональных дискурсах значительно увеличился. Исследователи рассматривают эвристики когнитивного подхода к педагогическому [Будаев, Чудинов 2007], рекламному [Кушнерук 2016], экономическому [Бородулина 2009], медицинскому [Мишланова, Уткина 2008] и другим дискурсам. Обширная библиография по исследованиям когнитивной метафоры в различных институциональных дискурсах была представлена в нашей докторской диссертации [Будаев 2010] и первом издании монографии [Будаев 2011] и здесь не приводится.

Привлекают внимание попытки комплексного анализа метафорики сразу в нескольких институциональных дискурсах. Среди работ этого рода выделяется монография Дж. Чартериса-Блэка «Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis» [Charteris-Black 2004], освещающая метафорику политического, экономического, спортивного и религиозного дискурсов. Еще одной заметной работой в этом направлении является монография

Э. Гоутли «Washing the Brain – Metaphor and Hidden Ideology» [Goatly 2007], охватывающая «идеологическую метафорику» политического, экономического, образовательного, экологического дискурсов. Вместе с тем в современной политической метафорологии доминируют специализированные исследования отдельных дискурсов.

Политическая метафора привлекала внимание лингвистов и до появления когнитивной лингвистики, но именно новый взгляд на метафору привел к синтезу метафорологии и политической лингвистики. Одним из первых был сам основатель теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф [Lakoff 1991]. Эвристики и методики каждого из двух направлений объединились в теории политической метафоры, что способствовало достижению принципиально новых важных результатов и широкому распространению исследований метафоры в политическом дискурсе. Значительная часть этих исследований опубликована на русском языке [Андерсон 2006, 2008; Аникин 2009; Антипина 2008; Бабкина 2016; Багичева 2016; Баранов 1991а, 1994; Барышникова, Дубинина 2019; Беглова 2004; Белт 2007; Бенуа 2009; Борискина 2010; Бородулина 2008б; Бородулина, Макеева 2016; Будаев 2009, 2015; Будаев, Курейко 2016; Вайс 2009; Вепрева 2009; Вершинина 2002; Веснина 2010, 2016; Воронова 2003; Глотова 2009; Григорьева 2002; Дзюба 2017; Добрич 2009; Дулесов 2018; Ерилова 2003; Ермакова 2000; Желтухина 2004; Зайцева 2017; Зарипов 2015, 2017; Захарова 2006; Зимина, Ополовникова 2018; Зиновьев, Нахимова 2019; Зубакина 2016; Зубкова 2006; Иванова 2002, 2004; Калыгина 2009; Каслова 2003; Керимов 2005, 2007; Клочко 2006; Кириченко 2009; Кобозева 2001а, 2001б; Коженевска-Берчинска 2008; Кондратьева 2016, 2017; Коптякова 2008; Корнилаева 2008; Королева 2012; Красильникова 2008, 2010; Крышталева 2019; Кропотухина 2009; Кузьмина 2009; Лакофф 2008; Лапшина 2006; Лассан 1995, 2004; Левикова 2002; Литвинова 2009; Логачев 2008; Мазаева 2016; Макарова 2004; Макушева 2006; Матова 2018; Матова, Будаев 2019; Ма-

тыгина 2009; Медведева 2014; Мишин 2018; Моисеева 2007; Мохова 2010; Муране 2002; Мусолфф 2006; Мухамедьянова 2004; Наумова 2007; Некоторые константы 2006; Никифорова 2006; Никонова 2004; Новикова 2016; Ольховикова 2006; Орлова 2012; Ошеева 2004; Пасечник 2007; Перескокова 2006; Пименов 2005; Пичкур 2001; Попова, Зарипов 2017; Посохова 2008; Прокофьева 2006; Пшенкин 2006; Рожкова 2005, 2008; Рубцова, Девдариани 2019; Ряпосова 2002; Санцевич 2003; Сегал 2017; Селиванова 2019; Сизонова 2007; Скребцова 2002, 2003, 2005; Соколовская 2002; Солопова 2006, 2019; Солопова, Чудинов 2018; Сорокина 2004; Степаненко 2002; Стоянова 2006; Стрельников 2005; Субботина 2006; Сурина 2007; Таратынова 2008, 2009; Телешева 2006; Уржумцева 2014; Феденева 1998; Федосеев 2003; Фелберг 2008; Филатенко 2003; Чабан 2006; Чепанова 1999; Чернякова 2004; Чудакова 2005; Чудинов 2001, 2003, 2008; Чудинов, Нахимова 2017; Чудинов и др. 2019; Шадаева 2004; Шаова 2005; Шарманова 2009; Шехтман 2006; Шибанова 1999; Ширманов 2006; Шмелева 2001; Шрайдман 2009; Шудегова 2002 и др.]. Этот внушительный список ссылок не является исчерпывающим и не охватывает и малой доли современных отечественных изысканий, но и он показывает тот интерес, который вызывает политическая метафора в российской науке.

Не менее широким оказывается круг подобных исследований, опубликованных на английском, немецком, французском и иных языках [Abadi 2001; Abrantes 2002; Akioye 1994; Anderson 2001b, 2005; Anikin et al. 2015; Aponte 2008; Augoustinos 2001; Bachem 1991; Baker 2005; Baranov 2003; Drulak 2006; Barbe et al. 2015; Bärtsch 2004; Bassi 1996; Bates 2004; Becker 2014; Beer 1996; Beliakov 2006; Benoit 2001; Bergen 2004; Berhó 2000; Bickes et al. 2014; Billig 2005; Bilgin 2004; Borkowski 1996; Budaev 2009; Burkhardt 1992; Çaglar 2001; Candel 2005; Canêdo 1997; Carpenter 1990; Carvalho 2003; Chaban 2004; Charteris-Black 2004, 2005, 2006; Chilton 1995, 1996; Chrz 1999; Chudinov et al. 2018; Cibulskienė 2002, 2006; Cienki 2001;

Codevilla 2003; Daughton 1993; De Landtsheer 1991, 2008; De Leonardis 2008; Di Sparti 1995; Drulák 2004, 2005, 2006; Edwards 1995; Elwood 1995; Ezrahi 1995; Felberg 2007; Ferrari 2007; Frankowska 1994; Fridolfsson 2006; Gidengil 1999, 2003a, 2003b, 2003c; Gingras 1996; Goodnight 2004; Halverson 2003; Hardy 2003; Harris 1998; Harvey 1999; Heintze URL; Hellín García 2009; Herrera-Soler 2006; Hellsten 1997; Heradstveit 2005; Hernández 2004; Honohan 2005; Howe 1988; Hülsse 2000, 2008, 2009; Ivie 2001; Jansen, 1994; Jewell 1999; Johnson 2005; Ilyushkina, Chudinov 2019; Kelly-Holmes 2004; Kennedy 2000; Kiklewicz 2006; Kjeldsen 2000; Kövecses 1994; Kuusisto 1998; Lakoff 1991, 1996, 2001, 2003, 2004; Landtsheer 2015; Lönneker 2003; Lule 2004; Lundsten 2003, 2006; Luoma-aho 2002, 2004; Metaphor 2019; Miller 2003; Milliken 1996; Mio 1997, 2015; Molero de Cabeza 2002; Moreno Lara 2004; Müller 2005; Musolff 1995, 2004, 2006, 2015, 2016; Narayanan 1999; Nasalski 2004; Oberhuber 2005; Oberlechner 2002; O'Brien 2003; O'Halloran 2007; Pancake 1993; Paris 2002; Partington 2003; Ramalho 2005; Rash 2005; El Refaie 2001; Rohrer 1991, 1995; Romano 2018; Ryazanova-Clarke 2004; Sandikcioglu 2003; Santa Ana 1999, 2002; Schäffner 1993; Scolari 2003; Semino 1996, 2002; Slingerland 2007; Smith 2002; Sofer 2003; Sonderling 1998; Stenvoll 2005; Straehle 1999; Stuckey 1992; Thompson 1996; Thornborrow 1993; Underhill 2003; Van Hulst 2008; Vertessen, De Landtsheer 2005; Voss 1992; Wee 2001; Wei 2001, 2003; Wilson 1990; Xue et al. 2013; Zbierska-Sawala 2004; Zglobiu 2006; Zinken 2002, 2003 и др.].

Несмотря на столь широкое распространение когнитивных исследований политических метафор, долгое время ощущалась необходимость начать сколько-нибудь целостное описание всего их разнообразия, а также охарактеризовать ведущие подходы к исследованию политической метафорологии, принципы, методы и аспекты ее описания.

В этой области необходимо отметить описание российской политической метафорологии А. П. Чудиновым [2001, 2003] и систематизацию ме-

тафорологических исследований в монографиях «Метафора в политическом интердискурсе» [Будаев, Чудинов 2006], «Метафора в политической коммуникации» [Будаев, Чудинов 2008] и «Зарубежная политическая метафорология» [Будаев, Чудинов 2008]. В этих исследованиях дана характеристика многих аспектов политической метафорологии. Вместе с тем в этих публикациях основное внимание уделено общей политической метафорологии и уделяется мало внимания сопоставительному аспекту данного научного направления.

1.3. Выводы по первой главе

1. Современная теория политической метафоры возникла на пересечении двух, казалось бы, совершенно не взаимосвязанных научных направлений: политической лингвистики и теории метафоры (метафорологии). В то время как одни лингвисты искали эффективные методики для исследования имевшихся у них богатейших текстовых материалов, другие ученые искали новое поле применения для теоретических подходов, хорошо зарекомендовавших себя при изучении художественной и бытовой речи. В результате специалисты по политической коммуникации обратили внимание на достижения метафорологии, тогда как специалисты по метафорологии предприняли попытку применить свою методологию к изучению политической коммуникации. Эвристики и методики каждого из этих направлений объединились в теории политической метафоры, что способствовало достижению принципиально новых результатов.

2. В истории становления политической лингвистики как научного направления выделяются три основных периода:

– этап становления политической лингвистики (30-50-е гг. XX в.);

– этап развития и оформления в самостоятельное научное направление (60-80 гг. XX в.)

– современный этап политической лингвистики (с 90-х гг. XX в. по настоящее время).

3. Ретроспективный взгляд на политическую лингвистику в Западной Европе и Северной Америке показал, что в основе ее формирования лежали несколько магистральных направлений, каждое из которых тяготело к определенным методологическим подходам и обогащало формирующееся научное направление на определенном этапе его развития:

– исследования военной и коммунистической пропаганды в русле квантитативной семантики, опиравшейся на методы контент-анализа (Г. Лассвелл, С. Якобсон, Д. Блюменсток);

– анализ риторического мастерства политиков, основанный как на эвристиках традиционной риторики, так и на основе методологических инноваций в этой области исследований (К. Берк, Г. Стелцнер).

– специализированный анализ идиолектов политических лидеров, основанный на психоаналитических методиках (Н. Лейтес);

– политическая публицистика, направленная на анализ способов контроля общественного сознания с помощью манипуляций с семантикой слов и высказываний (Дж. Оруэлл, В. Клемперер);

– изучение политической символики в рамках политической семиотики (М. Эдельман, Э. Кобб, Ч. Элдер);

– исследование политической коммуникации с учетом экстралингвистических факторов на основе широкого спектра подходов в рамках дискурс-анализа (Т. Ван Дейк, Р. Водак, Н. Фэрклаф, П. Чилтон и др.);

– анализ и моделирование структур сознания, актуализированных в процессе политической коммуникации.

4. В истории становления и развития политической лингвистики в странах Востока прослеживается две тенденции. Первая характеризуется значительным влиянием западных теорий и активным их внедрением в исследовательскую практику. Вторая тенденция связана с критикой западных

подходов к анализу политического дискурса, с указанием на невозможность механического применения западных теорий для исследования азиатской политической коммуникации.

5. В силу особенностей социального развития нашей страны политическая лингвистика развивалась в России не совсем так, как в остальном мире. В советскую эпоху едва ли не всякое опубликованное в нашей стране исследование по проблемам политической речи было изначально скомпрометировано. Положение изменилось только после начала перестройки, когда гласность сделала возможной публикацию объективных исследований. Несмотря на долгую методологическую изоляцию советской науки, многие западные теории нашли широкое применение в российской политической лингвистике, что обусловлено не только демократизацией общества и науки, но и схожестью развития теоретической лингвистической мысли в СССР и странах Запада. Вместе с тем характерными чертами современного состояния этой науки в России является ее едва ли не демонстративный разрыв с некоторыми направлениями советской лингвистики, методологическое сближение с зарубежными исследованиями и существенное расширение сферы исследований.

6. Эволюция метафорологии в XX в. связана с двумя основными направлениями языкознания. Первое направление, связанное с традиционно риторикой и стилистикой, рассматривало метафору как средство украшения речи и усиления воздействия на слушателя. Несмотря на значимый вклад в метафорологию риторического и семантико-стилистического подходов, исследовательский бум в метафорологии связан с эволюцией когнитивной парадигмы языкознания и разработкой теории концептуальной метафоры, рассматривающей метафору как ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира.

7. Когнитивная теория метафоры дала импульс к конвергенции метафорологии и политической лингвистики. Метафора была предметом исследований политической коммуникации и до возникновения теории концептуальной метафоры, но именно новый взгляд на метафору привел к синтезу метафорологии и политической лингвистики и образованию на стыке двух дисциплин новой области лингвистических изысканий – политической метафорологии.

8. Учитывая, что теория концептуальной метафоры была призвана описать взаимодействие между мышлением, языком и культурой, логично было бы ожидать, что сопоставительный аспект политической метафорологии выйдет на первый план в исследовательской работе. Объединение эвристик политической лингвистики и метафорологии привело к заметному росту изысканий в данном направлении, однако на фоне этого роста все заметнее ощущается необходимость системного описания принципов, закономерностей и эвристик сопоставительной политической метафорологии.

ГЛАВА 2.
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ

Современная политическая метафорология представляет собой сложное методологическое образование, обладающее при всем разнообразии практических исследований, определенной структурой. Выявление этой структуры возможно при специальном анализе большого корпуса практических изысканий. Изложению результатов такого анализа посвящена настоящая глава.

2.1. Структура методологии политической метафорологии

В современной зарубежной науке сложилось несколько основных направлений в исследовании политической метафоры. Первое из них развивает традиционные взгляды на метафору, восходящие еще к Аристотелю. В этом случае метафора понимается как некое украшение мысли, способствующее успешности воздействия на адресата. В применении в американской лингвистике это направление обычно называют риторическим, однако в соответствии с российскими традициями названное направление в изучении метафор воспринимается как относящееся преимущественно к семантике и стилистике. Название риторическое направление будет использоваться как обобщающее для всех некогнитивных теорий, рассматривающих метафору, в первую очередь, как феномен языка, средство украшения речи, семантическую аномалию, способ воздействия на аудиторию, но не как феномен сознания.

В основе второго направления лежит когнитивный подход, в соответствии с которым метафора представляет собой одну из форм мышления, особенно эффективную в условиях осмысления каких-то новых реалий,

стремления по-новому взглянуть на что-то, казалось бы, хорошо известное, преобразовать свойственную адресату картину мира. Ведущая роль в становлении этого направления принадлежит Марку Джонсону и Джорджу Лакоффу, однако они создавали свою теорию отнюдь не на пустом месте, поскольку когнитивный подход к метафоре возник раньше теории концептуальной метафоры.

Риторическое (семантико-стилистическое) и когнитивное направления в современной политической метафорологии являются ведущими, основываются на онтологическом ракурсе рассмотрения метафоры. Вместе с тем онтологическим уровнем методологическая система политической метафорологии не исчерпывается.

Значительное количество зарубежных исследований политической метафоры выполнено в рамках критического анализа метафоры (в большей степени в русле критического дискурс-анализа), то есть методологически связано с идеями Р. Водак, Т. ван Дейка и их единомышленников. В этом случае метафора рассматривается как одно из средств, которые использует социальная власть для осуществления своего господства в обществе, для обоснования и осуществления социального неравенства и обмана граждан. Соответственно задача исследователя – не столько выявить метафоры, сколько оценить их использование. Вместе с тем многие исследователи придерживаются дескриптивного подхода, стремятся занимать более объективистскую позицию, не высказывая прямо своих личных симпатий и антипатий. Приверженцы дескриптивного подхода не стремятся дать оценку использованию метафорики политиками или выявить роль метафоры в воспроизводстве социального неравенства. На противопоставлении критического и дескриптивного подходов вырисовывается еще одна методологическая оппозиция политической метафорологии, проявляющаяся на аксиологическом уровне.

Следующее противопоставление основывается на принципах отбора и анализа материала исследования. Значительная группа современных исследований выполнена с использованием методик корпусного подхода и контент-анализа, сторонники которых опираются на изучение строго определенного корпуса метафор по точно определенным правилам (квантитативный анализ). Сторонники противоположного подхода (квалитативного анализа) определяют релевантность материала для исследования иначе. Так как квалитативный анализ обычно применяется для анализа единичных метафор, то адекватным для достижения поставленной лингвистом цели представляется детальное рассмотрение отдельных примеров (наиболее ярких или привлекших особое общественное внимание).

Наконец, в отечественной и зарубежной науке существуют публикации, в которых задействован широкий спектр методов, заимствованных из смежных дисциплин (психолингвистические, психоаналитические, лингвокультурологические, герменевтические, социологические, политологические методики, варианты дискурс-анализа и др.). Эти изыскания наполняют содержанием уровень междисциплинарных методов политической метафорологии.

Отметим также, что в целом ряде случаев те или иные методики одни специалисты считают вариантами когнитивных или риторических (стилистических), тогда как другие специалисты определяют указанные теории как относительно самостоятельные направления. Значительный интерес представляет также проблема параллельного использования различных научных методов в рамках одного исследования: даже предварительные наблюдения показывают, что совмещение одних методов ведет к эклектике, тогда взаимодействие других методов приводит к более полному пониманию сущности явления.

Общеметодологическая структура политической метафорологии состоит из четырех уровней, каждый из которых связан с определенным ас-

пектом научной деятельности: онтологический уровень (бытийный аспект), аксиологический уровень (оценочный аспект), гносеолого-квантитативный уровень (релевантность источников), междисциплинарный уровень (дополнительные методы) (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Система теоретико-методологических уровней
политической метафорологии

	Теоретико-методологические уровни	**Варианты реализации теоретико-методологических уровней**	
1	Онтологический уровень	Риторический (структурно-стилистический) подход	Когнитивный подход
2	Аксиологический уровень	Критический анализ	Дескриптивный анализ
3	Гносеолого-квантитативный уровень	Квалитативный анализ	Квантитативный анализ
4	Междисциплинарный уровень	Герменевтический, психолингвистический, культурологический, психоаналитический, семиотический, социологический, политологический, нейролингвистический анализ; ва-	

Онтологический уровень методологии служит своеобразным базисом для всех остальных уровней методологии, которые в привычных для отечественной науки понятиях можно сравнить с надстройкой. В конкретном исследовании каждый последующий уровень накладывается на предыдущий (по вертикали). Первые три уровня можно обнаружить во всех исследованиях: метафора должна быть квалифицирована как ментальное или вербальное явление, исследователь (не) эксплицирует свое оценочное отношение, в исследовании используются только квалитативные методики

или же применяются количественные подсчеты и обоснования. Четвертый уровень относится к факультативным, он отражает наличие интердисциплинарных методов и подходов (психология, статистика, культурология, социология и др.).

Важно принимать во внимание, что даже если автор не формулирует своей позиции по поводу онтологического статуса рассматриваемого феномена или не определяет исследование по параметрам критический/дескриптивный анализ, он руководствуется некими априорными положениями, которые неизбежно проявляются в ходе научных рассуждений.

Методы, которые отнесены на предложенной схеме к различным уровням (по вертикали) обычно могут взаимодействовать в рамках одного исследования: например, признание метафоры ментальным или вербальным феноменом никак не сказывается на возможностях контент-анализа или критического анализа. При рассмотрении публикаций по политической метафоре внутри одного уровня (по горизонтали) ситуация иная. Риторический подход не может быть когнитивным (хотя возможны переходные, промежуточные формы), а дескриптивный подход не может быть критическим.

Таким образом, в практических исследованиях методология может быть охарактеризована как своего рода комплекс подходов, определяемый сразу на нескольких уровнях исследования. Так, в известной публикации Дж. Лакоффа [Lakoff 1991] применяется когнитивный критический квалитативный анализ. В исследовании В. Бенуа [2001] используется риторический дескриптивный квантитативный анализ и т.д.

Предложенная структура является лингвистикоцентричной, что представляется достаточно адекватным решением, если учитывать специфику предмета исследования. Вместе с тем необходимо отметить, что всякое научное построение так или иначе имеет свою систему координат, а зна-

чит, не является единственно возможным. Это в полной мере относится и к предложенному здесь варианту. Вероятно, специалисты по искусственному интеллекту, политологии или нейропсихологии построили бы структуру методологии исследования политической метафоры иначе и заполнили бы графы другими теоретическими основаниями, а лингвистику отнесли бы к дополнительным методам. Как показано на вышеприведенной схеме, в настоящем исследовании используется следующая классификация методов изучения политической метафоры.

Обратимся к более детальному рассмотрению специфики и взаимодействия названных выше методологических уровней в изучении политической метафоры.

2.2. Онтологический уровень методологии

Любое метафорологическое учение включает в себя онтологический компонент, фундирующий бытийную сущность метафоры. Далеко не всякая теория метафоры представляет собой уникальный теоретический конструкт на онтологическом уровне. Подходы к метафоре могут сильно отличаться по целому ряду показателей, что не мешает относить их к одному и тому же онтологическому классу. К примеру, теория концептуальной интеграции и теория концептуальной метафоры по-разному понимают процесс метафорогенеза, но обе теории относятся к когнитивному подходу к метафоре, определяют метафору как первично ментальный феномен. Приверженцы теории речевых актов оспаривают тезис Д. Дэвидсона об отсутствии у метафоры своего собственного значения, но оба подхода относятся к риторическому направлению. Рассмотрим подробнее оба направления в рамках политической метафорологии.

2.2.1. Риторическое направление

Риторическое направление в изучении политической метафоры возникло значительно раньше, чем когнитивное. Одним из первопроходцев в изучении политической метафорики по праву считается Майкл Осборн и его единомышленники, чьи работы по архетипичным метафорам послужили точкой отсчета для целого ряда исследований в этом направлении.

Проанализировав обращения политиков к электорату, М. Осборн пришел к выводу, что в политической речи независимо от времени, культуры и географической локализации коммуникантов неизменно присутствуют архетипичные метафоры (archetypal metaphors). Политики, желающие в чем-то убедить адресата, используют образы природного цикла, света и тьмы, жары и холода, болезни и здоровья, мореплавания и навигации [Osborn 1967а; 1967б; Osborn, Ehninger 1962]. Такие метафоры опираются на универсальные архетипы и служат основой для понимания людьми друг друга и в то же время создают основу для политического воздействия и убеждения. Основываясь на результатах своих исследований, М. Осборн сформулировал шесть постулатов функционирования архетипичных метафор в политической коммуникации.

1. Архетипичные метафоры используются чаще, чем свежие метафоры.

2. Архетипичные метафоры одинаковы во все времена и во всех культурах и независимы от конъюнктурных условий их актуализации.

3. Архетипичные метафоры укоренены в непосредственном общечеловеческом опыте.

4. Архетипичные метафоры соотносятся с основными человеческими потребностями.

5. В большинстве своем архетипичные метафоры оказывают воздействие на преобладающую часть аудитории.

6. Архетипичные метафоры часто встречаются в самых важных частях самых значимых политических обращений в любом обществе [Osborn 1967a: 116].

Позже М. Осборн скорректировал широту выводов и статичность предлагаемой картины и пересмотрел категоричность некоторых постулатов в сторону эволюционизма [Osborn 1977], но исследователи политической метафоры в русле риторического направления опирались на полученные М. Осборном выводы и сохранили в своих исследованиях интерес к архетипичным метафорам в политической риторике, особенно в выступлениях крупных политических деятелей. Например, В. Риккерт [Rickert 1977] исследовал архетипичные метафоры в военной риторике У. Черчилля, несколько позднее К. Джемисон [Jamieson 1980] провела сравнительный анализ метафор Э. Брауна и папы римского Павла VI, а в исследовании С. Перри [Perry 1983] были рассмотрены метафоры «заражения» Германии в риторике А. Гитлера.

Вполне закономерно, что постулаты М. Осборна претерпевали изменения и уточнения. Усилия исследователей риторического направления были направлены не только на поиск архетипичных, т.е. универсальных метафор и их вариаций, но и на выявление культурно обусловленной специфики политической метафорики. Поиску ключевых культурных метафор, использующихся на протяжении длительного периода времени, посвящено исследование Рональда Карпентера [Carpenter 1990]. Исследователь рассмотрел американский публичный дискурс (со времен Американской революции до середины 80-х гг. 20 в.), так или иначе имеющий отношение к участию США в войнах, и обнаружил, что во многих американских политических обращениях американские солдаты представляются как frontiersmen – люди, живущие или работающие в приграничной зоне. Ранняя история США – это история продвижения европейских поселенцев с восточного побережья на Запад, сопровождавшегося конфликтами с Бри-

танской метрополией и военными столкновениями с индейцами. Образ сильного и смелого человека из приграничной зоны (frontiersman), «охотника из Кентукки» на протяжении долгого времени используется для привнесения положительной оценки в образ американского солдата. Соответственно и для врага находятся соответствующие исторические аналогии. Например, в конце 1890-х гг. президент Т. Рузвельт сравнивал вооруженных филиппинцев (во время конфликта с американскими войсками) с команчами, сиу и апачами [Carpenter 1990: 4].

Много внимания уделялось метафорике милитаристского дискурса [Heisey 1993; Ivie 1987, 1989; Medhurst 1990]. Такие исследования, в частности, показали, что в американской политической коммуникации устойчивы метафоры дегуманизации врага; религиозно окрашенные метафоры противостояния добра и зла; метафоры, апеллирующие к американской военной истории.

Помимо архетипичных и специфичных политических метафор, внимание исследователей в прошлом веке было направлено на анализ аргументативного потенциала политической метафорики. По понятным причинам материалом для таких исследований служили метафоры в выступлениях победивших на выборах политиков. Так, С. Дафтон [Daughton 1993] исследовала метафоры в первом инаугурационном обращении Ф.Д. Рузвельта, Х. Стелцнер рассмотрел метафоры в речи Дж. Форда [Stelzner 1977]. В работах Р. Айви проанализированы метафоры и их взаимодействие с изложением фактов в речи Г. Трумана и его антисоветской доктрине [Ivie 1986, 1999]. Вместе с тем метафоры в идиолектах политиков, оппозиционных существующей власти и претендующих на нее, также рассматривались как важный материал для исследования метафорической аргументации в целом [Blankenship 1976; Henry 1988].

Анализ архетипичных метафор в идиолектах политиков был направлен не только на поиск подтверждений того, что метафоры обладают зна-

чительным аргументативным потенциалом, но и на выявление причин прагматических неудач. Как показывает Х. Стелцнер, американский президент Дж. Форд объявил, что намерен вести войну с инфляцией, но не смог проводить соответствующую политику и «доказать подлинность однажды произнесенной метафоры, которая требовала от него больше, чем он хотел или мог сделать» [Stelzner 1977: 297].

Исследователи политической метафорики обращались и к более ранним эпохам. Например, в исследовании Й. Йенсен рассмотрены метафоры родства, которые активно использовались в период американско-британского противостояния накануне Американской революции [Jensen 1977].

Хотя разрабатываемые в рамках политической лингвистики прагматические аспекты функционирования метафоры важны, они не исчерпывают всей сложности феномена политической метафоры. Примечательно, что по мере становления когнитивного подхода исследования политической метафоры, декларируемые как риторические, по существу обращались к анализу метафоры как когнитивному феномену.

В современных исследованиях, относящихся к риторико-прагматическому направлению в исследовании политической метафоры, прослеживается две тенденции. В первом случае лингвисты, не ссылаясь на исследования по когнитивной метафоре, заимствуют некоторые идеи и термины когнитивной лингвистики. Примером могут служить исследования тактик «риторического фрейминга». Так, У. Бенуа [Benoit 2001] рассмотрел подобную тактику на примере анализа метафор в предвыборных обращениях Б. Клинтона и Б. Доула 1996 г. Обращаясь к избирателям, Б. Доул заявил о необходимости построить «мост к прошлому», в котором когда-то царили стабильность и спокойствие. Две недели спустя его оппонент пообещал избирателям помочь построить «мост в будущее». Б. Клинтон указал на преимущества своего видения перспектив развития

страны и выставил свою позицию в более выгодном свете в рамках метафорического фрейма оппонента. При другом подходе исследователи не используют терминологию когнитивной науки, но, разрабатывая прагматические аспекты политической метафорики, рассматривают метафору и как значимый инструмент речевого воздействия, и как феномен, отражающий важные характеристики общественного сознания (см., например [Anderson 2001b, 2005; Hardy-Short 1995]).

Для более глубокого понимания проблем взаимодействия и даже конкуренции риторических и когнитивных исследований особенно показательно сопоставление метафорического анализа одних и тех же событий в обоих научных направлениях. В 1991 г. Дж. Лакофф опубликовал широко сейчас известное исследование об американских метафорах, которые использовались для оправдания первой войны в Персидском заливе [Lakoff 1991]. Ведущую роль в обосновании необходимости войны играли метафоры ПОЛИТИКА – ЭТО БИЗНЕС, ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЧЕЛОВЕК, ПОЛИТИКА – ЭТО АЗАРТНАЯ ИГРА; не меньшую роль в оправдании играла СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ, основу которой составляла классическая схема НЕВИННАЯ ЖЕРТВА (Кувейт), ЖЕСТОКИЙ ЗЛОДЕЙ (Ирак) и ДОБЛЕСТНЫЙ СПАСИТЕЛЬ (Соединенные Штаты). В арабском мире популярной была семейная метафора: ВОЙНА между Кувейтом и Ираком – это ДЕЛО СЕМЕЙНОЕ, следовательно, старший брат (Ирак) имеет полное право «поучить» младшего брата (Кувейт). Всякое вмешательство чужаков в семейные дела – совершенно бессмысленно, братья во всем сами разберутся.

Риторическим аналогом этой работы может служить исследование Б. Бэйтса, посвященное метафорическому оправданию той же войны в выступлениях Дж. Буша [Bates 2004]. Определяя теоретическую базу своего исследования, Б. Бэйтс приводит традиционный для риторического направления ряд ссылок на работы М. Осборна, К. Берка, Р. Айви и других исследователей и использует популярную в риторическом направлении методику ана-

лиза метафорических кластеров. Дж. Буш использовал в своих обращениях метафоры кластера SAVAGERY (ДИКОСТЬ) для оправдания вмешательства Америки в конфликт и кластера CIVILIZATION (ЦИВИЛИЗАЦИЯ) для убеждения глав других государств создать антииракскую коалицию. Метафорические кластеры реализуют то, что К. Берк называл «типичной историей» (representative anecdote), которая в варианте Дж. Буша редуцировала существующую ситуацию до простого сценария: «не США выступают против Ирака, а дикарь против цивилизованного мира». Кластеры отображают оппозицию, которая не оставляет альтернативы, так как все народы считают себя цивилизованными. Как показывает Б. Бэйтс, лидеры государств антииракской коалиции восприняли предложенную Дж. Бушем «типичную историю» и воспроизводили эти кластеры в своих выступлениях, в том числе и египетский лидер Хосни Мубарак, и турецкий президент Турук Озал. Читатель, знакомый с исследованием Дж. Лакоффа, легко проведет параллели между «сказкой о справедливой войне» и «типичной историей». Вместе с тем, методика анализа метафорических кластеров разрабатывалась параллельно с теорией концептуальной метафоры, а использование в риторике «типичной истории» было подмечено К. Берком в 50-х гг. прошлого века [Burke 1950].

Отметим также, что Джордж Лакофф и многие другие американские приверженцы когнитивного направления последовательно демонстрируют либерализм своих политических взглядов и критикуют слова и дела руководителей родной страны, заимствуя некоторые приемы из методики критического анализа дискурса. Последователи риторического направления, как правило, придерживаются консервативных взглядов. Например, у Б. Бэйтса изучение метафорических кластеров и «типичной истории» – это свидетельство, едва ли не апологетика риторического «гения» Дж. Буша (или его спичрайтеров), который смог убедить весь мир вступить в коалицию. Одновременно Б. Бэйтс выражает опасения, что данная тактика может не сработать, когда это вновь потребуется для защиты интересов США.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что становление современной теории политической метафоры сопровождалось диалектическим взаимодействием формирующейся когнитивной парадигмы и развитием традиций исследования метафоры в русле лингвопрагматики. Не только когнитивная теория метафоры вносила коррективы в работы, ориентированные на традиционные методы исследования, но и некоторые разработки по исследованию метафоры в политической лингвистике предшествовали или сопутствовали когнитивной теории метафоры. Например, в 1967 г. М. Осборн указывал на то обстоятельство, что человек склонен метафорически ассоциировать власть с верхом, а все нежелательные символы помещать внизу вертикальной пространственной оси [Osborn 1967a: 116], что, по сути, соответствует классу ориентационных метафор в теории концептуальной метафоры. Относительным аналогом концептуальных метафор можно считать метафорические кластеры как способ описания системности политических метафор. В рассмотренных нами ранее постулатах М. Осборна можно обнаружить истоки теории «телесного разума» и др.

Показательно, что сходные процессы происходили и в отечественной лингвистической науке, однако в России подобные исследования обычно представлялись как стилистические. В частности, проблемы регулярных метафорических переносов активно изучались при исследовании публицистического стиля. Так, Г. Я. Солганик, исследовавший язык прессы, едва ли не одновременно с Дж. Лакоффом зафиксировал, что «традиционность и регулярность использования многих медицинских и биологических терминов в переносном значении, и употребление «медицинских» метафор носят нередко серийный характер… Если в XIX в. употребление этих слов носило характер новизны и образности и они использовались в художественной литературе, литературно-критических статьях, в публицистике, то в середине XX в. рассмотренные «медицинские» метафоры стали языковыми: на первый план в значении анализируемых слов выступил оценочный элемент, что привело к

преимущественному использованию их в газетно-публицистическом стиле» [Солганик 1981].

В исследованиях А. Н. Кожина [1985] и А. К. Панфилова [1970] ярко продемонстрировано, насколько традиционным для отечественной публицистики является использование военных метафор. Детальное исследование самых различных разрядов газетной метафоры представлено в классической монографии В. Г. Костомарова [1971] и в диссертации Т. Б. Крючковой [1991]. Можно предположить, что названные исследования способствовали созданию условий для столь быстрого восприятия идей Дж. Лакоффа в России.

Детальный анализ современного состояния риторического направления в политической лингвистике и политической метафорологии представлен в специальных обзорах [Будаев, Чудинов 2019]

Представленный обзор свидетельствует, что история становления современной теории политической метафоры характеризуется переплетением и филиацией идей, кристаллизация которых проходила в несколько этапов и в нескольких методологических направлениях. Важно подчеркнуть, что характерная черта риторического направления в изучении политической метафоры – это взгляд на метафору как на языковое средство, выполняющее эстетическую и прагматическую функции. В американской риторике и российской стилистике метафора рассматривается как украшение речи, способ привлечь внимание и оказать эмоциональное воздействие на адресата, а онтология метафоры находит свое основание не далее, чем в чувственной сфере. Одним из итогов внедрения когнитивной парадигмы стало смещение локуса метафоры из сферы языка и эмоций в сферу ментальной переработки информации, связанную с концептуализацией и категоризацией действительности. В американской и европейской лингвистике эти процессы начались уже в 80-х гг. прошлого века, а в российской науке стилистический подход к изучению политических метафор преобладал до конца 90-х гг.

2.2.2. Когнитивное направление

Согласно теории концептуальной метафоры, в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры.

Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур – образов-схем.

Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, получило название гипотезы инвариантности (invariance hypothesis) [Lakoff 1990; Turner 1990]. Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия (entailments), которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия.

Конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний (концептуальные метафоры) согласованы с определенной культурой и языком. Например, концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR (СПОР – ЭТО ВОЙНА) согласована с базовыми ценностями культуры носителей английского языка. Метафора не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысления спора: можно проиграть или выиграть спор, оппонент воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают позиции, «расстреливают» (shoot down) аргументы противника и т.д. Вместе с тем, можно «представить культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники – как танцоры, а цель заключается в гармоническом и эстетически привлекательном танце», а не в победе над противником [Лакофф 2004: 26-27]. Концептуальные метафоры «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff 1993: 210], укоренены в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры.

В типологии американских исследователей концептуальные метафоры разделяются на три основные группы: структурные, онтологические и ориентационные. В структурных метафорах когнитивная топология сферы-мишени является моделью для осмысления сферы-мишени (ARGUMENT IS WAR), онтологические метафоры категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве (MIND IS MACHINE) или с помощью персонификации (*Inflation is eating up* our profits), ориентационные метафоры отражают оппозиции, в которых зафиксирован наш опыт пространственной ориентации в мире (GOOD IS UP, BAD IS DOWN).

Особенное распространение получили исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации. Перспективы применения когнитивных эвристик к политическому дискурсу были намечены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff 1980]. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры, американские исследователи рас-

смотрели следствия милитарной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишенная эмоциональной оценки метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а скорее на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия. Это объясняет особенно повышенный интерес современных исследователей к концептуальной метафоре в сфере политической коммуникации по всему миру (А. Н. Баранов, Д. Берхо, Т. С. Вершинина, Р. Дирвен, П. Друлак, Р. Каган, Ю. Н. Караулов, А. А. Каслова, Х. Келли-Холмс, В. Кеннеди, И. М. Кобозева, Дж. Лакофф, М. Луома-ахо, Дж. Люл, Дж. Милликен, С. Н. Муране, А. Мусолфф, В. О'Реган, Р. Пэрис, Е. Рефайе, Т. Рорер, А. Б. Ряпосова, О. Санта Ана, Н. А. Санцевич, Е. Семино, Т. Г. Скребцова, А. В. Степаненко, Дж. Торнборроу, Ю. Б. Феденева, И. Хеллстен, Р. Хюльссе, А. Ченки, П. Чилтон, Н. М. Чудакова, А. П. Чудинов, Й. Цинкен и др.).

Если в начальный период становления когнитивного подхода к анализу политической метафорики основное внимание было направлено на проверку теории концептуальной метафоры на примере анализа отдельных метафор и небольших временных периодов, то в 90-х гг., когда эта теория получает широкое признание и применение, в научных публикациях проявляется стремление исследователей к аккумуляции и обобщению все большего количества фактов. В России ярким примером такого подхода стали словари А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [Баранов 1991а, 1994].

На рубеже XX-XXI вв. по всему миру реализуются проекты, посвященные комплексному и многоаспектному анализу концептуальных метафор в политическом дискурсе. Среди них монография А. Мусолффа «Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany» [Musolff 2000a], в которой проанализированы основные сферы-источники и сценарии, актуализированные в медиа-дискурсе Германии и Великобритании при концептуализации Европы и Евросоюза за период 1989-2000 гг. В это же время выходит монография А. П. Чудинова «Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры» [2001], в которой представлен анализ метафорических моделей российского политического дискурса 1991-2000 гг. Одновременно в США появляется книга Дж. Вэй «Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse» [Wei 2001], отражающая анализ метафорических моделей и аллюзий тайваньского политического дискурса 90-х гг. В 1999-2002 гг. в Билефельдском университете был реализован российско-немецкий проект по сравнительному изучению русской и немецкой политической метафорики эпохи перестройки и «поворотного» периода (die Wende-Periode) в Германии [Baranov 2003; Zinken 2004a]. В 2002 г. в США О. Санта Ана публикует монографию по метафорическому представлению иммиграции [Santa Ana 2002]. Чуть позже появляются монографии Дж. Чартериса-Блэка, одна из которых посвящена анализу метафорики в идиолектах известнейших американских и британских политиков 20 века [Charteris-Black 2004a], а другая – комплексному исследованию метафор в инаугурационных обращениях американских президентов и манифестах британских лейбористов и консерваторов [Charteris-Black 2005].

На современном этапе исследователей политической метафоры особенно интересуют два типа корреляции метафорических выражений и сознания человека. С одной стороны, корпусные исследования метафор поз-

воляют выявить структуры «коллективного подсознательного», которые не выражены эксплицитно. Например, А. Н. Баранов с помощью метафорического анализа показал, что, несмотря на эксплицитное неодобрение взяточничества, российские политики и предприниматели используют преимущественно органистическую метафору и воспринимают взяточничество как естественное положение дел [Баранов 2004]. Этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры» и соответственно анализ метафор – это анализ концептуальных структур. Вместе с тем прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле «метафоры определяют сознание». Первый аспект рельефно проявляется в исследованиях стертых метафор, второй – при анализе ярких, образных метафор, хотя жесткого разграничения, конечно же, нет.

Исследователи сходятся во мнении, что политическая метафора – значимый инструмент манипуляции общественным сознанием. Вместе с тем, как показал еще Дж. Лакофф [Lakoff 1991], предлагаемые политиками метафоры лишены аргументативной силы, если они не согласуются с концептуальными прототипами того или иного общества. В этом отношении показательна работа П. Друлака [Drulák 2005], в которой автор анализирует кризис словацко-чешских отношений накануне распада Чехословакии. В 1991 г. чешский премьер-министр Петр Питхарт, пытаясь ослабить националистические разногласия, выступил по телевидению с речью, в которой он признал, что в прошлом к словакам относились не совсем справедливо, и предположил, что обе нации могли бы в будущем жить в «двойном доме» (DVOJ DOMEK). Метафора «двойного дома», не использовавшаяся до этого в чехословацком политическом дискурсе, вызвала бурные споры, а менее чем через год лидеры Чехии и Словакии пришли к решению о невозможности дальнейшего сосуществования в рамках одного государства.

Следуя за П. Чилтоном и Дж. Лакоффом, исследователь отмечает, что метафора дома как контейнера с четким разграничением внутреннего и внешнего пространств доминировала в осмыслении государства на протяжении столетий. Предложенный политиком концепт должен был стать альтернативой представлениям о едином чешском доме или двух отдельных домах для каждой нации, но П. Питхарт не смог объяснить, как выглядит такой «двойной дом», поэтому ни чехи, ни словаки ее просто не поняли и предпочли прототипический вариант собственного дома для каждой нации.

На современном этапе можно выделить несколько взаимодействующих, дополняющих и развивающих друг друга подходов, которые, объединяясь по принципу «фамильного сходства», формируют сложный научный прототип когнитивного подхода к исследованию метафоры. В этот ряд входят классическая теория концептуальной метафоры [Lakoff 1980; Lakoff 1993], теория концептуальной интеграции [Fauconnier 1994, 1998, 2002, 2009; Turner 1995, 2000], теория первичных метафор [Grady 1996], когерентная модель метафоры [Spellman 1993], модель концептуальной проекции [Ahrens 2002; Chung 2003], коннективная теория метафорической интерпретации [Ritchi 2003a, 2003b, 2004a, 2004b], теория лексико-концептуальной проекции [Evans URL], дескрипторная теория метафоры [Баранов 1991, 1994, 2003а, 2003б, 2004а; Некоторые константы 2006; Политический дискурс 2004], теория метафорического моделирования [Чудинов 2001, 2003] и др. К числу наиболее дискуссионных относятся вопросы о процедурах обработки знаний и механизме метафоризации, о способах репрезентации когнитивных структур и их системности, об оптимальных способах выявления и анализа когнитивных структур, отражаемых метафорой.

Несмотря на существующее разнообразие подходов, исследователи до сих пор продолжают развивать и дополнять отдельные положения теории

концептуальной метафоры. Так, А. Мусолфф в ряде работ [Musolff 2004a, 2004b] отмечает, что необходимо пересмотреть тот взгляд на концептуальную метафору, при котором структура сферы-источника жестко детерминирует постижение сущностей сферы-мишени и предлагает дополнить теорию концептуальной метафоры понятием концептуальной эволюции (conceptual evolution) метафор. Тот факт, что в политическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же метафорической модели, указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: экспериенциальную основу (традицию) и «концептуальную гибкость». Другими словами, метафора функционирует в политическом дискурсе подобно тому, как живой организм, обладающий свойствами наследственности и изменчивости, взаимодействует с окружающей средой, т.е. «эволюционирует» и «выживает» наряду с другими метафорами. По существу, подчеркивается необходимость учета дискурсивных факторов, оказывающих значительное влияние на функционирование концептуальной политической метафоры.

Отдельное внимание исследователей привлекает осмысление и уточнение постулатов теории воплощенного (телесного) разума. Й. Цинкен [Zinken 2002; 2003], отмечая значимость сенсомоторного опыта человека для метафорического осмысления действительности, подчеркивает, что при анализе метафор важно учитывать культурный, исторический опыт. Выделив в отдельную группу интертекстуальные метафоры (intertextual metaphors), исследователь показал их идеологическую значимость для осмысления политических событий в польском газетном дискурсе.

Например, противники вступления Польши в Евросоюз использовали для концептуализации будущего своей страны интертекстуальную метафору *Освенцим* [Zinken 2002: 143], коммунистов в Польше в 1989 г. часто метафорически представляли *завоевателями-крестоносцами* [Zinken 2002: 221–223] и т.п. Такой подход перекликается с идеей И. Хеллстен о необхо-

димости различать общие структурные метафоры (general structural metaphors) и исторические метафоры (historical metaphors), при порождении которых исторические имена и события проецируются на современные политические ситуации [Hellsten 1997б]. Сходную позицию занимает Р. Пэрис [Paris 2004], выделяя в отдельную группу исторические метафоры (historical metaphors).

Модифицированный вариант рассматриваемой концепции предложен Д. Ричи в коннективной теории метафорической интерпретации [Ritchie 2003a, 2003b, 2004a, 2004b]. Принимая тезис о базовой опосредованности мышления телесным опытом, исследователь отмечает, что метафоры необходимо анализировать в когнитивном и коммуникативном контексте, включающем детализированную репрезентацию речевого общения и предшествующий опыт участников коммуникации [Ritchi 2003b]. Интерпретация метафор напрямую связана с фондом общих знаний и убеждений (common ground) участников коммуникации, поэтому для исследователя важно учитывать этот аспект при рассмотрении интеракции сферы-источника и сферы-мишени. Каждая метафора интерпретируется в специфичном, уникальном коммуникативном контексте, и индивидуальные интерпретации могут значительно варьироваться [Ritchi 2004a, 2004b]. Более сложный характер, по мнению исследователя, носят отношения между концептуальными доменами. Например, «война» – это не обязательно первичный концепт при осмыслении спора. Существует сложный спектр интерпретаций спора (от простых дискуссий через соперничество до тотальной войны). Рассматривая такие метафоры, как «defend», «position», «maneuver» или «strategy» невозможно априори определить, относится ли подразумеваемое к войне, соревнованию атлетов или игре в шахматы. Подобные метафоры отображают когнитивные ответы на прототипические ситуации, а не проекцию одного концепта на другой [Ritchi 2003a].

Подход к концептуальной метафоре в Люблинской этнолингвистической школе проанализирован в работе Й. Цинкена [Zinken 2004b]. Автор обсуждает возможность разработки лингвокогнитивной теории метафоры, объединяющей антропологический и когнитивный ракурсы в изучении языка. Одновременно указывается на необходимость учета социокультурных условий функционирования языка и когниции, что означает включение в поле интересов исследователя, и реконструкции языковых картин мира, и анализа социальных (национальных, профессиональных, гендерных и др.) стереотипов, и квантитативного анализа, и широкого культурного контекста.

Все чаще подвергается пересмотру тезис об однонаправленности метафорической проекции [Баранов 2004б; Coulson 1996; Jäkel 1999; Varieties 2004 и др.]. Так, группа исследователей из Бирмингемского университета указывает на то, что при анализе междоменных корреляций (inter-domain influences) в концептуальной метафоре следует учитывать обратное влияние (reverse influence) сферы-цели на сферу-источник, которое наиболее очевидно проявляется в вопросах и командах [Varieties 2004].

С. Коулсон отмечает, что возможны метафоры, в которых сфера-мишень служит основанием для обратного осмысления сферы-источника, иллюстрируя это положение на примере анализа метафорической номинации компьютерного вируса «Братья Менендес». Братья Менендес убили своих родителей, и по праву наследования им полагалось значительное состояние. На открытом судебном процессе они заявили, что долгое время подвергались насилию со стороны родителей, а убийство было самообороной (родители в момент убийства были безоружны, а оба брата были в возрасте старше 20 лет). Компьютерный вирус «Братья Менендес», уничтожая файлы, оповещает пользователя о том, что он был жертвой физического и сексуального насилия со стороны уничтоженных файлов. С одной стороны, вирус – мишень для метафорической проекции, с другой – содержит в

себе инференции, оценочные интерпретации реального случая с братьями Менендес [Coulson 1996: 143-158].

Как отмечает А.Н. Баранов, не всегда концепты сферы-мишени более конкретны, чем концепты сферы-источника (например, метафоры со сферами-источниками ЛИТЕРАТУРА, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА, ИСТОРИЯ). В таких случаях следует говорить не о прояснении, а о переструктурировании сферы-мишени. Вместе с тем «в целом следует признать верным, что ядро метафорической системы образуют метафоры, отвечающие сформулированному тезису об однонаправленности» [Баранов 2004б: 11].

С середины 90-х гг. XX века развивается альтернативный подход к анализу когнитивной метафоры – теория концептуальной интеграции (теория блендинга). Следует, однако, подчеркнуть, что идею «смешения» концептов обозначил еще А. Ричардс, отмечая, что «когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия» [Ричардс 1990: 46].

Основатели теории блендинга М. Тернер и Ж. Фоконье пришли к выводу о том, что метафоризация не исчерпывается проекцией из сферы-источника в сферу-мишень, как эксплицировано в теории концептуальной метафоры, а включает в себя сложные динамические интеграционные процессы, создающие новые смешанные ментальные пространства, которые способны в самом процессе концептуальной интеграции выстраивать структуру значения. Когнитивный подход к метафоре в рамках этой теории разрабатывался на основе синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье (анализ теории см. [Скребцова 2000: 137–146]) и теории концептуальной метафоры, отдельные положения которой подверглись пересмотру [Coulson 1996; Fauconnier 1994, 1998; Turner 1995, 2000].

Ревизия теории концептуальной метафоры в рамках теории блендинга была подготовлена рядом критических работ, направленных на пересмотр двух положений. Во-первых, исследователи указывали на тот факт, что в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона метафора рассматривается как почти единственный когнитивный механизм, в то время как метафора – лишь один из способов мышления, направленных на осмысление сложных идей [Benzon 1987]. Во-вторых, сомнения возникли по поводу гипотезы инвариантности, постулирующей жесткую детерминацию сферы-мишени структурой сферы-источника [Brugman 1990; Turner 1990].

Прежде всего, М. Тернер и Ж. Фоконье предложили альтернативную двухдоменной модели метафоры (two-domain model) модель нескольких пространств (many-space model) [Fauconnier 1994]. По мнению исследователей, однонаправленная метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цель представляет собой только частный случай более сложного, динамического и вариативного комплекса процессов, для экспликации которых необходимо ввести в исследование когнитивной метафоры два промежуточных пространства (middle spaces). Таким образом, в отличие от двух концептуальных доменов в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, предлагается рассматривать четыре ментальных пространства: два исходных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и смешанное пространство (blended space) или бленд (blend). Исходные пространства соотносятся со сферой-источником и сферой-целью в теории концептуальной метафоры, хотя количество исходных пространств может быть больше двух.

Общее пространство содержит наиболее абстрактные элементы (роли, фреймы и схемы), присущие обоим исходным пространствам, т.е. выступает основанием метафоризации на самом абстрактном уровне. В бленде «смешиваются» детали исходных пространств, в результате чего образуется качественно новая концептуальная структура, которая больше не зави-

сит от исходных пространств и имеет собственные потенции к дальнейшему развитию. По метафорическому выражению исследователей, бленд «живет своей собственной жизнью» [Turner 2000: 137].

Ментальные пространства не тождественны концептуальным доменам. Ментальное пространство – это относительно небольшой «концептуальный пакет», который эксплицитно заимствует из концептуального домена только часть структуры и конструируется для понимания конкретной ситуации или действия [Turner 1995: 184]. Применительно к метафорам исследователи нередко используют понятие исходный домен (input domain), что является научным термином-блендом, совмещающим идеи теории концептуальной метафоры и теории концептуальной интеграции.

М. Тернер и Ж. Фоконье [Turner 2000] демонстрируют практическое применение такого подхода на примере некогда популярной в Вашингтоне политической метафоры *Если бы Клинтон был Титаником, то утонул бы айсберг*. В рассматриваемом бленде осуществляется концептуальная интеграция двух исходных ментальных пространств, в котором президент соотносится с кораблем, а скандал с айсбергом. Бленд заимствует фреймовую структуру как из фрейма «Титаник» (присутствует путешествие на корабле, имеющем пункт назначения, и столкновение с чем-то огромным в воде), так и каузальную и событийную структуру из известного сценария «Клинтон» (Клинтон *уцелел*, а не *потерпел крушение*).

В рассматриваемом примере общее пространство включает один объект, вовлеченный в деятельность и побуждаемый к ней определенной целью, который сталкивается с другим объектом, представляющем огромную опасность для деятельности первого объекта. Очевидно, что в общем пространстве результат этого столкновения не предопределен. Междоменная проекция носит метафорический характер, однако смешанное пространство обладает каузально-событийной структурой, не выводимой из фрейма источника. Если метафорические инференции выводить только из мен-

тального пространства-источника, то Клинтон должен потерять президентский пост. Полученные инференции не выводятся и из пространства-цели. В бленде появляется новая структура: Титаник все-таки не потопляем, а айсберг может утонуть. Эта «невозможная» структура не доступна из исходных пространств, она конструируется в бленде и привносит совершенно новые, но понятные инференции.

В теории блендинга процесс концептуальной интеграции проходит в три этапа: композиция (composition), оформление (completion) и разработка (elaboration) [Grady 1999: 106]. На этапе композиции содержание исходных пространств проецируется в смешанное пространство. При оформлении смешанное пространство воспринимается как долгосрочная единая концептуальная структура, которая может бесконечно видоизменяться и разрабатываться на завершающем этапе.

При анализе метафор исследователям блендинга часто приходится сталкиваться с интеграционными сетями (integration networks), которые включают сразу несколько (больше двух) исходных пространств с разными видами проекции (например, и метонимию и метафору) [Fauconnier 1998]. На основе анализа сетевых структур М. Тернер и Ж. Фоконье разработали следующие принципы оптимальности интеграционных сетей.

1. Принцип интеграции. Смешанное пространство должно создавать жестко интегрированную среду, которой можно оперировать как единым целым.

2. Принцип сети. Манипуляция блендом должна поддерживать сеть соответствующих связей с исходными пространствами без дополнительных наблюдений или вычислений.

3. Принцип распаковки. Бленд должен позволять реконструировать исходные пространства, междоменную проекцию, общее пространство и сеть связей между всеми пространствами.

4. Принцип топологии. Каждый элемент в бленде должен функционировать согласно структурным отношениям, присущим его исходному пространству.

5. Принцип подходящего основания. Если элемент появляется в бленде, то появляется необходимость найти значимость для этого элемента. Значимость включает релевантные связи с другими пространствами и релевантные функции, задействованные в бленде.

6. Принцип уменьшения метонимической дистанции. Если один элемент проецируется из исходного пространства в бленд, а другой элемент из того же пространства проецируется благодаря метонимической связи с первым, то в бленде укорачивается метонимическая дистанция между обоими элементами [Fauconnier 2002: 309-352].

Например, в метафоре DEATH IS THE GRIM REAPER (СМЕРТЬ – СТАРУХА С КОСОЙ) детали интеграционной сети разрабатываются в самом бленде и не выводятся из метафорической проекции: если отношение СМЕРТИ и ЖНЕЦА С КОСОЙ метафорическое, то отношение между СМЕРТЬЮ и СКЕЛЕТОМ метонимическое. По принципу метонимического сужения СКЕЛЕТ становится в большей степени связанным в бленде, чем в исходном пространстве-источнике. Отметим также, что перевод *старуха* не совсем верен: английский прототипический образ смерти – скелет, облаченный в монашеское одеяние с капюшоном. В бленд также проецируется церковное облачение, ассоциирование с религиозными ритуалами, связанными со смертью человека [Fauconnier 1994: 21; Turner 2000: 138; Grady 1999: 108-109].

Важно иметь в виду, что блендинг понимается довольно широко и совсем не ограничивается исследованием процессов метафоризации: его значимость в когнитивных процессах практически тотальна. Блендинг – «когнитивный механизм, охватывающий многие (возможно, все) когнитивные феномены, включая категоризацию, построение гипотез, инференцию, происхождение и комбинирование грамматических конструкций, анало-

гию, метафору и нарратив» [Fauconnier 1994: 3-4]. Как видно из определения, в теории блендинга метафора занимает место только одного из когнитивных механизмов, точнее является разновидностью всеобщего механизма концептуальной интеграции. При таком подходе возникает необходимость объяснить, чем метафорический блендинг отличается от других видов блендинга. В наиболее общем виде предлагается считать метафорическим такое смешанное пространство, в котором концептуальная интеграция сопровождается фузией (fusion) элементов исходных пространств. Например, в бленде «Государство – это корабль» метафора «корабль» представляет собой некий «сплав», соотносится и с концептом корабля, и с концептом государства в исходных пространствах, в то время как в неметафорическом бленде один элемент смешанного пространства обычно соотносится только с одним исходным пространством. Однако фузия не всегда признак метафоры. В бленде «Карл – холостяк» также происходит «сплавление» концепта «Карл» и принятого в данной культуре прототипического концепта «холостяк». Метафорическая фузия характеризуется запретом на вхождение в бленд некоторых значимых элементов исходных пространств [Grady 1999: 109-114].

Подчеркнем, что едва ли можно говорить о разногласиях на общетеоретическом уровне: все подходы объединены общим взглядом на онтологический статус и эпистемологическую роль метафоры. К тому же не всегда границы между подходами можно провести отчетливо. Например, А. Мусолфф выражает приверженность теории концептуальной метафоры и развивает идею «концептуальной эволюции» метафор, которая, по сути, объединяет дискурс-анализ с этапом разработки в блендинге [Musolff 2004a]. В. Спелманн и др. подвергают пересмотру тезис об однонаправленности метафорической проекции, но исследование метафорики политического кризиса в Персидском заливе не многим отличается от традиционной методики по Дж. Лакоффу [Spellman 1993]. В работе Дж. Грэди,

Т. Оукли и С. Коулсон отмечается, что теория концептуальной метафоры и теория блендинга носят комплементарный характер [Grady 1999] и др.

Вместе с тем исследователи блендинга анализируют единичные примеры (в основном свежие метафоры), и корпусных исследований метафоры в рамках этой теории не проводилось. Очевидно, это связано с большой практической сложностью корпусного описания концептуальных интеграционных сетей (уникальных для каждого конкретного случая) и отсутствием соответствующей методики. Исследователи блендинга предприняли попытку отобразить динамику метафоризации и обратились к анализу единичных примеров. Однако преодоление статического ракурса в рассмотрении метафорических соответствий чрезвычайно усложнило корпусное описание согласованных с определенной культурой метафорических моделей. Таким образом, новые эвристики были получены за счет отказа от старых. При этом важно учитывать, что исследователи блендинга ставят перед собой несколько другие цели: изучить метафору не как культурно-статический, а как индивидуально-динамический феномен.

Примечательно, что формирование когнитивного взгляда на метафору изменило отношение исследователей к предмету анализа. Если метафора – средство украшения, то это средство должно быть красивым, потому в традиционных подходах «некрасивые» метафоры считаются аномалией, которой нужно избегать. Следуя этой логике, исследователи критикуют зафиксированные в прессе «некрасивые» метафоры, предлагая специальные многоступенчатые алгоритмы для отбора «правильных» метафор. Иллюстрирующим примером может служить статья Н. В. Муравьевой [2002], посвященная обзору «плохих» метафор в современной российской прессе. Рассматриваемые примеры автор предлагает считать «ложными» метафорами, которые «утверждают то, чего не может быть» [Муравьева 2002: 58]. Такой подход, безусловно, полезен для совершенствования профессиональных качеств журналистов, но он не

позволяет приблизиться к пониманию феномена когнитивной метафоры, и даже уводит исследователя в сторону. Любая метафора утверждает «то, чего не может быть», потому что к метафоре нельзя применить критерии истинности/ложности. Примечательно, что и приводимые Н. В. Муравьевой примеры «хороших» метафор на самом деле не являются исключением и утверждают «то, чего не может быть» [см.: Муравьева 2002: 60].

Для когнитивного подхода характерна другая логика исследования. Когнитивист рассматривает метафорические выражения как данность, позволяющую проследить взаимосвязь ментального и языкового аспектов метафоры in situ. При таком анализе отслеживаются когнитивные процессы, которые разворачиваются в метафорах. Это могут быть «некрасивые» или «ложные» метафоры, но зачастую именно они отражают когнитивные процессы, сопровождающие определенный дискурс, что и позволяет получить адекватную картину исследуемых явлений. Другими словами, то, что с позиций стилистического подхода является ошибкой, требующей исправления, с позиций когнитивистики является предметом анализа, требующего изучения и понимания независимо от того, считает ли субъект исследования метафору «хорошей» или «плохой».

Как показывает представленный обзор, когнитивный подход к анализу метафоры занимает ведущее положение в современной метафорологии, но очень многие аспекты когнитивной теории по-прежнему остаются дискуссионными. Предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теория получила широкое признание в мировой науке и нашла многостороннее применение в практических исследованиях, вместе с тем эта теория активно развивается и интерпретируется во многих научных школах и направлениях, получая новые импульсы к эволюции в рамках различных методологических установок.

2.3. Аксиологический уровень методологии

Если на онтологическом уровне ученый имеет дело с метафорой как объектом и предметом анализа, то на аксиологическом уровне проявляется ценностное отношение субъекта исследования к экстралингвистическим факторам функционирования политической метафорики. На этом уровне разграничивается критический и дескриптивный подходы к описанию метафоры и интерпретации ее роли в политической коммуникации и политической деятельности.

2.3.1. Критический анализ

В лингвистике сложилось два основных направления анализа политического дискурса: дескриптивный и критический [Fairclough 1985].

Критический подход направлен на анализ социального неравенства, выраженного в дискурсе, а исследователь политического дискурса открыто занимает позицию лишенных власти и угнетенных. Как отмечает Т. ван Дейк, среди исследователей этого направления «не может быть ученых, занимающих отстраненную и тем более индифферентную позицию» [Dijk 1993: 253].

Современный критический анализ политического дискурса направлен на изучение способов воспроизводства социального, гендерного, расового или этнического неравенства. Примером такого исследования может служить публикация Е. Эль Рефайе [El Refaie 2001], посвященная изучению метафорического представления курдов-иммигрантов, ищущих убежища в Европе. Исследуя осмысление иммиграции в австрийских газетах 1998 г. (в этот период иммиграция значительно усилилась), Е. Эль Рефайе выявляет, что доминантные метафоры изображают курдов, как нахлынувшую водную стихию, как преступников, как армию вторже-

ния. Регулярная апелляция к этим образам во всех исследованных газетах представляется показателем того, что «метафоры, которыми мы дискриминируем» [El Refaie 2001: 352], стали восприниматься как естественный способ описания ситуации.

Схожие результаты получают исследователи из США, где традиционно остро стоит проблема иммиграции из Латинской Америки. Например, в монографии О. Санта Аны [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты The Los Angeles Times. Как показывает автор, все выявленные метафорические образы привносят в осмысление «чужаков» негативные смыслы: пожар, наводнение, военное вторжение, болезнь, животные и др. По мнению автора, подобное мировидение и связанные с ним оценочные инференции регулярно воспроизводятся не только в американских СМИ, но и в законодательных актах США, регулирующих образование на испанском и английском языках, трудоустройство и другие аспекты жизни латиноамериканских иммигрантов [Johnson 2005, Hardy 2003].

Помимо внутриполитических проблем (гендерное, этническое, социальное неравенство) объектом критического исследования становятся международные отношения. На фоне европейских интеграционных процессов современные лингвисты критического направления уделяют много внимания исследованию «неравенства между государствами», которые являются членами Евросоюза и других европейских организаций и декларативно обладают равными правами [Kelly-Holmes 2004]. Комплексное сопоставительное исследование европейского политического дискурса на материале 15 консервативных и либеральных газет 8 европейских стран провели Р. Водак и ее коллеги. Исследователи анализировали представление Брюссельской межправительственной конференции 2003 г., которая была посвящена проекту европейской конституции. По общему мне-

нию, конференция закончилась неудачно, но в каждой стране было свое видение того, какие политики и какие государства несут ответственность за эту неудачу [Oberhuber 2005].

Несмотря на широкую популярность критического дискурс-анализа метафорики, это направление нельзя считать самостоятельной методологией. Критический дискурс-анализ это набор общих принципов, применяемых преимущественно в аксиологическом и этическом измерении исследований, в то время как методологической базой исследований обычно становятся иные подходы. Поэтому вполне характерно появление исследований, описывающих не просто критический дискурс-анализ, а его использование наряду с другими направлениями современной лингвистики. Например, в коллективном труде «Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory» [2007] критический анализ дискурса совмещается с методами когнитивной лингвистики. В монографии Дж. Чартериса-Блэка «Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis» представлен синтез критического дискурс-анализа, корпусной лингвистики и теории концептуальной метафоры [Charteris-Black 2004]. В. Коллер в монографии «Metaphor and Gender in Business Media Discourse: A Critical Cognitive Study» объединяет критический дискурс-анализ с когнитивной теорией метафоры и эвристиками гендерной лингвистики [Koller 2004]. Подобный синтез широко распространен в «критических» исследованиях, в том числе посвященных анализу политической метафорики [Baker 2005; Bickes et al. 2014; Çaglar 2001; Carvalho 2005, 2007; Charteris-Black 2005; Chilton 1996; Díaz-Peralta 2018; El Refaie 2001; Gidengil 1999, 2003a, 2003b, 2003c; Hardy 2003; Johnson 2005; Kelly-Holmes 2004; Lakoff 2004; Oberhuber 2005; O'Brien 2003; O’Halloran 2007; Santa Ana 1999, 2002; Stenvoll 2005; Straehle 1999; Wee 2001 и др.]. Подробный анализ современных направлений критического дискурс-анализа представлен в специальном обзоре [Будаев 2019].

2.3.2. Дескриптивный анализ

В отличие от критического дискурс-анализа при дескриптивном подходе превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки, что, конечно, связано не с отсутствием гражданской позиции, а с представлениями о критериях научной объективности исследования.

В российской лингвистике доминирует дескриптивный подход к описанию политических метафор [Баранов 1991а, 1994; Каслова 2003; Керимов 2005; Ряпосова 2002; Санцевич 2003; Скребцова 2002; Стрельников 2005; Феденева 1998; Федосеев 2003; Шехтман 2006; Шибанова 1999; Шмелева 2001; Чудакова 2005; Чудинов 2001, 2003; и др.], хотя подобный подход представлен и во множестве зарубежных публикаций [Anderson 2001b, 2005; Bachem 1991; Benoit 2001; Bergen 2004; Carpenter 1990; Cienki 2001; Drulák 2004; Frankowska 1994; Heintze URL; Miller 2003; Musolff 2000, 2004; Müller 2005; Ryazanova-Clarke 2004; Zinken 2002; и др.].

Вместе с тем для некоторых современных российских исследований характерно стремление автора дать оценку выявленным метафорам с точки зрения их соответствия нормам русского языка и традициям отечественной политической коммуникации. Так, в монографии А. Д. Васильева «Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления» [2003] приводится множество примеров метафор, свидетельствующих, по мнению автора, о дурном вкусе коммуникантов и чрезмерном влиянии английского языка на современную русскую речь. Подобный материал широко представлен и в книге В. Н. Шапошникова «Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении» [1998]. Следует согласиться с тем, что многие метафорические образы,

используемые в современной политической коммуникации, не соответствуют стилистическим и иным нормам русской речи, традициям отечественной политической коммуникации, элементарным правилам приличия и даже существующему законодательству, которое охраняет честь и достоинство граждан.

В отдельных публикациях поднимается вопрос и об эффективности использования метафор в политической коммуникации. Так, в диссертации А. М. Стрельникова [2006] представлена попытка выяснить, в какой мере удачное или неудачное использование метафор может сказаться на итогах голосования на выборах президента в США и России.

Важно подчеркнуть, что в отличие от других уровней аксиологический уровень не является гносеологически самодостаточным. Являясь важным компонентом методологии политической метафорологии, аксиологический уровень все-таки не обладает минимальным методологическим содержанием, достаточным для проведения самостоятельных эпистемологических процедур. Именно поэтому (вопреки широко распространенному мнению) критический дискурс-анализ (critical discourse analysis), критический анализ (critical analysis), дескриптивный анализ не являются самостоятельными методологиями исследования как per se, так и применительно к анализу метафорики, в отличие от методик когнитивного и риторического толка, а также от других междисциплинарных методов.

2.4. Гносеолого-квантитативный уровень

В настоящем параграфе рассматриваются два ведущих аспекта, связанных с определением количественной и содержательной релевантности источников, выбираемых исследователем для метафорического анализа.

2.4.1. Квалитативный/квантитативный анализ

На уровне количественной релевантности источников разграничиваются методы квантитативного и квалитативного (без использования точных количественных подсчетов) анализа. В первом случае исследователь выявляет общие закономерности использования метафор без их точного количественного описания. Квантитативный анализ характеризуется большим объемом выборки и интерпретацией статистических закономерностей.

Следует отметить, что термин «квалитативный» не содержит оценки качества исследования. Очевидно, что количественный анализ может быть выполнен с высоким качеством, хотя большой объем выборки не позволяет одинаково детально рассмотреть все метафоры. Само по себе небольшое количество метафор, рассматриваемых при квалитативном анализе, не гарантирует высокое качество результатов.

Классическим исследованием, выполненным в рамках квантитативного анализа, стала работа Х. Де Ландтсхеер [De Landtsheer 1992], в которой на примере контент-анализа голландского политического дискурса было доказано, что в периоды политических и экономических кризисов значительно возрастает количество политических метафор. К заметным исследованиям последних лет, выполненных в рамках контент-анализа, относится публикация О. Байшы и К. Халлахана [Baysha 2004]. Исследователи рассмотрели корпус, состоящий из 829 текстов, посвященных украинским политическим событиям 2000–2001 гг. Указывая на значительные идеологические разногласия в украинских СМИ, авторы выделяют два общих способа воздействия на массовое сознание: открытая пропаганда и скрытая манипуляция. Доминирующее место в реализации обоих способов в политическом дискурсе отводится метафоре.

В диссертации Д. Софера [Sofer 2003] рассмотрен объемный корпус писем колумбийских граждан своим президентам за 15 лет. Исследователь выяснил, что авторы писем для обозначения президента и политических лидеров Колумбии особенно активно использовали метафоры со сферами-источниками РОДСТВО, ВОЙНА, РЕЛИГИЯ, КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР.

Наиболее полные и точные данные о соотношении разных видов политических метафор получаются при использовании корпусной методики. В данном случае корпус метафор понимается как определённым образом отобранная группа метафор, извлеченная по определенным правилам из разнообразных источников и сведенная воедино для того, чтобы лингвисты могли их изучать, выявляя объективно существующие закономерности (в том числе количественные). В современной лингвистике предназначенный для исследования корпус, как правило, готовится и анализируется с использованием информационных технологий [Баранов 2003; Национальный корпус русского языка 2005].

Как справедливо отмечает В. А. Плунгян, «в своей исследовательской работе лингвисты зависят, прежде всего, от количества и качества собранного материала. У многих еще свежи в памяти те времена, когда примеры выписывались из текста и заносились на карточки. Сейчас карточки ушли в прошлое» [Плунгян 2005: 7]. Справедливости ради надо отметить, что времена, «когда примеры выписывались на карточки» не просто все еще «свежи в памяти», но даже не до конца и уж во всяком случае не у всех «ушли в прошлое». Ведущим признаком корпусного подхода считается не сам по себе факт использования компьютерной техники, а изучение относительно объемного корпуса метафор на основе сплошной (без каких-либо пропусков) выборки из текстов. Такая выборка дает основания для точной статистики.

Статистически точные результаты дает и использование методики контент-анализа, при которой также обязательно наличие достаточно объ-

емной базы метафор, но может использоваться целенаправленная выборка, при которой не обязательно учитываются все использованные в соответствующих текстах метафоры. При контент-анализе, как и при корпусном анализе, принято точно указывать количество исследуемых метафор, источники, из которых они отобраны, и методику отбора (сплошная или целенаправленная выборка). Например, в авторефератах диссертаций российских лингвистов приведены данные о количестве проанализированных страниц (32579 в диссертации М. Р. Желтухиной), текстов (Т. С. Вершинина – 348, А. А. Каслова – 950, Р. Д. Керимов – 800, Н. А. Красильникова, 200, А. Б. Ряпосова 1000, Т. Б. Соколовская – 141, О. А. Солопова – 847, А. М. Стрельников – 827, Н. М. Чудакова – 1000, О. А. Шаова –1743, Н. Г. Шехтман 820) или метафор (Э. В. Будаев – 5600, С. Л. Ерилова – 3110, А. А. Каслова – 4120, Е. В. Колотнина – более 2000, Н. А. Красильникова – 1500, М. Н. Никонова – 5000, А. М. Стрельников – 3042, Н. М. Чудакова – 2300). Объем материала может быть обозначен также количеством рассмотренных слов (например, в исследовании Д. Берхо [Berhó 2000] проанализирован материал объемом 98995 слов).

При корпусном подходе или контент-анализе читатель должен иметь отчетливое представление о качественных и количественных характеристиках рассматриваемого корпуса и методике его создания. Такой подход особенно важен на этапе углубления и детализации той или иной теории, поскольку после выявления наиболее общих закономерностей и перспектив исследования актуальным становится скрупулезное описание конкретных метафорических моделей с точным определением их количественных параметров.

В последние годы специалисты все больше осознают, что важны не столько максимально объемный состав корпуса метафор, сколько точные критерии выделения данного корпуса на основе правильно выбранного источника. Вместе с тем по-прежнему актуальным остается и вопрос о том,

какое именно количество метафор должно быть в корпусе, на основе которого можно достаточно точно судить о специфике использования метафор в том или ином дискурсе. Предъявление корпуса (особенно достаточно объемного) – это важный показатель достоверности проведенного исследования. Сам объем корпуса позволяет избежать скоропалительных суждений, основанных на преувеличении роли явлений, мало характерных для политической коммуникации. Положения и выводы, основанные на изучении большого фактического материала, воспринимаются как вполне объективные. Целесообразность использования корпусного метода, контент-анализа или иных способов отбора и исследования материала в значительной степени определяется задачами и жанром исследования.

При квалитативном подходе на первый план выходит изучение общих закономерностей того или иного явления или даже сам факт обнаружения данного явления (например, метафор с определенной сферой-источником или прагматическим потенциалом). Ярким примером квалитативного подхода в метафорологии является знаменитая монография Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем, авторы которой прямо заявляют об отсутствии строго определенной выборки и даже о том, что многие примеры были заимствованы ими у других специалистов [2004: 24). Главным для авторов данного исследования является не фиксация той или иной фразы в определенных документированных источниках, а только сам факт возможности существования этой фразы, ее соответствие общим законам английского языка. В еще меньшей степени Дж. Лакофф и М. Джонсон обращают внимание на частотность и другие количественные показатели рассматриваемых ими метафорических моделей. На первых этапах развития едва ли не любой лингвистической теории намечаются лишь перспективы исследования, выявляются только самые общие закономерности, а подобные исследования едва ли могут быть корпусными.

Квалитативный анализ часто применяется для изучения единичных метафор, наиболее ярких или привлекших особое общественное внимание. В частности, такой подход использовался Ж. Фоконье и М. Тернером при анализе метафорического высказывания *Если бы Клинтон был Титаником, то утонул бы айсберг* [Turner 2000], П. Друлаком для описания метафоры *чехословацкого дома* [Drulak 2005], а У. Бенуа для исследования метафоры *моста* в риторике американских политиков [Benoit 2001] и др.

Следует отдельно подчеркнуть, что выделенное в данном параграфе противопоставление нельзя абсолютизировать. Вполне возможны исследования, в которых эвристики квалитативного и квантитативного анализа объединены. В современной политической метафорологии существуют интересные примеры квантитативного анализа конкретных метафор. Среди них статья И. Т. Вепревой и Н. А. Купиной [2009], посвященная политическому неологизму *перезагрузка*. Авторы указывают на две прецедентные ситуации, повлиявшие на стремительное вхождение в русский язык данной компьютерной метафоры. Но авторы не только детально разбираются в экстралингвистических источниках метафоры. Используя корпус высказываний, они описывают новое значение, отмечают развитие свободной сочетаемости, устанавливают коннотативные приращения.

На наш взгляд, необходимо избегать смешивать категории рассматриваемого уровня с методологическими компонентами других уровней. К примеру, некорректно противопоставлять квантитативный анализ метафор (корпусный подход, контент-анализ) и дискурс-анализ, так как в основе определения подходов лежат гетерогенные критерии. Методологически количественная релевантность материала слабо коррелирует с расширением или сужением круга феноменов, охватываемых в понятии предмета исследования. Другими словами, дискурс-анализ политической метафорики может проводиться как с применением квалитативного, так и квантитативного анализа, поэтому подобные противопоставления лишены смысла.

Следует специально подчеркнуть, что авторы публикаций по политической метафорологии ставят перед собой различные задачи, а поэтому представленные в настоящем обзоре данные сами по себе ни в коей мере не могут служить основанием для положительной или отрицательной оценки достоверности соответствующего исследования.

2.4.2. Отбор источников по содержательной релевантности

Помимо количественной характеристики релевантность источников определятся дополнительным рядом категориальных признаков содержательного характера. Исследователи не всегда эксплицитно определяют, квантитативный или квалитативный анализ они использовали, ограничиваясь указанием на характер использованного материала. В этом случае не сообщается точных количественных данных, но дается характеристика использованных источников. Это могут быть названия газет или телепередач (иногда с указанием времени их выхода), сообщение о том, что материалом исследования послужили публикации в Интернете (иногда с отсылками к определенным порталам или сайтам). Вместе с тем во многих публикациях (особенно относящихся к малым «жанрам») вообще нет никаких сведений об источниках рассматриваемых метафор.

При отборе материалов для исследования в политической лингвистике существует два полярных подхода – узкий и широкий [Чудинов 2003; Шейгал 2004 и др.]. В первом случае в качестве источников исследования используются только тексты, непосредственно созданные политиками и использованные в политической коммуникации. Такие тексты относятся к числу институциональных и обладают весьма существенной спецификой [Карасик 2004].

При широком подходе к отбору источников для исследования политической коммуникации используются не только тексты, созданные соб-

ственно политиками, но иные тексты, посвященные политическим проблемам.

Учитывая размытость границ между различными видами дискурсов, Е. И. Шейгал [2004] предлагает подходить к политическому дискурсу как к полевому феномену, включающему центральные и периферийные компоненты. При таком подходе предполагается, что политический дискурс включает в себя любые формы коммуникации, связанные со сферой политики (в том числе и имплицитно). При полевом подходе разграничивается институциональный политический дискурс, в рамках которого используются только тексты, созданные политиками (парламентские стенограммы, политические документы, публичные выступления и интервью политических лидеров и др.), и масс-медийный (медийный) политический дискурс, в рамках которого используются преимущественно тексты, созданные журналистами и распространяемые посредством прессы, телевидения, радио, Интернета.

К периферии политического дискурса (в зоне его пересечения с официально-деловым дискурсом) относится аппаратная коммуникация, в рамках которой создаются тексты, предназначенные для сотрудников государственного аппарата или сотрудников тех или иных общественных организаций. Это разного рода инструкции, правила поведения для сотрудников, приказы и распоряжения и др.

Еще одну часть источников составляют тексты, созданные «рядовыми гражданами», которые, не являясь профессиональными политиками или журналистами, эпизодически участвуют в политической коммуникации. Это могут быть разного рода письма и обращения, адресованные политикам или государственным учреждениям, письма в СМИ, разного рода надписи (в том числе на стенах), анекдоты, бытовые разговоры, связанные с политическими проблемами и др. Подобные тексты находятся в сфере пересечения политического и бытового дискурсов.

К периферии политического дискурса относятся также тексты, в которых используются элементы художественного повествования. Сюда относятся разного рода «политические детективы», «политическая поэзия» и (в несколько меньшей мере) тексты весьма распространенных в последние годы политических мемуаров.

Совершенно особую часть источников составляют посвященные политике тексты научной коммуникации. Так, значительную часть источников в диссертации А. А. Пшенкина занимают метафоры, которые использовали американские советологи, которые во второй половине прошлого века стремились дать научную оценку событиям в СССР/России [Пшенкин 2006]. Ряд исследований метафорики в научно-политологическом осмыслении политической действительности проведены зарубежными специалистами [Kövecses 1994; Miller 1979; Rayner 1984; Sormani 2008; Terchek 1999 и др.].

Границы между названными группами источников для анализа политических метафор не вполне отчетливы, нередко приходится наблюдать их взаимное пересечение. В монографии Е. И. Шейгал [2004] сфера пересечения собственно политического дискурса с политическим масс-медийным дискурсом представлена как своего рода зона между двумя полюсами, элементы которой в большей или меньшей степени обладают признаками и политического и масс-медийного дискурса.

Существует значительная группа публикаций, в которых политическая метафора изучается исключительно на материале институционального дискурса. Примером такого подхода может служить диссертация Р. Д. Керимова, где «материалом для исследования послужили тексты официальных речей политических деятелей ФРГ (депутатов бундестага, федеральных и земельных министров, федерального канцлера и федерального президента)» [Керимов 2005]. Институциональный политический дискурс рассматривается и в диссертации Е. Н. Беловой [1995], посвящен-

ной анализу слушаний в Конгрессе США. В публикации Р. Мюллера в качестве материала для анализа использовались выступления федеральных советников Швейцарии [Müller 2005].

Тексты СМИ создаются преимущественно профессиональными журналистами, но в нем так или иначе могут отражаться коммуникативные практики политиков и даже рядовых граждан. Именно масс-медийный дискурс рассматривается в качестве источника материалов для анализа в абсолютном большинстве исследований политической метафоры, в том числе в диссертациях Т. С. Вершининой [2002], А. А. Касловой [2003], Н. А. Красильниковой [2005], Т. А. Прокофьевой [2006], А. Б. Ряпосовой [2002], Н. А. Санцевич [2003], О. А. Солоповой [2006], А. М. Стрельникова [2005], Ю. Б. Феденевой [1998], А. А. Федосеева [2004], Н. М. Чудаковой [2005], О. А. Шаовой [2005] и др.

Немногочисленную группу составляют исследования, выполненные исключительно на материале текстов, авторы которых не относятся к числу профессиональных политиков или журналистов. Примером может служить исследование, посвященное политическим метафорам в блогах [Ho-Abdullah 2009] .

В современной политической лингвистике существуют также исследования, ориентированные на тексты, которые находятся на рубеже между политическим и художественным дискурсом. К числу подобных гибридных текстов относятся разного рода «политические детективы», «политические биографии» и даже «политическая поэзия». В частности, изучению метафор в автобиографической прозе современных российских политических лидеров посвящена диссертация А. В. Суриной [2007].

К периферии можно отнести исследования по метафорическому представлению общественной действительности, проведенные на примере текстов художественной литературы, или с использованием таковых наряду с

«прототипически политическими» источниками [Добренко 1993; Bilgin 2004; Harvey 1999; Van Teeffelen 1994 и др.]

В поисках закономерностей осмысления политической действительности исследователи находят неожиданные решения. К примеру, Б. Келле [Kelle 2003] предпринял попытку реконструкции метафорической картины политического мира на основе книги пророка Осии. По мнению автора, выявленные метафоры в целом позволяют судить о традициях метафорического убеждения на Ближнем Востоке в 8 веке до н.э. Например, метафоры, связанные с отношениями между влюбленными, используются для описания политических союзников, а блуд, супружеская неверность – устойчивые образы для репрезентации осуждаемых политических действий. Более того, речь пророка Осии связана с реальным социополитическим контекстом Эфремского кризиса (734-731 гг. до н.э.), ситуацией, в которой правящий дом Самарии объединился с другими союзниками для проведения новой политики. Осия использует разнообразные метафоры семейных отношений (жена, мать, свадьба, Ваали, измена и др.), отражающие характерные для еврейского общества традиции, как средство комментария к политическим изменениям в Самарии, способ предсказания грядущего кризиса. Понятно, что из-за недостатка источников исследование метафорического представления политической реальности в далекие эпохи затруднено. В такой ситуации некоторые книги из Библии, уже заслужившие в науке статус относительно достоверных исторических источников, становятся материалом для анализа политических метафор.

Еще одна классификация источников изучения политических метафор основана на разграничении устной и письменной речи. К числу устных источников относятся, в частности, материалы парламентских дебатов, выступления политических лидеров на встречах с избирателями, митингах, официальных церемониях и др. Письменные источники – это программы политических партий и движений, листовки, лозунги, послания президента

парламенту, выступления политиков в прессе и др. Различаются также материалы непосредственного диалога и материалы, предназначенные для трансляции при посредстве СМИ.

Во многих современных исследованиях не учитываются различия между метафорами в устной и письменной речи, однако существуют и такие работы, которые ориентированы только на один из названных видов речевой деятельности. Так, в монографии А. Д. Васильева [2003] представлены исключительно материалы телепередач. Исключительно устные тексты рассматриваются также в публикациях А. К. Михальской [1999], Р. Д. Керимова [2004], Е. Н. Беловой [1995].

Политические метафоры, зафиксированные только в письменной речи, стали предметом изучения в уже указанных выше диссертациях Т. С. Вершининой [2002], А. А. Касловой [2003], Н. А. Красильниковой [2005], Т. А. Прокофьевой [2006], А. Б. Ряпосовой [2002], Н. А. Санцевич [2003], О. А. Солоповой [2006], Ю. Б. Феденевой [1998], Н. М. Чудаковой [2005], О. А. Шаовой [2005] и др.

Одним из факторов ограничения границ исследуемого материала может служить нарративный подход, при котором изучается метафорика, связанная с определенным политическим событием. Такой подход использовал Дж. Лакофф при сопоставительном анализе метафорики, задействованной при концептуализации войны в Югославии [Lakoff 2001a] и Ираке [Lakoff 2003b]. Схожим образом нарративный подход применялся в исследованиях А. А. Касловой [2003], В. Кеннеди [Kennedy 2000], Р. Кусисто [Kuusisto 1998], К. Халверсона, [Halverson 2003], А. П. Чудинова [2003a], Е. Эль Рефайе [El Refaie 2001] и др.

При конкретном исследовании политической метафоры крайне сложно писать о глобальных закономерностях, абсолютное большинство публикаций выполнено на материале одного (реже – двух) национальных дис-

курсов, то есть ориентировано на материалы политической коммуникации в одной-двух странах.

При рассмотрении современных публикаций по политической метафоре целесообразно разграничивать исследования, обобщающие закономерности одного национального дискурса (например, российского, американского или польского) и сопоставительные исследования, в которых использованы материалы двух-трех, а иногда и десятков национальных дискурсов. Следует еще раз подчеркнуть, что абсолютное большинство специалистов изучает специфику политических метафор именно в национальном политическом дискурсе, а не в том или ином национальном языке. В связи с этим принято, например, автономно рассматривать австралийский, британский, американский и иные виды политических дискурсов, в которых используется английский язык. Так, в исследовании Н. А. Красильниковой [2005] убедительно продемонстрированы различия в использовании метафор в коммуникативной практике экологических движений в США и Великобритании.

Специалисты отмечают также, что до воссоединения Германии существовали значительные различия в метафорических системах, которые использовались в ГДР и ФРГ [Baranov, Zinken 2003], показательно, что обнаруживаются специфические явления и в русскоязычной прессе Латвии и Литвы [Клочко 2008, Макарова 2004].

На следующем этапе классификации целесообразно разграничить два подхода в выборе материала для анализа политической коммуникации. В первом случае лингвист обращается к рассмотрению политической коммуникации в родной для него стране, а во втором – материалом для исследования служит зарубежный политический дискурс. Примером первого типа может служить статья американского профессора В. Бенуа [Benoit 2001], обратившегося к изучению американской политической коммуникации. Примером второго типа является исследование российского специалиста

М. В. Сорокиной [2004] по использованию политиками из США метафор из подсферы-источника «Американский футбол».

Легко заметить, что абсолютное большинство современных исследований политической метафоры выполнено на американском материале, причем среди них встречаются как гомогенные, так и гетерогенные. Обращение к родной для автора политической среде типично для многих американских исследований [Bergen 2004; Berhó 2000; Carpenter 1990; Cienki 2004; Daughton 1993; Halverson 2003; Hardy 2003; Johnson 2005; Lakoff 1996, 2004; Paris 2002; Santa Ana 2002; и др.]. Вместе с тем к изучению американской политической метафоры обращаются специалисты и из других государств [Иванова 2002; Ольховикова 2009; Пшенкин 2006; Шадаева 2004; Шибанова 1999; Carvalho 2005; Chaban 2004; Moreno 2004 и др.]

На втором месте – публикации по российской политической метафорике, среди которых преобладают исследования отечественного дискурса [Баранов 1991a, 1994; Беглова 2004; Григорьева 2002 и др.]. Среди зарубежных публикаций по проблемам российской политической метафоры следует выделить работы Р. Андерсона [Anderson 2001a, 2001b, 2005], Дж. Кодевиллы [Codevilla 2003] и Рязановой-Кларке [Ryazanova-Clarke 2004].

Внимание исследователей регулярно привлекает метафорика британского [Рожкова 2005; Cibulskiene 2002; Harris 1998; Oberlechner, Mayer-Schönberger 2002; Underhill 2003], немецкого [Burkhardt 1992; Çaglar 2001; Hülsse 2000, 2003a; Kelly-Holmes, O ’Regan 2004; Rash 2005; Zinken 2004a; Керимов 2005a; Чепанова 1999] и польского дискурсов [Borkowski 1996; Frankowska 1994; Heintze URL; Kiklewicz, Prusak 2006; Zinken 2003].

Специалисты обращались также к исследованию метафор в политических дискурсах многих других стран: Австралии [Augoustinos, Penny 2001], Австрии [Лапшина 2006; El Refaie 2001], Аргентины [Berhó 2000], Бразилии [Canêdo 1997], Бельгии [Vertessen, De Landtsheer 2008], Венесуэлы [Hernández 2004; Molero de Cabeza 2002], Голландии [De Landtsheer 1991;

Van Hulst 2008], Греции [Kitis, Milapides 1997], Дании [Kjeldsen 2000], Египта [Nasalski 2004], Израиля [Abadi, Sacerdoti 2001], Ирана [Heradstveit, Bonham 2005], Италии [De Leonardis 2008; Semino 1996; Scolari 2003], Канады [Gidengil 1999, 2003a, 2003b; Gingras 1996], Колумбии [Sofer 2003], Литвы [Макарова 2004], Лихтенштейна [Hülsse 2009], Норвегии [Stenvoll 2005], Пакистана [Saigol 2000, 2003], Португалии [Abrantes 2002], Сингапура [Wee 2001], Тайваня [Wei 2001], Турции [Bilgin 2004], Финляндии [Hellsten 1997a], Франции [Kövecses 1994], Чехии [Chrz 1999] и Чехословакии [Drulák 2005], Швейцарии [Bärtsch 2004; Müller 2005], Швеции [Fridolfsson 2006, 2008], Южной Африки [Sonderling 1998].

Абсолютное большинство сопоставительных исследований политической метафоры выполнено на материале политических дискурсов двух государств. Среди исследований, материалом для которых послужили политические дискурсы трех государств, можно назвать работы Е. Л. Ериловой [2003], А. А. Красильниковой [2005], В. Кеннеди [Kennedy 2000], Р. Кусисто [Kuusisto 1998], И. В. Телешевой [2006], П. Чилтона [Chilton 1996], К. Шеффнер [Schäffner 1993].

Чаще всего в качестве одного из сопоставляемых политических дискурсов выступают американский, британский и российский дискурсы.

По количеству сопоставляемых политических дискурсов несомненными лидерами являются исследования Петра Друлака [Drulák 2004, 2005], в которых анализируются закономерности метафорического представления «европейского дома» в политических дискурсах 28 европейских государств. В статье Н. Н. Клочко [2008] представлены метафоры, которые активно используются в СМИ различных стран Восточной и Центральной Европы. Выделяется исследование Р. Водак и ее коллег, проанализировавших метафорическое представление Брюссельской межправительственной конференции (дек. 2003 г.) в дискурсе 8 европейских государств [Oberhuber 2005].

Отдельную группу составляют исследования так называемого европейского дискурса, точнее дискурса Евросоюза. Среди лингвистов даже появилось специальное наименование для этого дискурса – «евроспик». Исследователи рассматривают политические выступления в переводе (на рабочем языке мероприятий) или на многих языках без уточнения их точного количества. В таком случае фактор институциональности дискурса рассматривается как более значимый, чем национальный язык.

2.5. Междисциплинарный уровень

Во многих современных исследованиях когнитивный или риторический анализ политической метафоры дополняется на основе использования методов, характерных для культурологии (лингвокультурологии), психологии (психолингвистики), социологии (социолингвистики), теории дискурса, сопоставительной и типологической лингвистики [Будаев 2010]. К одним из наиболее распространенных методов современной политической метафорологии относится дискурсивный анализ. В этой связи необходимо рассмотреть проблему определения дискурса, ограничить рамки политического дискурса, рассмотреть основные подходы к дискурс-анализу политических метафор в современной лингвистике и обосновывать выбор принимаемого в настоящей монографии подхода с указанием на эвристики выбранного варианта.

2.5.1. Дискурсивный анализ

Специальные обзоры показывают, что в лингвистике нет однозначного определения термина дискурс [Алефиренко 2003; Борисова 2009; Григорьева 2007; Карасик 2004; Кибрик 2009; Кубрякова 2000, 2004; Леонтович 2009; Макаров 2003; Манаенко 2009; Михалева 2009; Олянич 2004;

Петрова 2003; Прохоров 2004; Ревзина 1999; Серио 2002; Цурикова 2002; Чернявская 2001, 2006; Чудинов 2001, 2003б; Шейгал 2004; Brown 1983; Schiffrin 1994; Yule 2000 и др.]. Как отмечает Дж. Юл, «дискурс-анализ охватывает широкий спектр научной деятельности, начиная от узко сфокусированного исследования того, как слова «oh» и «well» используются в обыденной речи, до изучения доминирования идеологий в определенной культуре, представленных, например, в образовательных или политических дискурсивных практиках» [Yule 2000: 83].

Обзор истории дискурс-анализа показывает, что генезис этого направления связан с переходом от формалистских, структуралистских и трансформационных подходов к «контекстуализации» дискурса. Однако на заре дискурс-анализа под контекстом понимался вербальный контекст, включающий в себя слова, предложения, пропозиции, высказывания и коммуникативные ходы. И только в начале 80-х гг. дискурсивные структуры стали систематически изучаться в их социальном, историческом и культурном контексте.

В современных обзорах и исследованиях сущности дискурса сложилось два подхода к определению онтологического статуса рассматриваемого феномена. В первом случае исследователи воспринимают дискурс как такой объективно существующий феномен действительности, при описании которого возможен один наиболее адекватный подход к его описанию.

При таком понимании исследователи анализируют существующие определения и, указывая на их «логическую некорректность», предлагают свое, «наиболее правильное» понимание. При альтернативном подходе различные определения дискурса рассматриваются как равновозможные, что не лишает ученого возможности соотносить понимание дискурса со спецификой своего исследования. При таком подходе определение дискурса соотносится с целями, материалом, научными традициями и другими конститутивными факторами исследовательской деятельности.

Сущность эволюции понятия дискурс и причины его вариативности выразила Е. С. Кубрякова, указывая, что «интуитивное обращение к новому понятию было вызвано не просто модой и не только содержанием слова дискурс, которое в литературном языке могло означать и речь, и беседу, и разговоры, и лекции, и последовательное изложение мысли, и рассуждения с переходом от одной темы к другой. Оно было связано с необходимой потребностью в создании такого концепта, который соединил бы существующие в неясном и смутном виде представления в единый гештальт и помог бы отразить в едином образе порождаемую в особых условиях речь, связанную с самими коммуникативными условиями этого порождения» [Кубрякова 2004: 524]. Различные подходы к дискурсу объединяются по принципу фамильного сходства: ученые акцентируют внимание на различных аспектах условий порождения дискурса в зависимости от исследовательских традиций, целей и материала исследования.

Вместе с тем нет необходимости использовать термин «дискурс» для обозначения понятий, за которыми в лингвистике давно закрепились устойчивые названия [Чудинов 2003: 49]. Мы присоединяемся к мнению тех ученых, которые рассматривают дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Караулов, Петров 1989: 8]. Также Н. Д. Арутюнова рассматривает дискурс как «текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [1990: 136–137]. Как указывает А. П. Чудинов, «преимущество такого подхода в том, что дискурс не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий ее участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [Чудинов 2001: 196].

Для определения границ политического дискурса важны идеи ряда исследователей, придерживающихся широкого понимания политического измерения дискурса. Как отмечает П. Серио, не существует высказывания, «в котором нельзя было бы не увидеть культурную обусловленность и которое нельзя было бы тем самым связать с характеристиками, интересами, значимостями, свойственными определенному обществу или определенной социальной группе, их признающей в качестве своих. В любом высказывании можно обнаружить властные отношения» [Серио 2002: 21]. По мнению Р. Водак и Г. Людвига, дискурс «неразрывно связан с властью и идеологией. Не существует социального взаимодействия, в котором не доминировали бы отношения к власти или не играли релевантной роли нормы и ценности» [Wodak 1999: 12].

Некоторые уточнения такого «сильного» варианта, размывающего границы между различными видами дискурсов, преодолеваются в работе Е. И. Шейгал [2004], в которой определяются критерии для определения границ именно политического дискурса.

Указывая на диффузные границы между различными видами дискурсов, Е. И. Шейгал предлагает использовать полевой подход. Политический дискурс включает как институциональные, так и неинституциональные формы общения, в которых к сфере политики относится хотя бы одна из трех составляющих: субъект, адресат или содержание сообщения [Шейгал 2004: 18–32]. При этом важно учитывать, что содержание сообщения нередко соотносится со сферой политики имплицитно. Как отмечает Дж. Юл, исследование дискурса направлено на изучение того, что не сказано или не написано, но получено (или ментально сконструировано) адресатом в процессе коммуникации. Необходимо обнаружить за лингвистическими феноменами структуры знания (концепты, фоновые знания, верования, ожидания, фреймы и др.), т.е. исследуя дискурс, «мы неизбежно исследуем сознание говорящего или пишущего» [Yule 2000: 84].

В настоящем исследовании принят «слабый» вариант определения границ политического дискурса. Например, не подвергались специальному рассмотрению материалы, посвященные вопросам спорта, искусства, экологии и т.п. Однако анализ материала показывает, что некоторые сферы общественной жизни эксплицитно связываются адресантом коммуникации с политической жизнью общества, а многие метафорические выражения, посвященные неполитическим сферам общественной жизни, позволяют адресату без особых затруднений получать инференции политического свойства.

Тот факт, что различные подходы к политическому дискурсу объединяются по принципу фамильного сходства можно продемонстрировать на примере критического дискурс-анализа. На настоящий момент в зарубежной лингвистике сложилось три основных школы критического подхода к анализу политического дискурса: немецкая школа критического анализа дискурса (З. Егер, У. Маас, Линк), особое место в которой занимает социолингвистический дискурс-анализ Р. Водак и ее коллег (венская школа дискурс-анализа) (Г. Вайс, Х. Людвиг, П. Новак, Й. Пеликан, М. Седлак); социокогнитивный анализ дискурса (Т. ван Дейк); ланкастерская школа дискурс-анализа (Н. Фэрклаф).

В зависимости от исследовательских традиций в понимании дискурс-анализа ученые указывают на различные элементы экстралингвистической действительности, обладающие дискурсообразующим характером. Так, отправной точкой в разработке принципов дискурс-анализа по Т. ван Дейку стало положение о том, что «пренебрежение социально-когнитивными факторами представляется одним из главных теоретических недостатков большинства работ в русле критической лингвистики и дискурс-анализа» [Dijk 1993: 251]. В школе Т. ван Дейка акцент ставится на моделировании когнитивных структур в общественном сознании посредством анализа

дискурса политических элит, стремящихся к легитимизации социального неравенства [Dijk 1993].

Другой вариант критического дискурс-анализа предложен Н. Фэрклафом и его единомышленниками, изложившими свое видение в ряде монографий [Chouliaraki 1999; Fairclough 1989, 1995]. Характерными чертами этого подхода являются привнесение в дискурс-анализ эвристик анализа интертекстуальности и пристальное внимание к вопросу о различиях в восприятии одного и того же коммуникативного события разными аудиториями, что сближает идеи Н. Фэрклафа с теорией релевантности Д. Спербера и Д. Уилсона.

Дискурс-анализ по Р. Водак восходит к «социолингвистике в Бернштейнианской традиции и идеям франкфуртской школы» [Wodak 1995: 209]. Анализ дискурса антисемитизма привел Р. Водак к разработке подхода, определяемого ею как «социо-исторический метод в дискурсе». С помощью социо-исторического метода предпринимается попытка «систематически интегрировать всю доступную фоновую информацию в анализе и интерпретации всех уровней письменного или устного текста» [Wodak 1995: 209]. Согласно теории Р. Водак, язык не только отображает социальные процессы и социальное взаимодействие, но и конституирует их. Дискурс «всегда историчен, т.е. он всегда синхронически и диахронически связан с коммуникативными событиями, происходящими в настоящий момент или происходившими прежде» [Wodak 1999: 12]. Фокусировка внимания на социо-историческом контексте дискурса в процессе объяснения и интерпретации – особенность, отличающая этот подход от дискурс-анализа по Т. ван Дейку и сближающая его с идеями об интертекстуальности в дискурс-анализе Н. Фэрклафа.

В американской и европейской лингвистике критический дискурс-анализ довольно популярный подход к анализу концептуальных метафор, позволяющий объединять моделирование когнитивных структур с гумани-

стическим осмыслением анализируемых событий [Chilton 1996; Kelly-Holmes 2004; Oberhuber 2005; Straehle 1999 и др.]. Особенно широкое распространение получил критический дискурс-анализ метафорики антииммигрантского дискурса [Baker 2005; El Refaie 2001; Hardy 2003; Johnson 2005; O'Brien 2003; Santa Ana 1999, 2002 и др.].

Несмотря на широкую популярность критического дискурс-анализа, некоторые исследователи подвергают эту методологию критике. Так, известный специалист в области политической коммуникации и политической метафоры П. Чилтон отмечает, что сторонники критического дискурс-анализа «пытаются бороться с несправедливостью различного рода, но едва ли возможно серьезное воздействие исследователей дискурса на продолжающийся геноцид, угнетение и эксплуатацию, свидетелями которого мы являемся» [Chilton 2004: x]. По мнению исследователя, большей научной значимостью для достижения постулируемых последователями критического дискурс-анализа целей обладают разработки в области когнитивной науки, чем идеологические позиции субъекта исследования [Chilton 2005].

Со своей стороны представители критического дискурс-анализа указывают на «мистический» характер когнитивных изысканий. В частности Н. Фэрклаф и его последователи отказываются от использования когнитивной методологии, связывая свою позицию с тезисом о принципиальной невозможности проникнуть в «черный ящик» сознания [Chouliaraki 1999].

Это противостояние мнений в зарубежной лингвистике продолжает уже имеющий свою историю спор о том, что лежит в основе связи политического поведения и метафоры. Если сторонники критического дискурс-анализа настаивают на социальной первичности метафоры, ее укорененности в социальных практиках, то когнитивисты видят в метафоре ментальную первооснову.

На наш взгляд, в радикальной форме обе позиции представляются методологическими крайностями, не учитывающими диалектического характера факторов метафорогенеза. В российской науке метафизичность как гносеологический принцип преодолевается в когнитивно-дискурсивной парадигме, позволяющей рассматривать политическую метафору одновременно как ментальный и лингвосоциальный феномен. Как отмечает Е. С. Кубрякова, «в реальной жизни когниция и коммуникация тесно между собой связаны, и провести между ними строгие границы можно лишь достаточно условно, в когнитивно-дискурсивной парадигме возникает задача реалистического отражения функционирования языка и отдельных его категорий, единиц или конструкций, и усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова 2004: 520]. Поэтому в настоящей главе дискурсивное исследование политической метафоры понимается как ее изучение в тесной взаимосвязи с национальными, историческими, личностными, институциональными и иными факторами, от которых в значительной степени зависит ее возникновение, функционирование и восприятие.

Среди зарубежных исследователей близкие позиции когнитивно-дискурсивному подходу занимает Т. ван Дейк. В монографии «Discourse and Context. A Sociocognitive Approach» [Van Dijk 2008] исследователь предлагает теорию контекстуальных моделей, рассматриваемых одновременно в социолингвистическом и когнитивном ключе. Традиционно контекст определялся как «объективные» социальные переменные (такие как гендер, возраст коммуниканта и т.п.). Т. ван Дейк утверждает, что не социальная ситуация сама по себе оказывает влияние на структуры текста и речи, а определение релевантных свойств коммуникативных ситуаций участниками дискурса. Для объяснения этих субъективных ментальных конструктов Т. ван Дейк вводит понятие контекстуальной модели (КМ), кото-

рой он отводит важную роль в производстве и понимании дискурса. Контекстуальные модели – недостающее звено между дискурсом, коммуникативной ситуацией и общественными процессами.

Т. ван Дейк предлагает рассматривать контексты в качестве субъективных конструктов в противовес большинству теорий, приписывающих контекстам объективные свойства социальных, политических или культурных ситуаций. Это не означает, что у контекстов не может быть объективных свойств (например, пространство и время). Имеется в виду, что любые социальные ситуации могут влиять на дискурс только после их субъективной интерпретации участниками дискурсивного процесса.

По Т. ван Дейку контексты – это ментальные модели особого рода, называемые контекстуальными моделями. Эти модели отражают релевантные свойства коммуникативного окружения в эпизодической (автобиографической) памяти и контролируют производство и понимание дискурса. КМ содержат набор общих для определенной культуры категорий и универсальных данных (пространственно-временная модель, цели, участники, действия), без которых участники коммуникации не смогли бы в доли секунд понимать сложные социальные ситуации.

Таким образом, то, что было принято называть объективным влиянием общества на дискурс, предлагается заменить влиянием во многом субъективных контекстуальных моделей. Вместе с тем контексты социально обусловлены, т.е. имеют вполне конвенциональное основание в идеологиях, знаниях, грамматике, правилах, нормах, ценностях и других компонентах когниции определенного дискурсивного сообщества. Это дает возможность выявить структуры контекста в межсубъектном измерении, которое в коммуникации априори имеет приоритет по отношению к субъективному фактору.

Т. ван Дейк отрицает возможность сведения контекстов как ментальных моделей к тексту или речи, как это имеет место в конструктивистских

и дискурсивно-психологических подходах. КМ и их свойства остаются преимущественно имплицитными и подразумеваемыми. К примеру, Т. Блэру необязательно говорить о том, что он – премьер-министр, потому что члены парламента, перед которыми он выступал, обладали этим знанием. Вместе с тем имплицитная природа контекстов не исключает их дискурсивной объективации, что обычно происходит при разрешении проблем, непонимании, ошибках.

Существуют теории о социальных структурах и лингвистические теории о структурах языка и дискурса, но отношения между этими двумя типами дискурса не могут быть эксплицитно выявлены, даже если дискурс признается социальным действием. Поэтому теория дискурса не может обойтись без когнитивных компонентов, а именно общих знаний, идеологий, норм, ценностей, а также уникальных ментальных моделей отдельных людей. Недостаточное внимание к когнитивной проблематике заметно тормозит развитие дискурс-анализа.

Среди зарубежных специалистов синтез когнитивных и дискурсивных эвристик применительно к дискурс-анализу политических метафор находит все больше сторонников [Hülsse 2003a, 2003b; Musolff 2004b; Zinken 2002]. В частности, известный специалист в области критического дискурс-анализа Р. Водак в одной из последних работ пишет о том, что «когнитивный и социокогнитивный подходы должны стать частью исследований дискурсивных практик, поскольку задачей любого направления в критическом дискурс-анализе является анализ / понимание и объяснение социальных проблем междисциплинарного характера» [Водак 2006: 108].

Отметим, что критическая составляющая вполне имеет право на существование и в рамках когнитивно-дискурсивного анализа. Специальных исследований по воздействию исследований метафоры критического толка на политические процессы не проводилось, однако нельзя полностью исключать влияние научной деятельности Дж. Лакоффа на электоральные

успехи демократов в США (помимо прочего имеются в виду три его последние книги [2004; 2006a; 2006b], которые использовались политиками-демократами в качестве пособий по коммуникации).

Важно отметить, что нельзя ставить когнитивный подход в один ряд с дескриптивным и критическим подходами, так критерии, положенные в основу классификации, гетерогенны. Разделение дескриптивного и критического подходов основано на критерии присутствия или отсутствия идеологической, гуманистической оценки объекта субъектом исследования, а выделение когнитивного подхода – на критерии метода (и шире – методологии) исследования. Другими словами, критический дискурс-анализ не может быть дескриптивным, в то время как и тот и другой могут дополняться или не дополняться когнитивными методами (например, когнитивный критический дискурс-анализ по Т. ван Дейку, некогнитивный критический по Н. Фэрклафу, дескриптивный когнитивный у многих российских исследователей и т.д.).

В политической метафорологии дескриптивный дискурс-анализ представлен многими направлениями. Среди них дискурсивная теория демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях, а не в изменении социальных или экономических условий. В рамках этой теории метафоре отводится роль каузального фактора общественно-политических изменений [Андерсон 2006; Anderson 2001].

Синтез эвристик исследования метафорики и методов дискурсивного анализа социальных структур по А. Вендт осуществил П. Друлак [Drulak 2004]. Базовая идея подхода состоит в том, что дискурсивные структуры являются отражением структур социальных. Исследователь проанализировал метафоры, которые использовали лидеры 28 европейских стран в дебатах о составе и структуре Европейского Союза. Выделив метафоры самого абстрактного уровня, П. Друлак выявил, что лидеры стран ЕС пред-

почитают наделять надгосударственное объединение чертами единого государства, а лидеры стран-кандидатов предпочитают видеть в ЕС сбалансированное объединение государств.

Важное место в политической лингвистике занимает комбинаторная теория кризисной коммуникации (CCC-theory) Х. Де Ландтсхеер и ее единомышленников. В русле этой теории исследователи указывают на возможность и необходимость объединения субституционального, интеракционистского и синтаксического подходов к анализу политической метафоры, которые не исключают друг друга, а только отражают различные перспективы рассмотрения одного феномена и имеют свои сильные и слабые стороны [Beer 2004]. Некогда Х. Де Ландтсхеер доказала на примере анализа голландского политического дискурса, что существует зависимость между частотностью метафор и общественными кризисами [De Landtsheer 1992].

В очередном исследовании Х. Де Ландтсхеер и Д. Фертессен рассмотрели стилистическую динамику языка политики [Vertessen 2008]. Сопоставляя метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, авторы обнаружили, что показатель метафорического индекса увеличивается в предвыборный период. Подобные факты, по мысли авторов, еще раз подтверждают тезис о важной роли метафоры как средства воздействия на процесс принятия решений и инструмента преодоления проблемных ситуаций в политическом дискурсе. Выявленная зависимость проявлялась применительно к «желтой» и «серьезной» прессе, а также не выявляет больших различий при анализе коммерческих и государственных СМИ. Эти результаты позволили авторам говорить об особенном, характеризующемся повышенной метафоричностью предвыборном стиле политического языка.

Теория дискурсивного понимания метафоры (the discursive notion of metaphor) разрабатывается рядом немецких лингвистов (J. Helmig,

R. Hülsse, J. Walter). По мнению исследователей, метафора не столько когнитивный, сколько социальный феномен. В первую очередь метафора рассматривается не как средство аргументации, а как отражение общих для определенной группы людей имплицитных категоризационных структур, оказывающих значительное влияние на конструирование социальной реальности [Hülsse 2003b]. Согласно названной теории, дискурс порождает метафоры, а метафоры рассматриваются как «агенты дискурса» (другими словами, индивидуально-когнитивным особенностям участников политической коммуникации отводится малозначительная роль) [Walter 2005]. Й. Вальтер и Й. Хелмиг указывают на необходимость переоценки лингвистического поворота в дискурс-анализе и призывают совместить макроанализ дискурса с микроанализом метафоры, чтобы избежать узкого лингвистического подхода, учитывающего только то, что говорят, но не принимающего во внимание то, как говорят.

Еще одно направление представлено исследованиями в русле постмодернистской теории дискурса. Теория постулирует всеобщую метафоричность всякой сигнификации, а анализ политического дискурса считается наиболее подходящим способом выявления этой онтологической метафоричности. Все «пустые означающие» (empty signifiers) политического дискурса конститутивно метафоричны, причем метафоричность проявляется в различной степени [Laclau 1996]. При таком подходе стирается граница между метафоричностью и «буквальностью» (метафорическим может считаться, напр., лозунг «We can do it ourselves» – «Мы можем сами собой управлять»), а при анализе дискурса можно говорить только о степени метафоричности «пустых означающих» [Hansen 2005].

По мнению В. Моттьер, адекватный анализ проблемы взаимодействия метафоры и властных отношений необходимо основывать на синтезе герменевтического подхода с эвристиками дискурсивного анализа М. Фуко,

что позволит преодолеть крайности слишком широкого деконструктивизма и слишком узкого когнитивизма [Mottier 2008].

Характерная черта современных российских исследований – теоретическая и практическая разработка когнитивно-дискурсивного подхода к анализу метафоры, объединяющего описание роли метафоры в категоризации и концептуализации политического мира с рассмотрением особенностей ее функционирования в реальной коммуникации (А. Н. Баранов, Т. С. Вершинина, Ю. Н. Караулов, А. А. Каслова, Р. Д. Керимов, Е. В. Колотнина, Н. А. Красильникова, А. Б. Ряпосова, Н. А. Санцевич, Т. Г. Скребцова, А. М. Стрельников, Ю. Б. Феденева, Н. М. Чудакова, А. П. Чудинов, О. А. Шаова и др.). В основе этого подхода лежит тезис о невозможности четкого разграничения когнитивного и дискурсивного измерения метафоры. При когнитивно-дискурсивном подходе «усилия исследователя направляются прежде всего на то, чтобы выяснить, как и каким образом может удовлетворять изучаемое языковое явление и когнитивным, и дискурсивным требованиям» [Кубрякова 2004б: 520]. Метафора одновременно описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен, соответственно только когнитивная или только дискурсивная трактовка метафоры препятствует ее адекватному описанию.

Таким образом, указание на социально-политические и историко-культурологические факторы действительности не исчерпывает потенциального многообразия экстралингвистической каузации порождения и функционирования метафоры в политическом дискурсе. Как отмечает А. П. Чудинов, при исследовании концептуальной метафоры в политическом дискурсе необходимо учитывать «все присутствующие в сознании говорящего и слушающего (пишущего и читающего) компоненты, способные влиять на порождение и восприятие речи» [Чудинов 2003б: 18].

Вместе с тем дискурсивный подход к анализу метафоры не означает, что необходимо предварять исследование метафоры социальными, поли-

тологическими, историческими, культурологическими и прочими очерками, опираясь на необходимость «учета экстралингвистических факторов». Обращение к экстралингвистической действительности целесообразно для экспликации фактов собственно лингвистических, не представляются плодотворными детализированные историко-политические экскурсы, предваряющие описание политических метафор. Поэтому вполне закономерно, что неоправданная интердисциплинарность вызывает справедливую критику (см., например [Попова 2001]).

Российская школа дискурсивного анализа вобрала в себя некоторые эвристики дискурс-анализа по Т. ван Дейку (потеряв критичность), близка идеям социополитического дискурс-анализа Р. Водак, конститутивно интегрирует дискурс-анализ с когнитивной методологией. Вместе с тем многие европейские лингвисты все чаще в разработке принципов дискурс-анализа занимают близкие когнитивно-дискурсивной парадигме методологические установки [Chilton 2005; Wodak 2006; Yule 2000;], в том числе применительно к дискурс-анализу политических метафор [Hülsse 2003; Mottier 2008; Musolff 2004a, 2004b; Steen 2002; Walter 2005; Zinken 2002, 2004b].

На современном этапе идущая от Ф. де Соссюра структуралистская традиция анализа языковой системы сменяется активным внедрением в лингвистические исследования теории дискурс-анализа, вовлечением в методологический аппарат политической метафорологии широкий экстралингвистический контекст. В современной лингвистике структуралистский подход к метафоре сохраняет свою значимость (см. [Москвин 2006]), однако его эвристики ограничиваются системно-языковыми вопросами и мало подходят для анализа дискурса, для изучения того, как люди на самом деле говорят и пишут, а именно данный аспект приобретает в современном обществе все большую актуальность. По справедливому замечанию Е. С. Кубряковой, «дискурсивная деятельность носит отчетливо выражен-

ный специализированный характер, т.е. не может быть описанной вне указания на «среду» ее функционирования» [Кубрякова 2004: 526].

Вместе с тем важно отметить, что современная политическая метафорология не отказалась от всего лучшего, что было в традиционных учениях о метафоре. Более того, феномен функционирования метафоры в политической коммуникации активно изучался с середины прошлого века, а идеи, положенные в основу современных подходов к дискурс-анализу, в той или иной степени разрабатывались в работах по политической метафоре в русле исследований по риторике и прагматике (см. [Будаев 2008б]).

Детальный анализ когнитивно-дискурсивного подхода к политчисекой метафоре рассматривается в специальной монографии [Будаев 2012].

2.5.2. Лингвокультурологический анализ

Лингвокультурология – направление современной лингвистики, возникшее на стыке языкознания и культурологии. Лингвокультурологический подход помогает решать одну из актуальных проблем политической метафорологии, заключающуюся в выявлении закономерностей метафорического моделирования картины мира в политических дискурсах различных государств. В этой сфере можно предположить постоянное взаимодействие двух тенденций.

С одной стороны, многочисленные исследования фиксируют общие кросскультурные черты политической метафорики. «Современные средства массовой информации составляют уже своеобразный интердискурс, в котором различия отдельных… языков – вещь чисто поверхностная. При обсуждении современных событий мировая пресса мгновенно подхватывает сказанное кем-то удачное выражение, оно разносится по изданиям и языкам…. Мы смотрим на мир (или нам предлагается смотреть) очень схоже» [Шмелева 2001: 5].

С другой стороны, следует согласиться с тем, что наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры [Lakoff, Johnson 1980]. Аналогичные мысли неоднократно высказывали и отечественные специалисты (Ю. Д. Апресян, А. Н. Баранов, Е. М. Верещагин, В. Г. Гак, Ю. Н. Караулов, В. Г. Костомаров, Е. С. Кубрякова, Б. А. Успенский и др.).

Сопоставляя названные тенденции, можно сделать вывод о том, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает современное состояние общества, национальную культуру и национальный менталитет, в других — типична для определенного цивилизационного пространства, а в третьих – имеет общечеловеческий характер.

Эвристики лингвокультурологии нашли применение во многих российских исследованиях [Красильникова 2007; Нартикова, Зайцева 2016; Ряпосова 2002, Стрельников 2005, Чудакова 2005]. К примеру, А. А. Каслова [2003] постоянно дополняет когнитивно-дискурсивный анализ метафор, использованных в рамках избирательных кампаний по выбору президентов США и России, разного рода замечаниями лингвокультурологического характера. В результате подобного комплексного исследования автор приходит к выводу о необходимости разграничения метафорических моделей с высокой и низкой степенью зависимости от национальных особенностей использования метафор.

Примеры описания лингвокультурологической специфики метафорического осмысления политики обнаруживаются и в зарубежных публикациях. К примеру, китайские политические метафоры брака несут в себе отличную от европейской концептуальную информацию. В китайском обществе браку предшествует серия замысловатых переговоров, направленных на защиту интересов обеих семей, а желания жениха и невесты вопрос второстепенный. Это сближает рассматриваемые китайские метафоры с метафорами политической или экономической сделки, но с мораль-

ным основанием: брак рассматривается китайцами как выполнение обязательств перед предками [Wei 2001: 63-64, 66-68].

Достаточно рельефно специфика политических метафор проявляются в гендерных стереотипах исламских государств. Межкультурное сопоставление политической метафорики Запада и Востока позволяет сделать вывод о том, что картина политической действительности часто структурируется в соответствии с противопоставлением мужского и женского начал, но оценочные смыслы варьируются в политическом дискурсе гетерогенных культурных сообществ [Будаев 2006].

Причины культурного своеобразия национальных метафор связаны с несколькими факторами. Оценочные смыслы метафор связаны с геоклиматическими условиями того ареала, на котором формируется культура, с традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, и другими факторами, имеющими многовековую историю. Вместе с тем система политических метафор даже в самом традиционном обществе не представляет собой раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности. Изменения в инвентаре политических метафор определенной культуры связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Примеры лингвокультурологической специфики политической метафоры приводит Дж. Вэй, рассматривая традиционную китайскую цветовой символику и ее взаимодействие с новообразованиями в метафорике. По данным исследователя, в современном тайваньском политическом дискурсе получила широкое распространение метафора шляпы как символа власти. При этом большое значение имеет ее цвет: красный цвет связан со взяточничеством, золотой – с финансовыми скандалами, черный – с культивированием непотизма, желтый – с прелюбодеянием. Таким образом, политик, который, напр., «носит красную шляпу», косвенно обвиняется автором метафоры в коррупции [Wei 2001: 75–77].

Межкультурное своеобразие в концептуальных картинах мира может быть связано с особенностями ситуативной интерпретации определенных политических событий. В этом отношении наиболее известна Интернет-публикация Дж. Лакоффа, в которой рассмотрен контраст между метафорическим осмыслением кризиса в Персидском заливе в США и арабских странах [Lakoff 1991].

Лингвокультурологический ракурс рассмотрения политической метафоры позволяет показать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного культурного пространства (Запад, Россия, Восток, Африка и др.), а в-третьих – имеет общечеловеческий характер. Продолжение лингвокультурологического исследования метафорики, задействованной в политическом дискурсе, позволит лучше разграничить закономерности, общие для всего цивилизованного мира или какой-то его части, и специфические признаки того или иного национального политического дискурса.

2.5.3. Методы психологии и нейролингвистики

Во многих исследованиях базисные методы политической метафорологии обогащаются эвристиками нейролингвистических и психолингвистических теорий. Ярким примером может служить нейрокогнитивная теория метафоры, образовавшаяся на стыке нейронной теории языка, теории первичных и сложных метафор и теории концептуальной метафоры.

Нейронная теория языка направлена на выявление нейробиологических детерминант когниции и с общенаучных позиций ее становление – вполне закономерный этап в развитии когнитивистики как комплексного интердисциплинарного направления в изучении человеческого мышления. Необходимость такого развития теории Дж. Лакофф и М. Джонсон связы-

вают с тем, что «когнитивные эффекты на верхнем уровне когниции возможны благодаря нейробиологии на ее нижнем уровне» [Lakoff 1999: 570]. Если в традиционной когнитивной лингвистике исследователи обычно ограничивались анализом корреляций языковых и когнитивных явлений, т.е. рассматривали языковые явления с позиций принципа когнитивного обязательства, то в нейронной теории языка ощущается значительный естественно-научный уклон. При таком подходе в качестве недостающего звена между когнитивными и лингвистическими феноменами рассматривается уровень моделируемых с помощью компьютеров коннекционистских сетей, соотносимых с нейронной архитектурой человеческого мозга.

Нейрокогнитивный подход к изучению метафоры начинает активно развиваться в конце 90-х гг., когда ряд лингвистов Калифорнийского университета и ученых из института компьютерной науки в Беркли объединяют свои усилия. Важным результатом интеграции этих усилий стало понимание того, что язык, когнитивные процессы и сенсомоторная деятельность связаны с активизацией одних и тех же участков нейронной сети. Например, при восприятии метафор движения в мозге человека осуществляется ментальная симуляция физического действия, результаты которой проецируются обратно на сферу-мишень, привнося инференции, вытекающие из ментальной симуляции моторной деятельности [Lakoff 1999: 583].

Еще одним направлением развития нейрокогнитивной теории метафоры стали практические разработки компьютерных программ, моделирующих семантические сети коннекционистского типа [Narayanan 1997]. Такую программу С. Нараянан применил к анализу концептуальных метафор движения, задействованных при осмыслении политики и экономики в американской прессе [Narayanan 1999].

На становление нейрокогнитивного подхода оказала влияние теория первичных и сложных метафор [Grady 1996, 1997, 2005; Lakoff 1999] и исследование К. Джонсона [Johnson 1999]. Согласно названным работам, ме-

тафоры можно разделить на первичные (primitive) и сложные (complex). Процесс формирования первичных метафор происходит в раннем детстве в период так называемой фазы «конфляции» (по К. Джонсону), когда субъектный и сенсорно-моторный опыт еще не разъединены. Связи, установленные в этот период, сохраняются и проявляют себя на протяжении всей жизни человека и служат основой для формирования сложных метафор, которые образуются из первичных путем концептуального блендинга. Первичные метафоры рассматриваются в качестве своеобразных «атомов» абстрактного мышления, детерминированных телесным опытом, поэтому и сложные метафоры в конечном счете должны быть связаны с сенсомоторной деятельностью.

Подтверждения этой гипотезы предлагают исследователи психолингвистического направления. Основные сомнения у психолингвистов возникают по вопросу о том, сопровождается ли актуализация стертых метафор активными операциями над концептуальными доменами и не являются ли подобные метафоры своеобразными клише, пассивно усваиваемыми носителями языка. Эксперимент по верификации предположения Дж. Лакоффа о «телесном разуме» и подсознательном характере базовых концептуальных метафор был проведен в Калифорнийском университете в Санта Круз Р. В. Гиббсом и Н. Л. Уилсон [Gibbs 2002]. В ходе эксперимента были установлены корреляции между моторикой испытуемых и употреблением антропоморфных, в том числе стертых метафор. При этом корреляции не варьировались в зависимости от национальности испытуемых (в эксперименте участвовали носители португальского и английского языков – бразильцы и американцы). Другие подтверждения тесной взаимосвязи между абстрактными концептами и деятельностью мозга по регулированию сенсомоторной деятельности человека предоставляет нейропсихология, точнее все та же нейронная теория языка (neural theory of language) и теория «зубьев» (theory of cogs). Опираясь на названные теории и выдвинутые в

когнитивной лингвистике гипотезы, Джордж Лакофф и известный итальянский нейропсихолог Витторио Галлези приводят в своей публикации ряд естественно-научных подтверждений теории «телесного разума», в частности показывая, что одни и те же участки мозга «отвечают» как за концепты, связанные с сенсомоторной деятельностью, так и за концепты, связанные с абстрактными идеями [Gallese 2005].

Осознание того факта, что метафора первично ментальный, а не языковой феномен, все чаще инициирует обращение ученых к психолингвистическим и психоаналитическим методикам при анализе политического дискурса. Такие исследования часто направлены на изучение политической метафоры не как средства убеждения, а как отражения сознательных или бессознательных представлений коммуникантов о политической реальности.

Психолингвистические методы исследования метафорики позволяют получать данные об особенностях метафорического конструирования мира политики рядовыми гражданами, определенными социальными группами, что недоступно при традиционном анализе политического дискурса, материалом для которого обычно становятся тексты, созданные журналистами, политиками или их спичрайтерами.

Примером использования психолингвистической методики изучения политических метафор может служить исследование В. Харди [Hardy 2003]. Автор провел анкетирование американских граждан на предмет их отношения к законопроекту об ограничении образования на испанском языке и установлении английского языка в качестве единственного официального языка штата Калифорния. Использовав полученные данные, В. Харди выявил, что при концептуализации жителей штата Калифорнии – латиноамериканцев по происхождению – сторонники этого закона использовали метафоры войны, водных потоков и концептуальную метафору «Американская нация – это ткань» (ткань может порваться, если многие

нити будут другого состава, размера и качества). Названное исследование позволило показать важную роль метафоры в осмыслении политических проблем рядовыми гражданами и вместе с тем показало, что метафорическое представление о действительности среди рядовых граждан во многом совпадает с картиной мира, предлагаемой в СМИ.

Психолингвистические методы особенно важны при исследовании прагматических эффектов использования политической метафорики. Анализ метафор в политическом дискурсе позволяет реконструировать концептуальные структуры в сознании адресанта коммуникации или выявить его прагматические интенции, но для того, чтобы определить степень эффективности использования этих метафор, выяснить реализуется ли заложенный в метафорах прагматический потенциал, необходимо непосредственно обратиться к сознанию адресата. Так как рядовые граждане не принимают непосредственного участия в порождении собственно политического или медийного дискурса, материалом для анализа становятся данные, полученные в результате специальных экспериментов, чаще всего опроса или анкетирования.

Примером такого исследования может служить работа Я. Босмана и Л. Хагендорна [Bosman 1991]. В первой части эксперимента исследовалась относительная эффективность метафорических и буквальных политических сообщений. Участники эксперимента читали неметафорическое и метафорическое описание расистской политической партии, а потом письменно заполняли опросные листы, в которых отвечали на вопросы о политике этой партии и возможных путях противодействия этой политике. Обработав результаты, Я. Босман и Л. Хагендорн пришли к выводу, что, хотя метафоры и оказывают влияние на идеи, предлагаемые участниками эксперимента, неметафорические выражения более эффективны.

Таким образом, исследования с использованием психолингвистических методов позволяют скорректировать гипотетические предположения,

иногда принимаемые как само собой разумеющееся, и показать, что метафоры убедительны не сами по себе, а только во взаимодействии с когнитивными установками адресата: расстановкой приоритетов в системе социальных ценностей, а также индивидуальным эмоциональным отношением к метафорическому выражению.

Помимо анкетирования, ученые активно используют метод интервью. Преимущество метода интервьюирования для анализа идиолектных политических метафор связано с тем, что исследователь получает материал для анализа в ходе естественного общения с коммуникантом, а не из заранее подготовленных текстов, над которыми автор имел достаточно времени подумать (если конечно участнику интервью вопросы не сообщались предварительно). Примерами исследования политической метафорики с помощью интервьюирования могут служить публикации Д. Херадствейта, Г. Бонхэма, Т. Оберлехнера, В. Майер-Шенбергера [Heradstveit 2005; Oberlechner 2002].

Психолингвистические эксперименты позволяют не только исследовать психологические аспекты, сопровождающие функционирование метафоры в политическом дискурсе, но и подвергать верификации само понятие метафоричности политического дискурса. Именно этот путь выбрал Алан Ченки [Cienki 2004]. Американский лингвист провел анализ существующих методов анализа политической метафоры и выделил три подхода: интуитивный анализ концептуальных метафор, основывающийся на экспертном знании; верификация полученных таким методом метафор на примере небольшого набора или внушительного корпуса политических текстов; использование небольшого корпуса текстов выступлений определенных политиков для выявления концептуальных метафор и их последующего изучения в рамках теории критического дискурс-анализа.

Основываясь на критериях метафоричности, разработаных группой «Pragglejaz», А. Ченки собрал корпус метафор для практического исследо-

вания, которое заключалось в следующем. Участникам эксперимента раздавались стопки карточек, с предложениями, содержащими метафоры. Испытуемым предлагалось распределить карточки по группам таким образом, чтобы в каждой группе были подобные высказывания. Количество категоризационных групп не ограничивалось, испытуемые сами выбирали, сколько и каких групп будет сформировано. Материалом для составления карточек послужили записи дебатов между Дж. Бушем и А. Гором 2000 г. Высказывания претендентов на президентский пост распределялись по темам на 9 групп. Для отображения на карточках выбирались простые предложения, сложные предложения делились на несколько частей в местах соединительных союзов.

Для дальнейшей обработки А. Ченки использовал следующую инструкцию.

1. Относится ли предложение к основной теме?

2. Если (1) верно, то существуют ли примеры метафорического использования лексических единиц, метафоричность которых определяется по критериям, выработанным группой «Pragglejaz»?

3. Если (2) верно, то относится ли метафорическое выражение к основной теме?

Прошедшие через эту обработку выражения составили корпус, из которого методом случайной выборки были отобраны 30 предложений (по 15 из дискурса каждого кандидата) для каждой из основных тем. Эти предложения с подчеркнутой метафорической единицей помещались на карточки и предъявлялись студентам, которые не изучали теорию концептуальной метафоры или политологию. После того как образовывались три группы карточек, А. Ченки просил испытуемых объяснить, по какому критерию они формировали группы. Полученные от испытуемых критерии объединения А. Ченки объединил в три группы: близость образов сферы-

источника, позитивная или негативная оценка, грамматические категории самих слов.

Среди исследований политической метафорики, находящих основания в теориях глубинной психологии, выделяется монография С. Кина. Опираясь на методологию юнгианской школы психоанализа, С. Кин обратился к анализу архетипа тени в политической агитации и пропаганде [Keen 1991]. С позиций психоанализа М. Аугустинос и С. Пенни [Augoustinos 2001] рассмотрели вопрос о том, как австралийские политики представляют проблему примирения между аборигенным и неаборигенным населением Австралии. Проанализировав 12 выступлений политиков (6 аборигенов и 6 неаборигенов), удалось показать, что в основе осмысления проблемы лежит архетипический метафорический образ совместного путешествия.

В отечественной науке психолингвистический анализ политических метафор представлен в публикациях В. Н. Базылева [1999а, 2005], А. А. Романова и И. Ю. Черепановой [1998].

2.5.4. Политолого-социологический анализ

Метафора на протяжении долгого времени оставалась предметом исследования филологов и философов, но в последнее время этот феномен все чаще вызывает интерес у представителей широкого круга общественных дисциплин. В исследованиях подобного рода метафора все чаще становится первоочередным предметом исследования, а анализ метафор становится в общественных науках распространенным методом познания социально-политической действительности. Исследователи все чаще фиксируют организующую роль метафор в постижении социально-политической реальности и отмечают метафорическую природу политической картины мира.

Исследование политической метафоры – распространенное явление в политологических публикациях [Потапчук 2006; Canêdo 1997; Lunt 2005; Rayner 1984; Smith 2002; Terchek 1999; Van Hulst 2008; Yanow 2008; Zashin 1974]. Примечательно, что политологи, часто не ставят перед собой задачу исследовать метафоры, но в результате научных изысканий обращаются к метафоре. Например, занимаясь политологической проблемой, которая, на первый взгляд, непосредственно не связана с метафорой («Идеология в структуре политического процесса»), С. В. Куньщиков делает вывод о том, что «идеология «работает» в политическом процессе не непосредственно, а через систему идеологических метафор, эффективность которых заключается в способности адекватно выражать ценностно-значимые для социальных групп смыслы политической деятельности» [Куньщиков 2006: 10].

Отметим, что во многих исследованиях политолого-социологического цикла получение научного знания основывается не столько на корпусном анализе собственно лингвистических явлений, сколько на общих наблюдениях за корреляцией общественных процессов и политического мышления. В качестве примера можно привести работу Я. Эзрахи [Ezrahi 1995], который, начиная от трудов Ж.Ж. Руссо, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Р. Дарендорфа и заканчивая современным социолого-политологическим дискурсом, прослеживает эволюцию метафоры механизма и театра как способов осмысления общества и политики. По мнению исследователя, эти две метафоры претерпевают своеобразное сращение, при котором детерминистическая механистическая метафора вуалируется театральной метафорой, затемняющей дегуманизацию современного общества.

Подобное исследование на примере бразильского политического дискурса провела Л. Канедо, показав, что, несмотря на функционирование в Бразилии демократических институтов, понятие «передача власти» находится в тесной связи с традиционной бразильской метафорой политики как семьи [Canêdo 1997].

Отдельные политологические изыскания позволяют получать небезынтересные данные и очень схожи с лингвистическими исследованиями по манере интерпретации закономерностей функционирования политической метафоры. Так, в статье македонского исследователя Димитриса Акривоулиса [Akrivoulis 2008] исследуются ньютоновские метафоры периода основания США и в начале холодной войны. Опираясь на герменевтику воображения П. Рикера, автор отводит метафорам важную роль в конструировании американцами образа собственного государства и его взаимоотношений с другими странами и показывает, что сложившиеся в ту эпоху метафоры получили дальнейшее развитие в годы холодной войны.

Норвежский политолог Д. Стенволл [Stenvoll 2008] показывает, что конститутивная функция политической метафоры заключается в сдвиге фокуса с насущного вопроса на гипотетическую проблему, с настоящего на будущее. Метафора «скользких склонов» представляет мир политики как мир физических объектов, который управляется законами природы, описанными естествознанием. Этот ракурс рассмотрения позволяет представить политические события как довольно простые и предсказуемые процессы, определяемые установленными самой природой закономерностями, и исключает из поля зрения непредсказуемые человеческие или социальные факторы. Такое видение политики, названное автором «натурализацией политики», упрощает сложные социальные проблемы, представляя их в простом для понимания виде.

В исследовании В. Моттьер [Mottier 2008] ставится задача совместить анализ метафор с социально-политическим анализом. В. Моттьер утверждает, что подобный синтез должен строиться на основе теории интерпретации и теории власти. Герменевтика и теория релевантности подходят на роль теории интерпретации, но не годятся для использования в качестве теории власти. Теория дискурса М. Фуко представляет собой хорошо разработанную теорию власти, но недостаточно ориентирована на интерпре-

тацию. Однако названная теория предлагает такой взгляд на власть, который позволяет исследователям связать эту теорию с анализом метафоры при рассмотрении вопросов значения, идентичности и властных институтов. Таким образом, В. Моттьер пытается инкорпорировать метафорический анализ в политический дискурс-анализ с привлечением эвристик герменевтики и теории релевантности.

Еще одним аспектом политологических исследований является изучение способности метафор высвечивать или затемнять определенные понятия. Так, И. Хонохан представила анализ влияния метафор на формирование дискурса солидарности [Honohan 2008]. Автор рассматривает, как органистические и механистические метафоры создают образы единства нации и государства. Автор уделяет отдельное внимание случаям метафорического представления отношений между гражданами и государством в понятиях вертикальной ориентации и отношений внутри групп в понятиях горизонтальной ориентации, а также случаи концептуализации солидарности с использованием образов с диффузными границами. Таким образом, И. Хонохан выстраивает шкалу, отражающую способность метафор усиливать или ослаблять концепт солидарности в политическом дискурсе.

Любопытно, что представители общественных наук задались вопросом, насколько метафора определяет не только политический, но и собственно политолого-социологический дискурс. Ф. Сормани и М. Бенингхофф провели «научную экспертизу исследований политики» и проанализировали роль метафоры в политологических и социологических изысканиях [Sormani 2008]. Сначала авторы указали на недостатки формального анализа исследований политики, а затем привели пример анализа одной из научных статей, в которой научные идеи описывались с помощью метафоры игры. Ф. Сормани и М. Бенингхофф показали, как метафорические ходы используются в дискурсивной артикуляции политологических идей и

привлекли внимание исследователей политологического дискурса к метафорам, лежащим в основе объяснения тех или иных идей.

С одной стороны, знакомство с политологическим подходом расширяет представления лингвистов о методологических гранях политической метафорологии, позволяет увидеть объект в новом свете, с другой, – для читателей-языковедов высвечивает достоинства собственно лингвистического анализа, эвристики которого иногда ускользают от представителей общественных наук.

2.6. Выводы по второй главе

1. Общеметодологическая структура политической метафорологии состоит из четырех уровней, каждый из которых связан с определенным аспектом научной деятельности: онтологический уровень (бытийный аспект), аксиологический уровень (оценочный аспект), гносеолого-квантитативный уровень (аспект релевантности источников), междисциплинарный уровень.

2. Онтологический уровень методологии служит своеобразным базисом для всех остальных уровней методологии, которые можно сравнить с надстройкой. Первые три уровня можно обнаружить во всех исследованиях: метафора должна быть квалифицирована как ментальное или вербальное явление, исследователь (не) эксплицирует свое оценочное отношение, в исследовании используются только квалитативные методики или же применяются количественные подсчеты и обоснования. Четвертый уровень относится к факультативным, он отражает наличие или отсутствие междисциплинарных методов и подходов.

3. Противопоставление на онтологическом уровне носит фундаментальный характер и основывается на различиях в понимании феномена метафоры как бытийной сущности. Это противопоставление основывается на

двух основных подходах: когнитивном, фундирующем ментальную онтологию метафоры (в слабом варианте) или постулирующем примат ментальной онтологии (в сильном варианте), и риторическом, ограничивающем метафору языковой системой (в сильном варианте) или прагматическими параметрами речи (слабый вариант).

4. Большинство современных сопоставительных исследований по политической метафоре базируется на когнитивной теории метафоры, охватывающей целый комплекс теорий. Этот методологический комплекс возник как на основе эволюции теории концептуальной метафоры, так и на пересечении альтернативных когнитивных и политлингвистических теоретических конструктов. Доминирование когнитивных исследований в политической метафорологии связано с новыми эвристическими возможностями этой парадигмы.

5. Риторическое (структурно-стилистическое) направление в изучении политической метафоры возникло значительно раньше, чем когнитивное. Точкой отсчета современной политической метафорологии в риторической традиции является теория архетипичных метафор, разработанная М. Осборном и его единомышленниками. Риторическое направление в изучении политических метафор, с одной стороны, относится к числу несомненных источников, послуживших основой для возникновения когнитивной теории политической метафоры. С другой стороны, риторическое направление до настоящего времени выступает как своего рода «конкурент» теории и практики исследования политических метафор «по Лакоффу».

6. Становление современной теории политической метафоры сопровождалось диалектическим взаимодействием формирующейся когнитивной парадигмы и развитием традиций исследования метафоры в русле лингвопрагматики. Не только когнитивная теория метафоры вносила коррективы в работы, ориентированные на традиционные методы исследова-

ния, но и некоторые разработки по исследованию метафоры в политической лингвистике предшествовали или сопутствовали когнитивной теории метафоры. Параллельное развитие двух названных направлений приводит к их взаимному обогащению и даже конвергенции.

7. На аксиологическом уровне политической метафорологии методологическая оппозиция проявляется в противопоставлении критического и дескриптивного подходов. При критическом подходе метафора рассматривается как одно из средств, которое использует социальная власть для осуществления своего господства в обществе. Приверженцы дескриптивного подхода занимают более объективистскую позицию. В дескриптивных исследованиях превалирует стремление описать и объяснить феномены, избегая при этом собственной (особенно связанной с политическими убеждениями субъекта исследования) идеологической оценки, что связано с представлениями о критериях научной объективности исследования. В отличие от других уровней аксиологический уровень не является гносеологически самодостаточным.

8. По критерию количественной релевантности в корпусе современных исследований разграничиваются два подхода: квантитативный и квалитативный. В первом случае в основе исследования лежит точно определенная и достаточно объемная база метафор, извлеченных на основе сплошной или целенаправленной выборки из точно определенного корпуса текстов. Сведения об этих источниках точно указываются в тексте. Во втором случае в публикации нет сколько-нибудь определенных сведений об объеме и источниках рассмотренного материала. При таком подходе в задачи исследователя входит обнаружение соответствующего явления без квантитативной характеристики или детальное описание единичных метафор, наиболее ярких или привлекших особое общественное внимание.

9. Помимо количественной характеристики, релевантность источников определятся дополнительным рядом категориальных признаков со-

держательного характера. Исследователи не всегда эксплицитно определяют, квантитативный или квалитативный анализ они использовали, ограничиваясь указанием на характер использованного материала. В этом случае не сообщается точных количественных данных, а дается характеристика использованных источников. Вместе с тем при таком подходе значение рассматриваемого противопоставления не нивелируется, а только переводится на имплицитный уровень.

10. Необходимо избегать смешивания категорий уровня релевантности материала с методологическими компонентами других уровней. К примеру, некорректно противопоставлять квантитативный анализ метафор (корпусный подход, контент-анализ) и дискурс-анализ, так как в основе определения подходов лежат гетерогенные критерии. Методологически количественная релевантность материала слабо коррелирует с расширением или сужением круга феноменов, охватываемых в понятии предмета исследования. Другими словами, дискурс-анализ политической метафорики может проводиться как с применением квалитативного, так и квантитативного анализа, поэтому подобные противопоставления не имеют большого смысла.

11. Важной методологической чертой современной политической метафорологии является ее междисциплинарный характер, проявляющийся в активном использовании эвристик широкого спектра смежных с политической метафорологией дисциплин. Во многих современных исследованиях когнитивный или риторический анализ политической метафоры дополняется на основе использования методов, характерных для культурологии (лингвокультурологии), психологии (психолингвистики), социологии (социолингвистики), теории дискурса, сопоставительной и типологической лингвистики. На междисциплинарном уровне ведущее место в современной политической метафорологии занимает дискурсивный анализ.

12. Генезис дискурсивного анализа политических метафор связан с переходом от формалистских и структуралистских подходов к «контекстуализации» дискурса. Однако на заре дискурс-анализа под контекстом понимался вербальный контекст, включающий в себя слова, предложения, пропозиции, высказывания и коммуникативные ходы. И только в начале 80-х гг. дискурсивные структуры стали систематически изучаться в их социальном, историческом и культурном контексте. Анализ дискурсивных подходов к исследованию политических метафор обнаруживает широкое методологическое разнообразие. Вместе с тем просматривается тенденция к объединению эвристик дискурсивного анализа политических метафор с когнитивными теориями метафоры, т.е. в направлении, сформулированном в отечественном языкознании как когнитивно-дискурсивная парадигма исследований.

13. Разность метаязыка описания политической метафоры в лингвистике, общественных науках, дисциплинах психологического и культурологического цикла не мешает отмечать схожесть выводов, что служит свидетельством «объективной составляющей» этих исследований, обусловленной сущностными закономерностями функционирования политической метафоры. Таким образом, каждая из методологических граней сопоставительной политической метафорологии позволяет увидеть предмет анализа в новом свете и приблизить исследователей к решению вопросов о сложном взаимодействии сознания, языка и культуры.

ГЛАВА 3.
СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРОЛОГИЯ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА

Опыт развития политической метафорологии показывает, что проведенные на одном и том же материале исследования могут существенно различаться между собой в зависимости от того, в каком аспекте изучаются метафоры и какие задачи ставит перед собой автор. Основная цель настоящего раздела – выделение когнитивных и дискурсивных аспектов исследования, наиболее характерных для публикаций по политической метафорологии. Для этой цели необходимо инвентаризировать когнитивные объекты сопоставления и категоризировать дискурсивные ракурсы сопоставительного анализа политической метафорики.

3.1. Когнитивные объекты сопоставления

Бурное развитие когнитивной лингвистики, наблюдаемое в последние десятилетия, сопровождается активным использованием терминологического аппарата когнитивистики. Метаязык новой парадигмы стал настолько популярен, что стал своеобразным маркером «передовой» лингвистической мысли даже в тех исследованиях, которые по своей сути когнитивными не являются, отчего неопределенность и многозначность понятий только усиливалась.

Дискуссии по поводу тех или иных научных понятий явление естественное и достичь универсального понимания не всегда возможно даже в рамках одного научного направления. Вместе с тем в каждом конкретном

исследовании необходимо определить, что подразумевается под тем или иным термином во избежание разночтений.

Объектами когнитивного анализа являются когнитивные структуры, а также когнитивные операции между этими структурами. К когнитивным (концептуальным) структурам относятся концепты, фреймы и слоты, сценарии, гештальты, скрипты, идеализированные когнитивные модели, ментальные пространства, домены, концептуальные сферы метафорической экспансии, метафорические модели, концептосферы и др.

Прежде всего, необходимо отметить, что выделение некоторых из этих понятий связано не столько с необходимостью обозначить новый фрагмент действительности, сколько с особенностями и традициями определенных научных школ. Иллюстрацией может служить высказывание Алана Ченки, согласно которому «фрейм тяготеет к когнитивным теориям грамматики, идеализированные когнитивные модели уместны при исследовании роли фоновых знаний в семантическом анализе, особенно в вопросах категоризации, а домены – понятие применимое к исследованиям концептуальных метафор» [Cienki 2007: 183–184]. Данная характеристика применима к некоторым зарубежным научным школам, однако придерживаться таких рекомендаций в отечественной лингвистике довольно проблематично. К примеру, термин фрейм настолько распространен в отечественной когнитивной семантике, что резервировать его за грамматикой уже невозможно, а термин домен используются при анализе концептуальных метафор не чаще, чем термин фрейм.

Когнитивистика формировалась как изначально междисциплинарная наука. С этим фактом связаны феномены обозначения схожих явлений разными терминами. К примеру, термины скрипт и сценарий используются для обозначения структур знания, репрезентирующих динамические аспекты действительности, но термин скрипт используется сторонниками так называемого компьютерного направления в когнитивной лингвистике, в то

время как сценарий употребляется исследователями лингвокогнитивного направления.

Основными объектами когнитивного анализа в политической метафорологии являются концепты, фреймы и слоты, сценарии, концептуальные домены (понятийные сферы), метафорические модели, концептосферы. Особую роль в политической метафорологии играют базисные когнитивные структуры, рассмотрению которых посвящен отдельный параграф. Рассмотрим данные когнитивные (концептуальные) структуры.

В лингвистике отсутствует однозначное толкование термина концепт [Алефиренко 2003; Алимурадов 2003; Бабушкин 1996; Болдырев 2001; Вежбицкая 1997; Воркачев 2001, 2002, 2003; Демьянков 2007а, 2007б; Залевская 2001; Зиновьева 2003; Карасик 2004, 2009, 2010, 2019; Крючкова 2005; Кубрякова 1994, 1996, 1999; Лихачев 1993; Маслова 2004; Попова 2001, 2007; Прохоров 2009; Слышкин 2000; Степанов 2001; Стернин 2006; Худяков 1996, 2001; Шведова 2006; Concepts 1999; Conceptual 2003; Evans 2006b; Fodor 1998; Gallese 2003; Gardenfors 2000; Knowledge 1997; Langacker 2002; Rakova 2003; Talmy 2003a, 2003b; Wierzbicka 1992 и др.], и существует большое количество дискуссионных и нерешенных вопросов о формировании, структуре, типах и языковой объективации концептов. Как отмечает В. И. Карасик, «понимание концептов весьма вариативно в современной лингвистике. Не вызывает споров лишь то положение, что концепт принадлежит сознанию и включает, в отличие от понятия, не только описательно-классификационные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики» [2004: 115].

Не будем принимать во внимание концепции, приравнивающие концепт к понятию, значению или другим феноменам, уже имеющим терминологическое оформление. Для когнитивной лингвистики такие подходы малопригодны, хотя они и могут быть уместны в других научных направлениях. В определенном смысле попытка приравнять популярный термин

к уже существующему понятию является маркером некогнитивного исследования. Если же такие подходы позиционируются как когнитивные, то они лишь запутывают вопрос и создают информационный шум.

В данном исследовании концепт рассматривается как «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека», как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» и используемой для описания представлений «о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [Краткий словарь 1996: 90]. Совокупность всех концептов в национальном сознании образует национальную концептосферу.

Когнитивные трактовки концепта сводятся к двум подходам: лингвокогнитивному и лингвокультурному [Воркачев 2001]. Для наших целей важно учитывать, что при анализе метафорики нельзя ограничиваться только лингвокогнитивным, ориентированным на отношения языка и сознания, или только лингвокультурологическим, направленным на анализ корреляций языка и культуры, подходом к концепту. Мы привели характерное для лингвокогнитивного подхода определение Е. С. Кубряковой, учитывая одно важное обстоятельство. По справедливому указанию В. И. Карасика, лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы не являются взаимоисключающими, «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу общества, т.е. в конечном счете на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [Карасик 2004: 117]. Конкретное метафорическое выражение есть коррелят

фрагмента индивидуальной концептосферы, но при построении метафорической модели из индивидуальных метафор образуется «метафорическая мозаика» [Чудинов 2003], отражающая концептосферу общества и ее культурные доминанты.

Сопоставительное исследование метафорической модели по вектору (или методу) начинается с исследования вербализованных компонентов индивидуальных концептосфер независимо от того, присутствует ли в индивидуальном концепте оценочный компонент, является ли это содержание культурно специфичным (что не всегда известно в начале исследования, иначе в анализе нет смысла), но по результату исследования делаются выводы об универсальном и культурно специфичном в национальных концептосферах. Таким образом, при исследовании метафор корреляции индивидуального и культурно-специфичного концептуального содержания носят неразрывный, диалектический характер.

Концепты – смысловые единицы сознания, а не языка. К примеру, концепт ПОЛИТИК представлен в языке лексемой *политик*, но эти феномены необходимо четко дифференцировать. Несмотря на то, что для обозначения концептов часто используют слова естественного языка, исследователи отмечают отсутствие жестких соответствий между концептуальными и языковыми структурами [Воркачев 2001; Попова 2001; Карасик 2004; Кубрякова 1996 и др.]. Некоторые концепты не имеют языкового выражения, один и тот же концепт может соотноситься с несколькими словами, а одно и то же слово может апеллировать к разным концептам. По этой причине для дифференциации ментальных и языковых феноменов в настоящей работе используются малые прописные буквы для обозначения концептов (и других когнитивных структур) и курсив для маркирования языковых примеров. Это позволяет отличить контексты, в которых речь идет о концепте, от контекстов, в которых говорится о языковой единице.

Подобно языковым единицам, концепты существуют не автономно друг от друга, а связаны между собой в определенные структуры. Организация семантики языковых единиц и концептов не совпадает. Для иллюстрации этого тезиса можно привести классический пример Шенка-Абельсона. Концепт РЕСТОРАН связан с концептами ОФИЦИАНТ, ЗАКАЗ, СЧЕТ, ПРИЕМ ПИЩИ, ПОСЕТИТЕЛЬ и др. Эта связь обусловлена не структурно-семантическими отношениями между словами (антонимическими, гипонимическими, синонимическими или какими-нибудь другими), а смысловыми отношениями между концептами в нашем сознании. Эта связь основывается на опыте нашего взаимодействия с миром.

В связи с этим важно отметить, что при концептуальном анализе метафор учитываются не только метафоры в традиционном понимании, но и метонимические переносы, синекдохи, фразеологизмы, перифразы, сравнительные обороты, что связано с признанной в когнитивистике асимметрией между концептуальной метафорой и языковыми средствами ее объективации (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Л. Гуссенс, Ю. Н. Караулов, Дж. Лакофф и др.). Как отмечает А.П. Чудинов, в когнитивной парадигме понятийное сближение рассматривается как фактор более важный, чем уровневые или структурные различия, а язык рассматривается «как единый континуум символьных единиц», поэтому при метафорическом анализе «в равной степени рассматриваются слова, относящиеся к различным частям речи, лексико-грамматическим разрядам и семантическим объединениям» [Чудинов 2001: 37]. Согласно когнитивной лингвистике метафора представляет собой ментальную операцию, процесс и результат проекции между когнитивными структурами.

Для обозначения когнитивных структур, организующих концепты, используются понятия фрейма и слота. Под фреймом понимается концептуальная структура для декларативного или процедурного представления знаний о типизированной ситуации или о типичных свойствах объекта.

Слот – компонент фрейма, детализирующий свойства и элементы типизированной ситуации. Фреймы, репрезентирующие процедурные знания, называются сценариями. Фреймово-слотовая структура отражает не научную картину мира, а то, что исследователи называют обыденными (наивными) представления человека о мире, донаучной картиной мира (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, С. Г. Воркачев, Дж. Лакофф, М. Джонсон, А. А. Зализняк, Л. Н. Иорданская, Е. С. Кубрякова, В. А. Маслова, С. Е. Никитина, М. В. Пименова, Г. Радден, Е. В. Рахилина, Е. А. Урысон, Й. Цинкен, А. П. Чудинов, А. Д. Шмелев, Е. С. Яковлева и др.). Фреймы не являются изолированными когнитивными структурами. Комплексы фреймов, взаимосвязанных между собой концептуальными связями, образуют концептуальные домены (понятийные сферы).

Если первоначальные исследования политической метафорики в основном фокусировались на анализе единичных концептов или фреймов, то по мере эволюции политической метафорологии исследователи все чаще стали выбирать в качестве объекта когнитивного анализа понятийные сферы и метафорические модели, образующиеся в процессе метафорических концептуальных проекций из одной понятийной сферы (сферы-источника) в другую (сферу-мишень).

Наиболее полно методика анализа метафорической модели и входящих в ее состав когнитивных структур представлена в исследованиях А. П. Чудинова [2001: 44–46; 2003: 70–72]. Для описания метафорической модели необходимо охарактеризовать ее следующие признаки:

– исходную понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-источник, сферу-донор, откуда-сферу, сигнификативную зону, источник метафорической экспансии, область источника), то есть понятийную область, к которой относятся неметафорические смыслы охватываемых моделью единиц;

– новую понятийную область (в других терминах – ментальную сферу-магнит, сферу-мишень, куда-сферу, денотативную зону, реципиентную сферу, направление метафорической экспансии, область цели), то есть понятийную область, к которой относятся метафорические смыслы соответствующих модели единиц;

– относящиеся к данной модели фреймы, каждый из которых понимается как фрагмент наивной языковой картины мира и которые структурируют исходную концептуальную сферу, а в метафорических смыслах служат для нетрадиционной ментальной категоризации сферы-магнита;

– составляющие каждый фрейм типовые слоты, то есть элементы ситуации, которые включают какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации;

– компонент, который связывает первичные (в сфере-источнике) и метафорические (в сфере-магните) смыслы, охватываемых данной моделью единиц, то есть выяснить, что дает основания для метафорического использования соответствующих слов;

– дискурсивную характеристику модели (типичные для соответствующих метафор концептуальные векторы, ведущие эмотивные характеристики, прагматический потенциал модели, ее взаимосвязи с экстралингвистическими факторами, взглядами и интенциями субъектов коммуникации);

– продуктивность модели, то есть способность к развертыванию на основе актуализации новых фреймов, слотов, концептов (степень продуктивности модели увеличивается по мере использования все новых и новых лексических единиц); частотность модели и при необходимости ее доминантность (если потенциал развертывания и частотность использования метафорической модели на данном этапе развития общества и языка значительно увеличиваются).

Необходимо отметить, что понятие метафорической модели в зарубежной лингвистике используется редко (в аналогичном смысле используются понятия метафорической системы (metaphoric system) или концептуальной метафоры в широком смысле), а во многих исследованиях по концептуальной метафоре вопрос о системности междоменных корреляций ограничивается ссылками на монографию Дж. Лакоффа и М.Джонсона [Lakoff, Johnson1980]. Вместе с тем разработанный в теории метафорического моделирования метаязык вполне позволяет описывать эти исследования в рамках названной теории.

Сопоставительный анализ политических метафор связан с тремя основными группами когнитивных структур:

1. Сферы-источники метафорической экспансии.

2. Сферы-мишени метафорической экспансии.

3. Базисные когнитивные структуры (стереотипы, оппозиции, элементы картины мира и др.), актуализированные в политических метафорах.

Рассмотрим подробнее выделенные группы.

3.1.1. Сферы-источники метафорической экспансии

В традиционной теории метафоры важное место занимает семантическая классификация метафор. Основанием для данной классификации служит то, к какой семантической (тематической) группе относится слово в неметафорическом значении. Соответственно в отдельные группы объединяются, например, такие метафорические словоупотребления, которые в исходных значениях обозначали животных, растения, механизмы, болезни, перемещение, вещества и др.

Классификация по направлениям экспансии очень важна и при когнитивном исследования политических метафор, только когнитологи обычно подчеркивают, что метафора – это феномен не языковой, а ментальный, и

поэтому сферы-источники метафорической экспансии будут являться не языковыми, а ментальными (понятийными).

При всех различиях, которые существуют между семантической классификацией метафор по семантическим группам и когнитивной классификацией метафор по ментальным сферам, эти рубрикации имеют и однотипные признаки. Показательно, что при конкретном анализе метафор с использованием как риторической, так и когнитивной методик, выделяемые группы оказываются очень близкими по составу. Поэтому в настоящем разделе типовые сферы-источники метафорической экспансии рассматриваются вне зависимости от методики их выделения.

В зависимости от количества рассматриваемых сфер-источников можно выделить три типа исследований политической метафоры.

В первом случае исследователь стремится по возможности полно охарактеризовать все наиболее важные сферы-источники метафорической экспансии в том или ином политическом дискурсе. В этом отношении примером могут служить уже упоминавшиеся словари А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1991, 1994], диссертации Ю. Б. Феденевой [1998] и А. А. Пшенкина [2006], монографии А. П. Чудинова [2001, 2003].

В зарубежной лингвистике выделяются комплексные работы А. Мусолффа [Musolff 2000, 2004], Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2004, 2005], О. Санта Аны [Santa Ana 2002], Й. Цинкена [Zinken 2004]. В подобных исследованиях предпринимаются попытки сопоставить частотность различных метафорических моделей, выявить их соотношение на определенных этапах развития политической коммуникации или в определенных политических условиях.

Во втором случае предметом исследования становятся несколько сфер-источников, объединяемых по определенным критериям (концептуальный вектор, понятийная смежность семантических разрядов, прагматический потенциал и др.). Так, в исследовании А. Б. Ряпосовой [2002] де-

тально анализируются метафорические поля со сферами-источниками ВОЙНА, КРИМИНАЛ и МИР ЖИВОТНЫХ, которые в современном российском политическом дискурсе отличаются максимальной агрессивностью прагматического потенциала. В диссертации Н. Г. Шехтман [2006] рассматриваются метафорические модели со сферами-источниками СПОРТ и ТЕАТР, которые относятся к числу зрелищных феноменов. В диссертации Т. С. Вершининой [2002] предметом изучения стала группа органистических метафор (зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора).

В зарубежной науке классической работой этого типа является статья Н. Хоува о спортивных и милитарных метафорах американского политического дискурса [Howe 1988]. Подобный характер имеет исследование профессора Иерусалимского университета Я. Езрахи, усматривающего тесную взаимосвязь театральной и механистической метафорики [Ezrahi 1995]. Основанием для объединения исходных понятийных областей может служить гендерный фактор [Gidengil 1999, 2003a, 2003b, 2003c; Koller 2002, 2004], общность категоризационных структур базисного уровня [Andersson URL; Bates 2004; Sandikcioglu 2003; Zinken 2002], негативная оценка [El Refaie 2001]. В монографии И. Насальски выделены египетские политические метафоры, акцентирующие смысл переходного состояния в развитии общества (беременность, болезнь, пробуждение, дорога и др.) [Nasalski 2004], а в исследовании Дж. Лакоффа рассмотрены метафорические фреймы из сфер-источников, потенциал которых позволил администрации США оправдывать необходимость войны в Персидском заливе [Lakoff 1991].

В исследованиях третьего типа автор считает необходимым обратиться к детальному комплексному описанию метафор, относящихся лишь к одной источниковой сфере. Опыт показывает, что сосредоточение внимания исследователя на одной модели позволит охарактеризовать эту модель максимально полно, изучить ее «под лингвистическим микроскопом» и

благодаря этому обнаружить закономерности, ускользающие при обозрении всей широкой картины. В диссертации Н. М. Чудаковой [2005] предметом исследования стали только метафоры со сферой-источником НЕЖИВАЯ ПРИРОДА в современном российском политическом дискурсе. В зарубежной лингвистике подобная методика применялась А. Мусолффом [Musolff 2006] для анализа метафор родства в политических дискурсах нескольких европейских стран, Ф. Де Леонардисом, изучившим медицинские метафоры в языке итальянской политики [De Leonardis 2008], Л. Рязановой-Кларке [Ryazanova-Clarke 2004], рассмотревшей российскую криминальную метафорическую модель и др.

Такую же методику исопльзовал А. Тьяркс, посвятивший свою монографию метафорам из сферы-источника FAMILIE в немецком политическом дискурсе [Tjarks 2011]. Ту же сферу-источник, но уже в российском политическом дискурсе рассмотрела Н. В. Багичева [2016], а британские метафоры родства

детально проанализированы А. Мусолффом [Musolff 2016]. Такие исследования позволяют раскрыть прагматический потенциал определённой семантической области в политической коммуникации. Метафоры семьи обычно привносят мелиоративные смыслы, призванные сплотить общество в условиях кризиса и дезинтеграционных процессов. Вместе с тем данная сфера иногда используется для привнесения противоположных смыслов (развод, принудительный брак, мачеха и т.п.). Аналогичную методику лингвисты использовали для анализа антропоморфных метафор в немецкой политической коммуникации [Керимов 2015; Leonhardt 2012], метафор болезни в российских СМИ [Budaev 2017], образов путешествия в прессе США и Великобритании [Abdel-Raheem 2014] и др.

На последнем этапе детализации можно выделить группу исследований, авторы которых детально анализируют метафоры, связанные с конкретными концептами сферы-источника. Примерами могут служить ис-

следования метафор ПОЛИТИКА – ЭТО МОСТ [Benoit 2001], ПОЛИТИКА – ЭТО ТРУД [Berhó 2000], ЧЕХОСЛОВАКИЯ – ЭТО ДВОЙНОЙ ДОМ [Drulák 2005] и др.

Такой подход позволяет сфокусировать внимание на выбранном концепте и детально его проанализировать. Например, в исследовании Дж. Дамеле показано [Damele 2016], что концепт BEEHIVE (пчелиное улье) хорошо подходит для осмысления иерархических обществ, поэтому она была востребована для метафорической концептуализации монархии с целью привнесения прагматического смысла естественности такой формы правления. Схожий подход реализован А. Мусолффом при анализе метафор PARASITEN в фашистском дискурсе [Musolff 2011] и HEART в дискурсе европейской прессы [Musolff 2013]. Детальный анализ концепта CANCER (рак) как источника метафоризации в современном английском языке провели А. Поттс и Е. Семино [Potts, Semino 2019]. Изучив 928 примеров из трех корпусов английского языка, авторы показали, что к высокочастотным сферам-магнитам метафорической экспансии для данного концепта относятся политика, преступность, идеология и экономика. В отечественной лингвистике такой ракурс анализа использован при изучении метафор птица-тройка [Богданович, и др. 2019], информационная атака [Коцюбинская 2016], lame duck [Миронова 2016].

Часто исследования отдельных концептов сферы-источника посвящены архетипичным концептам, имеющим давнюю историю. Так, в монографии Дж. Чартериса-Блэка прослежена история метафоры fire (огонь), которая начинается с рассуждений о роли огня в становлении человеческой цивилизации и становлении религиозных концепций и доводится до современных политических выступлений в США и Великобритании [Charteris-Black 2017]. Также к традиционным источникам метафорической экспансии относятся милитарные концепты. Группа американских исследователей проследила вездесущность метафоры war on smth в американском политическом дискурсе [Flusberg et al. 2018]. Американские прези-

денты регулярно объявляют войну с чем-либо: Р. Никсон анонсировал войну с наркотиками (war on drugs), Л. Джонсон – войну с бедностью и преступностью (war on poverty, war on crime), Дж. Форд вел войну с инфляцией (war on inflation) и т.п.

Содержание основных понятийных разрядов, служащих источниками политической метафоры последних десятилетий, может быть обобщено следующим образом.

1. Антропоморфная метафора. Человек моделирует политическую реальность по своему подобию, что позволяет метафорически представлять сложные и далекие от повседневности политические понятия как простые и хорошо известные реалии. Рассмотрению этого разряда метафор посвящены исследования С. Басси [Bassi 1996], О. С. Зубковой [2006], З. Ковечеша [Kövecses 1994], Е. В. Колотниной [2003], С. Н. Муране [2003], Т. Ропера [Rohrer 1991], И. В. Телешевой [2006], А. П. Чудинова [2001, 2003а] и других специалистов.

2. Природоморфная метафора. Живая и неживая природа издавна служит человеку своего рода моделью, в соответствии с которой он представляет социальную, в том числе политическую, реальность, создавая таким образом языковую картину политического мира. Результаты изучения подобных метафор представлены в трудах Т. С. Вершининой [2002], А. Б. Ряпосовой [2002], Н. М. Чудаковой [2005] и целого ряда других специалистов. Так, в исследовании Н. М. Чудаковой, которое посвящено метафорам со сферой-источником Неживая природа в современном российском политическом дискурсе, выделены следующие субсферы-источники метафорической экспансии: Формы рельефа, Почва, Недра, Водные пространства, Стихийные бедствия, Метеоусловия, Климат и погода, Газовая оболочка Земли, Времена года. В процессе исследования выяснилось, что наиболее частотной и детально структурированной оказалась сфера-источник Метеоусловия. В ее составе можно выделить целый ряд

активных фреймов, слотов и концептов. В частности, широко используя метеонимную лексику для обозначения элементов политической, экономической, социальной и духовной жизни, журналисты представляют ситуацию в стране как изменчивую, непостоянную, плохо прогнозируемую, но в то же время динамично и циклично развивающуюся. В процессе функционирования метафор происходит наложение хорошо известной читателям концептуальной сети «Погода» на слабо структурированные в обыденном сознании носителей языка области политики, экономики, культуры и общественных отношений.

3. Социоморфная метафора. Различные составляющие социальной картины мира постоянно взаимодействуют между собой в человеческом сознании. Поэтому мир политики постоянно метафорически моделируется по образцу других сфер социальной деятельности человека. Рассматриваемый разряд политических метафор включает такие понятийные сферы-источники, как ВОЙНА, ТЕАТР, СПОРТ, КРИМИНАЛ, ОБРАЗОВАНИЕ и др. В частности, М. Франковска [Frankowska 1994] на примере польского политического дискурса периода 1989-1993 гг. выделила четыре доминирующие исходные понятийные сферы для осмысления политики (спорт, война, театр, игра). В диссертации Н. Г. Шехтман [2006] детально рассмотрены метафорические модели с ментальными сферами-источниками СПОРТ и ТЕАТР в современном российском и американском политическом дискурсе. Автор, в частности, отмечает, что в российском политическом дискурсе особенно частотны метафоры, относящиеся к фрейму КОМАНДНЫЕ СПОРТИВНЫЕ ИГРЫ, тогда как в американской политической коммуникации преобладают метафоры, относящиеся к фрейму-источнику СОРЕВНОВАНИЯ В СКОРОСТИ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ. Показательно также значительно более широкая распространенность в российском политическом дискурсе «шахматных» метафор и повышенная склонность американских авторов к метафоризации фрейма-источника ФАВОРИТЫ, ЛИДЕРЫ И АУТСАЙДЕРЫ. Социоморфные метафоры

детально рассматриваются также в исследованиях А. А. Касловой [Каслова 2003], О. Н. Григорьевой [2001], М. В. Черняковой [2004] и др.

4. Артефактная метафора. Человек реализует себя в создаваемых им вещах – артефактах. Именно по аналогии с артефактами люди метафорически моделируют и политическую сферу, представляя ее компоненты как механизм, постройку, компьютер, инструмент или иные подобные предметы. Примером подобных исследований может служить диссертация М. Н. Никоновой [2004], в которой показано, что для обозначения человека в современной российской коммуникации особенно часто используются фреймы-источники СЛОЖНЫЕ МАШИНЫ, ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА, РУЧНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ПРОСТЕЙШИЕ ОРУДИЯ ТРУДА, ОРУЖИЕ, МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ, РАДИО-, ТЕЛЕ-, КИНО-, ФОТОАППАРТУРА.

Артефактные по сфере-источнику метафоры детально рассматриваются также в диссертации Р. Д. Керимова, выполненной на материале современного немецкого политического дискурса. В указанном исследовании выделено три основных метафорических модели. Первая группа – технические артефакты, составляющие концептуальную сферу ТЕХНИКА, номинируют механизмы и виды транспорта, которые представляют соответственно концептуальные субсферы МЕХАНИЗМЫ и ТРАНСПОРТ. Эти лексемы объединены в одну группу по принципу номинации различных механизмов, которые использует человек для совершения какой-либо полезной работы и для передвижения в пространстве. Вторая группа – архитектурные артефакты из концептуальной сферы АРХИТЕКТУРА, которые объединяют номинации дома и других сооружений и объектов коммунального хозяйства, репрезентирующих соответственно концептуальные субсферы ДОМ и КОММУНАЛЬНОЕ ХОЗЯЙСТВО. Третья группа представлена бытовыми артефактами из сферы Быт, к которым относятся гастрономические (субсфера КУХНЯ) и текстильные (субсфера ОДЕЖДА) артефакты. Эти единицы номи-

нируют объекты лично-бытовой сферы человека: продукты питания и одежду [Керимов 2005а].

5. Идеоморфная метафорика (метафорика идеалистических миров). Помимо обращения к своему собственному телу, объектам окружающего мира, социальным феноменам, источником метафорической экспансии могут быть концепты из идеалистических миров, связанных с религиозными, мифологическими, фантастическими и иными непосредственно не воспринимаемыми, но ментально конструируемыми сущностями. Наиболее часто источником метафоризации становятся религиозные концепты, изображающие мир политики как противостояние Бога и дьявола, сил добра и демонических сил [Будаев 2007; Charteris-Black 2004, 2005; Heisey 1993; Ivie 1987, 1989; Medhurst].

3.1.2. Сферы-мишени метафорической экспансии

В риторическом подходе одним из оснований для классификации лексических единиц служит то, к какой семантической (тематической) группе принадлежит слово при его метафорическом использовании. Соответственно при изучении политической коммуникации выделяются группы слов, которые метафорически обозначают политических лидеров, политическую деятельность, органы власти, политические партии, военные действия, социальные столкновения и т.п. Подобная классификация также широко представлена и в когнитивных исследованиях политической метафоры, однако при названном подходе рассматриваются понятийные сферы-мишени метафорической экспансии.

При ориентации на сферу-мишень нередко выстраиваются целые ряды метафорических обозначений. Например, политики могут представляться как ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖИВОТНОГО МИРА (*медведи, волки, львы, крокодилы, бараны* и т. п.), СПОРТСМЕНЫ (*боксеры, шахматисты, лидеры, аут-*

сайдеры, тренеры, команды и т.п.), ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ И ИХ ОБЪЕДИНЕНИЯ (*рядовые и генералы, разведчики; армия, имеющая главнокомандующего, штаб*), ПРЕСТУПНИКИ (*паханы, шестерки, авторитеты, киллеры*) или представители МИРА ИСКУССТВА (*дирижеры, режиссеры, суфлеры, марионетки, кукловоды*). Соотношение подобных обозначений в значительной степени зависит от конкретных дискурсивных характеристик. Так, М. Франковска [Frankowska 1994], рассмотрев ведущие польские политические метафоры, выявила, что для осмысления государства очень распространены метафоры транспортного средства (автомобиль, корабль, повозка) и строения, а для представителей власти – метафорические образы кормчего, шофера или архитектора.

В монографии О. Санта Аны [Santa Ana 2002] рассматривается метафорическое представление иммиграции из Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты «The Los Angeles Times». Автор подразделяет выявленные «метафорические системы» (metaphoric systems) на три группы: окказиональные (*загрязнение среды, огонь*), вторичные (*вторжение, болезнь, бремя*) и доминантные (*опасные водные потоки, животные*). Применяя подобную методику, исследователи рассмотрели сферы-мишени ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС [Бородулина, Макеева 2016; Holmgreen 2003; Landtsheer 2015], РАСОВАЯ СЕГРЕГАЦИЯ [Durrheim, Dixon 2001], МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ [Chilton, Lakoff 2004; Jewell 1999; Lakoff 2001a; Скребцова 2002], Brexit [Новикова, Кунина 2018], ИММИГРАЦИЯ [Новикова 2016; Musolff 2015].

Традиционно высокий интерес у отечественных лингвистов вызывают особенности метафорической концептуализации России в зарубежных дискурсах. Так, детальный анализ метафорического представления России в современном французском политическом дискурсе представлен в монографии Р. И. Зарипова [2016]. Автор показал, что доминирующими сферами-источниками при концептуализации России являются ВОЙНА, ИГРА и

КРИМИНАЛ. Особенности метафорической концептуализации России рассмотрены на примере политических дискурсов Германии [Бабкина 2016; Мишин 2018], Великобритании [Зубакина 2016; Лямина, Будаев 2016; Солопова 2019], США [Ilyushkina, Chudinov 2019], Испании [Уржумцева 2014], Китая [Веснина 2016], информационных агентств Reuters, Associated Press и Agence France-Presse [Попова, Зарипов 2017] и др. К этой группе публикаций примыкают исследования метафорического образа российского президента (в СМИ США, Великобритании и Франции [Барышникова, Дубинина 2019], в британской прессе [Рубцова, Девдариани 2019], в немецкоязычных СМИ [Зимина, Ополовникова 2018], газетном дискурсе США [Мазаева 2016]). Исследователи сходятся во мнении, что метафора часто используется зарубежными журналистами для формирования негативного образа политического лидера России, несмотря на признание его силы и авторитета.

Особый интерес вызывает изучение метафорического представления военных конфликтов. Отправной точкой и своеобразным образцом для подобных работ стала Интернет-публикация Дж. Лакоффа о метафорическом оправдании первой войны в Персидском заливе [Lakoff 1991]. Впоследствии исследователи обнаруживали, что набор концептуальных метафор, выявленных Дж. Лакоффом в американском политическом дискурсе (персонификация, бизнес, спорт, игра, сказка о справедливой войне), с некоторыми изменениями воспроизводится в политическом дискурсе других государств для оправдания новых военных операций НАТО в Югославии и Ираке.

В исследовании А. М. Абрантес [Abrantes 2002] на основе анализа метафор из португальской и немецкой прессы продемонстрировано, что журналисты и политики описывали войну в Косово в понятиях болезни, бизнеса, театра, сказки о справедливой войне и посредством персонификации. К примеру, ситуация в Косово рассматривалась как смертельная эпидемия,

чума, раковая опухоль, требующая немедленного хирургического вмешательства НАТО. С. Милошевич представлялся Злодеем и палачом, справиться с которым призваны натовские Герои и т.д.

Иллюстрируя изложение многочисленными примерами, А.М. Абрантес показывает, что придуманный Дж. Оруэллом лозунг «Война – это мир» нашел в португальской и немецкой прессе самое что ни на есть реальное воплощение. В обеих прессах война регулярно представлялась посредством эвфемистических замен. Иногда просто утверждалось, что нет никакой войны, а есть только «принуждение к миру» или «миссия мира», в которой НАТО – «силы прочного мира», войска – «флотилия умиротворения», оружие – «инструменты мира».

Детальный анализ «метафорической войны» по косовской проблеме в американском политическом дискурсе представлен в работе Р. Пэриса [Paris 2002]. Как показывает автор, в выступлениях администрации Б. Клинтона и дебатах членов Конгресса доминировали четыре группы исторических метафор: «Вьетнам», «Холокост», «Мюнхен» и «балканская пороховая бочка». Р. Пэрис выделяет два уровня метафорического противостояния политических мнений. Участники дебатов спорили не только об уместности исторических метафор применительно к ситуации в Косово (первый уровень), но и об оценочных смыслах используемых метафор (второй уровень). Например, если мюнхенское соглашение в большинстве случаев рассматривалось как пример нежелания остановить агрессора, то на уроки вьетнамских событий ссылались как противники, так и сторонники военного вмешательства. Противники говорили о невинных жертвах и других ужасах войны, а сторонники считали, что во Вьетнаме американская армия воевала «со связанной рукой за спиной», поэтому не следует повторять вьетнамских ошибок в Косово.

Повышенное внимание специалистов вызвал политический нарратив «Вторая война в Персидском заливе». Первое исследование этого наррати-

ва было опубликовано Дж. Лакоффом [Lakoff 2003] еще до начала военных действий. Анализируя метафоры, используемые администрацией и СМИ США для оправдания второй войны в Персидском заливе, Дж. Лакофф выделяет базовые метафорические (метонимические) модели, которые, дополняя друг друга, занимают центральное место в осмыслении внешней политики в американском сознании (ГОСУДАРСТВО – ЭТО ИНДИВИД, МОДЕЛЬ РАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ, СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ).

Дж. Льюл [Lule 2004] на материале дискурса новостей NBC рассмотрел базовые метафоры, актуализированные для осмысления отношений Ирака и США в преддверии второй войны в Персидском заливе (игра, расписание, персонификация, торговля). Метафорическому представлению второй войны в Персидском заливе посвящена публикация Дж. Андерхилла [Underhill 2003], в которой автор выявляет 13 метафорических моделей в британской прессе. Дж. Гуднайт [Goodnight 2004] анализирует метафоры *Ирак – это Вьетнам Буша*, *вьетнамское болото* в американских политических дебатах.

С анализом метафор в нарративе войны тесно связаны исследования, посвященные метафорическому представлению событий 11 сентября 2001 г. и их последствиям. Так, К. Халверсон [Halverson 2003] анализирует метафоры в политическом нарративе «Война с террором (11 сент. 2001 – янв. 2002)» и выделяет две основные метафоры, моделирующие осмысление терроризма в американском политическом дискурсе: *Антропоморфизм ценностей* и *Сказка о справедливой войне.* Анализ корреляции метафор в американском сознании и событий 11 сентября 2001 г. в сочетании с осмыслением социокультурных причин терроризма представлен в публикации Дж. Лакоффа [Lakoff 2001b].

Помимо анализа метафор, связанных с военными конфликтами, специалисты обращаются и к другим актуальным для общественно-политической жизни нарративам. Так, Е. Эль Рефайе на материале ав-

стрийских газет рассмотрела нарратив «Иммиграция курдов в Италию в 1998 г.» [El Refaie 2001]. Широкая панорама метафорических моделей в политическом нарративе «Переходный период в Германии» (Wende-Periode) на материале немецкой прессы представлена в публикациях Й. Цинкена [Zinken 2004a, 2004b]. Представление украинского политического кризиса 2000-2001 гг. в украинских СМИ исследовали О. Байша и К. Халлахан [Baysha 2004].

Особую группу составляют исследования, авторы которых стремятся понять, какие метафоры актуализируются для осмысления определенной понятийной сферы-мишени в разных национальных дискурсах. Например, Е. Семино [Semino 2002] исследует метафорическую репрезентацию евро в итальянской и британской прессе и показывает, как метафоры в дискурсе этих двух стран отображают противоположные оценочные смыслы.

В публикации Р. Кусисто [Kuusisto 1998] проведен анализ американских, британских и французских метафор, связанных с войнами в Ираке и Боснии. Набор метафор оказался довольно традиционен: СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ, ИГРА, БИЗНЕС. Сопоставление английских и российских концептуальных метафор для сферы-мишени «Экономика» провела Е. В. Колотнина [2001]. В исследовании Т. Эннис эта же сфера- мишень рассмотрена на материале английского и испанского языков [Ennis 1998].

В исследовании А. П. Чудинова [2003a] продемонстрировано, что при метафорическом представлении балканской войны в российском политическом дискурсе постоянно использовалась концептуальная метафора РУССКИЕ И СЕРБЫ – ЭТО БРАТЬЯ. В представлении россиян сербы – ЖЕРТВЫ, а ЗЛОДЕИ – албанцы, в то время как в США и в большинстве европейских стран осудили сербских ЗЛОДЕЕВ и согласились с необходимостью военного вмешательства для защиты ЖЕРТВЫ (косовских албанцев).

В сопоставительном исследовани метафор, используемых в российских и американских СМИ для концептуализации сирийского конфликта в

2015—2016 гг., было показано, что зооморфные метафоры востребованы в СМИ обеих стран. Однако при значительной схожести концептуального инвентаря образов в сфере-источнике наблюдаются различия в подборе концептов сферы-мишени, притягивающих эти образы. Зооморфные метафоры хорошо отражают различия в мотивации сторон конфликта, позволяя преследовать прагматические цели через механизмы переконцептуализации массового сознания [Будаев, Тихонов 2016]. Таким образом, официально постулируемая в политических дискурсах борьба с терроризмом и надежда на формирование единого антитеррористического фронта не находят подтверждения в метафорической коммуникации.

Сопоставление американских и сербских метафор в политическом нарративе «Война в Косово» проведено словенским исследователем В. Кеннеди [Kennedy 2000]. Ученый выявил, что американские метафоры мало изменились со времен первой войны в Персидском заливе. Новая война по-прежнему осмыслялась в понятиях игры и бизнеса, в сказке о справедливой войне С. Хусейна заменил ЗЛОДЕЙ С. Милошевич, албанцы выступили в роли «невинной жертвы», а США в качестве ГЕРОЯ. Сербская интерпретация событий оказалась прямо противоположной и совпала с мнением итальянских и греческих СМИ. Примечательно, что и сербы, и американцы апеллировали к историческим событиям Второй мировой войны. Американские СМИ называли С. Милошевича *Адольфом Гитлером*, которого необходимо вовремя остановить, в то время как сербы использовали метафору НАТО – ЭТО НАЦИСТЫ (соответственно сербы должны выступить в качестве югославских партизан). Вместе с тем для каждого дискурса были характерны национально специфические метафоры. Как отмечает исследователь, понимание метафор во многом определяется фоновыми знаниями адресата. Например, апелляция сербских СМИ к *битве на Косовом поле* мало о чем говорила жителям США и Западной Европы, а связанное с историей США метафорическое выражение сенатора Б. Доула

«Милошевич снова вышел на тропу войны» может по-разному восприниматься в американском обществе.

Ограничение сферы-мишени типично для изучения политических нарративов. Например, Дж. Лакофф [Lakoff 2001a] показал, что при осмыслении войны в Югославии американские СМИ апеллировали все к той же СКАЗКЕ О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ (Милошевич – Злодей, албанцы – Жертва, США – Герой) и модели ГОСУДАРСТВО – ЭТО ИНДИВИД, а С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством образа христианского рыцаря, идущего в крестовый поход ради возвращения сербам святой земли. Метафоры С. Милошевича – еще одна (сербская) разновидность сказки о справедливой войне.

В рамках нарративного исследования возможно сопоставление метафорической репрезентации не одного нарратива в дискурсах разных стран, а однотипных политических нарративов. Примером исследования такого типа является диссертация А. А. Касловой [2003], в которой показано, что столь типичное для России метафорическое представление президента и его приближенных как монарха (царя) и его двор совершенно нехарактерно для США, где президент представляется не монархом, а нанятым народом менеджером.

Сферой-мишенью в исследованиях политического дискурса могут служить когнитивные структуры, напрямую не связанные с миром политики. В диссертации О. А. Солоповой рассмотрены закономерности метафорического представления образов прошлого, настоящего и будущего в дискурсе парламентских выборов в России (2003 г.) и Великобритании (2001 г.). Автор выявил, что в российском дискурсе особенно активны метафорические обращения к образам «тяжелого прошлого» и «светлого будущего», тогда как в британском дискурсе весьма распространены метафорические образы «величественного прошлого». Одновременно зафиксирована максимально широкая представленность в предвыборном дискурсе

метафорических образов «мрачного настоящего». По итогам исследования сделан вывод о том, что «метафора фиксирует всю сложную гамму отношений членов социума к общественно-политической системе прошлого, настоящего и будущего… Метафорические образы ярко отражают национальное самосознание, народные представления о динамике развития родной страны» [Солопова 2006].

Как показывает анализ, точкой отсчета для изучения политической метафорики может служить и сфера-мишень, и сфера-источник метафорической экспансии. В некоторых исследованиях ограничивается и сфера-источник и сфера-мишень. Так, В. Коллер выбрала для своего исследования метафоры родства и войны (по сфере-источнику), а в качестве сферы-мишени – ПОГЛОЩЕНИЕ И СЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КОМПАНИЙ [Koller 2002]. Иногда в рамках одного исследования используются по очереди оба подхода. В монографии А. П. Чудинова [2003а] представлено описание, с одной стороны, политических метафор, объединяемых сферой-источником ЭКОНОМИКА, а с другой – метафор со сферой-магнитом ЭКОНОМИКА.

3.1.3. Базисные когнитивные структуры

Одной из ведущих задач когнитивного исследования политических метафор является выявление базисных когнитивных структур, лежащих в основе картины политического мира. В подобных исследованиях метафорические модели рассматриваются как средство выявления структур репрезентации действительности, которые не всегда выражены эксплицитно: предполагается, что изучение метафор помогает лучше понять образ мышления, национальную картину мира, подлинные мотивы поведения членов того или иного социума. Подобные исследования ориентированы на моделирование когнитивных структур самого общего уровня категоризации политического мира (образ-схемы, оппозиции, стереотипы и др.).

При анализе метафорических проекций важно разграничивать два вида отношений между когнитивными структурами. Первый тип таких отношений, отражающий конвенциональные, типичные ассоциативные связи между когнитивными структурами, можно назвать конститутивным. Конститутивные отношения объединяют когнитивные структуры в когнитивные домены, сферы метафорической экспансии, фреймы. К примеру, такой тип отношений позволяет включать концепты МЕЧ, БОМБА, ПУЛЕМЕТ именно в слот/фрейм ОРУЖИЕ (а не в когнитивные структуры ОРГАНИЗМ, СЕМЬЯ или РАСТЕНИЕ).

Если конститутивные отношения обычно отражаются в дискурсе, то конституирующие отношения в дискурсе устанавливаются. Типичный пример конституирующих отношений – образование смысловых связей между концептами сферы-мишени и базисными когнитивными структурами посредством метафорической проекции. К наиболее распространенным базисным структурам относятся концепты СВОИ/ЧУЖИЕ, МЫ/ОНИ, ХОРОШИЕ/ПЛОХИЕ, а также образ-схемы (КОНТЕЙНЕР, БАЛАНС, ДВИЖЕНИЯ КОНТЕЙНЕРОВ и др.). Политические метафоры – типичный инструмент реализации конституирующих отношений, реализуемых с помощью конститутивных отношений и нередко «маскируемых» под конститутивные отношения. Именно на этом основан важный эффект политической метафоры, заключающийся в том, что метафора в политическом дискурсе не столько «подмечает» аналогию, сколько создает эту аналогию или даже ее навязывает.

Приведем пример. Соотнесение политиков с концептуальной оппозицией СВОЙ/ЧУЖОЙ зависит от интенций, политических пристрастий, иллокутивной цели говорящего. Соотнесение образа политика X с категорией ЧУЖОЙ относится к конституирующему типу когнитивных отношений, устанавливаемых в дискурсе оппонентов политика X. В дискурсе сторонников политика X его образ будет связываться с категорией СВОЙ. В этих

дискурсах реализации конституирующих отношений будут диаметрально противоположны (политик X – ЧУЖОЙ и политик X – СВОЙ), но основываются конституирующие отношения на конститутивных отношениях, не нарушая структуру последних. Другими словами, отнесение концептов МЕЧ, БОМБА, ПУЛЕМЕТ к слоту/фрейму ОРУЖИЕ (конститутивное отношение) сохраняется независимо от того, какой дискурс (противников или сторонников) в данный момент рассматривается. Конвенциональность конститутивных отношений дает основу для реализации конституирующих отношений, которые напрямую зависят от политических интенций адресантов дискурса.

Важно разграничивать базисные категории и категории базового уровня. Понятие базового уровня связано с концепцией Э. Рош, постулирующей, что структуры базового уровня занимают среднее положение между суперординантными и субординантными структурами и являются прототипическими представителями своих категорий. Этот подход, будучи когнитивной редакцией системы гипонимо-гиперонимических отношений, может быть успешно применен при анализе конститутивных отношений между когнитивными структурами. Однако называть такие когнитивные структуры как оппозиция СВОИ/ЧУЖИЕ категорией базового уровня неверно. Когда речь идет о политическом дискурсе вне контекста концепции Э. Рош, термин «базовый» в традиционном, общенаучном смысле вполне применимо к оппозиции СВОЙ/ЧУЖОЙ. Эта оппозиция действительно играет в политическом дискурсе важную роль и является для него «базовой». Однако в концепции Э. Рош, в категории базового уровня вкладывался совершенно другой смысл. Если применить трехуровневую структуру концепции Э. Рош к оппозиции СВОИ/ЧУЖИЕ, то эту оппозицию следует отнести к суперординантному уровню.

Трехуровневая структура Э. Рош, разрабатываемая в рамках теории прототипов, применима при анализе конститутивных отношений между

когнитивными структурами. Для конституирующих отношений нужен другой подход. Примером исследования взаимодействия метафор и базисных категорий может служить исследование Э. Сандикциоглу, который показал, что американские политические метафоры, актуализированные для осмысления первой войны в Персидском заливе, отражают базисную оппозицию МЫ (Запад) – ОНИ (Восток). Данная оппозиция реализуется через такие частные противопоставления, как цивилизованность – варварство, сила – слабость, зрелость – незрелость, рациональность – эмоциональность, стабильность – нестабильность, сотрудничество – родственные связи, азартная игра – базар [Sandikcioglu 2003].

К этому же типу исследований относится статья ирландских лингвистов Х. Келли-Холмс и В. О'Реган [Kelly-Holmes 2004], проанализировавших концептуальные метафоры как способ делегитимизации ирландских референдумов 2000 и 2001 гг. в немецкой прессе. В этой работе было показано, что метафорическая концептуализация событий накладывается на более общий уровень категоризации. В результате немцы (МЫ) характеризуются как честные, щедрые, альтруистичные, высокоморальные. Благородным немцам противопоставлены жадные, заблуждающиеся, неблагодарные, аморальные ирландцы (ОНИ). Одновременно хорошая старая Ирландия противопоставляется плохой новой Ирландии.

В диссертации Н. А. Красильниковой [2005] на основе анализа российских, британских и американских метафор, актуализированных для осмысления экологических проблем, автор показывает национальные различия в категоризации действительности по оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ.

Образ-схемы стали предметом анализа в публикации Й. Цинкена [Zinken 2002], посвященной изучению метафорического представления европейской интеграции в немецком и польском газетном дискурсе 2000 г. Исследователь выделяет три образ-схемы для концептуализации интеграционного процесса. Образ-схемы наполняются различными метафорами и

в разной степени востребованы в немецком и польском дискурсах. Первая схема представляет Евросоюз как КОНТЕЙНЕР, для проникновения в который Польша должна приложить усилия. Схема наполняется метафорами пути и школы и востребована преимущественно в немецком газетном дискурсе. Вторая схема представляет Польшу как неподвижный объект, а ЕС как расширяющуюся субстанцию. Эта схема востребована противниками вступления Польши в ЕС (в немецком дискурсе открытых возражений против расширения ЕС автор не выявил). Польша метафорически представляется жертвой расширения, а будущее изображается посредством метафор рабства. Третья схема представляет Евросоюз и Польшу как два объекта, движущихся к КОНТЕЙНЕРУ «Новая Европа». Эта схема реализуется в польском дискурсе и в ней доминируют позитивные метафоры совместного строительства евродома и метафоры семьи и брака. Метафоры семьи и брака используются преимущественно в иронических контекстах: поляки представляются бедным родственниками, с которыми никакой добрый дядюшка не захочет делиться своими сбережениями. В других случаях метафорически представляется такая картина: молодой и бедный кавалер – Польша – неудачно сватается к не молодой, но богатой даме (ЕС), не желающей делить имущественную общность и предпочитающей свободные связи [Zinken 2002: 192-203].

К этому же типу относится исследование Р. Хюльссе [Hülsse 2000], проанализировавшего метафоры в дебатах о возможном вступлении Турции в ЕС в немецкой прессе. Ученый выявил, что немцы «помещают» Турцию в «между-пространство» (in-between-space), не считая ее ни европейским, ни азиатским государством.

Помимо базисных когнитивных структур, имеющих универсальный характер, возможно выделение факультативных, дискурсивно и национально обусловленных структур, непосредственно не включаемых в мета-

форическую проекцию, но играющих в политическом дискурсе схожую с базисными структурами роль.

В качестве примера можно привести анализ метафор в диссертации Й. Цинкена [Zinken 2002], выделившего дискурсивно-специфичные (diskursspecifische), но устойчивые и согласованные с определенной культурой стереотипы (Abbildungsstereotypen). При концептуализации Европы выделено три таких стереотипа (Европа институциональная, Европа культурная, Европа географическая). Если представление о Европе как о культурном феномене у россиян и немцев совпадает, то в отношении двух других стереотипов выявляются значительные расхождения: для немецкого сознания «Европа – это Евросоюз и стройплощадка» (институциональный подход), а для российского сознания такое понимание феномена Европы представляется курьезной идеей. Российский стереотип – «Европа – это дом и чужая собственность» (географический подход). Этим можно объяснить отражающиеся в метафорах российского дискурса попытки определить, относится ли Россия к Европе или нет (географически Европа заканчивается на Урале) [Zinken 2002: 179-192].

Сопоставлению авто- и гетеростереотипов России в российской и французской прессе посвящена диссертация О. А. Шаовой [2005]. Отметим также, что во многих исследованиях политической метафоры выявление подобных когнитивных структур выступает не как основная цель или хотя бы одна из важных задач, а как некий дополнительный комментарий, как демонстрация широких возможностей соответствующей методики [Вершинина 2002, Ерилова 2003, Зубкова 2006, Никонова 2004, Соколовская 2002, Шехтман 2006 и др.].

Подобные исследования построены на признании того, что метафора способна служить важным источником сведений об особенностях национальной ментальности, об эмоциональном отношении людей к тем или иным идеям и фактам. В отличие от понятийных сфер базисные структуры

обычно не включают в описание метафорических проекций, однако нередко политическая метафора направлена именно на создание концептуальных связей между понятийными сферами и базисными структурами. В политических метафорах концептуальные домены источника зачастую являются только средством, инструментом для интеграции концептов сферы-мишени с концептами базисных структур.

В рамках когнитивного анализа, направленного на выявление согласованных с определенной культурой конвенциональных метафорических соответствий, возникают трудности с экспликацией концептуальной «эволюции» метафор, которая в большей степени связана с профилированием в политической коммуникации не востребованных ранее модусов действительности или появлением новых экстралингвистических феноменов, чем с прототипическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром. Преодоление этих трудностей в исследовании каузальности порождения и функционирования метафор возможно на пути дополнения когнитивного подхода эвристиками дискурс-анализа, к рассмотрению которого мы и приступаем в следующем параграфе.

3.2. Ракурсы дискурсивного сопоставления

Основная цель последующих параграфов – рассмотрение закономерностей сопоставления метафоры в различных ракурсах дискурсивного анализа. Каждый лингвист, приступая к анализу политических метафор, так или иначе ограничивает материал для своего исследования. Эти ограничения чаще всего носят дискурсивный характер, то есть рассматривается не политическая метафора вообще, а политическая метафора в определенном виде дискурса, под определенным ракурсе дискурсивного анализа.

Основные ракурсы дискурсивного сопоставления политических метафор объединяются в четыре группы.

1. Этнокультурное сопоставление, направленное на поиск универсального и культурно-специфического в политических метафориках разных этнокультурных сообществ.

2. Социальное сопоставление, включающее в себя идеологическое, идиолектное и гендерное сопоставление. Идеологический критерий рассматриваемого ракурса анализа связан с сопоставлением метафорики, характерной для сторонников разных идеологических взглядов, приверженцев различных методов решения определенных политических проблем, участников определенных политических объединений. Идиолектное сопоставление направлено на изучение метафорики, актуализированной отдельными политиками, а также другими личностями-субъектами дискурсивной деятельности. Гендерное сопоставление связано с исследованием как гендерных предпочтений в выборе тех или иных метафор, так и в сопоставлении способов метафорической концептуализации политиков-мужчин и политиков-женщин.

3. Диахроническое сопоставление охватывает вопросы исторического развития системы политических метафор. В круг вопросов диахронического сопоставления входит изучение архетипичности и вариативности метафорических систем, в том числе динамики метафоричности политического дискурса и динамики доминантности метафорики.

4. Мультимодальное сопоставление, предметом которого являются семиотические закономерности функционирования невербальной метафорики и ее взаимосвязи с вербальным пластом политических образов.

Каждый из последующих разделов настоящей главы ориентирован на изучение специфики использования политической метафоры в одном из обозначенных выше ракурсов дискурсивного сопоставления.

3.2.1 . Этнокультурное сопоставление

Этнокультурное сопоставление относится к одним из наиболее распространенных ракурсов дискурсивного анализа, направленного на выявление универсального и специфичного в политических метафориках этнокультурных образований. В рамках этого подхода можно выделить две противоборствующих парадигмы, противопоставление которых основывается не столько на методах анализа, сколько на различиях в теоретическом видении целей этнокультурного сопоставления.

Первое направление – лингвокультурологическое – призвано продемонстрировать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного цивилизационного пространства, а в третьих – имеет общечеловеческий характер. На первый взгляд, этот подход достаточно точно описывает основные цели этнокультурного сопоставления. Однако анализ современного состояния политической метафорологии показывает, что возможны и другие трактовки целей и перспектив этнокультурного анализа политических метафор.

В современной метафорологии значимое место занимают этнокультурные исследования, направленные не на разграничение общего и специфичного (как в лингвокультурологическом подходе), а на последовательный поиск универсальных оснований политической метафорики и нивелирование межкультурных различий. Анализ современного состояния этнокультурных исследований показывает, что часть американских исследователей, а нередко и их европейские коллеги, заимствующие заокеанские теоретические постулаты без критического осмысления, планомерно переоценивают универсальность метафорических структур и игнорируют случаи культурной вариативности метафорики.

Размышляя о лингвистических исследованиях эмоций, А. Вежбицкая сетует на то, что англоязычные исследователи склонны рассуждать об универсалиях, опираясь исключительно на английский язык и англосаксонскую концептосферу [Wierzbicka 2009]. Это в полной мере характерно и для политической метафорологии. Универсальность в языке и мышлении – явление очень распространенное, но не тотальное, и уж точно между универсальными метафорическими константами и английскими концептуальными метафорами не стоит знак равенства.

Назовем течение в метафорологии, направленное на поиск универсалий, универсализмом. Краеугольным камнем универсализма стала теория воплощенного разума, наиболее полно и пространно изложенная в философском труде Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought» [Lakoff 1999]. Суть теории воплощенного разума сводится к трем постулатам:

1. Мышление преимущественно бессознательно. Этот постулат означает, что мышление подчиняется когнитивным механизмам, большинство из которых мы не в силах регулировать.

2. Абстрактные концепты преимущественно метафоричны. Второй постулат сводится к тому, что в большинстве случаев единственным способом осмыслить нефизический (психологический, социальный) опыт является опыт физический.

3. Разум воплощен. Значения концептов прямо или косвенно (через метафору) коренятся в сенсомоторном опыте.

К примеру, концептуальная метафора AFFECTION IS WARMTH основывается на том, что в детстве объятия родителей сопровождались ощущением тепла, и сформировавшаяся между концептами AFFECTION и WARMTH связь сохраняется на когнитивном уровне. С позиций нейрокогнитивной лингвистики [см. Gallese 2005] это объясняется одновременным возбуждением нейронных комплексов, связанных с кодированием концепта WARMTH и

AFFECTION. Благодаря наличию этой концептуальной метафоры в сознании, носителям английского языка понятны метафорические выражения типа *we have a warm relationship.* Таким образом, осмысление привязанности в понятиях тепла протекает «автоматически», бессознательно, без дополнительных когнитивных усилий. Эта метафора представляет собой осмысление психологического опыта в понятиях опыта физического, основанного на способности человека ощущать тепло. Логично предположить, что подобная метафора имеет универсальный характер, потому что едва ли существуют концептуальные метафоры, описывающие привязанность в понятиях холода. Действительно, многие абстрактные концепты метафорически описываются схожим образом в самых разных языках, в том числе генетически не связанных между собой.

Теория воплощенного разума заложила теоретическую основу для универсализма, привязав метафоризацию к непосредственному эмпирическому опыту. С одной стороны, философские изыскания универсализма направлены на поиск естественнонаучного основания для теории метафоризации, с другой – ограничивают возможность описания культурных особенностей метафор. Сама по себе теория почти не оставляет места культурной специфике метафорики, а это слишком радикальная позиция, чтобы ее можно было принять, особенно в странах, где лингвистика связана с лингвокультурологическими традициями. Именно поэтому теория воплощенного разума, получившая в американском языкознании значительное распространение, оказалась не так популярна в европейском языкознании, и была почти проигнорирована в российской лингвистике.

Как справедливо пишет Е. С. Кубрякова, «не сомневаясь в том, что у истоков концептуализации человеческого опыта оказывались концепты, основанные на телесном опыте и обобщающие опыт тела (т.е. его рецепторов, воспринимающих реальность в диапазонах, предписанных биопрограммой человека), полагаем вместе с тем, что с развитием человека по-

добный опыт выходил далеко за пределы прямого восприятии мира в ситуациях присутствия человека в этих актах и непосредственного его столкновения с тем или иным фрагментом реальности. Из опыта наглядного такой опыт перерастал в нечто гораздо большее и гораздо более сложное» [Кубрякова 2004а: 11].

Количество фактов, противоречащих телесной «онтологизации разума», предложенной универсализмом, оказалось столь велико, что развивать теорию без нивелирования этого противоречия было невозможно. Для разрешения проблемы была разработана интегрированная теория первичных метафор, объединяющая исследования К. Джонсона о конфляции [Johnson 1997a, 1997b, 1997c], теорию первичных метафор Дж. Грэди [Grady 1997, 2005; Grady 1996] и нейронную теорию метафор С. Нараянана [Narayanan 1997].

Согласно интегрированной теории, метафоры можно разделить на первичные и сложные. Процесс формирования первичных метафор происходит в раннем детстве в период так называемой фазы конфляции, когда субъектный и сенсомоторный опыт еще не разъединены. На этом этапе устанавливаются когнитивные связи между доменами, но домены еще не воспринимаются как самостоятельные образования. Связи, установленные в этот период, сохраняются и проявляют себя на протяжении всей жизни человека и служат основой для формирования сложных метафор, которые образуются из первичных путем концептуального блендинга. К первичным метафорам относятся AFFECTION IS WARMTH, HAPPY IS UP, INTIMACY IS CLOSENESS, BAD IS STINKY, DIFFICULTIES ARE BURDENS, CATEGORIES ARE CONTAINERS, SIMILARITY IS CLOSENESS, LINEAR SCALES ARE PATHS, HELP IS SUPPORT, TIME IS MOTION, STATES ARE LOCATIONS, CHANGE IS MOTION, PURPOSES ARE DESTINATIONS, CONTROL IS UP, KNOWING IS SEEING, SEEING IS TOUCHING и др.

Так как первичные метафоры рассматриваются в качестве своеобразных атомов абстрактного мышления, детерминированных телесным опы-

том, сложные метафоры должны тоже определяться сенсомоторной деятельностью. Некоторые подтверждения тесной взаимосвязи между абстрактными концептами и деятельностью мозга по регулированию сенсомоторной деятельности человека предоставила нейропсихология. Джордж Лакофф и известный итальянский нейропсихолог Витторио Галлези приводят в своей публикации ряд естественнонаучных подтверждений теории «телесного разума», в частности показывая, что одни и те же участки мозга «отвечают» как за концепты, связанные с сенсомоторной деятельностью, так и за концепты, связанные с абстрактными идеями [Gallese 2005].

Несмотря на то, что синтез интегрированной теории первичных метафор и теории воплощенного разума сделал теоретические построения более последовательными, вопрос о культурной специфике метафорики остался слабым местом теории. Развитие теории позволило скорректировать взгляд на эту проблему и предложить такое решение: сложные метафоры могут различаться от культуры к культуре, но все они суть производные от первичных метафор, основанных на универсальном для всех людей планеты сенсомоторном опыте. В качестве иллюстрации этого положения Дж. Лакофф и М. Джонсон приводят пример концептуальной метафоры LIFE IS JOURNEY [Lakoff 1999: 60–63]. Существует предположение, что люди должны иметь в жизни цель и действовать таким образом, чтобы достичь этой цели. Объединение этого предположения и первичных метафор PURPOSES ARE DESTINATIONS и ACTIONS ARE MOTIONS приводит к метафорическому варианту этого представления: люди должны иметь в жизни место назначения и двигаться, чтобы достичь этого места назначения. К этому добавляется знание о том, что движение к месту назначения – это поездка, путешествие. Объединение этих элементов приводит к формированию ряда метафорических проекций:

PURPOSEFUL LIFE IS A JOURNEY

A PERSON LIVING A LIFE IS A TRAVELER

LIFE GOALS ARE DESTINATIONS

A LIFE PLAN IS ITINERARY

Для иллюстрации исследователи выбрали концептуальную сферу движения, непосредственно связанную с сенсомоторным опытом ориентации и перемещения в пространстве. Не отрицая эвристические аспекты теории первичных метафор, необходимо отметить, что теоретически постулируемую зависимость сложных метафор от сенсомоторного опыта нельзя считать хоть сколько-нибудь доказанной. Никто из исследователей не показал, как, например, метафору ПРЕЗИДЕНТ – ЭТО ЦАРЬ или ПОЛИТИКА – ЭТО ТЕАТР можно разложить на первичные метафоры. Привязать подобные метафоры к конфляции невозможно, потому что знакомство с подобными сложными концептами, а таких большинство, происходит на более поздних стадиях онтогенеза.

На наш взгляд, более достоверным представляется разграничение (1) процесса формирования первичных метафор в фазе конфляции и их дальнейшего комбинирования на более поздних стадиях онтогенеза и (2) процесса формирования сложных концептов из социального, а не сенсомоторного опыта. При рассмотрении второго процесса в качестве единицы анализа следует ориентироваться не на концептуальную интеграцию первичных когнитивных «атомов», а на более крупные и цельные концептуальные образования.

Критика универсализма ни в коей мере не отрицает гносеологический ценности такого подхода. Обращение к малоизученным или далеким от европейских языкам подтвердило предположение о культурном изоморфизме концептуальных метафор, обусловленных телесным опытом человека. Например, метафорические выражения, связанные с концептуальными метафорами СЕКСУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ЭТО ПРИЕМ ПИЩИ и ЖЕНЩИНА – ЭТО ЕДА распространены в таких далеких друг от друга языках как английский и чагга (один из языков банту) [Emanatian 1995]. Подобные метафоры

характерны как для повседневной речи японцев [Hiraga 1991], так и для обыденного общения среди тунисских арабов [Maalej 2008] и жителей сельских районов Малави [Wolf 1996].

Вместе с тем в исследованиях лингвокультурологического толка постоянно фиксируются культурно-специфичные метафоры, в том числе связанные с самыми укорененными и универсальными концептуальными доменами. Например, для китайской культуры органом, отвечающим за принятие решений и вынесение суждений, а также вместилищем храбрости считается желчный пузырь, что связано с традиционными представлениями о функциях человеческих органов в китайской медицине [Yu 2003]. В английской или русской наивных картинах мира храбрость прототипически связывается с кишечником (ср.: *to have guts, кишка тонка*) или сердцем (*to take heart, brave heart, храброе сердце*), последнему органу также приписываются и ментальные функции (*to change heart*). Хотя концепты, связанные с человеческим телом, используются для метафорического осмысления абстрактных сущностей повсеместно, метафорический процесс несет на себе очевидный отпечаток культурного своеобразия.

Регулярные этнокультурные различия обнаруживаются и при сопоставлении многих других концептуальных доменов. Например, если в испанских и британских СМИ довольно распространены метафоры навигации и морского дела [Charteris-Black 2001], то в тайваньском медиадискурсе такие образы отсутствуют [Chung 2003a, 2003b, 2003c], что вполне понятно, если учитывать историческую роль морского флота в истории названных государств.

Этнокультурные и межнациональные различия в метафорическом осмыслении окружающего мира проявляются в двух аспектах: когнитивном и дискурсивном. В первом случае различия обусловлены укорененными в национальном сознании концептуальными метафорами. Второй аспект связан с различиями в выборе метафор для концептуализации опреде-

ленной ситуации, при этом концептуальные метафоры могут быть достаточно характерны для всех сравниваемых культур, но их актуализация в дискурсе обусловлена текущей ситуацией, интенциями коммуникантов, востребованными ситуацией эмотивными смыслами и другими экстралингвистическими и экстракультурными факторами. Специалистам, работающим в области политической коммуникации, важно учитывать оба аспекта.

Метафорическое использование культурно-специфичных концептов – широко распространенное средство убеждения. К примеру, при осмыслении войны в Югославии сербы использовали отличные от американских СМИ метафоры. В сознании сербского народа Косово – исконно сербская, но завоеванная мусульманами территория, на которой к тому же расположены главные сербские святыни. С. Милошевич представил вытеснение албанцев из Косово посредством метафоры ХРИСТИАНСКОГО РЫЦАРЯ, идущего в КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ради возвращения сербам святой земли [Lakoff 2001a: 32]. Центральное сражение в сербской истории малоизвестно американцам и едва ли будет иметь какой-либо смысл.

Вместе с тем важно учитывать, что национально специфичные концепты являются частью наивной картины мира и представляют собой некое редуцированное когнитивное образование. Действительно, в 1389 году на Косовом поле сошлись войска сербского князя Лазаря и турецкого султана Мурада I. В этом упорном сражении погиб и Лазарь и Мурад, но сербы эту битву проиграли и попали на несколько веков под власть Османской империи. Косовская битва имеет для сербов большое символическое значение: кто не участвовал в этой битве, тот не мог считаться сербом, а сербы, уклонившиеся от битвы, были прокляты на многие поколения вперед. Вместе с тем история турецко-сербских отношений не так однозначна. Семь лет спустя после Косовской битвы сербы поддержали турецкие войска в битве против стотысячного войска крестоносцев у Никополя, в боль-

шей степени опасаясь европейского католицизма, нежели азиатского ислама.

Таким образом, ретроспекция свидетельствует в пользу той версии, что при сопоставительном анализе национально специфической политической метафорики важно учитывать не этимологические и культурно-исторические детали эволюции языковых единиц и концептов, а конвенциональные представления, составляющие содержание «наивной картины мира среди представителей определенного лингвокультурного сообщества.

Этнокультурные различия в актуализации политических метафор прослеживаются не только при анализе традиционной специфики национальной картины мира, но и при исследовании частотности или продуктивности метафорических моделей, характерных для всех сопоставляемых дискурсов. Например, метафорическая модель со сферой-источником «Война» более продуктивна и частотна в израильском дискурсе, в то время как спортивные метафоры более распространены в дискурсе США. Израильские ученые объясняют эти данные тем, что жизнь рядовых израильтян в большей степени связана с армией, чем жизнь американцев [Abadi 2001]. Постоянные арабо-израильские конфронтации находят выражение во всепроникающей милитаризации израильского общества. Наоборот, в Израиле отсутствует характерный для США «культ спорта». В частности, количество популярных в США видов спорта значительно превосходит аналогичные показатели в Израиле.

Соотношение универсалий и специфических черт в политической метафорике можно проследить на основе сопоставления метафор, характерных для культурных пространств Запада и Востока. При рассмотрении исследований по политической метафорике в государствах Востока можно выделить два аспекта. Первый аспект связан с выводами об изоморфизме концептуальных картин мира и архетипичности метафорических образов, используемых в политической коммуникации. Действительно, метафоры,

распространенные в политическом дискурсе стран Запада, довольно традиционны и для политической коммуникации Востока. Иллюстрирующим примером может служить монография Дж. Вэй, в которой проанализированы основные метафорические модели тайваньского политического дискурса. В Тайване политические сущности метафорически представляются в понятиях военных действий, семейных отношений, зрелищных представлений, торговли и др. Выводы автора вполне сопоставимы с результатами похожих монографических исследований, проведенных специалистами из разных стран на примере политических дискурсов России, США и государств Европы [Charteris-Black 2004, 2005; Musolff 2000a, 2004b; Santa Ana 2002; Чудинов 2001, 2003а].

Схожая ситуация наблюдается в сингапурском политическом дискурсе: разъединение Сингапура и Малайзии и возможное воссоединение двух государств в будущем осмысляется в метафорах супружеских отношений [Wee 2001], что является довольно устойчивым фреймом для концептуализации политических ситуаций подобного рода в политическом дискурсе России, Великобритании, Германии, Польши и других стран [Баранов 1991а, 1994; Будаев 2006в; Чудинов 2001; Zinken 2002].

Как показал польский исследователь И. Насальски [Nasalski 2004], метафоры египетского политического дискурса отражают сложности переходного периода, в котором становление демократического мировоззрения переплетается с традиционными ценностями и символами. Вместе с тем доминирующие арабские метафоры (беременность, рождение ребенка, болезнь, пробуждение, дорога и др.) вполне согласуются с аналогичными образами в традиционной политической метафорике западной культуры.

Эти примеры свидетельствуют о том, что в политической метафорике Запада и Востока существует много общего, что отчасти связано с глобализацией и вестернизацией традиционных обществ Вместе с тем на цивилизационном пространстве Востока остается место для метафорического

своеобразия. Лингвокультурная специфика вызывает особый интерес, поскольку, с одной стороны, служит подтверждением перспективности антропоцентрически ориентированных исследовательских программ, активно реализуемых в лингвокультурологических и когнитивных изысканиях, а с другой – обладает несомненной практической ценностью. Знания об особенностях концептуализации мира в иной культуре становятся необходимым условием для межнационального взаимопонимания, ценным приобретением для специалистов из многих областей, так или иначе связанных с межкультурной коммуникацией.

Ряд примеров восточной специфики метафорического осмысления политики находим в монографии Б. Льюиса «Язык ислама» [Lewis 1991]. Если на Западе глав государств часто сравнивают с капитаном или рулевым корабля, то метафоры лидерства в исламе связаны с искусством верховой езды. Мусульманский лидер никогда не стоял за штурвалом, но часто сидел в седле и держал ноги в стременах. Также его власть никогда не ассоциировалась с образом солнца, потому что испепеляющее солнце не радует жителей Востока. Мусульманский лидер закрывает подданных благодатной тенью, спасающей от палящего солнца, и одновременно сам является «тенью Бога на земле».

Если мы обратимся к метафорам стран Запада и России, то обнаружим, что в них метафора монарха как солнца довольно традиционна. Достаточно вспомнить французского Короля Солнце (Людовика XIV) или Владимира Красное Солнышко (собирательный образ древнерусского князя).

Интересны наблюдения Б. Льюиса по поводу ориентационных метафор. На Ближнем Востоке властные отношения в большей степени представляются в горизонтальных, нежели вертикальных понятиях. Человек во власти не бывает внизу или вверху, но внутри или снаружи, рядом или далеко. В исламском обществе власть и статус больше зависят от близости к

правителю, чем от ранга во властной иерархии. Правители Ближнего Востока чаще предпочитали дистанцироваться от критически настроенного окружения, чем понижать их в ранге, или отправляли неугодных в ссылку, вместо того, чтобы бросить их в подземелье. Разумеется, речь не идет о бунтарях и явных мятежниках, с которыми и на Западе и на Востоке власть имущие поступали примерно одинаково.

Еще одной иллюстрацией лингвокультурологической специфики служит сопоставление метафор, легитимирующих социально-политическое единство в Европе, Китае и Японии. Если в Европе в разные исторические периоды доминировали метафоры тела, механизма и семьи, то для восточной Азии характерны метафоры музыки и танца [Ringmar 2008], Как указывает Э. Рингмар, базовые метафоры варьируются не только в географическом измерении, но и в хронологическом: до 90-х гг. 19 века в Японии императора не называли отцом, но с усилением милитаристских настроений появляется необходимая для легитимации жертвенности японских солдат метафора семьи.

Причины своеобразия рассмотренных метафор довольно прозрачны. Их оценочные смыслы эксплицитно связаны с климатическими условиями того ареала, на котором формировались культуры Востока, с культурными традициями, предписывающими соответствующие стереотипы поведения, и другими факторами, имеющими многовековую историю. Вместе с тем система политических метафор даже в самом традиционном обществе представляет собой не раз и навсегда заданную систему концептуальных координат для осмысления реальности, а концептосферу, меняющуюся в зависимости от экстралингвистической действительности. Изменения в инвентаре политических метафор стран Востока связаны как с внутренними потребностями, так и с инокультурным влиянием.

Примеры своеобразной интерпретации метафор «западного происхождения» обнаруживаем у Дж. Вэй. Исследователь прослеживает, как в

нарративе «Выборы мэра Тайпэя» кандидаты боролись за пост с помощью метафор пищи и наименований собак. Популярный в местных кругах кандидат называл имеющего американское образование оппонента *пиццей* и *guibingou* («дорогая иностранная собачка»), связывая эти понятия с удаленностью претендента на пост мэра от насущных проблем. Себя же он позиционировал как *дворняжку* и *baozi* (популярный в народе вид сдобной булочки) [Wei 2001: 62-63].

Интересны взаимосвязи традиционной китайской цветовой символики с новообразованиями в политической метафорике. В современном тайваньском политическом дискурсе получила широкое распространение метафора шляпы как символа власти. При этом важное значение имеет ее цвет: красный цвет связан со взяточничеством, золотой – с финансовыми скандалами, черный – с культивированием непотизма, желтый – с прелюбодеянием. Таким образом, политик, который, например, «носит красную шляпу», косвенно обвиняется автором метафоры в коррупции [Wei 2001: 75-77].

Помимо своеобразия в концептуальных картинах мира, политическая метафорика Востока характеризуется спецификой, связанной с особенностями ситуативной интерпретации определенных политических событий. В этом отношении наиболее известна публикация Дж. Лакоффа, в которой показано, что лингвокультурные различия арабских и американских метафор приводят к различному пониманию ситуации [Lakoff 1991].

В начале данной публикации Дж. Лакоффа используется фраза «Metaphors can kill» («Метафоры могут убивать»). Если метафора не просто фигура речи, а механизм нашего мышления, то она действительно играет важную роль в мире политики, а метафоры не только «могут убивать», но и примирять или, по крайне мере, могут помочь избежать конфликта. В этом контексте межкультурное исследование политической метафорики содержит в себе значимый гуманистический смысл.

3.2.2. Социальное сопоставление

В отличие от этнокультурного сопоставления, социальный ракурс анализа ориентирован на сравнение дискурсов, объединяемых по различным социальным критериям. В рамках этого подхода выделяются идеологическое, идиолектное и гендерное сопоставление Идеологическое сопоставление призвано выявить особенности использования метафорики сторонниками разных идеологических взглядов, участниками определенных политических объединений, приверженцами различных методов решения определенных политических проблем. Идиолектное сопоставление направлено на анализ политической метафорики, актуализированной в речи отдельных политиков. Гендерное сопоставление связано с исследованием как гендерных предпочтений в выборе тех или иных метафор, так и в сопоставлении способов метафорической концептуализации политиков-мужчин и политиков-женщин.

Рассмотрим подробнее каждый из этих аспектов.

3.2.2.1. Идеологическое сопоставление

Идеологический критерий социального сопоставления связан с изучением метафорики, характерной для сторонников разных идеологических взглядов, приверженцев различных методов решения определенных политических проблем, участников определенных политических объединений.

Идентификация сторон дискурсивного противостояния связана с двумя критериями:

1) принадлежность к определенному политическому объединению (политическая партия, фракция, идеологическое течение и т.п.);

2) отношение к определенной насущной проблеме без акцентирования внимания на принадлежности субъектов дискурсивной деятельности к определенной политической общности (сторонники / противники / индифферентные / не определившиеся с мнением и т.д.).

Рассмотрим типичный пример сопоставления по критерию принадлежности к определенной группе. В ходе исследования европарламентской риторики Х. Де Ландтсхеер [De Landtsheer 1998] распределила зафиксированные метафоры по политическим группам: крайне левые, левые, зеленые, христианские демократы, социалисты, либералы, консерваторы, правые, независимые политики. При этом анализу подвергалась не каждая партия и фракция по отдельности, а группы партий со схожими идеологическими взглядами. К примеру, в группу «крайне левых» вошли коммунисты, «Левая коалиция» и партия «Единая Европа». Сопоставление позволило статистически продемонстрировать особую склонность к метафорической речи «крайне правых» и «крайне левых», в то время как наиболее низкий коэффициент метафоричности наблюдался у «левых», социалистов и христианских демократов.

Классическими исследованиями этого направления можно считать публикации Дж. Лакоффа [Lakoff 1995, 1996], в которых на основе сопоставления дискурса либералов и консерваторов были выделены две метафорические модели семьи. Схожим образом Дж. Чартерис-Блэк сопоставляет метафорику британских лейбористов и консерваторов [Charteris-Black 2004].

Более широкий подход использует Д. Вайс при сопоставлении сталинистского и национал-социалистического (фашистского) дискурса. Хотя между двумя этими тоталитарными дискурсами нередко ставится знак равенства, сопоставительный идеологический анализ позволил показать, что между ними были существенные различия, в том числе и в арсенале мета-

форических средств, привлекаемых для идеологического воздействия [Вайс 2007].

Наиболее распространенный способ идеологического сопоставления по второму критерию (отношению к определенной проблеме) сводится к анализу метафорики по оппозиции сторонники/противники определенного пути развития политической ситуации. При таком подходе точкой отсчета становится не какое-то формальное политическое объединение, а проблема, конституирующая дискурсивное противоборство мнений.

Руководствуясь этим принципом, исследователи дифференцировали метафорику сторонников и противников военных действий в Персидском заливе [Voss 1992], метафоры сторонников и противников военного решения проблемы в Косово [Paris 2002], позиции в метафорическом противоборстве по поводу ограничения иммиграции в США [O'Brien 2003]. Финский исследователь М. Луома-ахо [Luoma-aho 2004] на основе анализа западноевропейского дискурса коллективной безопасности показывает, что дебаты на Межправительственной конференции 1990-1991 гг. представляли собой конфликт метафор «атлантистов» (сторонников США и членов НАТО) и «европеистов» (сторонников европейской самодостаточности). Если «атлантисты» видели в Западноевропейском Союзе *опору* атлантического альянса, то «европеисты» – *защищающую руку.* Органистические метафоры сторонников самодостаточности вступали в противоречие с архитектурными метафорами «атлантистов» и представляли европейское сообщество как независимый от НАТО политический субъект.

Среди российских исследований такой подход применяется в диссертации Н. А. Красильниковой [2005], в которой на основе анализа российских, британских и американских метафор, актуализированных для осмысления экологических проблем, проанализированы общие и специфические черты в категоризации действительности по оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ.

Другой пример идеологического сопоставления представлен Л. К. Никифоровой [2010]. В ее исследовании были выявлены особенности использования метафор сторонниками и противниками атомной энергетики. Так как исследование проводилось на примере трех национальных дискурсов, важным результатом исследования стал вывод о том, что идеологические позиции могут определять общность метафорики в большей степени, чем принадлежность к определенному культурному сообществу. К примеру, было показано, что в метафорическом репертуаре немецких, французских и российских противников развития атомной энергетики было больше общего, чем между сторонниками и противниками внутри одного национального дискурса.

Не следует, однако, всегда считать идеологическим сопоставлением ограничение материала исследования дискурсами определенных идеологических взглядов. К примеру, в публикации К. А. Гиляровой [2001] анализируется метафорика австрийских и российских националистов. Хотя в данной работе материал для изучения ограничен маркером определенной идеологической группы, исследование фокусируется на этнокультурном сопоставлении.

3.2.2.2. Идиолектное сопоставление

Идиолектный критерий связан с сопоставлением метафорики, актуализированной отдельными политиками, а также другими личностями – субъектами дискурсивной деятельности.

Перспективы изучения когнитивной метафоры в идиолектах политиков были намечены в 1980 г. Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff, Johnson 1980], которые рассмотрели милитарную метафору президента США Дж. Картера и ее инференции. Среди первых подобных исследований можно выделить работу группы американских исследователей [Adamson et. al 1998],

проанализировавших метафорические модели в дискурсе американского консерватора Раша Лимбо и описавших доминантные концептуальные метафоры его идиолекта (ПОЛИТИКА – ЭТО ВОЙНА, ЛИБЕРАЛЫ – ЭТО ПРЕСТУПНИКИ, АМЕРИКА – ЭТО ПАЦИЕНТ, ОБЩЕСТВО – ЭТО СЕМЬЯ).

Последовавшие исследования были направлены на выявление личностных предпочтений в выборе концептуальных сфер-источников. Так, в статье И. ван дер Валка [Van der Valk URL], посвященной сопоставлению речевых стратегий в франко-голландском расистском дискурсе, выявлены ведущие метафоры в идиолекте А. Ле Пена. Для негативной репрезентации иммигрантов лидер «Народного фронта» использует метафоры водного потока и войны. Соответственно Франция выступает в роли жертвы, которую освободитель А. Ле Пен (сравнивающий себя с Ж. Д'Арк и У. Черчиллем, а деятельность своей партии с антифашистской борьбой) должен спасти. Для положительной самопрезентации А. Ле Пен активно эксплуатирует мелиоративные смыслы метафоры родства.

В рамках идиолектных исследований заслуживают внимания попытки найти практическое подтверждение того, как метафоры в речи политика воздействуют на массовое сознание и побуждают к принятию определенных политических решений. Так, Л. Молеро де Кабеза [Molero de Cabeza 2002] рассмотрел метафорические средства, которые У. Чавес успешно использовал в коммуникативной борьбе за президентский пост. Для создания негативного представления о настоящем Венесуэлы У. Чавес апеллировал к образам больного организма и рушащегося здания. Продолжением этого исследования можно считать комплексный анализ метафор венесуэльского президента на материале последних лет, проведенный М. Апонте [Aponte 2008].

Широко известно исследование дискурса Сильвио Берлускони, проведенное Е. Семино и М. Мащи [Semino 1996], показавшее, что для идиостиля премьер-министра Италии особенно характерны метафоры из сфер-источников ФУТБОЛ, ВОЙНА, БИБЛИЯ, что неудивительно, если учесть что

С. Берлускони возглавляет католическую страну, является футбольным магнатом и отличается характерным южным темпераментом.

Рассмотренные выше исследования являются метасопоставительными. В них выявление специфики метафорики определенного политического деятеля подразумевает контраст с метафорикой других идиолектов или политических групп. Однако эта специфика выявляется только при рассмотрении нескольких исследований (метафоры футбола и религии у С. Берлускони, метафоры родства и войны у А. Ле Пена, образы болезни и строения у У. Чавеса и т.д.). Метасопоставление – это косвенный метод, которым, исследователи часто пользуются как при анализе истории вопроса, так и в практических изысканиях.

Рассмотрим теперь непосредственно сопоставительные исследования. Существует два основных ракурса идиолектного сопоставления: 1) собственно идиолектное и 2) идиолектно-групповое.

В первом случае сопоставляются метафоры отдельных политиков, а потом делаются выводы об общем и специфичном в их метафорических идиолектах. По критерию результатов исследования собственно идиолектные сопоставления подразделяются на три группы.

В первую группу входят публикации, акцентирующие внимание на общности метафорики определенных политиков. К этой группе относится исследование скандинавских ученых [Heradstveit 2005], изучивших влияние политической метафоры Дж. Буша «Ось зла» на иранское сознание. Проанализировав интервью с представителями иранской политической элиты (в том числе оппозиционной) в 2000 и 2002 гг., исследователи обнаружили, что метафора вызвала недоумение респондентов и была воспринята как «удар в спину» (Иран помогал США в войне в Афганистане), как «убийство нарождающегося диалога между США и Ираном». Метафора Дж. Буша сплотила иранское общество и вместе с тем создала удобные условия для усиления ультра и консервативных сил.

Вторая группа представлена исследованиями, демонстрирующими специфику метафор субъектов политической деятельности. Ярким примером этой группы является монография Дж. Чартериса-Блэка [Charteris-Black 2005]. Британский лингвист проанализировал риторику англоговорящих политиков и показал, как метафоры регулярно используются в их выступлениях для актуализации нужных эмотивных ассоциаций и создания политических мифов о монстрах и мессиях, злодеях и героях. Сопоставление позволило Дж. Чартерису-Блэку выявить предпочтения конкретных политиков в выборе той или иной сферы-источника для концептуализации политической действительности. Так, У. Черчилль тяготел к метафорам природы, М. Л. Кинг любил религиозные образы, М. Тэтчер особенно активно эксплуатировала милитарную метафорику и миф о Боадицее. Среди российских публикаций, тяготеющих ко второй группе, выделяется диссертация Т. С. Вершининой [2002], в которой рассмотрена метафорическая специфика идиостилей ведущих российских политиков.

К третьей группе относятся исследования смешанного типа, в которых между метафорами одних политиков обнаруживаются сходства, а при сопоставлении с метафорикой других политиков обнаруживаются различия. Таким образом, выявляются группы идиолектных дискурсов, объединяемых общностью используемых метафорических образов. Иллюстрацией может служить исследование П. Друлака [Drulák 2006]. Лингвист изучил метафоры глав европейских государств и пришел к выводу, что лидеры стран ЕС предпочитают метафору Европы как КОНТЕЙНЕРА, а лидеры стран-кандидатов на вступление в ЕС – метафору РАВНОВЕСИЯ КОНТЕЙНЕРОВ. Важно принимать во внимание, что на практике возможны случаи, когда границы между группами идиолектных метафорик не так очевидны. В такой ситуации исследователь имеет дело с континуумом метафорических дискурсов, напоминающих совокупность пересекающихся кругов Эйлера.

При идиолектно-групповом сопоставлении результаты идиолектного анализа метафорики сопоставляются с метафорическими образами, присущими определенным группам людей. Типичный пример подобного исследования – публикация Д. Берхо [Berhó 2000]. Аргентинская исследовательница задалась вопросом о причинах высокой популярности аргентинского президента Х. Д. Перона и решила сопоставить метафорику президента с метафорикой аргентинской политической элиты. Как выяснилось, дискурс политического истеблишмента Аргентины отражал презрение высших слоев общества к основной массе населения, в то время как метафоры Х. Д. Перона концептуально «сближали» его с народом. Основным инструментом это сближения была метафора POLITICS IS WORK (ПОЛИТИКА – ЭТО ТРУД). Регулярное развертывание этой метафоры принесло Х. Д. Перону огромную популярность среди миллионов лишенных избирательских прав и работающих в тяжелых условиях аргентинцев, которые и привели политика к власти.

Идиолектно-групповое сопоставление позволило Т. Рореру, исследовавшему прагматический потенциал метафор президента США Дж. Буша и его оппонентов из Сената, продемонстрировать, что если Дж. Буш апеллировал к сфере-источнику ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, то сенаторы-оппоненты предпочитали актуализировать сферу-источник ВЬЕТНАМСКАЯ ВОЙНА [Rohrer 1995].

Теоретически можно было бы ожидать дифференциацию исследований по нескольким группам, подобно тому, как это было сделано при рассмотрении собственно идиолектного сопоставления. Однако выделение групп при таком сопоставлении не применяется и не находит подтверждения в конкретных публикациях. Если между идиолектными и групповыми метафорами обнаруживается только общность, то противопоставление теряет смысл. Идиолект становится лишь крупицей конкретного группового дискурса.

3.2.2.3. Гендерное сопоставление

Политические метафоры отражают и воспроизводят доминантные для определенного общества культурные ценности и оппозиции, которые оказывают значительное влияние на осмысление политической действительности и служат руководством к принятию решений и действию. Многие исследователи отмечают, что важное место в осмыслении политики занимает концептуальная метафора ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЧЕЛОВЕК [Скребцова 2002; Чудинов 2001; Chilton 2004; Lakoff 1991; Luoma-aho 2002]. Государства представляются как сообщество людей, в котором каждый человек обладает своим характером, привычками, законопослушностью. В этом сообществе есть свои правонарушители и полицейские, лидеры и изгои и т.п. Можно утверждать, что в политическом дискурсе данная концептуальная метафора может получать гендерное измерение и развертываться в вариантах ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЖЕНЩИНА И ГОСУДАРСТВО – ЭТО МУЖЧИНА, а также НАЦИЯ – ЭТО ЖЕНЩИНА, НАЦИЯ – ЭТО МУЖЧИНА И СТРАНА – ЭТО ЖЕНЩИНА, СТРАНА – ЭТО МУЖЧИНА. Более того, в зависимости от культурных традиций того или иного общества эти концептуальные метафоры согласуются с различными прототипами и зачастую обладают прямо противоположными оценочными смыслами. Особенно рельефно эти различия проявляются при метафорическом представлении «чужого» в политическом дискурсе стран Запада и Востока.

Одна из самых распространенных метафор в политическом дискурсе западных стран для представления врага или чужого – это метафора насильника, агрессивного мужчины, от которого нужно защитить слабую и подвергающуюся насилию женщину. Именно так Дж. Буш Младший описывал политическую ситуацию в Персидском заливе в период с августа 1990 г. по январь 1991 г. Президент США регулярно изображал иракскую аннексию посредством метафоры государства-насильника (Ирака) и госу-

дарства-жертвы (Кувейта). Американцы поверили метафоре «изнасилования Кувейта», потому что Дж. Буш неоднократно ссылался на доклады о реальных изнасилованиях и грабежах, имевших место в Кувейте в связи с иракской аннексией. В обществе людей всякое преступление должно караться не только ради жертвы преступления, но ради всего общества, заключившего общественный договор. Дж. Буш дополнял метафору ГОСУДАРСТВА – ЭТО СООБЩЕСТВА ЛЮДЕЙ метафорой МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА – ЭТО ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР. Следуя этой логике, агрессия Ирака – это преступление не только против Кувейта, но и против общественного договора, т.е. против всех законопослушных людей-государств, которые и должны наказать дикаря-насильника.

Рассматриваемое гендерное противопоставление фиксируется в современных исследованиях политико-милитаристских дискурсов [Феррари 2010; Bates 2004; Lakoff 1991; Rohrer 1995], но очевидно, что эта концептуальная схема сформировалась гораздо раньше. Например, на американских агитационных плакатах времен Второй мировой войны немцы и японцы обычно изображались в образе варваров-насильников [Keen 1991].

Схожая гендерно ориентированная модель характерна и для метафорического представления внутриполитических отношений. В российском политическом дискурсе распространены образы сексуального насилия или же, наоборот, сексуального бессилия (импотенции, кастрации), привносящие негативные эмотивные смыслы в концептуализацию отношений между субъектами политической деятельности [Чудинов 2001]. Для политического дискурса США характерно представление политических оппонентов в качестве сексуальных маньяков, насилующих страну и народ [Adamson 1998].

Подобные метафорические модели являются вариантом метафорического фрейма, названного Дж. Лакоффом СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ [Lakoff 1991]. Согласно этому фрейму политические отношения описыва-

ются в понятиях сказочной триады: ГЕРОЙ, ЖЕРТВА И ЗЛОДЕЙ. ЗЛОДЕЙ совершает злодеяние, ЖЕРТВА страдает, миссия ГЕРОЯ заключается в спасении ЖЕРТВЫ и наказании ЗЛОДЕЯ. Эта схема оказалась очень удобна для концептуальной интеграции с гендерными и криминальными концептами, что в совокупности предоставило политикам удобный когнитивный инструмент для легитимизации милитаристских намерений.

Оценочные смыслы, которые привносит метафорическая проекция из гендерной модели на политические отношения, укоренены в общественном сознании и соотносятся с моральными ценностями той или иной культуры. Как показывает специальный обзор [Будаев 2006а], в политическом дискурсе стран Запада доминирует тактика метафорической маскулинизации «чужого», направленная на активизацию императива противодействия аморальному врагу. Согласно метафорической логике такого описания мира политики, враг, насилующий женщин, силен. Он представляет опасность для цивилизованного общества, поэтому нужна максимальная мобилизация ресурсов для сохранения традиционных культурных ценностей и восстановления справедливости.

Несколько иначе гендерный аспект проявляет себя в метафорах исламских государств Востока. К примеру, знание о том, что женщина физически слабее мужчины, используется в современном пакистанском политическом дискурсе для метафорического представления «чужого», особенно часто Индии (традиционного соперника Пакистана) [Saigol 2000]. В представлении пакистанцев их государство – это ВЗРОСЛЫЙ МУЖЧИНА-МУСУЛЬМАНИН, а Индия – это ЖЕНЩИНА. Следовательно, враг слаб и не способен оказать серьезное сопротивление, а поэтому в случае военного конфликта он будет легко повержен. Для акцентирования этого гендерного образа активно используются и другие языковые средства. Как показывает Р. Сайгол, подбор и интерпретация фактов согласуется с доминирующим метафорическим образом. Например, метафорическая феминизация Индии

сопровождается указанием на тот факт, что в некоторых районах Индии до сих пор существуют «неправильные» и «отвергнутые всем миром» матриархальные семьи, в которых женщина – глава семьи, а дочери наследуют имущество. Согласно этой картине мира индийским мужчинам не хватает маскулинности, они не могут справиться со своими женщинами и не представляют собой серьезной военной силы.

Еще один вариант гендерной концептуальной метафоры выглядит как ЖЕНСКОЕ – ПЛОХОЕ, МУЖСКОЕ – ХОРОШЕЕ. В период правления Айюб Хана (1958-64) «плохое прошлое» Пакистана связывалось с бесплодием и стерильностью, а грядущий прогресс и интеграция пакистанского общества ассоциировались с возмужанием, сексуальной потенцией и «мужским характером», что в частности проявилось в военном конфликте с Индией [Saigol 2003]. Устойчивость подобных гендерных стереотипов при осмыслении мира политики во многом связана с их воспроизводством в образовательном дискурсе, с формированием подобных представлений у подрастающего поколения.

Другой пример концептуальной метафоры ЖЕНСКОЕ – ПЛОХОЕ, МУЖСКОЕ – ХОРОШЕЕ обнаруживается в турецкой картине политического мира. В турецкой культуре Оттоманского периода доминировала метафора ЧУЖОЕ – ЭТО ЖЕНСКОЕ и соответственно ЗАПАД – ЭТО ЖЕНЩИНА. Согласно этой метафоре, вестернизация Турции рассматривалась как ее феминизация, а гендерная парадигма осмысления мира стала способом сохранения культурных традиций и сопротивления западному влиянию. Например, в представлении оттоманской элиты, молодежь, перенимавшая западный образ жизни, перенимала «женские привычки», представляла собой угрозу «отеческой власти» и символизировала «демаскулизацию» Турции [Bilgin 2004].

В современной Турции политические оппоненты во многом опираются на традиционные ценности. После революции М. Кемаля в турецкой по-

литике наблюдается противостояние исламистов (сторонников сохранения традиционных ценностей) и кемалистов (приверженцев продолжения курса на модернизацию Турции). В дискурсе исламистов по-прежнему активно используется тактика феминизации Запада и его материалистического и механистического мира в противовес одухотворенному, «дефеминизированному» и коллективистскому Востоку [Bilgin 2004: 217]. Показательно, что гендерная модель играет важную роль и в дискурсе кемалистов, которые настаивают на продолжении модернизации турецкого общества и опираются на программу расширения прав женщин. В дискурсе кемалистов активно используется метафора «отца и дочерей», сменившая традиционную оттоманскую метафору «отца и сыновей». Однако это видоизменение не столь значительно меняет гендерные стереотипы, как можно показаться на первый взгляд. Идеализированные «дочери» кемалистского дискурса подвергаются дефеминизации и десексуализации, становятся «товарищами по оружию» в политической борьбе.

Вполне закономерно, что культурные метафорические стереотипы сохраняются и у иммигрантов из исламских государств. Среди метафор, используемых британскими и шведскими мусульманами, значимое место занимает концепт «недостаточной маскулинности» европейского ислама [Candel 2005].

Как показывает обзор исследований, в политическом дискурсе исламских государств доминирует тактика метафорической феминизации «чужого», направленная на дискредитацию и умаление качеств политического оппонента, что контрастирует с метафорическими средствами концептуализации чужого (маскулинизации) в политическом дискурсе стран Запада и России.

Ведущим аспектом гендерного сопоставления является вопрос о влиянии мужской и женской картины мира на метафорическую концептуализацию политики в дискурсе СМИ. Первыми на эту проблему стали обра-

щать внимание исследователи феминистского направления (в том числе в рамках критического дискурс-анализа), которые отмечали, что освещение политических событий в СМИ строится в соответствии с мужской картиной мира, и указывали на перспективы исследования «гендерной структуры новостей» [Van Zoonen 1994: 50]. Новостной дискурс представляет собой «мужской нарратив» [Rakow 1991: 8] или «мужскую мыльную оперу» [Fiske 1987: 308], в которой СМИ метафорически искажают описание политических событий в соответствии с ожиданиями мужской аудитории.

В политике традиционно доминировали мужчины, поэтому понятия для метафорического описания политической деятельности привлекались из традиционных мужских занятий, таких как война и спорт. Среди первых исследователей, обративших внимание на этот аспект политической метафорики, был Н. Хоув [Howe 1988]. Проанализировав американские политические метафоры 1980-1985 гг., исследователь пришел к выводу о том, что наиболее укорененные и распространенные в американской культуре политические метафоры относятся к мужским занятиям.

Помимо милитарных и спортивных образов, с маскулинностью связаны анималистические и механистические метафоры. Несмотря на то, что международное право, этика и политика основаны на оппозициях цивилизованность/варварство и война/мир, в действительности в международной политике доминирует миф об «унитарной, беспроблемной маскулинности» [Carver 2008]. Этот миф основывается не на противопоставлении войны и мира, а на конструировании одного мира, в котором правят агрессивность, эгоизм и борьба за выживание. Этот «однополярный» мир политики рельефно проявляется в использовании анималистических и механистических метафор.

Отдельные усилия исследователей направлены на выявление гендерного характера агрессивности политической метафорики и демонстрацию того, что конфронтационные метафоры не оставляют возможности для по-

иска консенсуса и компромисса, столь необходимых в сфере политики. Как отмечает Дж. Фиске, «военные и спортивные метафоры конструируют политику как конфликт между партиями, а не как сферу общественной деятельности, направленную на улучшение благосостояния народа» [Fiske 1987: 291]. Для женщин более характерны метафоры компромисса из понятийной области Семья или Дом, что прослеживается в дискурсе политической борьбы женщин за свои права [Delap 2002].

С одной стороны, феминистки винят мужские метафоры, препятствующие проникновению женщин в политику. С другой, именно с метафорами связываются надежды на изменение ситуации. Дж. Карни [Carney 2008] считает, что в основе неудачных попыток по проведению политики за гендерное равенство в Ирландии лежат метафорические стереотипы. Вместе с тем именно метафорам Дж. Карни отводит ведущую роль в формировании иной образной системы, которая должна лечь в основу более справедливых в гендерном отношении политических программ и помочь донести эти взгляды до патриархального истеблишмента.

Гендерные исследования высвечивают еще одно следствие из доминирования «мужских» метафор в политическом дискурсе: такие метафоры воспроизводят в общественном сознании представление о политике как о мужском деле, в котором не остается места для женщин-политиков. Традиционно сфера политической деятельности считалась мужским занятием, но в современном мире женщины все чаще принимают активное участие в политической жизни общества, занимают высокие государственные должности, в том числе возглавляют государства и правительства. Вместе с тем одни и те же фреймы «мужского метафорического нарратива» по-разному концептуализируют и оценивают политиков-женщин и политиков-мужчин.

Для выявления гендерной специфики политической метафорики Э. Гиденгил и Дж. Эверитт [Gidengil 1999] сравнивали метафорическое представление участников канадских политических дебатов 1993 г. в СМИ

с действительным поведением оппонентов. Для анализа агрессивности поведения в дебатах использовалась методика Р. Тименса и Д. Моньер, согласно которой для квантитативного выражения агрессии политика нужно учитывать определенные маркеры. Например, учитывалось, как часто оппоненты используют местоимение you (ты, вы), как часто перебивают друг друга и используют сжатый кулак как жест для акцентирования своих тезисов. Получив квантитативно оформленные данные об уровне агрессии оппонентов, Э. Гиденгил и Дж. Эверитт сравнили эти данные с агрессивностью метафорических образов, связываемых журналистами с четырьмя участниками теледебатов – двумя мужчинам и двумя женщинами. Как выяснилось, агрессивность женщин-политиков в целом была меньше, чем у их оппонентов-мужчин. Однако метафор, актуализирующих агрессивные смыслы при описании их поведения на дебатах, было зафиксировано больше, чем при освещении поведения политиков-мужчин. Примечательно, что когда уровень агрессии женщин снизился, они по-прежнему описывались в теленовостях как более агрессивные, чем их оппоненты-мужчины.

Когда женщины принимают мужской стиль поведения, чтобы соперничать в борьбе за власть, они изображаются в СМИ как более агрессивные, чем мужчины, потому что их политическая активность вступает в противоречие с глубоко укорененными представлениями о присущем женщине поведении. Мы не ассоциируем женщин с полем боя или боксерским рингом, поэтому при интеграции подобных фреймов с концептами определенных женщин-политиков формируются инференции, согласно которым женщины не обладают необходимыми для политики качествами. Особенно наглядно это проявляется в метафорах, убеждающих адресата в женской политической «некомпетентности».

Так, в метафорическом освещении канадских теленовостей женщины, которые решили поучаствовать в «спортивном состязании» или «военной

стычке», могли «забить гол в собственные ворота» или «прострелить себе ногу». Женщинам-политикам часто не остается места в мужских фреймах: женщина в спорте-политике не может «закрутить мяч» или «просто отсиживается на скамейке запасных». В лучшем случае женщины «начинают футбольную атаку», но только мужчины «бьют по воротам» [Gidengil 1999].

В жанре политических дебатов женщины регулярно концептуализировались как более агрессивные, чем их оппоненты-мужчины, хотя женщины, которые участвуют в дебатах не в первый раз, уже в меньшей степени «притягивают» агрессивные метафоры комментаторов. Примечательно, что при освещении политических событий женщины-журналистки используют агрессивные метафоры не реже, а иногда даже и чаще, чем их коллеги-мужчины [Gidengil 2003a, 2003b]. Процессы построения «мужского нарратива» протекают бессознательно, хотя авторы новостей и считают, что они освещают события объективно.

Подобные закономерности, вероятно, имеют универсальный характер. В тайваньских СМИ политики-женщины (в отличие от политиков-мужчин) описываются или как очень агрессивные, или как недостаточно женственные [Wei 2001]. В шведском политическом дискурсе метафорическая концептуализация политического протеста сопровождается полным отсутствием описаний событий, в которых женщины были бы представлены как субъекты политической деятельности [Fridolfsson 2008].

При неоспоримых достижениях феминистских исследований в области политкорректности иногда приходится констатировать, что маятник сильно качнулся в другую сторону. По верному замечанию С. Г. Тер-Минасовой, политическая корректность иногда доходит до крайностей, «становится предметом насмешек, развлечения, юмора» [Тер-Минасова 2004: 283]. Действительно, довольно странными представляются требования заменить history на herstory или бороться с «ненавистным сексистским

суффиксом», отображая в написании women как womyn или wimmin. Подобные крайности можно обнаружить и в исследованиях метафорики. Например, Дж. Малшецки призывает бороться с милитарными метафорами прессы, являющимися чуть ли не традиционным средством обучения мальчиков и юношей фемициду (femicide) [Malszecki 1995].

Итак, гендерная модель осмысления мира привносит как универсальные, так и культурно-специфические характеристики в понимание политической действительности. Последние выражаются в различии между доминирующими тактиками метафорической оценки «чужого» в политическом дискурсе стран с гетерогенными культурными традициями. Также гендерная специфика политической метафорики выражается в преобладании «мужской картины мира» при осмыслении политической действительности, связанного с традиционным доминированием мужчин в сфере политической деятельности. Наконец, противопоставление мужского и женского начал является часто не осознаваемым, но действенным способом метафорического конструирования политической картины мира и ее переконцептуализации в сознании адресата политической коммуникации.

3.2.3. Диахроническое сопоставление

Большинство современных исследований ориентировано на изучение политических метафор в текстах, созданных на рубеже XX и XXI вв., но вполне закономерно, что отдельные авторы избирают предметом своего исследования метафоры в текстах, относящихся к недавнему или отдаленному прошлому.

Прежде всего, необходимо разграничить диахронический и ретроспективный анализ. Предметом диахронического анализа является процесс изменения политической метафорики во времени. Цель диахронического анализа заключается в фиксировании темпоральных изменений (или кон-

статации отсутствия таковых) в изучаемых явлениях. Ретроспективный анализ направлен на анализ политической метафорики, задействованной в определенный исторический период. По сути, предмет ретроспективного анализа совпадает с предметом анализа синхронического. И в том, и в другом случае изучаются нетемпоральные закономерности. Различие же лежит в материале, выбираемом лингвистом для изучения. В синхроническом исследовании анализируется современный материал, в ретроспективном – метафорика других исторических периодов. Иными словами, ретроспекция – это синхрония, опрокинутая в прошлое.

Из разграничения этих двух подходов следует, что диахронический метод априори сопоставительный, потому что едва ли возможен анализ изменений в определенной системе без сопоставления промежуточных состояний системы. На различиях в подходах к анализу этих промежуточных состояний выстраиваются разновидности диахронического изучения политической метафорики.

В диахроническом исследовании выделяется континуальный и дискретный анализ. В первом случае исследуется диахроническая вариативность метафорики, задействованной за выбранный период времени. Этот подход может применяться в тех случаях, когда продолжительность выбранного периода времени не очень велика. Дискретный анализ используется в тех случаях, когда рассматриваемый период настолько велик, что приходится делать выборку метафор из отдельных периодов (именно так и поступила К. Де Ландтсхеер в своем известном исследовании [De Landtsheer 1991]).

При диахроническом исследовании необходимо осуществлять фрагментацию дискурса, т.е. делить период времени на определенные сегменты, показатели которых планируется сопоставлять. Фрагментация бывает равномерной и фокусной.

При равномерной фрагментации временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации. Шаг фрагментации может быть различным. Обычно он равен году, но вполне возможен шаг фрагментации равный месяцу, неделе и другим периодам времени. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о диахроническом функционировании метафорики. Особенно любопытны сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации. Эвристики этого подхода будут подробнее рассмотрены в практическом исследовании равномерной фрагментации российского политического дискурса.

При фокусной фрагментации разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании (примером может служить исследование А. Н. Баранова [Баранов 2003в]).

На первый взгляд, фокусная фрагментация выглядит более «дискурсивным» подходом, а равномерная более «структуралистским» подходом. При фокусной фрагментации более детально анализируются взаимосвязи метафорики и конкретных политических событий. Вместе с тем равномерная фрагментация дает представление о более общих закономерностях функционирования политических метафор и также может служить источником данных при когнитивно-дискурсивном исследовании.

Не следует смешивать фрагментацию и дискретный анализ, которые являются совершенно разными методологическими приемами. Во-первых, дискретный анализ применяется из-за невозможности, нецелесообразности, большой трудоемкости континуального анализа. Фрагментация же есть разбиение временной оси на сегменты для изучения отдельных состояний системы, что никак не связано с вышеописанными техническими сложностями. Во-вторых, при дискретном анализе отсекается часть материала, осуществляется выборка материала из определенного континуума,

при фрагментации материал просто особым образом структурируется. В-третьих, дискретный анализ может проводиться как с применением фрагментации, так и без нее. В свою очередь, фрагментация может быть использована как в дискретном, так и в континуальном анализе.

Хотя ретроспективный анализ не относится в полной мере к диахроническим изысканиям, он дает важные данные для выводов диахронического анализа. Так, в диссертации Л. А. Шадаевой [2004] детально проанализирован корпус текстов речей и высказываний А. Линкольна за период с 1832 по 1865 г. Автор выяснил, что картина мира А. Линкольна может быть представлена в ряде стереотипов, среди которых выделяются архитектурная метафора и метафоры Библии. Для знаменитого президента метафора служит важнейшим средством аргументации, она представляет собой языковой инструмент создания А. Линкольном ведущих речевых стратегий.

О. Н. Кондратьева [2003] обращается в своей статье к политическим метафорам, которые использовались почти пять столетий назад в переписке царя Ивана Грозного с князем Андреем Курбским. Это исследование показало, что еще в публицистике XVI в. активно использовались зооморфные метафоры с ярко выраженным агрессивным прагматическим потенциалом. В диссертации А. А. Пшенкина рассмотрены закономерности метафорического представления образа СССР и России в американском политическом дискурсе со второй половины XX в. до начала нового столетия, автор выделяет при этом два основных исторических периода – советский и постсоветский. Данное исследование ярко демонстрирует, что при создании образа если не друга, то хотя бы партнера используются совсем иные метафоры, чем образы, которыми использовались при характеристике «империи зла»: это касается не только репертуара моделей, но и конкретных фреймов, слотов и концептов. Вместе с тем автор показывает, что многие способы метафорического представления остаются стабильны-

ми и стереотипы в американском политическом дискурсе изменяются крайне медленно [Пшенкин 2006]. Различия нередко касаются даже не самих метафор, а их прагматического потенциала. Так, метафоры со сферой-источником «бизнес» обычно несут позитивную эмоциональную окраску, для американцев относиться к политике как к бизнесу – это значит относиться к ней максимально серьезно. В России образы «торгашей и спекулянтов» обычно призваны возбудить негативные эмоции, русские предпочитают говорить о принципах, о высокой морали и справедливости [Пшенкин 2006, Чудинов 2003а].

В статье З. Ковечеша [Kövecses 1994] проанализированы метафоры в книге французского политолога Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке» (1835). Традиционно считалось, что А. де Токвиль положительно относился к американской демократии. Вместе с тем З. Ковечес отмечает, что, несмотря на внешне позитивную оценку, политолог многое не одобрял, о чем свидетельствует доминантная метафора А. де Токвиля – АМЕРИКАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ – ЭТО СТРАСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК.

Классическим примером ретроспективного исследования может считаться монография Г.-В. Егера, в которой изучены политические метафоры периода якобинства и «домартовского периода» [Jäger 1971].

Ряд исследований посвящен изучению политической метафорики середины XX в. в Латинской Америке. Так, в исследовании Д. Софера рассмотрены метафоры в корпусе писем колумбийцев своему президенту за период 1944-1958 гг. [Sofer 2003], а в статье Д. Берхо проанализирована аргентинская политическая метафорика 1936-1952 гг. [Berhó 2000] и т.д.

На фоне публикаций по метафорическому представлению современной иммиграции в США выделяется статья Дж. О'Брайена [O'Brien 2003]. Исследователь проанализировал метафоры в дебатах начала XX в., посвященных вопросу об ограничении иммиграции в США. Как оказалось, еще в начале XX века для концептуализации иммиграции использовались обра-

зы природных стихий, войны, животных, неперевариваемой пищи – образы, которые фиксируют современные американские исследователи той же сферы-мишени в современной политической коммуникации [Hardy 2003; El Refaie 2001; Santa Ana 1999, 2002; Van der Valk URL].

Приведенные примеры показывают, что ретроспективные исследования тоже могут служить целям диахронического сопоставления, но в данном случае можно вести речь о метадиахроническом сопоставлении, т.е. сопоставлении, осуществляемом не в одной конкретной публикации, а на основе контраста нескольких ретроспективных публикаций.

3.2.3.1. Диахронические свойства метафорических систем

В наиболее общем виде диахроническое сопоставление политической метафорики направлено на анализ двух взаимодополняющих свойств метафорических систем: архетипичности и вариативности.

Первое свойство выражается в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Статичность политической метафорики послужила основой для первых опытов по теории политических метафор в XX в., но нередко это свойство абсолютизировалось в духе культурно-временного универсализма. Согласно такой точке зрения, и в Древней Греции, и в средневековой Европе, и в любой стране современного мира политические метафоры остаются неизменными, отражают устойчивые детерминанты человеческого сознания или архетипы коллективного бессознательного. Применительно к политическим метафорам эта точка зрения была последовательно сформулирована М. Осборном и его единомышленниками в теории архетипичных метафор. М. Осборн в основном опирался на методологию бихевиоризма, хотя в принципе подобные выводы могут находить методологическое основание

в разных теориях (структурализм В. Я. Проппа, историческая поэтика А. Н. Веселовского, аналитическая психология К. Г. Юнга, экспериенциальный реализм и теория «телесного разума» Дж. Лакоффа и М. Джонсона).

Действительно, многие метафоры фиксируются исследователями в разных культурах и в разные времена. К примеру, метафоры болезней на протяжении долгого времени используются в разных обществах для представления Чужого, угрожающего здоровью общественного организма. Так, Дж. Харрис [Harris 1998] показал, что в эпоху королевы Елизаветы и короля Якова I были очень распространены метафоры болезни Англии, а причины этих болезней общество усматривало в «чужеродных телах»: евреях, ведьмах, католиках. Подобные метафоры обнаруживаются и сто лет спустя в риторике Адольфа Гитлера [Мусолфф 2006; Perry 1983; Rash 2005], и в современном политическом дискурсе, в котором морбиальные метафоры – значимое средство осмысления действительности и дискредитации политических оппонентов во многих странах [Каслова 2003; Муране 2002; Санцевич 2003; Феденева 1998; Чудинов 2001; Шмелева 2001; Adamson 1998; Luoma-aho 2002 и др.].

Сфера-мишень для морбиальных метафор варьируется в различные эпохи. Если в эпоху королевы Елизаветы католики могли метафорически представляться причинами заболеваний, то до реформы Генриха IV или в период правления Марии Кровавой это едва ли могло иметь широкое распространение, но аргументативный потенциал сферы-источника активно используется в разные исторические эпохи и в разных странах.

По мере накопления практических исследований становилось очевидным, что политическая метафорика обладает диахронической вариативностью. В 1977 г. М. Осборн, основатель теории о неизменных архетипичных метафорах, опубликовал работу, в которой пересмотрел категоричность некоторых своих постулатов [Osborn 1977]. М. Осборн пришел к выводу,

что, несмотря на то, что архетипичные метафоры используются во всех культурах и во все времена, развитие культуры, науки и техники может воздействовать на их частотность. Изучив 56 политических выступлений XIX-XX вв., он обнаружил, что технологический прогресс может уменьшать распространенность архетипичных метафор. Например, в XX в. резко уменьшилось количество метафорических образов, связанных с водой, в то время как в XIX в. речные и океанские метафоры были очень распространены (что подтверждается и другими исследователями [см., напр.: Miller 2003])

Архетипичность политической метафорики получила оформленный характер в теории концептуальной метафоры, согласно которой механизмы метафоризации бессознательны и определяются физическим опытом взаимодействия человека с окружающим миром. Таким образом, важным основанием для метафорического универсализма стала анатомо-физиологическая общность представителей homo sapiens, до некоторой степени предопределяющая закономерности мышления. Вместе с тем критики теории концептуальной метафоры нередко забывают, что согласно теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона концептуальные метафоры согласованы с основными концептами той или иной культуры, что в принципе не только преодолевает недостатки культурного универсализма, но и не исключает диахронической вариативности политической метафорики.

Диахроническая вариативность системы политических метафор имеет два показателя: количественный и качественный. Первый показатель выражается в корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе (динамика метафоричности дискурса). Второй связан с доминированием отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды (динамика доминантности метафорики).

Рассмотрим подробнее каждый из этих ракурсов исследования.

3.2.3.2. Динамика метафоричности политического дискурса

Отправной точкой для исследования диахронических свойств метафоричности дискурса послужила работа Х. Де Ландтсхеер [De Landtsheer 1991], в которой было доказано, что между частотностью метафор и общественными кризисами существует взаимозависимость. В ходе исследования голландского политического дискурса Х. Де Ландтсхеер продемонстрировала, что количество метафор увеличивается в периоды общественно-политических кризисов. В очередном исследовании Х. Де Ландтсхеер и Д. Фертессен [Vertessen 2005], сопоставив метафорику бельгийского предвыборного дискурса с метафорикой дискурса в периоды между выборами, обнаружили, что показатель метафорического индекса (включающего такие критерии, как частотность, прагматический потенциал сферы-источника и др.) увеличивается в предвыборный период. Эти наблюдения послужили подтверждением того, что метафора является важным средством разрешения проблемной ситуации, и впоследствии легли в основу комбинаторной теории кризисной коммуникации (CCC-theory), занимающей лидирующие позиции в вопросе анализа динамики метафоричности политического дискурса.

То, что политический дискурс становится более простым и стандартным во время кризиса, утверждалось еще в статье И. де Сола Пула [De Sola Pool 1954]. Исследователь пришел к выводу, что разнообразие и повторяемость политических символов уменьшается во время войны и в условиях тоталитарного режима. Эта идея получила продолжение в теории интегративной (когнитивной) сложности [Conway 2003; Guttieri 1995; Suedfeld 1988, 1992, 2002, 2003; Wallace 1993], смысл которой сводится к следующему. В оценке принятия решения политическим лидером важным критерием считается интегративная сложность (integrative complexity), под которой подразумевается показатель количества альтернативных подходов к

решению проблем (дифференциация) и комбинации этих подходов в синтезированных решениях (интеграция). Дифференциация отражает степень разнообразия, которую политик использует при описании других людей, событий, явлений. Чем ниже дифференциация, тем сильнее у политика тенденция категоризировать действительность с помощью упрощенных оппозиций. Если политик использует одно измерение (dimension) при обсуждении определенной проблемы (например, оппозицию хороший/плохой), то считается, что дифференциация отсутствует. Если же дифференциация присутствует, то фиксируется интеграция, т.е. степень, в которой разные измерения между собой связаны. Интеграция может отсутствовать, присутствовать в некоторой степени или быть довольно сложной. Чем выше степень интеграции, тем выше степень понимания того, что существуют альтернативные варианты решения проблем, и тем выше вероятность компромисса.

Практический интерес вызывают данные о прогностической ценности данных об интегративной сложности. К примеру, зафиксировано снижение интегративной сложности дискурса непосредственно перед началом войн [Suedfeld 1988]. Используя документы, связанные с девятью международными кризисами XX в., которые вылились в неожиданные военные столкновения, исследователи обнаружили, что в дискурсе атакующей стороны снижался уровень интегративной сложности. Это снижение начиналось в период от трех месяцев до двух недель до начала конфликта. Дискурс атакуемой стороны демонстрировал увеличение интегративной сложности в диапазоне от месяца до недели до начала конфликта, но сравнивался по интегративной сложности с риторикой атакующей стороны сразу после начала военного столкновения. Аналогичные выводы были получены при исследовании дискурса первой войны в Ираке: изменения в интегративной сложности в предвоенный период служили индикатором того, что Ирак планирует нападение на Кувейт [Wallace 1993].

Если конфликт заканчивался мирным урегулированием проблемы и не приводил к военному столкновению, то снижения интегративной сложности не наблюдалось. Так, умеренный уровень интегративной сложности в дискурсе Дж. Кеннеди и его администрации во время Карибского кризиса показал, что даже в самые критические моменты политики не считали потенциал переговоров исчерпанным, и вероятность войны была не так высока [Guttieri 1995].

Х. Де Ландтсхеер соотносит высокую интегративную сложность с умеренным уровнем метафор и «когнитивным стилем» у Г. Лассвелла, а низкую интегративную сложность с высоким уровнем метафоричности и «эмотивным стилем» у Г. Лассвелла. Следуя за идеями М. Блэка о сильных и слабых метафорах [Black 1993], концепцией о трех измерениях метафор [Mooij 1976] и соображениями Келлера о разделении конвенциональных и оригинальных метафор [Koeller 1975], Х. Де Ландтсхеер распределила метафоры на три группы: слабые, нормальные и сильные. Каждой из группе метафор был присвоен показатель интенсивности, ранжируемый от 1 до 3. Слабым метафорам соответствует показатель интенсивности 1, нормальным – 2, а сильным – 3.

Для анализа метафоричности была введена переменная интенсивности (intensity variable) (I), которая вычислялась по формуле:

$$I = \frac{1w + 2n + 3s}{t}$$

I – переменная интенсивности

w – количество слабых метафор

n – количество нормальных метафор

s – количество сильных метафор

t – общее количество метафор

Помимо фактора конвенциональности/оригинальности, принимался во внимание критерий принадлежности метафоры к определенному лексико-семантическому полю.

Метафоры, которые относятся к семантическим сферам спорт и болезнь считаются более весомыми, чем метафоры природы и семьи. Вес метафоры связан с индексом, распределяемым следующим образом: метафоры обыденной жизни – 1, метафоры природы – 2, политические, технологические и интеллектуальные метафоры – 3, метафоры насилия и бедствий – 4, спортивные, игровые и театральные метафоры – 5, метафоры болезни – 6. Шкала оценок основывалась на психолингвистических исследованиях [Koeller 1975; Leinfellner 1971].

Переменная содержания D вычисляется по следующей формуле:

$$D = \frac{1p + 2n + 3po + 4d + 5sp + 6m}{t}$$

D – переменная содержания

p – метафоры обыденной жизни

n – метафоры природы,

po – политические, технологические и интеллектуальные метафоры

d – метафоры насилия и бедствий

sp – спортивные, игровые и театральные метафоры

m – метафоры болезни

Условность подобных вычислений очевидна, однако полученные таким образом данные могут более точно отражать определенные характеристики функционирования метафорики в политическом дискурсе, чем недифференцированный подсчет количества метафор. Сопоставление переменных содержания и интенсивности во фламандской прессе и статистических данных по безработице показало, что между этими показателями

существовала корреляция: росту безработицы сопутствовал рост метафоричности дискурса Показательно, что переменные I и D коррелировали с экономическими кризисами больше, чем данные об абсолютной частотности, что свидетельствует в пользу эвристичности метода [De Landtsheer 1991].

Впоследствии методика усложнилась [De Landtsheer 2004]. Х. Де Ландтсхеер предложила учитывать еще коэффициент метафорической силы, вычисляемый по следующей формуле:

$$C = F * I * CC$$

C – коэффициент метафорической силы

F – частота использования метафор на 100 слов

I – переменная интенсивности

CC – уровень интегративной сложности

В исследовании было установлено, что повышение индекса когнитивной сложности сочетается с понижением показателя метафорического индекса. Х. Де Ландтсхеер углядывает корреляцию повышения метафоричности дискурса с понижением когнитивной сложности дискурса. На примере конфликта в Сребренице эта корреляция действительно просматривается, однако Х. Де Ландтсхеер не объясняет многочисленные случаи совпадения роста индекса метафоричности с ростом когнитивной сложности, а также совпадения уменьшения индекса метафоричности с уменьшением когнитивной сложности [см. табл. в De Landtsheer 2004: 178**].**

Индекс метафоричности, рассматриваемый Х. Де Ландтсхеер, неудачно связывается с «силой метафорического воздействия» [De Landtsheer 1991, 2004]. С одной стороны, исследования Х. Де Ландтсхеер показали, что количество метафор увеличивается в ситуации кризиса и в предвыборный период, а также продемонстрировали, что высокая метафоричность

характерна для риторики политических экстремистов [De Landtsheer 1991, 1994, 1998, 2004; Vertessen, De Landtsheer 2005, 2008]. Однако это не доказывает, что перлокутивный эффект подобных дискурсов выше.

Также к недостаткам теории следует отнести тот факт, что модель вычисления индекса дедуктивная, поэтому при практических изысканиях неизбежны искажения. Усиливать искажения будет и то обстоятельство, что соотношение долей различных исходных сфер определено механистически.

Отметим, что исследования в этом направлении проводились и в российской лингвистике. Еще А. Н. Баранов во вводной статье к «Словарю русских политических метафор» [1994] отмечал, что метафоричность политического дискурса существенно возросла в период перестройки и снизилась в постперестроечный период. В другой работе А. Н. Баранов [2003в] с помощью методов контент-анализа подтверждает положение о том, что метафора является важным инструментом формирования множества альтернатив разрешения проблемной ситуации. Исследователь доказывает связь параметров креативности и относительной частоты употребления метафор в политическом дискурсе с общественно-политическим кризисом на примере лингвистического мониторинга политических метафор периода августовского кризиса 1998 г.

3.2.3.3. Динамика доминантности метафорики

Второй параметр вариативности политической метафорики учитывает не степень метафоричности политического дискурса, а конкретные понятийные сферы или метафоры, доминирующие в ту или иную эпоху. Этот параметр отражает динамику доминантности метафор в связи с изменением политической ситуации. Так, в уже упоминавшемся исследовании Х. Де Ландтсхеер [De Landtsheer 1991] было показано, что в периоды эконо-

мических кризисов увеличивается количество метафор смерти и болезни, а при экономическом росте превалируют метафоры природы.

Даже самые устойчивые и укорененные понятийные области претерпевают с течением времени изменения: доминируют или отходят на второй план. А. Харви [Harvey 1999] проследил историю политической метафоры ГОСУДАРСТВО – ЭТО ОРГАНИЗМ и показал, что подобное осмысление государства – одна из древнейших метафор человечества. Развертывание антропоморфной метафорической модели обнаруживается уже в древних священных текстах. В Ригведе описывается, что священство произошло изо рта проточеловека, воины – из его рук, пастухи – из бедер, земледельцы – из ступней. В Ветхом Завете пророк Даниил, трактуя пророческий сон Навуходоносора, использует метафору человеческого тела. Прагматический потенциал политической антропоморфной метафоры использовался и в Древнем мире, и в текстах периода Средних веков, и в Новое время. Например, Иоанн Солсберийский предлагал следующую метафорическую картину государства: принц – голова; органы управления – сердце; судьи – глаза, уши и язык; солдаты – руки; крестьяне – ступни ног; сборщики налогов – желудок. Метафору «Государство – это организм» использовали Ф. Сидней, Б. Барнс, Ф. Бэкон, Т. Гоббс и другие мыслители, и все-таки в эру индустриальной революции антропоморфную метафору значительно потеснили метафоры механизма.

Разные исторические периоды генерируют различные доминирующие концепции политики, отраженные в определенной понятийной сфере. В публикации Й. Пикало [Pikalo 2008], посвященной поиску закономерностей между политическим дискурсом, метафорой и естествознанием, показано, что с развитием раннего естествознания изменились представления о природе, что повлекло за собой смену метафорики политического дискурса. Традиционные метафоры природы были вытеснены образами машин и механизмов.

Благодаря усилиям российских лингвистов достаточно отчетливо прослеживается динамика советско-российской политической метафорики второй половины XX в. В советскую тоталитарную эпоху доминировали метафоры войны, во времена Л. И. Брежнева милитарные метафоры уступили место метафорам родства, архитектурные метафоры – отличительный признак эпохи перестройки [Баранов 1991а; 1994], а метафоры из сфер-источников ТЕАТР, СЕКС и КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР – яркая примета периода президентства Б.Н. Ельцина [Чудинов 2001]. В российском политическом дискурсе начала XXI в. особенно заметна активизация метафор из сферы-источника МОНАРХИЯ [Каслова 2003; Чудинов 2003а]. При этом метафорическая модель РОССИЯ – ЭТО МОНАРХИЯ оказалась очень продуктивна не только в российской прессе, но и в СМИ Германии [Санцевич 2003], Великобритании [Будаев 2006б], Франции [Шаова 2005]. Более детальный анализ динамики российской метафорики представлена в специальных исследованиях [Аникин и др. 2015; Будаев, Чудинов 2017].

Смена метафорики особенно заметна в периоды общественно-политических преобразований. В этом отношении заслуживает внимания работы американского ученого Р. Д. Андерсона, направленные на анализ динамики политической метафорики в период демократизации общества. В публикации «The Discursive Origins of Russian Democratic Politcs» [Anderson 2001a] автор излагает дискурсивную теорию демократизации, суть которой состоит в том, что истоки демократических преобразований в обществе следует искать в дискурсивных инновациях (под дискурсом автор понимает совокупность процедур по созданию и интерпретации текстов, под текстом – единичное коммуникативное событие), а не в изменении социальных или экономических условий.

По Р. Д. Андерсону, при смене авторитарного дискурса власти демократическим дискурсом в массовом сознании разрушается представление о кастовом единстве политиков и их «отделенности» от народа. Дискурс новой

политической элиты элиминирует характерное для авторитарного дискурса наделение власти положительными признаками, сближается с «языком народа», но проявляет значительную вариативность, отражающую вариативность политических идей в демократическом обществе. Всякий текст (демократический или авторитарный) обладает информативным и «соотносительным» значением. Когда люди воспринимают тексты политической элиты, они не только узнают о том, что политики хотят им сообщить о мире, но и о том, как элита соотносит себя с народом (включает себя в социальную общность с населением или отдаляется от народа).

Для подтверждения своей теории Р. Д. Андерсон обратился к анализу советско-российских политических метафор. Материалом для анализа послужили тексты политических выступлений членов политбюро 1966-1985 гг. (авторитарный период), выступления членов политбюро в год первых общенародных выборов (1989 г.) (переходный период) и тексты, принадлежащие известным политикам различной политической ориентации периода 1991-1993 гг. (демократический период). Р. Д. Андерсон исследовал частотность нескольких групп метафор, по которым можно судить о том, как коммунистическая элита соотносит себя с остальным населением СССР. Среди них метафоры размера (*большой, крупный, великий, широкий, титанический, гигантский, высокий* и т.п.), метафоры патернализма и субординации (*воспитание, задача, работник, строительство, образец*).

Р. Д. Андерсон пришел к выводу, что частотность этих метафор уменьшалась по мере того, как население начинало самостоятельно выбирать представителей власти. В новых условиях на смену «вертикальным» метафорам пришли «горизонтальные» метафоры. Примерами последних могут служить такие метафоры, как *диалог* (в авторитарный период метафора использовалась только по отношению к международной политике), *спектр*, цветовые метафоры, ориентационные метафоры горизонтального расположения (*левые, правые, сторонники, противники*). К примеру, с появлением ориентаци-

онных метафор *левый* и *правый* у населения появилась свобода политического выбора, возможность «горизонтальной» самоидентификации с политиками тех или иных убеждений, что, по мнению исследователя, служит свидетельством демократизации общества.

Р. Д. Андерсон приходит к выводу, что характерные для дискурса авторитарного периода метафоры гигантомании и патернализма присущи монархическому и диктаторскому дискурсу вообще, в силу чего пространственные метафоры субординации можно считать универсальным индикатором недемократичности общества. Исследователь провел важный для своего главного теоретического вывода историко-политологический анализ, показывая, что процессы демократизации общества наблюдаются как в странах, испытывающих большие экономические трудности, так и в экономически высокоразвитых странах. Особенно подчеркивается, что смена политических метафор предшествует процессу демократизации, из чего делается вывод о том, что метафоры обладают каузальной силой. Чтобы опровергнуть это положение, необходимо продемонстрировать общество, в котором процессу демократизации не предшествовали бы изменения в системе политических метафор, или найти третий фактор, всегда предвосхищающий изменение системы метафор и процесс демократизации, чего никому пока не удалось сделать.

Если использовать терминологию теории концептуальной метафоры, Р. Д. Андерсон исследовал ориентационные метафоры. Примером анализа динамики структурных метафор в период перехода к демократии может служить монография Збигнева Хейнтзе, в которой рассматриваются закономерности эволюции польских политических метафор XX века в их связи с изменениями в польском обществе [Heintze URL].

Как указывает З. Хейнтзе, накануне демократических преобразований в Польше отмечается резкая милитаризация языка коммунистической пропаганды. Множество метафор из военной сферы явилось реакцией коммунистической элиты на активизацию демократического движения, стало сред-

ством формирования образа коварного врага, с которым народ и коммунистическая партия должны вести войну. Метафоры войны не исчезли и после прихода к власти Л. Валенсы. Поляки продолжали свергать «последний бастион коммунизма», «захватывать позиции», предпринимать «тактические действия» и «торпедировать законопроекты», но уже не в такой степени, как раньше. Желание борьбы ослабло, а общество стремилось заменить все опустошающую войну на здоровое соперничество, чему в немалой степени способствовал переход к многопартийной системе.

Политическую систему, существовавшую в первые годы переходного периода, З. Хейнтзе называет системой «многопартийной раздробленности». В те времена даже появился анекдот: «где два поляка – там три политические партии». Такое положение дел стало поводом для упорной борьбы, напоминающей о дарвинистской борьбе за существование, целью которой было попасть в парламент и удержаться в нем. Ситуация изменилась с введением 5%-го барьера, что заставило партии объединяться и ограничило число политических объединений. Открытая враждебность и непримиримость пошли на убыль, и политики стали искать не врагов, а союзников, начали объединять силы и вспомнили о «компромиссе» и «консенсусе». Соответственно в политическом дискурсе этого периода отмечается преобладание метафор разумного соперничества, особенно метафор, связанных со спортом и игрой.

Отдельный интерес вызывает исследование динамики политической метафоры в рамках одной исходной понятийной сферы. Так, А. Мусолфф [Musolff 2000b] прослеживает «эволюцию» метафоры ЕВРОПА – ЭТО ДОМ / СТРОЕНИЕ за последнее десятилетие XX в. на материале английских и немецких газет. Автор выделяет два периода в развитии метафоры дома. 1989-1997 гг. – это оптимистический период, когда *разрабатывались смелые архитектурные проекты, укреплялся фундамент, возводились столбы*. По мере роста противоречий в 1997-2001 гг. начинают доминировать скептические или пессимистические метафоры: в евродоме начинается *реконструкция, на строи-*

тельной площадке царит хаос, иногда евродом даже превращается в *горящее здание без пожарного выхода*. Сравнивая метафоры второго периода, автор отмечает, что немцы были менее склонны к актуализации негативных сценариев (*необходим более реалистичный взгляд на строительство*), в то время как англичане чаще отражали в метафоре дома пессимистические смыслы (немцы – *оккупанты евродома* или *рабочие*, считающие себя *архитекторами*).

В исследовании Н. М. Чудаковой убедительно показано, что существенные изменения в экономической, политической и культурной жизни страны закономерно приводят к обновлению метафор со сферой-источником Неживая природа. Так, в 70-е гг. (период антагонистических отношений между социалистическим и капиталистическим лагерями, состояния «холодной войны», войны в Афганистане) в подобных метафорах прослеживалась отчетливая градация образов по признаку «свой – чужой». В начале 90-х гг. (августовский путч, распад СССР, подавление оппозиции в Москве) природные метафоры имели ярко выраженный негативный характер. В начале XXI в. появилась тенденция к увеличению доли позитивно окрашенных природных метафор (*русло, река, движение по дороге, атмосфера* и др.), что, по мнению автора, связано с повышенным вниманием к традиционным фундаментальным ценностям русского народа [Чудакова 2005].

Как показывает данный обзор, исследование политической метафорики в исторической перспективе свидетельствует о наличии двух свойств системы политических метафор: архетипичности и вариативности. Вариативность системы политических метафор проявляется в динамике уровня метафоричности политического дискурса и в изменении доминирующих метафорических моделей в определенные исторические эпохи и другие временные интервалы.

3.2.4. Мультимодальное сопоставление

С момента возникновения теории концептуальной метафоры исследователи политической семиотики по вполне понятным причинам сосредоточили внимание на выявлении концептуальных метафор, объективированных в виде метафорических выражений в политическом дискурсе. Вместе с тем определение онтологического статуса концептуальной метафоры поставило закономерные вопросы о корреляциях когнитивных структур со всем семиотическим пространством политической коммуникации. Внимание исследователей все чаще начинают привлекать и другие, невербальные источники данных о политических метафорах (карикатуры, агитационные плакаты, картины, жесты и др.). Как отмечает Е. Эль Рефайе, «механизмы, лежащие в основе метафоры, существуют в сознании независимо от языка», и более того, «иногда способны передавать сложное сообщение в более непосредственной и сжатой форме, нежели язык» [El Refaie 2003: 76].

Анализ невербальной политической метафоры имеет некоторую традицию, и в современных исследованиях уже можно выделить несколько подходов к выбору материала и анализу этого вида политической метафорики:

– невербальное сопоставление;

– вербально-невербальное сопоставление;

– исследование метафор в креолизованных текстах.

При невербальном сопоставлении анализируются примеры использования метафор в политической семиотике и фиксируются различия или подчеркивается общность рассматриваемых образов.

Обращение к визуальному ряду в исторической перспективе показывает, что многие концептуальные политические метафоры имеют давние традиции не только на вербальном уровне. В XVI в. при составлении географических карт Европа и другие континенты представлялись в форме

человеческого тела. При этом сопоставление антропоморфных образов показывает, что соответствие между географическими районами и частями тела зависело от составителя и часто содержало в себе ту или иную политическую идеологию. Например, в Космографии Мюнстера (1588) Европа изображалась в виде королевы, стоящей на Азии, Испания была ее короной, а Богемия – сердцем (для достижения идеологического эффекта пришлось расположить королеву горизонтально). Эта визуальная политическая метафора многократно воспроизводилась на фасадах зданий в период владычества Габсбургов и привносила естественную перспективу в рассмотрение такого геополитического мировидения [Luoma-aho 2002: 74].

Лидирующее место в исследовании невербальных политических метафор занимают работы по метафорам в карикатуре [Буженинов 2017; Ворошилова 2013; Рогозинникова 2018; Шустрова и др. 2016; Benoit et al. 2001; Bergen 2003; Buell 1988; Conners 2005; DeSousa 1982; Diamond 2002; Edwards 1993, 1995, 1997, 2001; El Refaie 2003, 2009; Forceville, van de Laar 2019; Gamson 1992; Hünig 2004; Marín-Arrese 2008; Medubi 2003; Morris 1993; Schilperoord 2009; Seymour-Ure 2001; Teng 2009; Valenius 2000]. Карикатуры рассматриваются не только как средство критики, но и как значимый источник данных о взаимоотношениях между людьми, политическими событиями и властью.

Как отмечает М. Даймонд, исследователи привыкли рассматривать политическую карикатуру как графическую работу и средство сатиры, однако «низведение политических карикатур до юмора и сатиры неверно, так как сатира и юмор не обязательные элементы карикатуры», карикатуры следует рассматривать как «политические знаки», особенно в неевропейской культуре [Diamond 2002: 252].

На важную связь между визуальным рядом и политической метафорой указывали и российские лингвисты. Как отмечал А. Н. Баранов, политические метафоры «часто дают начало сериям карикатур, основанным на

метафорических следствиях». Таким образом, визуальный ряд рассматривался как одна из форм существования политических метафор [Баранов 1991: 192].

Систематические исследования визуальных метафор в американской политической карикатуре начинаются с 80-х гг. прошлого века [Buell 1988; DeSousa 1982]. Хотя в этот период авторы не акцентировали внимание на сравнении вербальных и невербальных метафор, уже первые результаты показали, что между этими уровнями политической семиотики наблюдаются регулярные корреляции. Так, Э. Буелл и М. Маус, изучив метафоры в политических карикатурах предварительных выборов 1988 г. в США, пришли к выводу о том, что в них доминирует метафора лошадиных скачек [Buell 1988: 849], что согласуется с наблюдениями исследователей английской вербальной метафоры. Дж. Эдвардс [Edwards 1995], один из ведущих специалистов по визуальной политической метафоре, проанализировав метафорические кластеры в американских карикатурах времен президентской кампании 1988 г., обнаружила, что в этих карикатурах очень распространена метафора «преуменьшения» (metaphor of diminishment). Например, кандидата в президенты можно изобразить в виде карлика, которому нужно приложить немало усилий, чтобы соперничать с оппонентом, или в образе ребенка, тем самым подчеркивая, что он не готов занимать такой ответственный пост. Наоборот, высокий рост и крепкое телосложение – визуальный аналог политической власти.

Исследования метафор в политических карикатурах направлены на выявление ролей, приписываемых политикам [Benoit 2001; Seymour-Ure 2001], на анализ визуальных образов внешнего врага [Diamond 2002; Edwards 1993; Gamson 1992]. Особенно большой интерес исследователей привлекают метафоры в карикатурах, изображающих кандидатов в президенты в предвыборный период [Buell 1988; DeSousa 1982; Edwards 1995, 1997, 2001; Sena 1985]. Исследователи сходятся во мнении, что метафоры в

политической карикатуре отражают индивидуальную интерпретацию событий, но эта интерпретация несет на себе отпечаток национального коллективного сознания. Визуальные метафоры напоминают об общих ценностях, имплицитно их поддерживают и воспроизводят. Такие исследования показывают, что в политической карикатуре политики могут представляться клоунами, спортсменами и акробатами так же часто, как и в вербализированных метафорах политического дискурса. В связи с этим исследователи приходят к выводу о том, что визуальная метафора столь же значимый источник данных об общественном сознании, как и вербальная метафора [Edwards 1993, 1995, 1997, 2001; El Refaie 2003; Morris 1993].

Исследователи вербальных метафор в политическом дискурсе неоднократно указывали на то обстоятельство, что политики часто стремятся дегуманизировать политического противника или внешнего врага с помощью различных метафорических образов – от дикаря и насильника до жестокого зверя и микроба. К похожим выводам приходят исследователи невербальной политической метафоры. В монографии С. Кина показано, что на агитационных плакатах и в политических карикатурах 20 в. противоборствующие стороны во всех крупных военных конфликтах изображали друг друга с помощью дегуманизирующих метафор, при этом во всем мире «для дегуманизации врага используется стандартный набор образов» [Keen 1991: 13], среди которых наиболее распространены метафорические образы насильника, зверя, рептилии, насекомого, микроба, смерти, безликой орды и врага Бога.

Подобные исследования позволяют получать интересные выводы и показывают, что многие невербальные политические метафоры имеют аналоги в метафорических выражениях политического дискурса. Однако наибольший интерес представляют работы, авторы которых сопоставляют вербальные и невербальные политические метафоры в рамках одного исследования. Это позволяет достоверно проследить, как при осмыслении

определенных событий концептуальная политическая метафора реализуется на вербальном и невербальном уровнях политической семиотики.

В этом отношении очень показательно исследование Б. Бергена [Bergen 2004]. Для определения корреляций между вербальной и невербальной метафорикой Б. Берген проанализировал образы в политических карикатурах, появившихся в течение недели после событий 11 сентября 2001 года. Изучив 219 политических карикатур, Б. Берген сопоставил их с метафорами из банка данных Дж. Лакоффа, связанными с политическим нарративом «Террористические атаки 11 сентября 2001 года». Согласно Дж. Лакоффу, в осмыслении этих событий доминировали несколько концептуальных метафор: ГОСУДАРСТВО – ЭТО ИНДИВИД, АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ – ЭТО НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ, 11 СЕНТЯБРЯ – ЭТО ПЕРЛ-ХАРБОР и СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ. Как оказалось, в политических карикатурах этого периода доминировали метафорические образы, выявленные Дж. Лакоффом. Как демонстрирует Б. Берген, террористы изображались в образе тараканов, а Усама бен Ладен в образе огромной крысы, что соотносилось с концептуальной метафорой АМОРАЛЬНЫЕ ЛЮДИ – ЭТО НИЗШИЕ ЖИВОТНЫЕ. Соответственно США часто представлялись в виде человека (дяди Сэма), которому в спину воткнули нож с надписью «terrorism», но который остался жив и готов к мщению. На другой карикатуре из шляпы человека, символизирующего США, идет дым и т.п. Эти образы широко представлены и в вербальной метафорике: концептуальная метафора ГОСУДАРСТВО – ЭТО ЧЕЛОВЕК относится к ведущим метафорам дискурса международных отношений.

Также широкое распространение получила невербальная метафора 11 СЕНТЯБРЯ – ЭТО ПЕРЛ-ХАРБОР. Например, на одной из карикатур был изображен окутанный дымом Нью-Йорк, а изображение сопровождалось прецедентной цитатой адмирала Ямамото, произнесенной им после атаки на Перл-Харбор. На другой карикатуре изображены башни Мирового торго-

вого центра, которые тонут в океане, словно разбомбленный корабль, а в небе летит самолет, из которого доносятся крики «Terror!» (созвучные крикам «Tara!», с которыми японские летчики времен Второй мировой войны начинали воздушную атаку).

Невербальный аналог метафорической СКАЗКИ О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ в был проанализирован Б. Бергеном на примере образа средневекового рыцаря с американскими символами на щите (ГЕРОЙ), который сражается против дракона (ЗЛОДЕЯ) с надписью «terrorism». При этом у дракона видны в основном когти и зубы, что отражает трудность борьбы с невидимым противником. Вместе с тем в неамериканских карикатурах СКАЗКА О СПРАВЕДЛИВОЙ ВОЙНЕ часто представлялась иначе. Например, на одной из карикатур Дж. Буш изображался в одежде крестоносца с огромной, закрывающей глаза короной на голове, который с трудом волочит по земле огромный меч. Очевидно, что в сознании многих людей образ крестоносца не связан с универсальным смыслом восстановления справедливости, что и использовал автор карикатуры для привнесения сатирического смысла.

Таким образом, Б. Бергену удалось показать, что в основе осмысления определенных политических событий как в вербальных политических метафорах, так и в политических карикатурах лежат одни и те же концептуальные метафоры, что является значимым подтверждением первичности ментальной природы метафоры, которая объективируется на разных уровнях политической семиотики.

Отечественные исследователи закономерно фокусируют внимание на политических событиях, имеющих отношение к России. Е. В. Шустрова проанализировала метафорическое осмысление присоединения Крыма к РФ в американской карикатуре [2015]. Автором описаны основные переносные значения и культурно обусловленные смыслы, участвующие в создании образа России в СМИ США. Россия представлена через метонимические связи с вооружением (танками, самолетами, автоматами Калашни-

кова), зооморфные метафоры (медведь, волк) и гастрономические образы. В монографии М. Б. Ворошиловой [2013] выявлены ведущие метафоры, концептуализирующие экономический кризис 2008 г. в Рунете. Наиболее востребованными образами в неформальной Интернет-коммуникации стали артефактная, антропоморфная, природная, зооморфная, криминальная и морбиальная метафоры. При этом наиболее продуктивной стала не самая частотная зооморфная метафора. Схожая методика применена при анализе визуальных метафор, используемых для концептуализации украинского кризиса (2014-2018 гг.) [Кипина, Плотникова 2018].

Еще одним источником сведений о политической концептуальной метафоре являются жесты политиков в их сопоставлении с метафорическими выражениями.

Дж. Лакофф [Lakoff 2004] выделил две модели со сферой-источником СЕМЬЯ, лежащих в основе внутриполитического дискурса США. Согласно МОДЕЛИ СТРОГОГО ОТЦА дети рождаются плохими, потому что стремятся делать то, что им нравится, а не то, что правильно, поэтому нужен сильный и строгий отец, который может защитить семью от опасного мира и научить детей различать добро и зло. От детей требуется послушание, а единственный способ добиться этого – наказание. Модель устанавливает прямую взаимосвязь дисциплины и морали с благополучием. МОДЕЛЬ ВОСПИТЫВАЮЩЕГО РОДИТЕЛЯ несет смысл гендерной нейтральности: оба родителя в равной степени ответственны за воспитание детей. Дети рождаются хорошими, а задача родителей воспитать их таким образом, чтобы они могли улучшать мир и воспитывать других. Анализируя развертывание этих моделей применительно к различным вопросам внутренней политики (налоги, образование и др.), Дж. Лакофф соотносит политическое доминирование консерваторов с использованием МОДЕЛИ СТРОГОГО ОТЦА, а неудачи либералов связывает с особенностями актуализации МОДЕЛИ ВОСПИТЫВАЮЩЕГО РОДИТЕЛЯ.

Экспериментальное исследование по проверке гипотезы Дж. Лакоффа о том, что в основе «левого» и «правого» американского политического дискурса лежат две метафорические модели семьи, провел А. Ченки [Cienki 2004]. На материале текстов из предвыборных теледебатов Дж. Буша и А. Гора (2000 г.) А. Ченки и его коллега независимо друг от друга анализировали две группы выражений: собственно метафоры и метафорические следствия (entailments), апеллирующие к моделям СТРОГОГО ОТЦА (SF) и ВОСПИТЫВАЮЩЕГО РОДИТЕЛЯ (NP).

Как показал анализ, Дж. Буш в четыре раза чаще использовал метафоры модели SF, чем А. Гор. В свою очередь А. Гор в два раза чаще апеллировал к метафорам модели NP. Проанализировав метафорические следствия, А. Ченки указывает, что Дж. Буш опять же в 3.5 раза чаще обращался к модели SF. Вместе с тем исследование показало, что частотность обращения к модели NP у обоих оппонентов была очень близкой с небольшим перевесом у А. Гора (у Дж. Буша – 221, у А. Гора – 241). Эти результаты А. Ченки сопоставил с анализом жестов оппонентов и пришел к выводам, что жесты Дж. Буша и А. Гора сильно различаются и соотносятся у Дж. Буша с моделью SF, а у А. Гора с моделью NP. При этом различия в апелляции к моделям семьи на паралингвистическом уровне оказались еще более показательными, чем на вербальном. Следует отметить, что, излагая результаты, автор не приводит бесспорных критериев соотнесения жестов с концептуальными метафорами двух анализируемых моделей и все-таки эти наблюдения наводят на мысль, что «жестовые» метафоры менее контролируемы, а потому более показательны.

Еще один подход к исследованию визуальных метафор – анализ корреляций между компонентами креолизованных текстов (т.е. текстов, состоящих из двух частей: вербальной и невербальной). Как показывают такие исследования, в основе вербальных и невербальных метафор лежат, по существу, одни и те же модели, но креолизация дает возможность не про-

сто сложить, а значительно преумножить потенциал каждого из названных компонентов текста.

Примером такого подхода может служить раздел в диссертации Н. М. Чудаковой [2005]. Н. М. Чудакова проследила различные виды взаимодействия между вербальными метафорами из концептуальной области «Неживая природа» и иконическими компонентами креолизованных текстов и показала значимость визуального ряда в метафорическом представлении политической действительности. В частности, было продемонстрировано, что между метафорической системой и видеорядом креолизованного текста возникают или отношения взаимозависимости, при которой интерпретация визуальной части определяется доминирующей метафорической моделью в тексте, или отношения взаимодополнения, при котором изображение с метафорическим образом понятно без слов и может существовать самостоятельно.

Автор подчеркивает также тесную связь визуальных метафор с национальной культурой. Например, в современных СМИ широко представлен визуальный ряд традиционной русской концептуальной метафоры ГИБЕЛЬ – ЭТО ПРОПАСТЬ. Среди других концептуальных метафор из сферы-источника НЕЖИВАЯ ПРИРОДА, давших начало сериям карикатур, автор выделяет следующие: *дорога* (выбор дальнейшего пути развития), *земля и поле во время пахоты* (Россия), *солнце* (президент, власть, законодательство), *тучи* (опасность), *дождь* (неприятности), *горы* (политики), *термометр* (измерение народного недовольства), *зонтик* (защита) и т.д.

Ключевые темы изображений чаще всего связаны с тем или иным абстрактным понятием, представляющим наибольшую сложность и противоречивость для возможных интерпретаций. Н. М. Чудакова отмечает, что благодаря двойному смыслу, возникающему при взаимодействии в креолизованном тексте знаний и оценок, актуализированных концептуальной

метафорой и визуальным рядом данной метафоры, создается особая образность, усиливающая воздействие текста на адресата.

Серия работ посвящена политическому плакату. В диссертации Т. С. Магеры [2005] рассматривается взаимодействие языковой и иконической составляющих современного политического плаката. Автор подчеркивает, что плакат должен воздействовать прежде всего на подсознательную сферу, а поэтому очень важна его символическая составляющая и единство метафорического образа. Исследованию метафорики социально-рекламного плаката посвящена публикация С. И. Киреева [2008]. Сопоставив использование вербальных и невербальных метафор, автор связал суггестивный потенциал метафор с шокированием адресата.

Сопоставительное изучение невербальной политической метафоры не только расширяет наши знания о природе политических метафор, но и становится способом верификации постулата о когнитивной природе метафоры, дополняет результаты исследований вербальной метафорики и способствует более глубокому пониманию той роли, которую метафора играет в осмыслении и конструировании политической действительности.

Существуют и другие ракурсы анализа, которые, однако, не получили распространения в виду меньшей эвристичности или актуальности подобных подходов. Но среди них встречаются любопытные исследования. К примеру, в публикации Х. Де Ландстхеер и Д. Фертессена [Vertessen 2008] сопоставлялась метафоричность авторитетных газет и таблоидов, а также коммерческих и государственных СМИ. В данном случае исследователем были выбраны такие критерии для сопоставления как «авторитетность издания» и «тип собственности». Критерий «места жительства» был использован Б. Кэнделом при сопоставлении метафор мусульман, проживающих в исламских странах, и мусульман-иммигрантов, живущих в Европе [Candel 2005].

Таблица 2.

Типология дискурсивного сопоставления политической метафорики

Типы сопоставления	**Виды сопоставления**		**Критерий дифференциации объектов сопоставления**
этнокультурное	лингвокультурологическое		этнокультурная специфика
	универсалистское		универсалии
социальное	идеологическое	организационно-ориентированное	принадлежность к политическому объединению
		проблемно-ориентированное	отношение к определенной проблеме
	идиолектное	собственно идиолектное	идиолект
		идиолектно-групповое	идиолект и группа
	гендерное	субъектно-дискурсивное	дискурс мужчин и женщин; феминистский-маскулинный дискурс
		объектно-дискурсивное	метафорическая концептуализация политиков-мужчин и политиков-женщин
диахроническое	квантитативно-дифференцированное		динамика метафоричности дискурса
	квалитативно-дифференцированное		динамика доминантности метафорики
мультимодальное	невербальное		семиотические объекты невербального ряда
	вербально-невербальное		семиотические объекты вербального и невербального ряда
	анализ креолизованных текстов		компоненты креолизованных текстов

Обобщающей иллюстрацией выделенных и рассмотренных аспектов дискурсивного анализа может служить таблица 2 на стр. 248.

Необходимо иметь в виду, что между ракурсами дискурсивного сопоставления нет непроходимых границ. Наоборот, исследователи нередко выбирают сразу несколько ракурсов анализа.

К примеру, в монографии Дж. Чартериса-Блэка идиолектный ракурс сочетается с этнокультурным сопоставлением [Charteris-Black 2005], а А. Ченки успешно объединяет идиолектный и мультимодальный ракурсы [Cienki 2004]. В монографии А. Мусолффа диахроническое сопоставление применяется наряду с этнокультурным, а В. К. Хюниг объединяет этнокультурный ракурс с мультимодальным, сравнивая метафоры в немецких и британских политических карикатурах времен Первой мировой войны [Hünig 2004].

С одной стороны, использование одного ракурса сопоставления позволяет исследователю сосредоточиться на более детальном анализе предмета, с другой – синтетический подход позволяет увидеть новые грани и корреляции, которые могут быть недоступны при сопоставительном изучении одного аспекта политической метафорики.

3.3. Выводы по третьей главе

1. Основными объектами когнитивного анализа в политической метафорологии являются три группы когнитивных структур:

1) сферы-источники метафорической экспансии;

2) сферы-мишени метафорической экспансии;

3) базисные когнитивные структуры.

2. Содержание основных понятийных разрядов, служащих сферами-источниками политической метафоры последних десятилетий, объединяется в пять групп:

– антропоморфная метафорика;

– природоморфная метафорика;

– социоморфная метафорика;

– артефактная метафорика;

– идеоморфная метафорика.

3. Сферы-мишени метафорической экспансии охватывают самый широкий спектр феноменов как политической, так и околополитической действительности, но ведущее место в метафорологических изысканиях занимают сферы-мишени, репрезентирующие кризисные или «пограничные» состояния политической жизни общества (ВОЙНА, ВЫБОРЫ, ТЕРРОРИЗМ, ПЕРИОД РЕФОРМ и т.п.). Как показал анализ, точкой отсчета для изучения политической метафорики может служить и сфера-мишень, и сфера-источник метафорической экспансии.

4. При анализе метафорических проекций важно разграничивать два вида отношений между когнитивными структурами. Первый тип – конститутивные отношения, отражающие конвенциональные, типичные ассоциативные связи между когнитивными структурами**.** Конститутивные отношения объединяют когнитивные структуры в фреймы, сферы метафорической экспансии, когнитивные модели.

Если конститутивные отношения отражаются в дискурсе, то конституирующие отношения в дискурсе устанавливаются. Типичный пример конституирующих отношений – образование смысловых связей между концептами сферы-мишени и базисными когнитивными структурами посредством метафорической проекции. К наиболее распространенным базисным структурам относятся концепты СВОИ/ЧУЖИЕ, МЫ/ОНИ, ХОРОШИЕ/ПЛОХИЕ, а также образ-схемы (КОНТЕЙНЕР, БАЛАНС, ДВИЖЕНИЯ КОНТЕЙНЕРОВ и др.).

5. Политические метафоры – типичный инструмент реализации конституирующих отношений, реализуемых с помощью конститутивных отношений и нередко «маскируемых» под конститутивные отношения. На этом процессе основан важный эффект политической метафоры, заключающийся в том, что метафора в политическом дискурсе не столько «подмечает» аналогию, сколько создает эту аналогию или даже навязывает ее.

6. Важнейшим фактором эвристичности современных метафорологических сопоставительных исследований является анализ когнитивных структур в сочетании с дискурсивным подходом. Основные ракурсы дискурсивного сопоставления политических метафор объединяются в четыре группы:

1) этнокультурное сопоставление, направленное на поиск универсального и культурно-специфического в политических метафориках разных этнокультурных сообществ;

2) социальное сопоставление, включающее в себя идеологическое, идиолектное и гендерное сопоставление;

3) диахроническое сопоставление, охватывающее вопросы исторического развития системы политических метафор;

4) мультимодальное сопоставление, предметом которого являются семиотические закономерности функционирования невербальной метафорики и ее взаимосвязи с вербальным пластом политических образов.

7. Этнокультурное сопоставление относится к одним из наиболее распространенных ракурсов дискурсивного анализа, направленного на сравнение особенностей метафорических систем в политических дискурсах различных этнокультурных образований. В рамках этого подхода выделяются две противоборствующие парадигмы, противопоставление которых основывается не столько на методах анализа, сколько на различиях в теоретическом видении целей этнокультурного сопоставления.

Лингвокультурологическая парадигма призвана продемонстрировать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного цивилизационного пространства, а в третьих – имеет общечеловеческий характер.

Парадигма универсализма, опирающаяся на теорию воплощенного разума, теорию первичных метафор и нейронную теорию метафор, ставит целью не разграничение общего и специфичного, а поиск универсальных оснований политической метафорики в сочетании с нивелированием межкультурных различий.

8. Несмотря на гносеологическую ценность изысканий в рамках универсализма и поиск естественнонаучных оснований метафоризации, данная парадигма пока малопригодна для описания культурных особенностей метафор. Так как в парадигме универсализма первичные метафоры рассматриваются в качестве своеобразных атомов абстрактного мышления, детерминированных телесным опытом, то сложные метафоры должны тоже определяться сенсомоторной деятельностью. Однако привязать многие сложные метафоры к конфляции до сих пор никому не удалось, потому что в действительности знакомство с концептами, формирующими сложные метафоры, происходит на более поздних стадиях онтогенеза. Несмотря на то что синтез интегрированной теории первичных метафор и теории воплощенного разума сделал теоретические построения более последова-

тельными, вопрос о культурной специфике метафорики остался слабым местом теории.

9. Преодоление недостатков универсализма в этнокультурном сопоставлении политической метафорики видится в разграничении (1) процесса формирования первичных метафор в фазе конфляции и их дальнейшего комбинирования на более поздних стадиях онтогенеза и (2) процесса формирования сложных концептов из социального, а не сенсомоторного опыта. При рассмотрении второго процесса в качестве единицы анализа следует ориентироваться не на концептуальную интеграцию первичных когнитивных «атомов», а на более крупные и цельные концептуальные образования.

10. В лингвокультурологической парадигме причины межкультурных различий в инвентаре и актуализации метафор коренятся не в особенностях когнитивных интегративных процессов и «телесных» закономерностях функционирования разума per se, а в исторических особенностях развития того или иного лингвокультурного сообщества; в геоклиматических условиях ареала, на котором формировалась этнокультурная общность; с различной значимостью определенных концептов для жизни людей определенного культурного сообщества или с концептуальными лакунами.

11. В отличие от этнокультурного сопоставления, социальный ракурс анализа ориентирован на сравнение дискурсов, объединяемых по различным социальным критериям. В рамках этого подхода выделяется идеологическое сопоставление, которое призвано выявить особенности использования метафорики сторонниками разных идеологических взглядов, участниками определенных политических объединений, приверженцами различных методов решения определенных политических проблем. Исследовательские процедуры по идентификации сторон дискурсивного противостояния определяется двумя критериями:

1) принадлежностью к определенному политическому объединению (политическая партия, фракция, идеологическое течение и т.п.);

2) отношению к определенной насущной проблеме без акцентирования внимания на принадлежности субъектов дискурсивной деятельности к определенной политической общности (сторонники / противники / индифферентные / не определившиеся с мнением и т.д.).

12. Идиолектное сопоставление направлено на изучение метафорики, актуализированной отдельными политиками, а также другими личностями-субъектами дискурсивной деятельности. Выделено два основных типа идиолектного сопоставления: собственно идиолектное и идиолектно-групповое.

13. При собственно идиолектном сопоставлении сравниваются метафоры отдельных политиков, а потом делаются выводы об общем и специфичном в их метафорических идиолектах.

По критерию результатов исследования собственно идиолектные сопоставления подразделяются на три группы. В первую группу входят публикации, акцентирующие внимание на общности метафорики определенных политиков. Вторая группа представлена исследованиями, демонстрирующими специфику метафор субъектов политической деятельности. К третьей группе относятся исследования смешанного типа, в которых между метафорами одних политиков обнаруживаются сходства, а при сопоставлении с метафорикой других политиков обнаруживаются различия. Таким образом, выявляются группы идиолектных дискурсов, объединяемых общностью используемых метафорических образов.

При идиолектно-групповом сопоставлении результаты идиолектного анализа метафорики сопоставляются с метафорическими образами, присущими определенным политическим общностям.

14. Гендерное сопоставление политической метафорики основывается на двух основных подходах к получения нового знания.

Первый подход направлен на изучение влияния мужской и женской картины мира на метафорическую концептуализацию политики в дискурсе СМИ. Исследования этого рода направлены на выявление гендерного характера агрессивности политической метафорики и демонстрацию того, что конфронтационные метафоры не оставляют возможности для поиска консенсуса и компромисса, столь необходимых в сфере политики. В качестве решения проблем предлагаются другие, менее конфронтационные метафорические модели. Различия в оценочных смыслах, которые привносит метафорическая проекция из гендерной модели на политические отношения, не только укоренены в общественном сознании, но и соотносятся с культурными ценностями определенного сообщества.

Второй подход связан с изучением различий в метафорическом представлении политиков-мужчин и политиков-женщин. В этом аспекте феминистские исследования высвечивают еще одно следствие из доминирования «мужских» метафор в политическом дискурсе: такие метафоры воспроизводят в общественном сознании представление о политике как о мужском деле, в котором не остается места для женщин-политиков.

15. Диахроническое сопоставление охватывает вопросы исторического развития системы политических метафор. В круг вопросов диахронического сопоставления входит изучение архетипичности и вариативности. Первое свойство выражается в том, что система политических метафор имеет устойчивое ядро, не меняется со временем и воспроизводится в политической коммуникации на протяжении многих веков. Второе свойство отражается в вариативности уровня метафоричности и доминантности отдельных метафор в политическом дискурсе.

16. Важно разграничивать диахронический и ретроспективный анализ. Предметом диахронического анализа является процесс изменения политической метафорики во времени. Цель диахронического анализа заключается в фиксировании темпоральных изменений (или констатации отсутствия

таковых) в изучаемых явлениях. Ретроспективный анализ направлен на анализ политической метафорики, задействованной в определенный исторический период. По сути, ретроспекция – это синхрония, опрокинутая в прошлое.

Из разграничения этих двух подходов следует, что диахронический метод априори сопоставительный, потому что едва ли возможен анализ изменений в определенной системе без сопоставления промежуточных состояний системы. Ретроспективные исследования тоже могут служить целям диахронического сопоставления, но в данном случае можно вести речь о метадиахроническом сопоставлении, т.е. сопоставлении, осуществляемом не в одной конкретной публикации, а на основе контраста нескольких ретроспективных публикаций.

17. В диахроническом исследовании выделяется континуальный и дискретный анализ. В первом случае исследуется диахроническая вариативность метафорики, задействованной за выбранный период времени. Этот подход может применяться в тех случаях, когда продолжительность выбранного периода времени не очень велика. Дискретный анализ используется в тех случаях, когда рассматриваемый период настолько велик, что приходится делать выборку метафор из отдельных периодов.

18. Важным методом диахронического анализа является фрагментация дискурса, т.е. разделение периода времени на определенные сегменты, показатели которых планируется сопоставлять. Фрагментация бывает равномерной и фокусной.

При равномерной фрагментации временной отрезок делится на равные части, называемые шагом фрагментации. Сопоставление данных из разных сегментов позволяет получать новые данные о диахроническом функционировании метафорики. Особый интерес представляют сопоставления данных, полученных на одном и том же материале, но с применением разного шага фрагментации.

При фокусной фрагментации разбиение временного периода связано с определенными политическими событиями, а шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании.

19. Диахроническая вариативность системы политических метафор имеет два показателя: количественный и качественный. Первый показатель выражается в корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе (динамика метафоричности дискурса). Второй связан с доминированием отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды (динамика доминантности метафорики).

20. Предметом мультимодального сопоставления политической метафорики являются семиотические закономерности функционирования невербальной метафорики и ее взаимосвязи с вербальным пластом политических образов. В современных исследованиях выделяется несколько методик мультимодального анализа: невербальное сопоставление, вербально-невербальное сопоставление и исследование метафор в креолизованных текстах. Сопоставительное изучение невербальной политической метафоры не только расширяет наши знания о природе политических метафор, но и становится способом верификации постулата о когнитивной природе метафоры, дополняет результаты исследований вербальной метафорики и способствует более глубокому пониманию той роли, которую метафора играет в осмыслении и конструировании политической действительности.

21. Между ракурсами дискурсивного сопоставления нет непроходимых границ. С одной стороны, использование одного ракурса сопоставления позволяет исследователю сосредоточиться на более детальном анализе предмета, с другой – синтетический подход позволяет увидеть новые грани и корреляции, которые могут быть недоступны при сопоставительном изучении одного аспекта политической метафорики.

ГЛАВА 4.
КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ЭВРИСТИКИ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРИКИ

В настоящей главе представлено два практических исследования, выполненных в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы языкознания. В первом исследовании используется методика сопоставительного полидоменного векторно-рефлексивного таргетирования. Исследование направлено на анализ метафорических моделей, функционирующих в российском и британском политическом дискурсе при осмыслении постсоветской действительности России и соседних стран.

Во втором применяется методика равномерной комбинированной фрагментации политического дискурса. При таком подходе исследуются закономерности эволюции российской политической метафорики на основе контраста данных, полученных с помощью различного шага фрагментации. Первое исследование – синхроническое, направленное на анализ метафор, объединяемых сферами-мишенями метафорической экспансии, второе – диахроническое, направленное на анализ метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии.

Прежде чем приступить непосредственно к практической части исследования необходимо рассмотреть основные методики, применяемые в современной политической метафорологии с целью определить и обосновать подход к исследованию, интерпретации и представлению материала настоящего исследования.

4.1. Комплекс методик сопоставительного исследования метафорики

Как показал анализ методологии политической метафорологии, представленный в предыдущих главах, в каждом исследовании можно выделить группу методов и подходов, структурируемых по ряду когнитивных и дискурсивных критериев. Эти критерии лежат в основе соответствующих методик когнитивно-дискурсивного анализа.

В когнитивном ракурсе выделяются методики, фокусирующие внимание на анализе сфер-источников метафорической экспансии, сфер-мишеней метафорической экспансии или когнитивных структур базисного уровня. В дискурсивном исследовании, внимание фокусируется на этнокультурном, социальном, диахроническом и мультимодальном ракурсе. В результате можно выделить три основные методики когнитивного анализа.

1. Методика анализа метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии.

Используя эту методику, исследователи пытаются выявить ингерентные характеристики и типичные прагматические смыслы политических метафор определенной сферы-источника. Примером может служить исследование Дж. Лакоффа [Lakoff 2004], который выделил две модели со сферой-источником Семья в политическом дискурсе США. Анализируя развертывание этих моделей применительно к различным вопросам внутренней политики, Дж. Лакофф устанавливает корреляции между политическим доминированием консерваторов и неудачами либералов с использованием метафор родства [Lakoff 2004: 5–34]. Другой иллюстрацией использования данной методики является монография А. П. Чудинова [2001], в которой выявлены и проанализированы основные сферы-источники метафорической экспансии, востребованные в российском политическом дискурсе 1991–2000 гг.

Морбиальную метафору и ее прагматический потенциал в дискурсе европейской безопасности исследовала М. Луома-ахо [Luoma-aho 2002]. Детальная характеристика метафорической модели со сферой-источником НЕЖИВАЯ ПРИРОДА представлена в диссертации Н. М. Чудаковой [2005]. Исследователи обращались к самым разнообразным понятийным сферам: СЕМЬЯ [Cienki 2004, 2005], ЖЕНИТЬБА [Hahn 2003; Koller 2002], ДОМ [Bachem 1991; Chilton 1996], МЕХАНИЗМ [Ezrahi 1995], МЕДИЦИНА [De Leonardis 2008], ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ОРГАНИЗМ [Harvey 1999], ВОЙНА [Koller 2002; 2004], СПОРТ [Howe 1988; Jansen 1994], ТЕАТР [Ezrahi 1995; Lawton 1996] и др.

В некоторых исследованиях анализу подвергается группа близких по сферам-источникам или объединяемых схожими ингерентными характеристиками метафорических моделей. Примером первого типа служит диссертация Т. С. Вершининой [2002], в которой рассматриваются метафорические модели с исходной биологической сферой. Примером второго типа служит анализ метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом (исходными понятийными сферами МИР ЖИВОТНЫХ, ВОЙНА и КРИМИНАЛЬНЫЙ МИР) в диссертации А. Б. Ряпосовой [2002]. При более детальном рассмотрении анализу подвергаются отдельные концепты сферы-источника (например, ГЕТТО в исследовании А. Чаглара [Çaglar 2001]).

2. Методика анализа метафор, объединяемых сферой-мишенью метафорической экспансии.

При использовании этой методики точкой отсчета для исследователя становится сфера-мишень. К этой группе относятся исследования, авторы которых анализируют, какие метафоры (сферы-источники) актуализируются для осмысления определенного фрагмента действительности.

Например, О. Санта Ана [Santa Ana 2002] использует данную методику при рассмотрении метафорического представления иммиграции из

Латинской Америки по материалам калифорнийской газеты The Los Angeles Times. Автор подразделяет выявленные метафорические модели на три группы: окказиональные (ИММИГРАЦИЯ – ЗАГРЯЗНЕНИЕ СРЕДЫ или ОГОНЬ), вторичные (ИММИГРАЦИЯ – ВТОРЖЕНИЕ, БОЛЕЗНЬ или БРЕМЯ) и доминантные (ИММИГРАЦИЯ – ОПАСНЫЕ ВОДНЫЕ ПОТОКИ, ИММИГРАНТЫ – ЖИВОТНЫЕ).

Широкая панорама метафорических моделей в политическом нарративе «Переходный период в Германии» (*Wende-Periode*) на материале немецкой прессы представлена в публикациях Й. Цинкена [Zinken 2004a, 2004b]. Представление украинского политического кризиса 2000–2001 гг. в украинских СМИ исследовали О. Байша и К. Халлахан [Baysha 2004]. Указывая на значительные идеологические разногласия в украинских СМИ, авторы выделяют два общих способа воздействия на массовое сознание: открытая пропаганда и скрытая манипуляция. Доминирующее место в реализации обоих способов в политическом дискурсе отводится метафоре.

В рамках данной методики исследователи рассмотрели сферы-мишени МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА [Holmgreen 2003], РАСОВАЯ СЕГРЕГАЦИЯ [Durrheim, Dixon 2001], МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ [Chilton 2004; Jewell 1999; Lakoff 2001a; Скребцова 2002], ВОЙНА В ПЕРСИДСКОМ ЗАЛИВЕ [Lakoff 2003b; Underhill 2003], МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ИРАКА И США [Lule 2004], ТЕРАКТЫ [Halverson 2003; Lakoff 2001b], МИГРАЦИЯ [Новикова 2016; Refaie 2001] и др.

Учитывая, что в дальнейшем будет применяться вариант этой методики, будем называть эту методику для краткости *таргетированием* (от англ. «target domain» – сфера-мишень).

3. Методика анализа корреляций метафор и базисных структур.

С помощью данной методики метафорического анализа исследователи выявляют базовые ментальные представления, лежащие в основе кате-

горизации политического мира. В подобных исследованиях метафорические модели рассматриваются как средство выявления структур репрезентации действительности, которые не всегда выражены эксплицитно.

Данная методика применяется в исследованиях Т. Андерссона [Andersson URL], Х. Келли-Холмс и В. О'Реган [Kelly-Holmes 2004], Э. Сандикциоглу [Sandikcioglu 2003], Р. Хюльссе [Hülsse 2000], Й. Цинкена [Zinken 2002] и др.

При совмещении этих трех методик анализа когнитивных структур с дискурсивными ракурсами анализа получаем несколько вариантов сопоставительного когнитивно-дискурсивного анализа.

1. Методика сопоставительного анализа метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии.

В этой группе выделяются методики этнокультурного, социального (идиолектного, идеологического, гендерного), мультимодального и диахронического сопоставления метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии.

Таким образом, применяя методику этнокультурного сопоставительного анализа метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии, исследователи описывают общую для двух (и более) языков модель (по сфере-источнику) и делают выводы об общих характеристиках и особенностях исследуемых метафорических моделей в разных лингвокультурах. Используя методику гендерного сопоставления метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии, исследователи сопоставляют специфику использования метафорики определенной сферы-источника мужчинами и женщинами и т.д.

К сопоставительным исследованиям с применением такой методики относятся публикации, в которых были проанализированы метафоры из сфер-источников БОЛЕЗНЬ [Телешева 2004], ВОЙНА [Шудегова 2002], ДОРОГА [Musolff 2001], СПОРТ [Шехтман 2004а], МИР ЖИВОТНЫХ [Shelley

2003], ДОМ [Chilton 1993; Chilton 2004; Musolff 2000], НЕЖИВАЯ ПРИРОДА [Ольховикова 2009], ТЕАТР [Чернякова 2004; Шехтман 2004б], МЕХАНИЗМ [Каслова 2004], СТРОИТЕЛЬСТВО [Каслова 2004], ЧЕЛОВЕК [Chung et al. 2003a], ТРАНСПОРТНОЕ СРЕДСТВО [Chung et al. 2003b], МЕДИЦИНА [Муране 2002; Шмелева 2001] и др.

2. Методика сопоставительного таргетирования.

В этой группе выделяются методики этнокультурного сопоставительного таргетирования, диахронического сопоставительного таргетирования и мультимодального сопоставительного таргетирования. Совмещение когнитивных методик с ракурсами социального сопоставления дает еще три варианта: идеологическое, гендерное и идиолектное сопоставительное таргетирование.

Преобладающая часть исследователей использует монодоменный подход, то есть обращается к одному концептуальному домену (понятийной сфере-мишени метафорической экспансии) [Musolff 2000, 2001a, 2001b 2004a; Bachem 1991; Chilton 1993; Chilton 2004; Zinken 2002 и др.]. Однако возможен вариант полидоменного сопоставительного таргетирования, при котором один из ракурсов дискурсивного анализа совмещается с анализом нескольких сфер-мишеней метафорической экспансии, что позволяет проследить сразу несколько когнитивно-дискурсивных корреляций между отдельными аспектами функционирования политической метафорики.

3. Методика сопоставительного анализа корреляций метафор и базисных структур. Аналогично предыдущим двум методикам, совмещение когнитивного и дискурсивного ракурсов анализа дает четыре базовых варианта когнитивно-дискурсивного анализа: этнокультурное, социальное, мультимодальное и диахроническое сопоставление корреляций метафор и базисных когнитивных структур.

Необходимо также учитывать, что возможна дальнейшая дифференциация и детализация методик. В соответствующих разделах настоящего исследования был выделен ряд дополнительных вариантов анализа, согласно которым в методике мультимодального сопоставительного анализа метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии, выделяются варианты невербального и вербально-невербального сопоставления. Аналогичным образом в методике сопоставительного этнокультурного таргетирования разграничиваются лингвокультурологическая и универсалистская методики, которые значительно различаются по способу рассмотрения и интерпретации материала.

Выделенные методики соотносятся с когнитивно-дискурсивными параметрами исследования, поэтому в классификации методик не учитывались несколько общенаучных параметров методологии политической метафорологии, рассмотренных в предыдущих главах (квантитативный и квалитативный анализ, критический и дескриптивный анализ и др.). Это связано как с парадигмальными ограничениями, так и со стремлением избежать излишнего усложнения рассматриваемой методологической системы.

Сопоставительные метафорологические исследования не обязательно отталкиваются от когнитивных структур. Нередко лингвисты выбирают в качестве отправной точки для анализа не концептуальный домен или базисные структуры (когнитивно-доминантный подход), а определенный дискурс (дискурсивно-доминантный подход). При таком подходе исследователя интересуют не способы метафорической концептуализации конкретного фрагмента действительности или особенности использования метафор определенной сферы-источника, а метафорические модели, актуализированные в том или ином конкретизированном дискурсе (дискурсе консерваторов, дискурсе коммунистической партии, президентском дискурсе и т.д.). Такие подходы соотносятся с выделенными в данной ра-

боте ракурсами дискурсивного сопоставления. Например, в монографии Дж. Чартериса-Блэка «Politicians and Rhetoric: The Persuasive power of metaphor» [Charteris-Black 2005] исследуются метафорические модели, задействованные в выступлениях британских премьер-министров и американских президентов (этнокультурное идиолектное сопоставление). Тематический разброс анализируемых политических выступлений был довольно широк: от медицинского обслуживания и образования до «русской ядерной угрозы» и войны в Ираке. В результате британский лингвист выявил идиолектные метафорические предпочтения политических лидеров США и Великобритании. Использование методики сопоставления метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии, наложило бы на исследование нецелесообразные ограничения.

В данном исследовании применяется модифицированный вариант когнитивно-доминантной методики сопоставительного таргетирования, рассмотрению которой посвящен следующий параграф.

4.2. Методика сопоставительного таргетирования

Таргетирование – методика метафорологического исследования, при котором анализируется метафорика, актуализированная для концептуализации определенного концептуального домена (target domain). В сопоставительном таргетировании выделяется несколько дополнительных методологических аспектов, требующих отдельного внимания. Отметим наиболее существенные в плане дальнейшего изложения аспекты данной методики.

Методологическая классификация таргетирования основывается на нескольких критериях противопоставления. По количеству доменов, охватываемых исследованием, таргетирование может быть монодоменным и полидоменным. В первом случае анализируется метафорика, ис-

пользованная для концептуализации одной сферы-мишени метафорической экспансии, при полидоменном анализе изучается нескольких сфер-мишеней метафорической экспансии.

По гетерогенности анализируемого национального дискурса выделяется шесть основных типов таргетирования:

– монодоменное векторное таргетирование;

– монодоменное векторно-рефлексивное таргетирование;

– полидоменное векторное таргетирование;

– полидоменное рефлексивное таргетирование;

– полидоменное векторно-рефлексивное таргетирование;

– полидоменное оппозитное таргетирование.

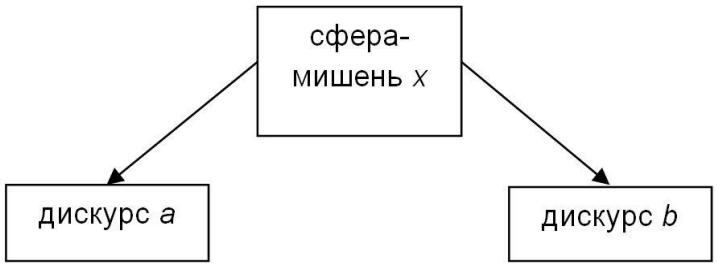
Рассмотрим каждый из этих типов.

1. Монодоменное векторное таргетирование.

Наиболее простой тип таргетирования, при котором исследователь выделяет одну определенную сферу-мишень и сопоставляет метафорику, актуализированную для концептуализации этой сферы-мишени, в двух и более дискурсах. Схематически этот тип таргетирования можно отобразить следующим образом.

Схема 1.

Монодоменное векторное таргетирование



Вектор в данном случае обозначает метафорическое отображение сферы-мишени в определенном дискурсе. Цель такого исследования проследить общее и специфичное в концептуализации определенного фрагмента действительности в разных национальных дискурсах. Важно отметить, что выбранная сфера-мишень *x* не является атрибутом политической реальности стран, дискурсы которых выступают в качестве материала для анализа.

2. Монодоменное векторно-рефлексивное таргетирование.

Данный тип таргетирования направлен на исследование метафорики, связанной с гомогенным со сферой-мишенью (сфера-мишень *b*) дискурсом (дискурс *b*), поэтому этот вид таргетирования включает название рефлексивного (от позднелат. *reflexio* – обращение назад).

Схема 2.

Монодоменное векторно-рефлексивное таргетирование

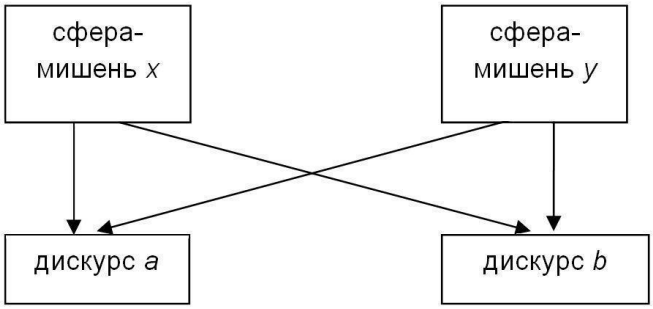
При использовании этого типа таргетирования исследователь сравнивает, к примеру, метафорическое представление России в российском и немецком дискурсе или предпринимает анализ образа президента США в американском и французском дискурсе и т.д.

3. Полидоменное векторное таргетирование.

При использовании данного типа таргетирования исследуется метафорика, актуализированная для концептуализации нескольких сфер-мишеней (x, y...), каждая из которых не является уникальным атрибутом стран, дискурсы которых принимаются во внимание. Схематическая иллюстрация этого типа таргетирования представлена ниже.

Схема 3.

Полидоменное векторное таргетирование



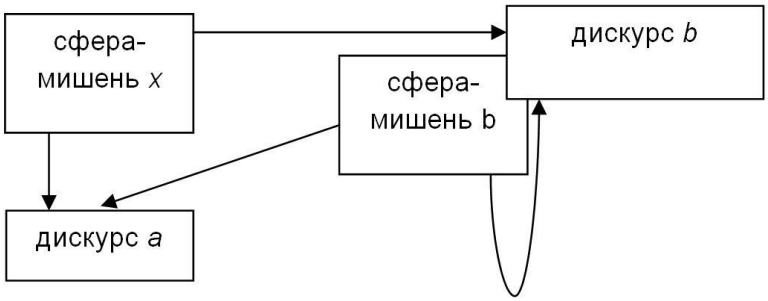
Данный тип таргетирования будет использоваться, к примеру, при анализе метафорической концептуализации международных организаций (ООН, МВФ, ОПЕК) в российском и американском дискурсе или терактов 11 сентября в Нью-Йорке и теракта в мадридском метро в пакистанской и китайской прессе.

4. Полидоменное векторно-рефлексивное таргетирование.

В данном типе полидоменного таргетирования только одна сфера-мишень соотносится с политическими реалиями страны, дискурс которой принимаются во внимание.

Схема 4.

Полидоменное векторно-рефлексивное таргетирование



Будучи сложным и многоаспектным типом таргетирования, этот подход одновременно предоставляет дополнительные возможности для исследования корреляций когнитивных сфер и дискурсов, не выявляемых при других подходах.

5. Полидоменное рефлексивное таргетирование.

Следующий тип таргетирования описывает случаи анализа однотипных сфер-мишеней в разных национальных дискурсах, при этом рассматриваемые сферы-мишени соотносятся с политическими реалиями стран, дискурсы которых принимаются во внимание. Более наглядное представление о данном типе таргетирования дает схема 5.

Схема 5.

Полидоменное рефлексивное таргетирование

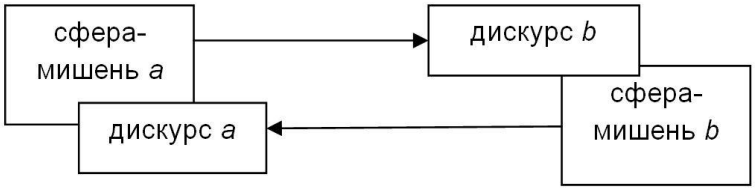
К такому типу таргетирования относится, например, сопоставление метафорического осмысления российских президентских выборов в российской прессе, и метафор, использованных американскими журналистами при описании выборов президента США.

6. Полидоменное оппозитное таргетирование.

Данный тип полидоменного таргетирования направлен на сопоставление метафорики, задействованной для концептуализации *сферы-мишени a* в *дискурсе b*, и *сферы-мишени b* в *дискурсе a*. Схематическое отображение данного типа представлено ниже.

Схема 6.

Полидоменное оппозитное таргетирование



Этот тип анализа обычно используется при сравнении того, что «думают» друг о друге представители двух лингвокультурных сообществ. К такому типу, например, будет относиться сопоставление метафорического представления о США в российской прессе и России в СМИ США.

Анализ современного состояния политической метафорологии показывает, что подавляющее большинство сопоставительных исследований, в которых применяется методика таргетирования, выполнены с использованием монодоменного, с одной стороны, и векторного типов таргетирования, с другой. В результате эвристики полидоменного и векторно-рефлексивного типов остаются недостаточно изученными.

4.3. Полидоменное векторно-рефлексивное таргетирование российской и британской политической метафорики

Для анализа метафорики в британском и российском политическом дискурсе в настоящем исследовании используется методика сопоставительного таргетирования. Вместе с тем предлагается такой вариант методики, при котором анализируются сразу три сферы-мишени метафорической экспансии (РОССИЯ, ГРУЗИЯ и СТРАНЫ БАЛТИИ) в векторно-рефлексивном аспекте (полидоменное векторно-рефлексивное таргетирование).

Материалом для исследования послужил корпус данных («Корпус А», см. Прил. 1), состоящий из текстов как печатных, так и электронных британских и российских СМИ (2000–2007 гг.), содержащих метафорические словоупотребления, актуализированные для осмысления постсоветской действительности России, Грузии и стран Балтии. Всего было рассмотрено 6600 метафорических словоупотреблений (одинаковое количество в российских и британских источниках).

При отборе сфер-мишеней учитывались результаты и теоретические выводы исследований по метафорическому моделированию в политическом дискурсе. Для наших целей оказались важны идеи А. Н. Баранова, Х. де Ландтсхеер, Д. Фертессен, А. П. Чудинова о корреляции функционирования метафорических моделей и социально-политических кризисов. После распада СССР только Грузия и страны Балтии не вошли в СНГ и в дальнейшем именно с этими республиками возникали регулярные разногласия по самым разнообразным вопросам международных отношений. Учитывая, что количество метафор в политическом дискурсе возрастает в периоды кризисов и конфронтаций, для анализа метафорического представления были отобраны именно эти республики.

Более того, как показал анализ исследований, направленных на анализ корреляций метафор и базисных когнитивных структур, метафорические модели коррелируют с этими структурами и во многом от них зависят. Гипотетически в российском сознании можно ожидать различную удаленность сфер-мишеней ГРУЗИЯ и СТРАНЫ БАЛТИИ от прототипического представления о СВОИХ. В рассматриваемый период прибалтийские республики проводили активную политику по вступлению в Евросоюз и НАТО, а в 2004 стали полноправными членами этих организаций (в сознании многих россиян со времен холодной войны сохранилось представление о НАТО как о враждебном России военном блоке). Грузинские правительства также неоднократно выражали готовность вступить в НАТО и ЕС, но решение этого вопроса относится к далекой перспективе. Можно ожидать, что для британцев категоризация по оппозиции СВОИ – ЧУЖИЕ будет отражать обратную закономерность (Великобритания – член НАТО и ЕС).

В большинстве контекстов в российской и британской прессе метафорические выражения, посвященные осмыслению постсоветской действительности Латвии, Литвы и Эстонии, актуализировались по отношению к прибалтийскому региону в целом, что делает невозможным отдельный подсчет метафорических контекстов для каждой республики, поэтому при анализе частотности эти республики объединены в сферу-мишень СТРАНЫ БАЛТИИ. К тому же синкретичность метафорического представления Латвии, Литвы и Эстонии отражает таковое представление о прибалтийских республиках в наивно-географических картинах политического мира, что в частности подтверждается наблюдениями других исследователей [Клочко 2008].

Использование полидоменного сопоставительного таргетирования позволит проследить степень воздействия когнитивных и дискурсивных факторов на функционирование метафорических моделей в политическом дискурсе и степень корреляции когнитивно-дискурсивных характеристик

метафорической модели и сферы-мишени метафорической экспансии в разных национальных дискурсах.

В качестве материала для исследования использовался Корпус А, состоящий из текстов как печатных, так и электронных британских и российских СМИ (2000–2007 гг.) (условно граница хронологических рамок определяется периодом президентства В.В. Путина), содержащих метафорические словоупотребления, актуализированные для осмысления постсоветской действительности России, Грузии и стран Балтии (список источников представлен в Приложении 1). Всего было рассмотрено 6600 метафорических словоупотреблений (одинаковое количество в российских и британских источниках).

4.3.1. Продуктивность и конгруэнтность политической метафорики

Постсоветская действительность уже становилась предметом сопоставительного метафорологического анализа. В исследовании «Постсоветская действительность в метафорах российской и британской прессы» [Будаев 2006в] была дана подробная характеристика таким свойствам метафорических моделей (ММ) как частотность, прагматический потенциал и эмотивность. В настоящем исследовании постсоветская метафорика рассматривается в ракурсе таких свойств ММ как продуктивность и конгруэнтность.

Продуктивность, как способность когнитивной структуры к развертыванию метафорических образов, обычно рассматривается как устойчивый для определенного хронологического момента и определенного дискурса показатель. Полидоменное векторно-рефлексивное таргетирование позволяет продемонстрировать, что продуктивность является величиной зависимой не только от сферы-мишени метафорической экспансии, но и от типа таргетирования.

Для формализации и категоризации продуктивности метафор составлялась карта продуктивности, в которой метафорические единицы распределялись по концептуальным структурам (фреймам, слотам) и национальным дискурсам. В карту продуктивности не включались случаи окказионального употребления метафор, к которым, например, относятся зооморфные метафоры *олигарховидные, синекурятники, селезневское оперение* и т.п. В качестве формального показателя использовался индекс продуктивности (ИП), равный количеству различных метафорических единиц, относящихся к определенной когнитивной структуре. Отметим, что не всегда однокоренные слова можно считать одной и той же единицей продуктивности. К примеру, метафорические контексты *алмазная война, алюминиевая война, газовая война, идеологическая война, информационная война, куриная война, листовочная война, война компроматов, война плакатов* считаются одной единицей продуктивности, в то время как метафора *холодная война* считается отдельной единицой продуктивности. Если в первом случае к сфере-источнику апеллирует только лексема *война*, то в контекстах, содержащих словосочетание *холодная война*, оба слова неразрывно связаны с концептом сферы-источника.

На основе карт продуктивности прослеживается еще одно свойство метафорических структур. Как показал анализ, в одном случае репертуар метафорики определенной структуры сферы-источника (фрейма, слота) варьируется незначительно при смене сферы-мишени метафорической экспансии, в то время как в другом случае наблюдаются существенные различия. Для сопоставительной характеристики метафорики, использованной для описания различных сфер-мишеней, введем понятие междоменной конгруэнтности (от лат. congruens, -entis — «соразмерный», «соответствующий»). Чем большее сходство наблюдается между репертуаром метафор, актуализируемых для концептуализации разных сфер-мишеней, тем большей конгруэнтностью обладает метафорическая модель. Соответ-

ственно по мере увеличения различий между метафорами, растет неконгруэнтность метафорической модели.

Хотя неконгруэнтность когнитивных структур может иметь разные степени проявления, для практического анализа важно определить четкие критерии выделения неконгруэнтных метафор. Определим условия, которым должна удовлетворять неконгруэнтная метафора:

1) отсутствие (или единичные употребления) рассматриваемой метафоры в контекстах, посвященных другим сферам-мишеням;

2) показатель частотности данной метафорической единицы должен превышать показатель частотности любой другой метафорической единицы данного фрейма в три раза.

Первое условие определяет неконгруэнтность, второе определяет степень неконгруэнтности, одновременно отсекая искажения, привносимые так называемой закономерностью рефлексивной продуктивности, которая будет подробнее обсуждаться ниже.

Если выполняется только первое условие, то можно говорить о слабой неконгруэнтности, если оба, то неконгруэнтность сильная (сильно выраженная). Конгруэнтность ММ определятся степенью содержания в ней сильных неконгруэнтных метафор. Метафорическая модель считается конгруэнтной, если ни в одном из ее фреймов нет сильных неконгруэнтных метафор. Метафорической модель считается частично неконгруэнтной, если в некоторых фреймах (не больше половины от общего числа) содержатся сильные неконгруэнтные метафоры. Метафорическая модель считается неконгруэнтной, если в большинстве ее фреймов присутствуют сильные неконгруэнтные метафоры. Слабая неконгруэнтность присутствует во всех ММ и может использоваться только как вспомогательный фактор определения конгруэнтности ММ.

Возможность исследования конгруэнтности возникает только при полидоменном таргетировании. В этой связи необходимо подчеркнуть разли-

чия между неконгруэнтностью и доминантностью метафорических структур. Доминантная метафорическая структура характеризуется значительным увеличением продуктивности и частотности на определенном историческом этапе. Другими словами, доминантность проявляется в сопоставлении двух исторических состояний метафорических систем определенного дискурса. Неконгруэнтность тоже характеризуется высокой частотностью метафорической единицы, но проявляется она не при диахроническом, а при полидоменном сопоставлении. При монодоменном таргетировании изучение конгруэнтности невозможно, но вполне можно сделать выводы о доминантности определенной метафорической структуры. Доминантная метафорика может быть как конгруэнтной, так и неконгруэнтной в зависимости от того, какие сферы-мишени мы используем в качестве объекта анализа.

К примеру, в определенный исторический период отмечается повышение продуктивности и частотности военной метафорики. Исследователь фиксирует доминантность данной метафорической модели. Если милитаризация пронизывает общественное сознание настолько, что многие сферы жизни начинают осмысляться в понятиях войны, то сопоставление концептуализации различных сфер-мишеней даст похожие результаты, и мы будем иметь дело с конгруэнтностью метафорики. Если же военная метафорика активно используется для одних сфер-мишеней и совершенно не востребована для других – мы имеем дело с неконгруэнтностью когнитивных структур.

Таким образом, метафорические модели (ММ) можно разделить на три типа: конгруэнтные ММ, неконгруэнтные ММ и ММ с элементами неконгруэнтности. Рассмотрим каждый из типов на примере трех ММ: милитарной ММ (конгруэнтный тип), зооморфной ММ (смешанный тип), монархической ММ (неконгруэнтный тип).

4.3.2. Конгруэнтный тип метафорической модели

Конгруэнтный тип метафорической модели характеризуется отсутствием в концептуальной структуре сильных неконгруэнтных метафор. Рассмотрим данный тип конгруэнтности на примере милитарной метафорической модели.

Корпус анализируемых метафор насчитывает 1800 единиц из российской прессы и 1800 единиц из британской прессы, при этом количество метафор равномерно распределено по сферам-мишеням РОССИЯ, ГРУЗИЯ и СТРАНЫ БАЛТИИ.

Милитарная метафорика традиционно привлекает внимание исследователей. Первые примеры использования милитарной концептуальной метафоры были приведены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном в их известной монографии [Lakoff 1980]. Исследователи приступили к демонстрации эвристик когнитивного подхода с концептуальной метафоры ARGUMENT IS WAR (СПОР – ЭТО ВОЙНА) и наметили дальнейшие перспективы исследования милитарных метафор в политической коммуникации. Впоследствии милитарная метафорика привлекала значительное внимание исследователей политического дискурса [Баранов 1991a; 1994; Каслова 2003; Ряпосова 2002; Санцевич 2003; Феденева 1998; Чудинов 2001, 2003; Cibulskiene, 2002; Howe 1988; Jansen, Sabo 1994; Kelly-Holmes 2004; Koller 2002; 2004; Wei 2001; Zinken 2004b и др.].

Эти и другие исследования показали, милитарные метафоры распространены в политическом дискурсе многих стран, а сфера-источник ВОЙНА относится к наиболее частотным исходным понятийным областям, задействованным в метафорическом конструировании мира политики. Исследователи находят причины активного использования потенциала исходной понятийной области ВОЙНА в агональном характере политической деятельности [Шейгал 2004], в богатом военном опыте человечества [Чудинов

2001], в традиционном доминировании в политике мужчин и соответственно привлечении для ее концептуализации понятий из традиционных для мужчин сфер деятельности [Gidengil 1999].

Вместе с тем милитарная модель не представляет собой статичного компонента политического дискурса и ее свойства могут варьироваться в различные периоды политической истории. Например, милитаризация сознания российского [Баранов 1991а] и американского [Bates 2004] обществ стала характерной чертой именно в период холодной войны. Милитарные метафоры активизируются в период перехода от тоталитарного к демократическому обществу [Frankowska 1994] и в периоды политических выборов [Каслова 2003; Cibulskiene 2002].

Сопоставление российских и британских метафор по критерию сферы-мишени метафорической экспансии показывает, что милитарная метафорика достаточно продуктивна. Вместе с тем наблюдается варьирование продуктивности метафорики в зависимости от сферы-мишени, принимаемой во внимание. Рассмотрим распределение продуктивности милитарных метафор по фреймам, дискурсам и сферам-мишеням, определим индексы продуктивности для каждого фрейма (таблица 3).

Таблица 3.

Карта продуктивности милитарной метафорики

Сфера-мишень	Российская пресса	ИП	Британская пресса	ИП
1. Фрейм Война и ее разновидности				
Россия	*баталия, битва, блицкриг, (алмазная, алюминиевая, газовая, идеологическая, информационная, куриная, листовочная) война (компроматов, плакатов), драка, дуэль, крестовый*	13	*battle, cold war, combat, crusade, duel, feud, fight, fray, scramble, (all out, aluminium, pipeline, price, propaganda,*	10

	поход, побоище, поединок, поход, сражение, схватка, холодная война		*trade) war*	
Грузия	*блицкриг, борьба, война, дуэль, междоусобица, поход, холодная война*	7	*battle, cold war, fight, struggle, tussle, (pipeline, propaganda) war*	6
Страны Балтии	*баталия, дуэль, борьба, (информационная) война, холодная война*	5	*battle, cold war, combat, war*	4
2. Фрейм «Иерархические отношения военнослужащих»				
Россия	*армейские деды, «вольно», генерал, главнокомандующий, командир, «молодые», новобранцы, полководец, рядовой, солдат, старшина, стоять по стойке смирно, «стройся», флагман, «шагом марш»*	15	*commander-in-chief, to demote, guerrilla, lieutenant, recruits, strategist, squaddie, war-lord*	8
Грузия	*вассал, командир, наемник, рядовой, служить, солдат, флагман*	7	*commander-in-chief, comrade in arms, strategist, warlord*	4
Страны Балтии	*вассал, военная иерархия, генерал-губернатор, наемник, солдат, новобранцы*	6	*commander-in-chief, the ranks, recruits, strategist*	4
Фрейм 3. «Враги, союзники и другие субъекты военной деятельности»				
Россия	*ветераны, враг, вражеский агент, коалиция, мародеры, пораженец, предатель, противоборствующие стороны, сателлит, вести сепаратные переговоры, союзник, супостат*	12	*alliance, ally, coalition, enemies-in-chief, enemy*	5
Грузия	*враг, коалиция, противник, сателлит, соперники, союзник*	6	*alliance, ally, coalition, enemy*	4
Страны Балтии	*враг, вражеский агент, коалиция, сателлит, шпион*	5	*alliance, ally, coalition, enemy*	4
4. Фрейм «Воинские объединения»				
Россия	*армия, батальон, гвардия, дивизия, когорта, отряд, полк, рать, эшелон*	9	*army, battalion, corps*	3

Грузия	*армия, гвардия, дивизия, когорта*	4	*army, squad*	2
Страны Балтии	*армия, когорта, пятая колонна, эшелон*	4	*army*	1
5. Фрейм «Военные действия»				
Россия	*(наносить) авиаудары, атаковать, бежать в атаку, биться, бомбить, бросаться на амбразуру, бряцать оружием, вести борьбу на два фронта, вести огонь, взорвать, вызвать к барьеру, воевать в тылу противника, дать отпор, десантироваться, залп, занять оборону, защищать, идти в штыковую, кавалерийская атака, контрнаступление, маневрировать, марш-бросок, наносить удар, наступать, обстреливать, объявить войну, ожесточенное сопротивление, осада, отступать (отходить), перестрелка, рубить, сдать позиции, сепаратные переговоры, сопротивляться, сражаться до последнего патрона, стрелять, таран, укрепить позиции, шквал огня, штурм*	40	*to act on the offensive, to attack, to be up in arms, to beset, to bomb, broadside, to clean up, crusade, to declare war, to defend oneself, to defend, to fight, to hold manoeuvres, to hold the line, to intrude, lurk, onslaught, to rally to the flag, to rally, to regroup, to shoot, to siege, to skirmish, to topshoot, to undermine, to wipe out*	26
Грузия	*блокада, демарш, занять рубеж обороны, кавалерийская атака, кавалерийский наскок, маскировка, на марше, наступать, начать контрнаступление, осада, отступать, отходить вглубь территории, проводить разведку боем, сдавать, создавать плацдарм, стратегия, тактические бои, удары по всему фронту*	18	*to attack, to beleaguer, to beset, combat,* to *deploy, eliminate, foray, to harry, hit, manoeuvre, to march, military base, to open new front, to protect, salvo, series of blows, strategy, tactics, to turn the flank, to undermine*	20

Страны Балтии	*атаковать, блокада, бомбежка, воевать, вступить в бой, вторжение, наступление (по всему фронту), окопаться, открыть огонь, отступать, создать плацдарм*	11	*to be under fire, to blockade, to fight, to flank, to invade, to rebuff, to struggle, to undermine*	8
6. Фрейм «Вооружение»				
Россия	*(тяжелая) артиллерия, автомат Калашникова, боекомплект, бомба замедленного действия, вакуумная бомба, дротики, дубина, запал, калибр, кинжал, кистень, копье, корабль, крупнокалиберный пулемет, кувалда, лом, маузер, меч, мина, наган, нейтронная бомба, нож, ножны, орудия, оружие, патроны, порох, прицел, пушка, растяжки, сабля, стрелы, топор, торпеда, фосген, шашка, штык, щит, ядерная бомба*	39	*ammunition, bomb, bombshell, bullet, cover-up, dagger, gun, knife, long-shot guns, machinegun, napalm, scatter guns, shield, spear, squad, sword, weapon*	17
Грузия	*артиллерия, дымовая завеса, детонатор, Калашников, кинжал, кольчуга, меч, наконечник копья, орудие, оружие, пушки, сабля, стрелы, штык, щит*	15	*ammunition, bomb, bombshell, bullet, cover-up, dagger, knife, napalm, shield, squad, spear, spearhead, sword, weapon*	14
Страны Балтии	*дубинка, дымовая завеса, жупел, меч, порох, секретное оружие, торпеда, штык, щит*	9	*bomb, cover-up, gun, napalm, shield, spear, sword, weapon*	8
7. Фрейм «Военные объекты и сооружения»				
Россия	*амбразура, бастион, дымовая завеса, запасной аэродром, концлагерь, крепость, мосты стратегического назначения, окопы, полигон, редут,*	11	*bastion, bulwark, citadel, fortresses, last-ditch, the line of defence, minefield, outpost, trenches, war*	10

	форпост		*camp*	
Грузия	*военная база, крепость, линия обороны, форпост*	4	*entrench, last-ditch, line of defence, shelter, stronghold*	5
Страны Балтии	*бастион, концлагерь, укрытие, форпост*	4	*bastion, fortress, last-ditch, the line of defence, outpost*	5
8. Фрейм «Результаты военных действий»				
Россия	*акт почетной капитуляции, бегство, братание, братская могила, взять реванш, день победы, жертвы, завоевание, завоевать, итоги сражения, капитуляция, колонии, оккупация, оставшиеся в живых, парад победы, пейзаж после битвы, перемирие, пленные, победа, победитель, поражение, похоронки, проиграть, раненые, триумфальный марш, узурпация*	26	*to capitulate, captives, casualties, to conquer, to defeat, to give up (without a fight), hell-shock, to lose, truce, victory, to win*	11
Грузия	*завоевать, капитулировать, колонии, пленница, победа, поражение*	6	*capitulate, captive, to defeat, to give up his weapon, to lose vanquish, truce, to win, winner*	8
Страны Балтии	*оккупация, победа, поражение, результаты бомбежки*	4	*captive, to defeat, to lose, victory, to win*	5

Сопоставление ранжирования продуктивности в российской и британской прессе показывает, что милитарная метафорика двух дискурсов имеет много общего. В российской прессе наиболее продуктивными (в порядке убывания) оказались фреймы Вооружение, Военные действия, Результаты военных действий, война и ее разновидности, в британской – Военные действия, Вооружение, Война и ее разновидности, Результаты во-

енных действий. В российской прессе суммарный ИП ММ выше для сфер-мишеней Россия и Страны Балтии, в британской – несколько выше для сферы-мишени Грузия (см. таблицу 4).

Таблица 4.

Суммарные индексы продуктивности милитарной метафорики

Суммарный ИП	Российская пресса	Британская пресса
Сфера-мишень Россия	165	90
Сфера-мишень Грузия	67	63
Сфера-мишень Страны Балтии	48	39

Эти данные показывают, что продуктивность подчиняется несколько другим закономерностям, чем частотность. Анализ частотности российской и британской постсоветской метафорики в [Будаев 2006в] показал, что для британских СМИ очень характерно осмыслять сферы-мишени Россия и Грузия в понятиях войны, в то время как при осмыслении сферы-мишени Страны Балтии предпочтение чаще отдается метафорам из других сфер-источников. В российской прессе большая частотность милитарных метафор была зафиксирована по отношению к сфере-мишени Страны Балтии [см. Будаев 2007: 48–54]. В случае уравнивания частотности по сферам-мишеням не наблюдается такого же соотношения по продуктивности.

Как показывают данные ИП, в российской прессе наибольший ИП связан с метафорикой, описывающей российскую действительность. ИП для сфер-мишеней Грузия и Страны Балтии значительно уступает ИП сферы-мишени Россия. Примечательно, что эта закономерность просле-

живается во всех фреймах рассматриваемой ММ. Такой разброс ИП обусловлен тем, что при концептуализации российской действительности в российской прессе мы имеем дело с рефлексивным таргетированием, а при концептуализации остальных сфер-мишеней – с векторным. Другими словами, более высокая продуктивность российской метафорики применительно к сфере-мишени РОССИЯ еще не свидетельствует о том, что применительно к России в национальном сознании доминируют агрессивные сценарии для разрешения политических проблем. При рефлексивном таргетировании имеет место большая структурированность знания о сфере-мишени, поэтому возникает потребность в большей структурированности привлекаемых для концептуализации действительности метафор.

Для верификации этого положения рассмотрим индексы продуктивности для концептов рассматриваемых сфер-мишеней. Если при исчислении ИП для сфер-источников в каждом фрейме (слоте) присутствовали различные метафорические единицы, то при исчислении ИП компонентов сфер-мишеней нет необходимости распределять концепты по фреймам сферы-источника, так как данные концепты (ПОЛИТИКА, ПОЛИТИК, ПАРЛАМЕНТ и др.) повторяются от фрейма к фрейму. Данные ИП концептов сфер-мишеней, задействованных в метафоризации, представлены в таблице 5.

Полученные данные показывают, что соотношение ИП сфер-источников воспроизводит соотношения ИП сфер-мишеней. Наибольший ИП по сфере-мишени наблюдается в российской прессе для сферы-мишени Россия. ИП для Грузии и стран Балтии в российской прессе значительно меньше. Подобное соотношение между ИП фиксируется и в британской прессе.

Таблица 5.

Индексы продуктивности концептов сфер-мишеней

Сфера-мишень	Российская пресса	ИП	Британская пресса	ИП
Россия	бюрократия, вице-президент, власть, выборы, газпром, газопровод, глава администрации президента, городская администрация, госдума (парламент), гражданское общество, губернатор, депутаты, законопроекты, партия «единство», кандидаты в депутаты, кандидаты в президенты, кпрф, коррупция, культура, лдпр, мид, министры, минобороны, мэр, народ, обещания, олигархи, оппозиция, партии, партия «единство», политика, политики, политологи, посол, правительство, предприниматели, президент, премьер-министр, провинция, прокуратура, партии, свобода слова, сенаторы, сми, молодое поколение, политическая программа, роснефть, россия, террористы, фсб, чиновники, экономика, юкос, ядерные силы	51	AUTHORITIES, BANKS, BUDGET, BUREAUCRATS, BUSINESSMEN, COMMUNISTS, CORRUPTION, CURRENCY, DEMOCRACY, ECONOMY, ELECTION, FOREIGN POLICY, GOVERNMENT, INTERNATIONAL RELATIONS, JOURNALISTS, KGB, LIBERAL PARTIES, MASS MEDIA, MAYOR, MEDIA MAGNATES, MEMBERS OF PARLIAMENT, NATIONALISTS, NORTHERN FLEET, NUCLEAR FORCES, OIL OFFICIALS, OIL PRICES, OLIGARCHS, OPPONENTS, OPPOSITION PARTIES, ORGANISED CRIME, POLITICIANS, POLITICS, POWER, POLITICAL REGIME, POPULARITY, PRESIDENT, PRIME MINISTER, RUSSIA, RUSSIANS STATE DUMA (PARLIAMENT), SCIENCE, SIBNEFT, STATE PROSECUTORS, STUDENTS, TERRORISM, TRANSNEFT, VICTIMS OF TERRORISM, YUKOS	46
Грузия	абхазия, американская политика в грузии, антироссийские силы, власти, Воссоединение с автономиями, стремление в нато,	25	Abkhazia, ADZHARIA (ADJARA), CORRUPTION, DEMOCRACY, DEMOCRATIC VALUES, ECONOMY, ELECTION, FOREIGN OFFICE,	30

	ВЫБОРЫ, ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО, ГРУЗИЯ, ДЕПУТАТЫ, НАЦИОНАЛИСТЫ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ, НЕФТЕПРОВОД, ПОЛИТИКА, ПОЛИТИКИ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ, ПРЕЗИДЕНТ, ПАРЛАМЕНТАРИИ, ПРАВИТЕЛЬСТВО, ПРЕЗИДЕНТ, ПРЕМЬЕР-МИНИСТР, РОССИЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ, СПЕЦСЛУЖБЫ, ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ, ЭКОНОМИКА		GEORGIA, GOVERNMENT, independence, LEADERS OF REBELLIOUS REGIONS, NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS, OIL SUPPLIES, OPPOSITION, opposition protests, PARLIAMENT DEPUTIES, PIPELINE, POLL FRAUD, POLITICAL REGIME, POLITICIANS, POLITICS, POWER, PRESIDENT, RUSSIA'S HEGEMONY (INFLUENCE), SOUTH OSSETIA, SPEAKER OF PARLIAMENT, supporters, TERRORISTS, US CONSULTANTS	
СТРАНЫ БАЛТИИ	АНТИРОССИЙСКИЕ АКЦИИ, ВЛАСТИ, ВСТУПЛЕНИЕ В НАТО, СТРАНЫ БАЛТИИ, ЛАТВИЯ, ЛИТВА, НАТО, ПРЕЗИДЕНТЫ, ПРАВИТЕЛЬСТВА, ПОЛИТИКА, ПОЛИТИКИ, российские спецслужбы, РУССКИЕ ВЕТЕРАНЫ, РУССКИЕ ВЫПУСКНИКИ, РУССКИЕ ДЕТИ, РУССКИЕ ПОДРОСТКИ, РУССКИЙ ЯЗЫК, РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, УЧИТЕЛЯ, ФАШИЗМ, ЦЕРКОВЬ, ЭСТОНИЯ	23	AUTHORITIES, BALTIC STATES, BUSINESSMEN, CORRUPTION, FOREIGN OFFICE, FOREIGN POLICY, FREEDOM, GOVERNMENT, RUSSIAN-SPEAKERS, INDEPENDENCE, INVESTMENT, MASS MEDIA, MEMBERS OF PARLIAMENT, OIL TERMINAL, OPPOSITION, PARLIAMENT, PARTIES, POLITICAL REPUTATION, POLITICIANS, POLITICS, POWER, PRESIDENT, SUPPORTERS OF INTEGRATION	22

Привлекает внимание и тот факт, что при смене сферы-мишени мы наблюдаем комплекс постоянных элементов сферы-мишени (ПОЛИТИКА/POLITICS, ПОЛИТИКИ/POLITICIANS, ПАРЛАМЕНТ/PARLIAMENT, PRESIDENT/ПРЕЗИДЕНТ для всех сфер-мишеней; АБХАЗИЯ/ABKHAZIA, ЮЖНАЯ ОСЕТИЯ /SOUTH OSSETIA для сферы-мишени ГРУЗИЯ) и национальные предпочтения в выборе концептов, варьирующиеся от сферы-мишени к сфере-мишени.

Наиболее ярко эти предпочтения проявляются в российском сегменте для сферы-мишени Страны Балтии. В российской прессе почти половина концептов сферы-мишени, «притягивающих» милитарные метафоры, связана с Россией и проблемами русскоговорящего населения в Прибалтике (антироссийские акции, российские спецслужбы, русские ветераны, русские выпускники, русские дети, русские подростки, русский язык, русскоязычное население).

Само по себе структурированное знание о сфере-мишени еще не предопределяет высокую продуктивность метафорики, но если смыслы определенной сферы-источника востребованы в данный момент в определенном дискурсе, рефлексивное таргетирование характеризуется повышенной продуктивностью метафорики по сравнению с векторным таргетированием. Обозначим данный феномен как «закономерность превышения ИП при рефлексивном таргетировании над ИП при векторном таргетировании» или для краткости закономерность рефлексивной продуктивности. Забегая вперед, отметим, что закономерность рефлексивной продуктивности прослеживается во всех ММ независимо от того, какая сфера-источник принимается во внимание. Очевидно, что одного этого фактора недостаточно для экспликации продуктивности в нескольких дискурсах, потому что похожая закономерность прослеживается и в британской прессе, в случае с которой мы имеем дело с векторным типом таргетирования. Важным экстралингвистическим фактором является интерес, проявляемый СМИ к определенной стране, ее текущий политический вес, наличие важных для политической жизни стран событий.

Так как закономерность рефлексивной продуктивности играет важную роль в продуктивности ММ, ее необходимо учитывать при определении конгруэнтности ММ. Если повышение продуктивности преимущественно связано с фактором векторного таргетирования, в дискурсе будет наблюдаться слабая неконгруэнтность. Сильная неконгруэнтность в боль-

шей степени связана с политической действительностью и национальными когнитивными моделями политики. В отличие от слабой неконгруэнтности, сильная неконгруэнтность не подчиняется закономерности рефлексивной продуктивности.

Рассмотрим карту продуктивности милитарной метафорики на предмет конгруэнтности (таблица 3). В милитарной метафорической модели конгруэнтные метафоры присутствуют во всех фреймах. К примеру, во фрейме ВОЙНА И ЕЕ РАЗНОВИДНОСТИ к конгруэнтным относятся метафоры *война, борьба, дуэль, холодная война.* [Ср.: *Информационная* <u>*война*</u> *так же нелепа, ужасна, жестока и, в конечном счете, бессмысленна, как и всякая война. Особенно если она все меньше похожа на метафору* (Известия, 10.04.2003). *Птичий грипп – отголосок куриной* <u>*войны*</u>*?* (Аиф, № 33, 2005). *ПАСЕ готовится к российско-грузинской* <u>*дуэли*</u> (Известия, 06.10.2004). *Новая «*<u>*холодная война*</u>*». Русская промышленность становится «главным врагом» Запада* (Завтра, 01.02.2001)]. Аналогичный набор образов фиксируется в британской прессе: *battle, cold war, combat, war* [*The world's number two oil exporter, producing more than 7m barrels a day, Russia has been engaged in a* <u>*war of words*</u> *with Saudi Arabia, the biggest producer and Opec lynchpin, since it became clear that on its own the cartel could not hold prices between $22-28 a barrel* (The Guardian, 20.11.2001). *The new* <u>*cold war*</u> (The Guardian, 3.01.2004). *It is here that defining 21st-century* <u>*battles*</u> *over identity, security, democratic values, oil, and migration will be waged. And it is here that an ever-enlarging Europe's limitations, political as well as geographical, may finally be painfully exposed* (Guardian, 8.2.2005)].

Для определения типа ММ по критерию конгруэнтности необходимо проследить степень, в которой неконгруэнтность проявляется в данной метафорической модели. Во фрейме ВОЙНА И ЕЕ РАЗНОВИДНОСТИ к неконгруэнтным метафорам относятся единицы *битва, драка, крестовый поход, междоусобица*, *побоище, поединок, сражение, схватка* и др. [Ср.: <u>*Битва*</u>

за Сталинград (Дискуссии в Государственной Думе за переименование города Волгограда – Э.Б.) (АиФ, № 24, 2004). *Если слухи о проекте преобразования России соответствуют действительности, то битва вокруг него будет нешуточной (МК, №21, 2000). Народ, по сути дела, безмолвствует, нутром чувствуя, что происходящее в Тбилиси не отражает его истинные интересы, что там идет междоусобица между разными кланами одной и той же прозападной «элиты» (СР, 13.11.2003). Как раз в разгар очередного поединка между Батуми и Тбилиси бывший директор Федеральной службы безопасности России Николай Ковалев выступил с сенсационным заявлением, в котором утверждалось, что оппозиционеры из Украины, Молдовы, Азербайджана, Армении и, разумеется, Грузии проходили специальную подготовку в финансируемых США лагерях в Сербии* (Труд, 30.01.2004)]. В британской прессе в данном фрейме неконгруэнтными являются метафоры *duel, feud, fight, fray, scramble, tussle* [Ср.: *The communist-era apparatchiks who made good in the scramble to privatise Russia's national assets also bring fabulous amounts of money* (Daily Telegraph, 1.11.2003). *The latter now appears to be the hinge between the old and the new regimes, and his role will be central to the outcome of the current tussle* (The Guardian, 24.11.2003). *Officially the former KGB spy is above the fray and should not endorse United Russia, the party he created to support him four years ago* (Daily Telegraph, 8.12.2003).].

Отдельные неконгруэнтные метафоры данного фрейма соотносятся с особенностями политической ситуации в той или иной стране. К примеру, неслучайно метафора *междоусобица* оказалась востребована именно для концептуализации грузинской политики, в которой проблемы территориальной целостности государства и противоречий между лидерами «отколовшихся» регионов стоят особенно остро. Вместе с тем подобные метафоры не удовлетворяют второму условию неконгруэнтности. Более того, неконгруэнтность большинства метафор данного фрейма связана с корре-

ляцией продуктивности сферы-мишени и сферы-источника и с закономерностью рефлексивной продуктивности.

Схожим образом обстоит дело при рассмотрении других фреймов милитарной ММ. Во фрейме Иерархические отношения военнослужащих к неконгруэнтным относятся российские метафоры *армейские деды, военная иерархия, «вольно», главнокомандующий, генерал, «молодые», новобранцы, полководец, старшина, стоять по стойке смирно, «стройся», «шагом марш»* [*Бывшие семеро «узников социмперии» (по выражению Буша) радостно присягнули на новую верность в более перспективной военной иерархии (КП, 31.3.04). Подчиняясь силовому нажиму и экономическому шантажу, старая Европа, умудренная дипломатическим опытом, новобранцев в свое лоно примет, но отставит их в дальний угол, предоставив им возможность тихо вымирать на демонстративные подачки (СР, 2.8.2003). Как бы нефтяные генералы не отрицали связь между БТС и возможным ростом экспорта из России, она существует* (АиФ, 27.12. 2001). *5 марта комитет Госдумы рассмотрит проект заявления о признании независимости Абхазии. Не очень, правда, понятно, почему г-н Рогозин уверен в развале Грузии: если американцы туда действительно приходят, то гибели нового вассала они скорее всего не допустят* (ВН, 01.03.2002)] и британские метафоры *to demote, guerrilla, lieutenant, recruits, strategist, squaddie, the ranks, war-lord* [Ср.: *How a Siberian squaddie captured Chelsea (The Sun, 9.8.2004). On this argument Putin has moved away from any idea that the US has plans to further demote Russia (The Guardian, 17.5.2002). EU enlargement will bring bright new recruits to Britain (The Independent, 06.05.2004). Although Latvia has voted to join the ranks of the EU, discontent in current member states means the path of integration is unlikely to be smooth, says Ian Black (The Guardian, 22.09.2003)*].

Во фрейме Враги, союзники, другие субъекты военной деятельности неконгруэнтность привносится за счет российских метафор *ветераны,*

вражеский агент, союзник, супостат, мародеры, пораженец, предатель, противоборствующие стороны [Ср.: *Думские аппаратчики намерены дать двум «ветеранам сокового фронта» смежные кабинеты с общей приемной! (МК, № 10, 2002). Разворачивающийся в последнее время новый виток информвойны олигархов не может по определению обойтись без жертв. И пока главнокомандующие противоборствующих сторон еще держатся в седле, первыми жертвами становятся их верные вассалы. (МК, № 17, 2000)Вы всерьез считаете, что Путину нужны союзники? На мой взгляд, Путину нужны противники (АиФ, № 14, 2004). Это список подтверждает обоснованность громкой фразы о «пораженцах-преображенцах» – политиках, проигравших летом (МК, 16-23. 11.2000)*]. В британском сегменте предсказуемо доминируют конгруэнтные метафоры *ally, alliance, coalition, enemy*, среди которых выделяется единственная не-конгруэнтная метафора метафора *enemies-in-chief* [Ср.: *Women who had previously not given politics a second thought and who were seen as victims to be pitied and paid off have suddenly become the authorities' enemies-in-chief* (The Independent, 31.01.2005)].

Среди метафор фрейма Воинские объединения свойства неконгруэнтности проявляют лексемы *батальон, гвардия, дивизия, отряд, полк, пятая колонна, рать, эшелон* в российской прессе и *battalion, corps, squad* в британской прессе [*Так что делайте вывод, любезные друзья, за чей счет устроена райская жизнь обосновавшихся во всех ветвях власти полков и дивизий «слуг народа»… (АиФ, №5, 2005). Все-таки большинство членов верхней палаты представляли собой «батальон опытных политических бойцов»* (МК, №53, 2001). *Р. Паксаса свергли. Зачем же обязательно вводить войска, как в Ираке, если есть надежная «пятая колонна»* (СР, 8.4.2004). *Партия эта – детище и личная гвардия человека с нелитовской фамилией Успаских* (Эксперт, № 39, 2004).]. Неконгруэнтность метафор данного фрейма носит слабый характер.

Один из самых продуктивных фреймов в российской и британской прессе «Военные действия» содержит в себе многочисленные примеры неконгруэнтных метафор. В российской прессе к неконгруэнтным относятся метафоры *(наносить) авиаудары, бежать в атаку, биться, бомбить, бросаться на амбразуру, бряцать оружием, вести борьбу на два фронта, вести огонь, взорвать, вызвать к барьеру, дать отпор, десантироваться, залп, защищать, идти в штыковую, маневрировать, марш-бросок, наносить удар, наступать, обстреливать, объявить войну, ожесточенное сопротивление, осада, перестрелка, рубить, сдать позиции, сепаратные переговоры, сопротивляться, сражаться до последнего патрона, стрелять, таран, укрепить позиции, шквал огня, штурм* и др. [Ср.: *Марш-броски коммунистов (Известия, 3.12.2003). Я не жалею, что пошел в губернаторы. Потому что я по своей первой профессии десантник, где изначально меня учили воевать в тылу противника* (АиФ, № 52, 2003). *Почему бы такой солидный людской, финансовый, административный ресурс не использовать в борьбе с реальным фашизмом? Тем более окопался он не так далеко, аккурат на наших границах: в Литве, Латвии, Эстонии* (СР, 19.05.2005). *Маршрут ему дадут в Кремле, и дело нового премьера будет солдатское – четко выполнять приказы и в случае чего броситься на амбразуру, ликвидируя, например, многочисленные льготы или реформируя ЖКХ (КП, 4.3.2004). Нынешний Кремль редко проявляет волю. Под нажимом даже более слабых соперников он все время отступает. Пока мы не завоевали ни одного квадратного метра геополитического пространства. Мы все время только отходим в глубь своей территории. Если эта тактика отступления не прекратится, на Кавказе не будут предприняты какие-то активные сильные меры, Грузия будет наращивать давление и конфликт будет разрастаться. В Кремле уже достаточно отступили, пора занять рубеж обороны и начать контрнаступление. Грузинская сторона сейчас проводит разведку боем* (НеГ, 09.07.2004). *Кандида-*

ты в президенты Рауль Хаджимба и Сергей Багапш стоят на своих позициях насмерть (Эксперт, № 44, 2004)].

Такое же многообразие неконгруэнтных образов, связанных с различными видами военных действий, обнаруживается в британской прессе: *to act on the offensive, to attack, to be up in arms, to bomb, broadside, to clean up, crusade, to declare war, to defend oneself, to defend, to fight, to hold the line, to intrude, lurk, (to hold) manoeuvres, onslaught, to rally to the flag, to rally, to regroup, to shoot, to siege, to skirmish, to topshoot, to wipe out* [Ср.: *One classic cold war manoeuvre, for example, is Putin's current attempt to woo European opinion by offering alternatives to the US missile defence plans and thereby sowing discord and dividing Nato* (The Guardian, 22.02.2001). *Some analysts predict a further deterioration over the coming months as the former Cold War enemies skirmish over influence in central Asia and the Caucasus* (Daily Telegraph 18.12.2004). *Over the past three weeks, tens of thousands of pensioners have staged protests across Russia and soldiers and police, who have also lost their free public transport, have threatened to join in. At the same time, students are up in arms over plans to abolish their exemption from military conscription* (The Times, 29.1.2005). *Russia starts moral crusade against media* (The Independent, 12.11.2004).] *A blockade of oil supplies to the Black Sea port of Batumi formed the salvo in an increasingly stand-off between the government of Georgia and its restive province of Adzharia* (The Independent, 17.3.2004)].

Широкий спектр слабых неконгруэнтных метафор представлен во фрейме ВООРУЖЕНИЕ: *(тяжелая) артиллерия, автомат Калашникова, боекомплект, бомба замедленного действия, детонатор, дротики, дубина, запал, калибр, кинжал, кистень, кольчуга, копье, корабль, крупнокалиберный пулемет, кувалда, лом, маузер, мина, наган, нож, ножны, орудие, патроны, прицел, пушка, растяжки, сабля, стрелы, топор, торпеда, фосген, шашка, ядерная бомба* [Ср.: *Было бы проще всего махать шашкой, увольнять и выглядеть крутым руководителем* (АиФ, № 26, 2003). *В Чубайса*

полетели дротики (Газета.ру, 30.05.05). *Очевидно под ударом критических стрел депутатов окажется и Г. Греф* (АиФ, № 25, 2003). *Кроме того, «кольчужка» Саакашвили явно оказалась коротковата, а стягивание всех сил на границу с Аджарией создало риск вовлечения в конфликт других «грузинских автономий»* (Завтра, 16.03.2004). *Безобидный фундук стал настоящим детонатором, взорвавшим и без того накаленную ситуацию в регионе* (МК, 09.10.2000). *Мигом представила Грефа в кожанке, с наганом на боку. Кудрина – с острой сабелькой на боевом коне. А вокруг поверженные оппоненты и обычные жертвы их либеральных реформ* (Труд -7, №119, 2005). *Посол наведался в наш город в качестве тяжелой артиллерии* (МК, №42, 2002). *Сохраняя исторические дружественные чувства к грузинскому народу, в плане межгосударственных отношений Россия в нынешних условиях вряд ли будет заинтересована в сильной, единой Грузии, превращающейся в наконечник американского копья, направленного против нашей страны* (СР, 13.11.2003). *Если у нас нет маузера, то дипломатия должна быть очень умной* (АиФ, № 27, 2004).].

В британской прессе неконгруэнтными метафорами фрейма «Вооружение» являются образы *ammunition, bombshell, bullet, dagger, gun, knife, long-shot guns, machinegun, scatter guns, spearhead* [Ср.: *Mikhail Saakashvili, who spearheaded the opposition protests and stormed into parliament, causing Mr Shevardnadze to flee, said a united presidential candidate would be presented in the next 24 hours* (The Guardian, 26.11.2003). *Yeltsin scrapped his original address, called the cameras to his Kremlin office on Friday morning and dropped his valedictory bombshell* (The Observer, 2.1.2000). *Foreign investors, behind the record investment predominantly in Russia's natural resource sector, have now bitten the bullet* (The Guardian, 15.03.2004).].

Во фрейме Военные объекты и сооружения к неконгруэнтным метафорам относятся метафорические образы *амбразура, бастион, дымовая завеса, запасной аэродром, концлагерь, крепость, мосты стратегического*

назначения, окопы, полигон, редут [Ср.: *Так что, православно-государственные мосты стратегического значения на Руси уже кое-кто наводил и достижения таких «саперов» нет нужды перечислять (НГ, № 70, 2004). Заметим, что именно законодательным путем в Латвии был создан «бумажный концлагерь», где, к сожалению, гибнут живые люди из горячей плоти…* (СР, 5.06.2003). *Объединение, консолидация открывают долгожданную возможность простить друг другу страшные обиды последних лет, встать в одном окопе, разделить со вчерашним противником кусок хлеба и боекомплект* (Завтра, 08.09.2004). *Так что забота о конкурентоспособности русских выпускников – дымовая завеса* (КП, 3.3.2004).]

В британской прессе неконгруэнтность фрейма создают метафоры *bastion, bulwark, citadel, fortress, last-ditch, minefield, outpost, trenches, war camp* [Ср.: *On reading him, moreover, we rediscover that Estonia was always resolutely in Europe and not some obscure outpost this side of the Urals (The Guardian, 5.06.2003). However, Swedes dominate banking; Swedbank (with its 60 per cent of Hansa) and Skandinaviska Enskilda Banken together account for more than 80 per cent of lending. And the Swedish banks are building fortresses among Estonia's neighbours. Their joint market share is already 57 per cent in Lithuania and 44 per cent in Latvia (The Times, 23.2.2005). President Vladimir Putin took control of the Russian parliament last night removing the last effective bastion of opposition to his rule and paving the way for him to assume Tsar-like power (Daily Telegraph, 8.12.2003). Last night opposition leaders said they were ready for last-ditch talks, as some protesters kept up a hunger strike (The Guardian, 13.11.2003). Yesterday, however, the news he read was almost exclusively about himself and his 356 colleagues at NTV, barricaded inside their TV citadel at the centre of a political drama (The Guardian, 5.04.2001). Igor Yakovenko, general secretary of Russia's Union of Journalists, said: 'Klebnikov stepped on a minefield in trying to investigate the size and history of the personal wealth of the richest people* (The Observer, 11.07.2004)].

Следующий фрейм Результаты военных действий представлен слабыми неконгруэнтными метафорами *акт почетной капитуляции, бегство, братание, братская могила, взять реванш, день победы, жертвы, завоевание, завоевать, итоги сражения, капитуляция, колонии, оккупация, оставшиеся в живых, парад победы, пейзаж после битвы, перемирие, пленные, победитель, похоронки, проиграть, раненые, триумфальный марш, узурпация* [Ср.: *Их встречи с генпрокурором, президентом больше похожи на акты почетной капитуляции, чем на равноправный диалог (АиФ, 2002, №6). Вы разве не в курсе, что идеолог перестройки А. Н. Яковлев провел свои молодые годы в Соединенных Штатах? Он, вне сомнений, стал за океаном агентом влияния ЦРУ, а оттого и принялся разрушать дело жизни Юрия Андропова. Но наши, твердые государственники, взяли реванш. Ах, эти душечки, эти скромные парни, эти рыцари плаща и кинжала!* (Известия, 07.07.2001). *Кавказская пленница НАТО* (О Грузии – Э.Б.)] (СР, 12.08.2004). *Политическая баталия во втором туре развивалась прелюбопытнейшим образом. Армия Сергея Веремеенко панически бежала, бросая пушки и знамена* (КП, 13.12.2003). *Нефтяное перемирие. «Сибнефть» и государственная «Роснефть» пришли к компромиссу в вопросе управления компанией «Роснефть-Ставропольнефтегаз»* (ВН, 28.05.2002)].

В британской прессе неконгруэнтность фрейму Результаты военных действий придают метафоры *to capitulate, casualties, to conquer, truce, victory, to give up (without a fight), shell-shock* [Ср.: *Tatyana Zhdanok, an MEP from Latvia's Russian-speaking community, said the president had no desire to attend the Moscow events but had capitulated under EU pressure* (The Guardian, 7.3.2005). *In the elections of October last year, Kadyrov won what was described by the Russians as a landslide victory* (Daily Telegraph 10.05.2004). *Now that truce is no more. In the West, the worry is this will lead to all out war between the Kremlin and the oligarchs* (Daily Telegraph, 27.10.2003). *She says*

she won't give up until Mr Dzasokhov steps down (The Independent, 31.01.2005). Abashidze won't give up without a fight (The Guardian, 6.05.2004). *What they can't accept is that, five months after Beslan's shell-shocked residents scratched their demands for Mr Dzasokhov's resignation into the school's bullet-riddled, blood-stained walls, the septuagenarian leader is still clinging on to power* (The Independent, 31.01.2005).].

Число неконгруэнтных милитарных метафор велико, однако эти метафоры удовлетворяют только первому условию неконгруэнтности, т.е. являются слабыми неконгруэнтными метафорами. Ни одна из рассмотренного списка метафор не соответствует второму условию. Каждая из этих метафор связана с закономерностью рефлексивной продуктивности и/или политическими реалиями, которые привнесли в метафорику элементы неконгруэнтности, но не в той степени, чтобы профилировать данные образы на фоне общего континуума милитарных метафор. По этой причине метафорические образы слабой неконгруэнтности редко привлекают особое внимание адресантов политического дискурса. Примечательно, что метафоры, которые удовлетворяют второму условию, не соответствуют первому условию, то есть оказываются наиболее типичными для определенного фрейма образами, используемыми в политическом дискурсе без корреляций со сферой-мишенью метафорической экспансии или типом таргетирования.

Итак, метафорическая модель с исходной понятийной сферой ВОЙНА представляет собой типичный образец конгруэнтной ММ, которая регулярно служит средством метафорической образности для концептуализации действительности различных государств и является общим компонентом британско-российского интердискурса. Продуктивность данной ММ в разной степени варьируется в политическом дискурсе, при этом степень варьирования зависит в большей степени не от национального дискурса, а от типа таргетирования и сферы-мишени метафорической экспансии.

4.3.3. Смешанный тип конгруэнтности метафорической модели

Смешанный тип ММ отличается от конгруэнтного типа тем, что в концептуальной структуре ММ смешанного типа присутствуют сильные неконгруэнтные метафоры. Количество концептуальных структур, содержащих сильные неконгруэнтные метафоры, составляет в смешанном типе ММ меньше половины от общего количества когнитивных структур (фреймов). Рассмотрим смешанный тип конгруэнтности на примере метафорической модели со сферой-источником Мир животных.

Корпус анализируемых метафор насчитывает 1200 единиц из российской прессы и 1200 единиц из британской прессы, при этом количество метафор равномерно распределено по сферам-мишеням Россия, Грузия и Страны Балтии.

Зооморфная метафора как феномен человеческого мышления имеет давние истоки. Свидетельства обращения к миру животных для осмысления действительности обнаруживаются еще в первобытном тотемизме и мифологии, а после изобретения письма моделирование человеческого мира по образу мира животных регулярно встречается в работах мыслителей от Геродота до Ф. Ницше и О. Шпенглера.

В современном политическом дискурсе разных стран зооморфная метафора занимает значимое место. Так, типичные для российского политического дискурса фреймы и слоты зооморфной метафоры, а также особенности функционирования рассматриваемой модели в политической речи рассмотрены в монографии А. П. Чудинова [2001]. В диссертации А. Б. Ряпосовой [2002], посвященной исследованию метафорических моделей с агрессивным прагматическим потенциалом, выявлено, что в политическом нарративе «Российские федеральные выборы 1999–2000 гг.», наиболее частотной и детально структурированной является

метафорическая модель с исходной понятийной сферой Мир животных. Исследование органистической концептуальной метафоры в российском политическом дискурсе (1995–2001) проведено Т. С. Вершининой [2002].

Как показывают исследования, моделирующий потенциал сферы-источника «Мир животных» активно используются в политическом дискурсе для формирования у адресата негативного образа политического оппонента. Вместе с тем и сама действительность дает основание для метафорического представления политики посредством негативных зооморфных образов. Как отмечал В. Виндельбанд, в отношениях политики и морали существует «печальная… истина, что беспощадность и зверство, поскольку дело касается ближайших и внешних успехов, дают иногда лучшие результаты, чем честное и верное исполнение долга» [Виндельбанд 2000: 94].

Образ зверочеловека – распространенная метафора для политического оппонента, поэтому зооморфные метафоры в большинстве своем обладают пейоративными оценочными смыслами. По подсчетам Ч. Шелли [Shelly 2002], проанализировавшей многотысячный корпус зооморфных образов в устойчивых выражениях китайского и немецкого языка, только 13 % китайских и 18 % немецких образов обладают позитивной оценкой, 21% китайских и 18% немецких зооморфизмов рассматриваются как оценочно нейтральные, в то время как негативную оценку привносят 66 % и 64 % образов соответственно.

Вместе с тем продуктивность варьируется в политическом дискурсе в зависимости от сферы-мишени метафорической экспансии. Рассмотрим карту продуктивности зооморфной метафорической модели (таблица 6). Сильные неконгруэнтные метафоры капитализированы и выделены полужирным шрифтом.

Таблица 6.

Продуктивность зооморфных метафор в российской британской прессе

Сфера-мишень	Российская пресса	ИП	Британская пресса	ИП
Фрейм 1. «Состав мира животных» Слот 1.1. «Животные»				
Россия	*баран, бегемот, бизон, бронтозавр, бык, верблюд, волк, волкодав, динозавр, животное, зверь (зверек, зверушка), зубр, ишак, кобыла, козел (коза), кот (кошка), конь, крокодил, кролик, лев, лошадь, лис (лиса),* ***МЕДВЕДЬ****, мерин, моська, овца, поросенок, свинья, скакун, скот, слон, собака, страус, хищник*	34	*beast,* ***BEAR****, behemoth, (fat) cat, (top, under-) dog, elephant, maverick, predator, rabbit, (stalking) horse, wolf*	11
Грузия	*бабуин, верблюд, козел, лев, (белый, седой, хитрый)* ***ЛИС****, слон*	6	*dinosaur, (white-haired, grey)* ***FOX****, goat, scapegoat*	4
Страны Балтии	*волк, зверь, (немецкая) овчарка, шакал*	4	*(top) dog, jade, (Baltic, Nordic)* ***TIGER(S)*** *(of the Baltic), underdog*	4
2. Слот «Птицы»				
Россия	*воробей, ворона, голубь, курица, куропатка, ласточка, орел, петух, птенцы, птица, сорока, стриж, утка, ястреб*	14	dove, (lame) duck, hawk	3
Грузия	*орел, птица, синица*	3	(lame) duck, hawk	2
Страны Балтии	*ворона, птица*	2	dove, hawk	2
3. Слот «Рыбы»				
Россия	*акула, карась, кит, лещ, малек, пескарь, плотва, рыба, рыбешка, селедка,*	11	*fish*	1

	щука			
Грузия	*лещ, плотва, рыба*	3	*fish*	1
Страны Балтии	*рыба (рыбешка)*	1	*fish, minnow, tiddler*	3
4. Слот «Низшие животные»				
Россия	*богомол, гидра, грызун, клоп, кобра, комар, креветка, лягушка, моллюск, муха, насекомое, одноклеточное, пчела, рак, рептилия, таракан, хамелеон, червь, ящерица*	18	*chameleon, reptile, snake*	3
Грузия	*гидра, змея, муха*	3	*mosquito, snake*	2
Страны Балтии	*комар, моль, муха, пчела, таракан*	4	*mosquito*	1
5. Фрейм «Объединения животных»				
Россия	*клубок (червей), прайд, рой, свора, стадо, стая*	6	*drove, flock, hive, pack*	4
Грузия	*свора, стадо, стая*	3	*pack*	1
Страны Балтии	*рой, свора, стадо, стая*	4	*pack*	1
6. Фрейм «Действия животных»				
Россия	*глодать, жалить, загрызть, кусать, окутывать паутиной, рвать, рычать, рявкать, тявкать*	7	*to bellow, to be on the rampage, to bite, to bristle, to claw, to kick, to ruffle feathers, to savage*	8
Грузия	*собачиться, лаять, бить копытом, рычать*	4	*to bay*	1
Страны Балтии	*кусать, лягать, рваться с поводка, брызгать слюной, тявкать*	5	*to bare one's teeth, to get claws into, to get into the clutches*	3
7. Фрейм «Образ жизни животных»				
Россия	*впадать в спячку, ворковать, жевать травку, кукарекать, летать, махать*	9	*to duck, to fledge, to rule the roost*	3

	(крыльями, хвостом), пастись, порхать, становиться на лапки			
Грузия	*идти в загон*	1	*to cocoon, to dislodge, to fledge*	3
Страны Балтии	*выть, куковать, летать*	3	*to fledge*	1
8. Фрейм «Использование животных человеком»				
Россия	*впрягать, держать в узде (надеть узду), дрессировать, загон, защищать от хищников, зоопарк, капкан, (звать) к ноге, кормушка, ловить (на наживку), ловушка, отстрел, охота, (надеть) ошейник, поводок, погонщик, поймать на (висеть) на крючке, приручить, травля*	19	*to curb, to feed, to harness, to hive off, to milk, to muzzle, to rein (in), to tame, to tighten the noose, to whip*	10
Грузия	*(попасть в) сети, западня, охота, (бросать) кость, кормушка*	5	*to curb, to daunt, to groom, to smoke out, to spur, to rein (in)*	6
Страны Балтии	*заповедник, кормушка, пастбище, пасти, питомник, попасться на удочку, травля, фас, (надеть) ярмо*	9	*to cast net, to curb, to fold, to jade, round up, to spur, to whip*	7

Таблица 7.

Суммарные индексы продуктивности зооморфной метафорики

Суммарный ИП	**Российская пресса**	**Британская пресса**
Сфера-мишень Россия	117	43
Сфера-мишень Грузия	28	20
Сфера-мишень Страны Балтии	32	22

Суммарные индексы продуктивности милитарной метафорики представлене в таблице 7.

Как показывают данные, в российской прессе наибольший ИП связан с метафорикой, описывающей российскую действительность. ИП для сфер-мишеней Грузия и Страны Балтии в среднем в три раза уступает ИП сферы-мишени Россия. Данная закономерность прослеживается в большинстве фреймов рассматриваемой ММ. Как и в случае с милитарной ММ, в зооморфной ММ наибольший ИП связан с рефлексивным таргетированием. Для верификации положения о корреляции степени структурированности задействованного в процессах метафоризации знания о сфере-мишени и продуктивности зооморфной метафорики рассмотрим ИП для концептов рассматриваемых сфер-мишеней (таблица 8).

Полученные данные показывают, что соотношения ИП сфер-источников согласуется с соотношениями ИП сфер-мишеней. Наибольший ИП по сфере-мишени наблюдается в российской прессе для сферы-мишени Россия. ИП для Грузии и стран Балтии в российской прессе значительно меньше. Подобное соотношение между ИП фиксируется и в британской прессе. Эти данные, с одной стороны, подтверждают положение о том, что между продуктивностью метафорики и детализацией сферы-мишени, востребованной в процессе метафоризации, существует корреляция, с другой – демонстрируют влияние закономерности рефлексивной продуктивности.

Смешанный тип конгруэнтности ММ характеризуется наличием слабых и сильных неконгруэнтных метафор. Сначала инвентаризируем слабые неконгруэнтные метафоры данной ММ, а затем перейдем к подробному рассмотрению сильных метафор.

Таблица 8.

Индексы продуктивности концептов сфер-мишеней

Сфера-мишень	Российская пресса	ИП	Британская пресса	ИП
Россия	армия, война, власть, глава фсб, олигарх, бюрократия, спикер, политики, партия, демократы, россия (государство), народ, президент, чиновники, буржуа, политтехнологи, предприниматели, пресса, партия «единство», кпрф, лдпр, послания президента, политтехнологи, реформы, кандидат в президенты, парламент (дума), элита, террористы, «яблоко»	28	aircraft, gazprom, oligarch, opposition, politician, president, prime minister, prison, russia, yukos	10
Грузия	президент, председатель парламента, народ, экономика	4	election, georgia, oppostion, people, president	5
Страны Балтии	ветераны войны, министры, полицейские, политики, правительство, народ, русскоязычное население	7	baltic states, corruption, democracy, economy, government, tourism	6

Во фрейме Состав мира животных в слоте Животные к слабым неконгруэнтным метафорам относятся *баран, бегемот, бизон, бронтозавр, бык, верблюд, волк, волкодав, динозавр, животное, зверь, зубр, ишак, кобыла, козел, кот (кошка), конь, крокодил, кролик, лев, лис, лошадь, собака, страус, хищник, медведь, мерин, моська, овца, поросенок, свинья, скакун, слон, скот* [Ср.: *Хуже олигарха зверя нет.* (АиФ, № 20, 2004). *Лебедь, рак и щука – вот такой у нас была партия власти* (АиФ, № 17, 2003). *Отлученный от кормушки, чиновник будет визжать как поросенок* (АиФ, № 19,

2003). *Знаете, что такое «верблюд»? Это арабский скакун, прошедший все ведомственные согласования* (АиФ, № 25, 2003). *Если Ельцина психологи сравнивали со львом, генерала Лебедя – с медведем, то В.Путин – «зверек», живущий сам по себе, в меру «кусачий», в меру сильный и независимый. (АиФ, № 11, 2004). КПРФ кто-то удачно сравнил с бронтозавром. Вот лежит такой огромный бронтозавр на лужайке — не обойти, не подойти* (Завтра, 04.02.2004). *Спору нет, надо укреплять государство. Ведь даже падающий забор укрепляют, чтобы козы не пробрались в огород. В огороде российского государства пасется столько коз, козлов, баранов, быков, верблюдов, крокодилов, страусов, бегемотов, что Фрадков все больше напоминает директора зоопарка* (Завтра, № 36, 2004).]. В британской прессе в данном фрейме слабыми неконгруэнтными являются метафоры *dog, elephant, maverick, predator, rabbit, (stalking) horse, wolf* [Ср.: *The Sun's Oliver Harvey visited Russia and spoke to Abramovich's friends, relatives, ex-lovers and enemies. Today we begin a major investigation into the life of the maverick billionaire (The Sun, 09.08.2004). Mr Yudin, the MP behind the Sibneft investigation, is widely considered to be a stalking horse for a coterie of hardliners, known as the siloviki or "men of power"* (Daily Telegraph, 06.11.2003). *The 'elephant' is just one instrument of torture used by the Russian occupation forces in Chechnya, revealed today in a joint investigation by The Observer and the BBC's Radio Five Report* (The Observer, 15.10.2000). *Looking like a villain out of a James Bond film, he has a sinister charm and that indefinable quality that gives some leaders a hold over people - just like a snake with rabbits* (The Mail on Sunday 2.01.2000)].

В слоте Птицы неконгруэнтными являются метафоры *воробей, ворона, голубь, курица, куропатка, ласточка, орел, петух, птенцы, сорока, стриж, утка, ястреб* [Ср.: *Две палаты парламента – словно два крыла российского орла. Если одно крыло будет не так интенсивно махать, то возможны какие-то крены* (АиФ, № 20, 2003). *Яркий признак того, что у*

КПРФ нет будущего – Зюганов не имеет клонов. Инкубатор один, а птенцы все разные (АиФ, № 7, 2004). *Как голубь мира летал он по странам Содружества* (МК, №47, 2000). *Хакамада, странным образом всё более покрываясь чёрными и белыми перьями, обретая сходство с сорокой, станет мазохистски стрекотать о "малом бизнесе", "контрактной армии" и "вертикали власти"* (Завтра, 14.01.2004). *Боюсь, что для России последствия будут более тяжелыми, чем для крыловской вороны…* (СР, 13.04. 2004).]

В британской прессе в данном фрейме слабыми неконгруэнтными являются метафоры *dove, (lame) duck* [Ср.: *Berezovsky's fourth strategy is his riskiest: playing dove to Putin's hawk in Chechnya* (The Guardian, 25.12.2005*). How Shevardnadze went from glasnost hero to hated lame duck - and who will succeed him* (The Guardian, 24.11.2003). *From glasnost hero to hated lame duck, the following are the key dates in Eduard Shevardnadze's career* (The Guardian, 24.11.2003).].

В слоте Рыбы к неконгруэнтным метафорам относятся следующие лексические единицы: *акула, карась, кит, лещ, малек, пескарь, плотва, рыбешка, селедка, щука* [Ср.: *Но и тут премудрые пескари из МИД и Госдумы извернулись и придумали формулу, что, дескать, латвийская президентша нас провоцирует на отзыв приглашения на День Победы, а мы на провокации не отреагируем и будем тянуть ее в Москву всеми силами* (СР, 03.03.2005). *Это раньше земля лежала на трёх китах, а теперь "Три кита" скоро станут официальной эмблемой ФСБ. Один кит — коррупция. Второй кит — безответственность. Третий кит — развал…* (Завтра, № 36, 2004).].В британской прессе данного слота к слабым неконгруэнтным метафорам относятся номинации *minnow, tiddler* [Ср.: *Tiddlers like Malta and Latvia will have their own commissioners, after all, swimming alongside the big Franco-German fish* (The Guardian, 1.12.2003). *Of the three Baltic state exchanges, Tallinn's is the biggest and most sophisticated, regularly accounting*

for more than 70 per cent of the total market turnover in the region. Even then it is a minnow, with market capitalisation of Euros 1.8bn (Pounds 1.13bn) at the end of January and an average daily trading volume of Euros 1.4m (The Financial Times, 8.3.2001).].

В слоте Низшие животные метафоры *гидра, грызун, клоп, кобра, комар, креветка, лягушка, моллюск, насекомое, одноклеточное, пчела, рак, рептилия, таракан, хамелеон, червь, ящерица* [Ср.: *Но то, что политическая национальная элита поддерживает мероприятие по-прежнему, очевидно хотя бы из того факта, что альтернативное шествие, инициированное «пчелами» разрешено не было* (СС, № 4, 2005). *Он будет дергаться, как лягушка, - но не та, что взбила масло в кувшине с молоком, а лягушка, пришпиленная к лабораторному столу* (АиФ, №5, 2002). *Явлинский с лицом, похожим на печальный избитый гонг, пошел на выборы с петлей на шее. Жириновский, как ящерица, потерявшая хвост, тщится походить на дракона* (Завтра, 18.01.2000). *Я – биолог по образованию, - заявил на это приморский делегат «Альтернативы», - поэтому утверждаю – мы не протоплазма, а кольчатые черви и тараканы* (АиФ, № 16, 2004).]. В британской прессе в данном слоте неконгруэнтными являются метафоры *chameleon, mosquito, reptile, snake* [Ср.: *Varlam Kiladze, deputy chairman of the Sector Economy and Economic Policy Committee and now regular user of the BEC, remembers well the attitude he had before entering Parliament. "When I was in business," he says, "I saw politicians as mosquitoes."* (The Economist, № 2, 2007). *Looking like a villain out of a James Bond film, he has a sinister charm and that indefinable quality that gives some leaders a hold over people - just like a snake with rabbits* (The Mail on Sunday 02.01.2000). *The opposition call him a snake and opportunist, but the fact is, he is one of the only opposition leaders in Georgia that understands what politicking is all about* (Daily Telegraph, 06.11.2003).

Во фрейме Объединения животных к слабым неконгруэнтным метафорам относятся образы *клубок (червей), прайд, рой* [Ср.: *Гибель «Курска», газовая атака в Дубровке, взрыв Кадырова, пожар Манежа, падающие самолеты — это громогласные сигналы того, что надо менять строй, менять образ общества, менять элиту, превратившуюся в клубок червей*. (Завтра, № 36, 2004). *Все старики в голос говорят о той роли, которую сыграла в организации» антифашистской демонстрации» партия «За права человека в единой Латвии» - сокращенно «За ПЧЕЛ». Во многом благодаря этой партии русскоязычные «пчелы» и почувствовали себя в последнее время единым «роем»* (СС, № 4, 2005).]. В британской прессе к метафорам данной группы относятся *drove, flock, hive* [Ср.: *As a result, freed from the despotism and coercion of Soviet and tsarist Russia, people are leaving in droves* (The Guardian, 12.06. 2002). *This may sound like fantasy but for growing numbers of Russia's new rich it is the reality. Wealthy Russians are flocking to London in such numbers - some 250,000 live in London, according to one estimate - that comparisons are being drawn with the influx of Russians into 19th-century Paris* (Daily Telegraph, 01.11.2003).]

Во фрейме Действия животных зафиксированы слабые неконгруэнтные метафоры *глодать, жалить, загрызть, кусать, окутывать паутиной, рвать, рычать, рявкать, тявкать* [Ср.: *Теперь же Моське дано ясно понять, что право тявкать у нее есть, но делать этого лучше не надо, потому что слон может ненароком на нее наступить* (АиФ, № 22, 2004). *Но Явлинский и Чубайс буквально загрызли друг друга* (АиФ, № 50, 2003). *Выдвиженец Березовского Иван Рыбкин вызвал «к барьеру» фармацевта Брынцалова, оба «брынцали оружием», фармацевт обвивался вокруг Рыбкина, как змея вокруг медицинской чаши, и оба, искусанные и изжаленные, вошли в президентский список* (Завтра, 27.01.2004)]. В британской прессе к данному фрейму относятся слабые неконгруэнтные метафоры *to bellow, to be on the rampage, to bite, to bristle, to claw, to kick, to ruffle feathers, to sav-*

age [Ср.: *What strikes the outsider is how apolitical the arts have become in Georgia. Many leading practitioners found a way of cocooning themselves from the turbulence of the 90s, and show little faith in the new democratic government's pledges of support* (The Financial Times, 12.12.2005). *Boris Yeltsin would delight supporters with ursine displays of machismo, bellowing at officials, but Mr Putin's delivery is controlled, even a little wooden* (The Daily Telegraph, 11.03. 2004). *Mr Shevardnadze and now Ms Burdzhanadze have expressed a desire to join Nato - like its neighbour Turkey - but Russia has bristled at US military interest in the region* (The Guardian, 24.11.2003). *The Kremlin administration has neutered much of the critical television media, clawed back power from the regions and imposed an opaque political decision-making process* (Daily Telegraph, 16.03.2004). *When the translation was released, European Union officials expressed their fury. In Russia it ruffled few feathers* (Daily Telegraph, 08.11.2003). *Their support dropped to barely 13 per cent after state-run television savaged them throughout the campaign* (Daily Telegraph, 09.12.2003).]

Во фрейме Образ жизни животных отмечены следующие слабые неконгруэнтные метафоры: *впадать в спячку, ворковать, жевать травку, кукарекать, летать, махать (крыльями, хвостом), пастись, порхать, становиться на лапки* [Ср: *Большинство губернаторов умилительно воркуют о том, что теперь к власти во всех регионах придут «крепкие хозяйственники»* (НГ, № 70, 2004).*Стоит показать его (доллар) «рядовому россиянину», как тот сразу встает на задние лапки* (АиФ, № 26, 2003). *До выборов в Государственную думу, так уж и быть, «попасемся» еще на «тучных» нивах либерализма, и хватит* (СР, 26 .04.2003). *Чиновничья иерархия действует так: во дворце царствует один петух. Он в начале поет, говорит «я», затем гоняется за всеми другими петухами, иерархию поддерживает, клюет кого то из них. Следующий петух поступает точно так же и клюет кого послабее. Самому последнему петуху ничего не*

остается как клевать только землю (МК, №47, 2000).] В британской прессе слабые неконгруэнтные метафоры ограничиваются образами *to duck, to rule the roost* [Ср.: *For three and a half hours he didn't duck a question, though he occasionally showed flashes of anger and slapped the table to make his point* (The Guardian, 08.09. 2004). *Russians have bought up swathes of London's plusher areas and one of them rules the roost as Britain's richest man with his own football team* (Sunday Times, 13.06. 2004).].

Во фрейме Использование животных человеком к слабым неконгруэнтным метафорам относятся лексические единицы *впрягать, держать в узде (надеть узду), дрессировать, загон, защищать от хищников, зоопарк, капкан, (звать) к ноге, ловить (на наживку), ловушка, отстрел, (надеть) ошейник, охота, поводок, погонщик, поймать на (висеть) на крючке, приручить, травля* [Ср.: *Давать ли лицензию на отстрел граждан? (отменять ли мораторий на смертную казнь)* (ЛГ, № 42, 2000). *Но Путин расширение НАТО одобрил и в натовский капкан не попался. Зато по полной программе и не без удовольствия влез в этот капкан министр обороны РФ г-н С.Иванов* (СР, 13.04.2004). *Россия, которую Путин впряг в американскую колесницу, становится все чаще объектом такого экстремизма и мишенью террористов-смертников* (СР, 05.08.2003). *Кажется, год назад РСПП требовал срочно Путина к ноге, чтобы тот немедленно опомнился и освободил Ходорковского* (Завтра, № 31, 2004). *И вот — новое подтверждение того, что российская внешняя политика идет на коротком поводке у Штатов* (СР 18.09.2003). *По слухам, создание подобной ситуации в законодательном органе страны – один из этапов многоходовой операции по «приручению» парламента и парламентариев* (МК, №6, 2000)]. Фрейм «Использование животных человеком» представлен в британской прессе метафорами *to feed, to harness, to hive off, to milk, to muzzle, to rein (in), to tame, to tighten the noose, to whip* [Ср.: *But Russia is going to need many more schemes like these if the world is to harness its vast reserves*

of oil and gas (The Observer, 11.07. 2004). *Since he was elected four years ago, Mr Putin has tightened the noose on Russia's free media and sought to crush opposition parties* (Daily Telegraph, 12.12. 2004*). Putin picks `tame unknown' as prime minister* (Daily Telegraph, 02.03.2004). *President Putin - who is ahead in the polls - should rein in his more paranoid friends in the security services. As for the oligarchs, they must realise that, in a democracy, only an elected government can exercise real power* (Daily Telegraph, 27.10.2003). *In this anniversary year of Peter the Great's founding of St Petersburg in 1703, he is milking reborn pride in Russia's ability to strut the world stage again* (The Daily Mail, 01.05.2003). *Its disapproval of Putin's authoritarian tendencies at home, for example in his war in Chechnya and his attempts to muzzle the free media, has added to the growing between the two sides* (The Guardian, 22.02.2001).].

Инвентаризация показывает, что в зооморфной метафорической модели слабые неконгруэнтные метафоры достаточно распространены. Вместе с тем в данной ММ привлекают внимание устойчиво актуализируемые для конкретных элементов действительности зооморфизмы. Такие метафоры, связанные с конкретными событиями, политиками, социальными феноменами, привносят в метафорическую модель сильную неконгруэнтность на уровне отдельных концептуальных структур. В рассматриваемой модели сильными неконгруэнтными метафорами являются лексические единицы фрейма «Состав мира животных»: в российской прессе *медведь* и *лис,* в британской – *bear, fox, tiger*. Все эти метафоры удовлетворяют требованиям неконгруэнтности, определенным в параграфе 4.3.1. Вместе с тем их неконгруэнтность связана с различными факторами как когнитивного, так и дискурсивного характера. Одни метафоры достаточно давно укоренены в сознании как российского, так и британского лингвокультурного сообщества, другие тесно связаны с политическими событиями рассматриваемого периода. Ярким примером сильной неконгруэнтной метафоры является образ (*кавказского, старого, седого, серебристого, белого* и др.) *лиса*, ак-

туализируемого для концептуализации главы грузинского государства и проводимой им политики. Ср.:

Я думаю, что его не устраивает роль всеми забытого слуги Фирса из «Вишневого сада», и «старый лис» еще может что-то предпринять в случае, если поведение учеников не будет соответствовать его планам (РГ, 5.12.2003). *«Серебристый лис» в капкане. Выживет ли Шеварднадзе после путинского ультиматума?* (МК, 13.09.2002). *«Лис» благословил «волка». Прежде чем напасть на Абхазию, Гелаев встретился с Шеварднадзе* (РГ, 12.10.2001). *Хочет Шеварднадзе в НАТО или расхотел, никого на Западе по большому счету не волнует. И «кавказский лис» это прекрасно понимает (Известия, 07.02.2001). «Белый лис» мог бы уйти и раньше по схеме Ельцин-Путин* (АиФ, № 47, 2003). *Одинокий лис. Эдуард Шеварднадзе затеял хитрую политическую игру, правила и ходы в которой, кажется, знает только он сам* (МН, 16.10.2001). *«Белый лис» на тропе мира* (СС, 15.09.2001). *Но утерянных друзей заменили новички, кого «седой лис» приблизил к себе* (АиФ, № 48, 2003). *Охота на Лиса. Политическая ситуация в Грузии выходит из-под контроля президента Шеварднадзе* (РГ, 10,11.2003). *Саакашвили велят простить своего предшественника, Белый Лис отделается лишь сильным испугом* (Версия, 09.02.2004).

Традиционно образ лисы связывается в народном сознании с таким ее качеством, как хитрость. С одной стороны, именно хитрость политика послужила основанием для данной метафорической номинации, с другой – укорененный образ навязывает соответствующий тип мышления о возможных действиях политика в будущем. Ср.:

Кстати, любимым выражением Белого лиса, как давно прозвали Шеварднадзе, стало «честное слово». Как-то это с лисами не очень вяжется. Короче, Шеварднадзе в очередной раз продемонстрировал недюжинную изворотливость, умение не только выходить из аховых положений, но и обращать их в свою пользу (КП, 05.03.2002). *«Белый лис» обошел все*

капканы. Точнее, даже так: эти капканы он перенацелил на тех, кто охотился на него (МН, 14.11.2001). *А вдруг «Белый Лис» опять вывернется? Поэтому они науськивают на него оппозицию и связывают ему руки, запрещая применять силу… Там явно были уверены, что «Белый лис», как всегда, выкрутится* (СР, 13.11.2003). *Даже Шеварднадзе, заслуженно прозванный за изворотливость «белым лисом», а теперь еще и «бабуином» («бабу» – по-грузински – «дед»), признается, что он и Путин общаются между собой исключительно в эпистолярном жанре, избегая телефонных контактов* (Новые Известия, 07.09.2002). *Человек, которого многие называют «хитрым лисом», сказал, что его слова достаточно* (Известия, 3.12.2003). *Приходится только удивляться тому, как «белый лис» ловко переигрывал Кремль* (СР, 29.04.2004). *Правда, многие из моих коллег в России убеждены, что лишь после Шеварднадзе возможно преодолеть кризис: он, мол, известный хитрый лис, мы с ним разговаривать не будем* (Независимая газета, 07.04.2003). *В любом случае грузинские аналитики склонны рассматривать новоиспеченных фаворитов Шеварднадзе - Хачишвили - Гелашвили, как лиц с весьма сомнительной репутацией, искусственно реанимированных хитрым «белым лисом» в своих целях* (Завтра, 25.03.2003). *Скорее всего, Белый Лис Шеварднадзе преподнесет еще немало сюрпризов. Он всегда выходил сухим из воды* (МН, 2.10.2001).

Еще одним вариантом метафоры является образ *седой лис*. Данная метафора, с одной стороны, акцентирует внимание на смыслах «мудрость» и «большой опыт», с другой – связана с фактом из биографии грузинского президента. Ср.:

Фамилия Шеварднадзе переводится на русский как Соколов («шевардэни» – сокол). Но еще с тех времен, когда Эдуард Амвросиевич был министром внутренних дел Грузии (1965-1972), его прозвали "тэтри мэлия" (он очень рано поседел), что можно переводить и как "белый лис", и как "белая лиса" - в грузинском языке нет родов (24.01.2003). *Все жители*

уверены, что «Седой лис» Шеварднадзе вместе с американскими вояками не оставит республику в покое (Известия, 27.05.2002).

Помимо хитрости, лису приписывается особая живучесть, что также оказалось востребовано в данном политическом образе. Данному политику часто приходилось разрешать в свою пользу сложные ситуации, которые казались окружающим безвыходными. Ср.:

Белый Лис спасается как может. «...Лис был обречен. Он сидел на льдине, которую несло в водопад. Охотники на берегу даже сняли шапки – они уважали этого зверя как достойного противника. Но когда льдина была уже в метре от конца, лис напрягся и совершил последний прыжок, снова оказавшись на твердой земле... ». Так заканчивается повесть великого канадского писателя-анималиста Сетон-Томпсона. Есть в ней что-то из политической биографии президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе, прозванного Белым Лисом…. Только что собиравшийся в отставку Эдуард Амвросиевич превратился в единоличного правителя страны. Таков на сегодняшний день основной итог народных волнений в Тбилиси. Белый Лис спрыгнул со льдины. Кажется, Шеварднадзе снова всех переиграл и укрепил свою власть (Смена.ру, 09.11.2001). *Уже в начале нынешней недели стало ясно, что легендарный «Белый лис» – так в мире еще с середины восьмидесятых годов называли бывшего шефа МИД СССР, сегодняшнего президента Грузии Эдуарда Шеварднадзе (за хитрость и политическую живучесть) – оказался в тупике* (КП, 9.11.2001).

Образ *белого лиса* связан не только с хитростью или возрастом известного политика, но и с историческим персонажем грузинской истории, что все в совокупности создает сложный и насыщенный многими смыслами метафорический образ. Ср.:

Белый Лис. Последние события на российско-грузинской границе вновь заставляют нас обратиться к фигуре Э. Шеварднадзе – лидера соседней страны. «Голубь», «мистер Да», один из «архитекторов пере-

стройки» - что сегодня реально осталось от былых титулов? Постоянная необходимость приспосабливаться к новым лицам на политической сцене, собственно говоря, и составляет искусство политика. В этом смысле у Шеварднадзе учиться и учиться. Не зря из всех своих прозвищ, нажитых почти за сорок пять лет политической жизни, – Бабу (на родном гурийском, «дедушка»), Белый Лис (выдающийся грузинский стратег V века), Седой (московский зенит мировой политики), Шеви (та же печать, но с американской стороны) – сам он предпочитает... ну какое бы вы думали? Оно и вынесено в заголовок этой статьи (РГ, 8.08.2002).

Иногда метафора *лиса* использовалась по отношению к президенту Аджарии А. Абашидзе, хотя за ним в большей степени укрепился образ льва, но в данном случае метафора не обладает признаками неконгруэнтности. Ср.:

Выборы должны быть честными – «аджарский лис» согласился не чинить помех избирательной кампании оппозиционеров (Ведомости, 22.03.2004). *Абашидзе - политик осторожный и не менее «лис», чем Шеварднадзе* (КП, 09.11.2001). *Другая часть – чтобы поддержать усилия центра, который решился на волне революционной эйфории одним махом избавиться от «аджарского льва»* (Эксперт, № 13, 2004). *«Аджарский лев» против учений НАТО* (Известия, 26.02.2002).

Рассмотренная зооморфная метафора является примером обусловленной дискурсом неконгруэнтности. После свержения Э. А. Шеварднадзе метафора *лиса* стала все реже появляться на страницах газет, а потом и вовсе исчезла. Новый президент Грузии М. Саакашвили также становился мишенью для зооморфных метафор, однако ни одна из них не привнесла в ММ неконгруэнтность. В период президентства М. Саакашвили при концептуализации Грузии отмечается активизация метафоры *орел*. Синий орел – символ Грузии, изображение орла также присутствует и в гербе США. Параллелизм между этими двумя образами на символическим уровне и то

обстоятельство, что президент М. Саакашвили получил образование в США, а впоследствии активно проводил проамериканскую политику, обусловили повышение частотности этого образа в российских СМИ. Метафора *орла* также использовалась применительно к президенту Аджарии А. Абашидзе. Вместе с тем данная метафора удовлетворяет только первому условию неконгруэнтности. Ср.:

Несколько десятков тысяч человек в центре Тбилиси – старосоветского «лиса» Шеварднадзе меняет молодой «американский орел» Саакашвили (КП, 30.11.2004). *В своей автономии Абашидзе – полновластный хозяин и вряд ли захочет поменять свою аджарскую «синицу» на синего орла* (АиФ, № 47, 2003). *Мы его намек поняли – хватка у орла-Аслана еще очень крепкая* (КП, 23.3.2004).

При анализе сильной неконгруэнтности в межнациональном аспекте необходимо различать зеркальную и незеркальную неконгруэнтность**.** Примером зеркальной неконгруэнтности является рассмотренная выше метафора *лис(а).* В британской прессе применительно к сфере-мишени «Грузия» метафора *(grey, white-haired) fox* также является образом, создающим сильную неконгруэнтность во фрейме «Животные». Ср.:

Frustration and fury finally boiled over last weekend as the Georgian people staged their own «velvet revolution» to depose their president. But with its infrastructure in tatters, its people poorer each year despite the millions of dollars that pour into the country from the West, it's amazing that Shevardnadze lasted as long as he did - and indeed, his survival in the face of adversity earned him the accurate soubriquet "The Grey Fox", evading and stringing along the mob with impunity (The Times, 27.11.2003). *Just two weeks ago, most pundits in the capital were confident that Shevardnadze, the grey fox, who kept his job as president of Georgia through civil wars, assassination attempts, and innumerable economic and political crises, would survive yet again* (The Economist, 2003, No 369). *The ageing, white-haired fox, whose double-act charm offensive*

with Mikhail Gorbachev gained him a place in the history books as a key agent in the collapse of communism in the Soviet Union and eastern Europe, leaves behind a failed state (The Guardian, 24.11.2003).

Таким образом, сильная неконгруэнтность «зеркально» отображается в разных национальных дискурсах: метафоры, апеллирующие к образу одного и того же животного (*лиса* в русском языке, *fox* в английском), концептуализируют одни и те же фрагменты политической действительности (президент Грузии), являясь при этом сильными неконгруэнтными метафорами.

Другим примером зеркальной неконгруэнтности являются метафоры *медведь* и *bear*. И в российской, и в британской прессе данные образы выступают как сильные неконгруэнтные метафоры фрейма Животные применительно к сфере-мишени Россия. Обычно метафора *медведь* используется в российской прессе при осмыслении России. Ср.:

Президент Путин в Мюнхене и после Мюнхена <u>показал зубы «русского медведя»</u>, который, как многим казалось, уже вообще исчез (РГ, 27.12.2007). *Или русский <u>медведь каким-то сверхусилием вылезет из жирного нефтяного болота</u> - или потонет в нем «с ушами»* (МН, 28.01.2003). *Совершенно очевиден и политический заказ: <u>запереть русского медведя в его берлоге</u>, по возможности поджать доходы, ведя игру на понижение нефтяных цен* (Известия, 2.02.2001). *Любому трезвому политику должно быть ясно, что <u>грозный русский медведь</u>, восседающий на ядерных запасах, <u>вынужден пока сосать лапу и не может без особой надобности размахивать ею</u>* (Ведомости, 15.03.02). *Дело в том, что не составляет особого труда зажечься идеями запрячь <u>русского медведя</u> в военно-пахотную колесницу. Тогда как осуществить такой проект на практике чрезвычайно трудно – на это способна только действительно сильная власть* (НГ, 15.10.2001). *Уже сегодня Грузию одна за другой посещают «неправительственные делегации» вроде каких-то невнятных «девяти почетных консу-*

лов» из наиболее русофобских государств Европы (Латвия, Литва и прочие венгрии), которые, естественно, уже подняли вой об «агрессии русского медведя» (Завтра, № 34, 2004). *Тони Блэр решил выйти на русского медведя в одиночку? Рогатину ему в руки!* (МК, № 17, 2000).

Вместе с тем в рассматриваемый период широкое распространение данной метафоры связано не только с традицией, но и с деятельностью крупнейшей политической партии России (межрегиональное движение «Единство»), символом которой стал медведь. Ср.:

«Медведи» выдвигают Медведева (РГ, 18.12.2007). *Людям еще предстоит увериться в том, что, сломав в «берлоге» перегородки, «медведи» не порушат столы-стулья, не сведут на нет национальные автономии, не станут «есть из чужой плошки», поделятся налоговыми поступлениями, не наложат лапу на бюджетные деньги и так далее* (РГ, 03.12.2004). *«Медведь» от дебатов вообще отказался — не медвежье это дело, на то имеются «грызуны»* (СР, 25.11.2003). *Теперь видно пришло время подумать и о безопасности державы. Тем более что в Думе появилась большая популяция партийных «медведей»* (РГ, 20.12.2004). *Но несмотря на все кремлевские усилия придать «Медведю» более современный вид, новорожденный Топтыгин все равно до боли напоминает эпоху Леонида Ильича. В результате последовавшего из-за кремлевских стен грозного рыка документы пришлось срочно переписывать…* (МК, № 22, 2000). *И хотя сегодня кампания пока напоминает охоту на медведя, этот медведь - "Единая Россия" - очень силен, хитер и энергичен* (РГ, 1.10.2007).

В британском политическом дискурсе метафора *bear* также является сильной неконгруэнтной метафорой, но если в российской прессе часто используются мелиоративные смыслы образа медведя, то в британской картине мира образ медведя не имеет таких положительных ассоциативных признаков. В британской картине мира метафора *bear* характеризуется прототипическими признаками “rough” (грубый), “unmannerly” (бестакт-

ный), “uncouth” (неуклюжий). Британские журналисты регулярно эксплуатируют прагматический потенциал этой метафоры по отношению к России. С помощью актуализации пейоративных смыслов этой метафоры формируют негативное отношение к политике сотрудничества России и Великобритании в самых разнообразных сферах. Ср.:

The Russian elections were nothing but ornamentation. It is, of course, nice to have elections: without them the full picture of Russian life would be even gloomier. But as it looks today, the elections are like a three-piece suite in a hibernating bear's den (The Guardian, 4.12.2007). *The Baltic states have so far stuck together to add steel to the European Union's dealings with a growling Russian bear since joining the bloc in May - and convince US president George W. Bush to put the squeeze on his soulmate Vladimir Putin* (The Financial Times, 9.3.2005). *The Baltic states have so far stuck together to add steel to the European Union's dealings with a growling Russian bear since joining the bloc in May - and convince US president George W. Bush to put the squeeze on his soulmate Vladimir Putin* (The Financial Times, 9.3.2005). *Beware of the bear* (DM, 1.5.2003). *The Russian bear will be back* (The Guardian, 14.11.2000). *Nowhere has this newfound confidence been demonstrated more graphically than in the punch-up between the Great Bear and the great cartel, Opec* (The Guardian, 20.11.2001). *The Russian bear is back on its feet, shaking off the dust* of the 1990s and *rapidly moving to regain lost territory* (The Guardian,19.09.2007).

В некоторых британских контекстах метафора используется по отношению к стратегическим российским бомбардировщикам Ту-95, получивших в кодификации НАТО наименование *Bear*. Ср.:

Late last month, two RAF Eurofighter Typhoon aircraft were scrambled to intercept a Tupolev-95 Bear over the north Atlantic (The Guardian, 06.09.2007). *RAF Tornado fighters were scrambled to intercept Russian 'Bear' bombers nearing UK airspace* (DM, 7.09.2007). *Britain's air-defence radar system picks*

up a long-range Russian Bear bomber speeding towards the UK across the North Sea, apparently on a spying mission (DM, 10.05.2007)

Рассмотренные выше метафоры относятся к зеркальному типу сильной неконгруэнтности. Примером незеркального типа служит сильная неконгруэнтная метафора *tigers (new European tigers, Nordic tigers, Baltic tigers, tigers of the Baltic Sea* и т.п.), использованная в британской прессе для концептуализации политической действительности прибалтийских республик, демонстрирующих высокие темпы экономического роста. Этот образ восходит к метафорической номинации *Asian tigers* (азиатские тигры), обозначающей активно развивающиеся экономики некоторых азиатских государств. До прибалтийских «тигров» в европейской экономике «обитал» *Celtic tiger* (кельтский тигр, т.е. Ирландия). После вступления в ЕС Ирландия превратилась из самых бедных стран ЕС в одну из самых богатых, благодаря резкому увеличению иностранных инвестиций. Таким образом, *tiger* становится типичной метафорической номинацией для стран, показывающих высокие темпы экономического роста в короткие сроки, а «азиатское» основание для метафоризации теряет актуальность. Ср.:

Known as the Tiger of the Baltic Sea, Estonia is growing rapidly as the country prepares for EU membership from May this year (MS, 1.2.2004). *Hoping to become the first Baltic tiger, Estonia aroused French ire with a zero-rate tax for companies that reinvested profits* (The Times, 23.2.2005). *Tiger of the Baltic roars into a new house boom; If you want a second home where there's plenty of life, ancient Estonia loves to sing and party* (The Mail on Sunday, 1.2.2004). *For a decade its diplomacy has been directed towards burying the country's "former Soviet republic" image and rebranding itself as a Nordic tiger* (The Financial Times, 24.5.2002). The three Baltic states, Latvia, Lithuania and Estonia, achieved growth rates last year *which would not shame an Asian tiger* economy (Sunday Telegraph, 1.5.2005). *The reason we did not collapse eco-*

nomically when the Soviet occupation ended in 1991, is that our people were able to adapt their skills - thereby transforming us into the Baltic Tiger we have become" (The Independent, 9.2.2005). *The economies of the Czech Republic, Poland and Slovakia are expanding by about 4% a year, while Estonia, Latvia and Lithuania, known as the "Baltic tigers", are enjoying growth of more than 6% as foreign investment floods in. (Sunday Times 5.6.2005). Estonia has acquired something of a reputation as a tiger among former communist economies, with a thriving IT sector (The Financial Times, 8.3.2001). The economic fundamentals are good, though -Estonia's "Baltic tiger" economy is growing fast, the local currency, the crown, is pegged to the euro and local banks are queuing up to offer mortgages for as little as 3%.*(Sunday Times, 6.3.2005).

Вполне логично, что широкое распространение данной метафоры привело к развертыванию образа. В британских метафорических контекстах тигры рычат (*to roar*), показывают зубы (*to bare teeth*), страдают (*to suffer*), получают удовольствие (*to enjoy*) и т.п. Ср.:

The Shadow Of The Baltic Tiger; It's an economic success story, is about to join the EU and even has a new consul in Scotland ... Estonia is known as the Baltic Tiger for its rapid economic growth, largely due to liberal economic policies introduced after 1991 (Sunday Herald, 11.1.2004). *But - and there is usually a but - the new tigers suffer from big current account deficits (the broadest measure of trade)* (The Guardian, 17.04.2005). *Tiger of the Baltic roars into a new house boom; If you want a second home where there's plenty of life, ancient Estonia loves to sing and party* (MS, 1.2.2004). *Another key advantage the new tigers have enjoyed is that they did not hitch their economic wagons to the stagnant German economy* (The Guardian, 14.06.2003). *Admittedly, the new tigers started from a low base, emerging from inefficient, centrally-planned systems, so there was plenty of untapped potential. HSBC attributes the success of the new tigers to their zeal for economic reform. While central European countries such as Poland showed a diminishing appetite for reform, a byword for austerity*

programmes, the new tigers have yet to hit the wall (The Guardian, 12.08.2003). *Estonia, Latvia and Lithuania, known as the "Baltic tigers", are enjoying growth of more than 6% as foreign investment floods in* (ST, 5.6.2005).

На этом фоне привлекает внимание невостребованность метафор, связанных с тигром, для концептуализации стран Балтии в российской прессе. Обусловлено это тем, что образ тигра применительно к прибалтийским республикам используется в британской прессе сторонниками расширения ЕС и НАТО. Развивающиеся прибалтийские экономики (молодые и быстро растущие тигры) оцениваются как положительный фактор для благосостояния будущей единой Европы. Для российской прессы экономические успехи прибалтийских республик не столь важны. Россиян больше волнует проблема русских меньшинств в бывших советских республиках, чем сопоставление экономического роста Латвии, Литвы и Эстонии с аналогичными показателями Великобритании. Британцы же больше обеспокоены вопросами интеграции Балтии в ЕС и экономическими последствиями этого процесса, а по вопросу о русских меньшинствах мнения далеко не так однозначны, как в российских СМИ.

Анализ политических метафор, объединяемых сферой-источником «Мир животных», выявляет значительные российско-британские параллели в функционировании рассмотренной метафорической модели. Вместе с тем выбор конкретных зооморфизмов и связанных с ними эмотивных смыслов варьируется в зависимости от типа таргетирования и сферы-мишени метафорической экспансии.

4.3.4. Неконгруэнтный тип метафорической модели

Метафорической модель считается неконгруэнтной, если в большинстве ее концептуальных структур содержатся сильные неконгруэнтные метафоры. Рассмотрим данный тип конгруэнтности на примере монархиче-

ской метафорической модели. Данная модель наиболее ярко демонстрирует, как неконгруэнтные метафоры отражают зависимость между продуктивностью монархических метафор в российском и британском политическом дискурсе и сферой-мишенью метафорической экспансии. Анализ ММ позволит рассмотреть насколько когнитивная «укорененность» монархической концептуальной метафоры проявляется в определенных дискурсивных условиях и сделать выводы о закономерностях воздействия когнитивных и дискурсивных факторов на функционирование метафорической модели в политическом дискурсе.

Рассмотрим распределение продуктивности милитарных метафор по фреймам, дискурсам и сферам-мишеням, определим индексы продуктивности для каждого фрейма (таблица 9) и суммарные индексы продуктивности (таблица 10).

Таблица 9.

Карта продуктивности монархической метафорики

Сфера-мишень	Российская пресса	ИП	Британская пресса	ИП
1. Фрейм Носитель верховной власти Слот 1.1. Монарх				
Россия	***царь**, государь, король, самодержец, император, монарх, повелитель больших и малых народов*	7	***tsar (czar),** crowned ruler, the First*	2
Грузия	*царствовать, царские почести, властитель, княжение*	4	*king*	1
Страны Балтии	-	0	-	0
Слот 1.2. Носитель священной власти				
Россия	*крещение преемника, божественный, **помазанник***	3	*hagiography, **to anoint** (successor, heir), omniscient, infallible, god-like*	5

			tsar	
Грузия	-	0	-	0
Страны Балтии	-	0	-	0
2. Фрейм Монархическая форма правления Слот 2.1. Атрибуты монаршей власти				
Россия	*корона, шапка Мономаха,* ***трон****, престол, скипетр*	5	*crown,* ***throne***	2
Грузия	*престол*	1	-	0
Страны Балтии	-	0	-	0
Слот 2.2. Передача (наследование) власти				
Россия	*наследник (престола), наследный принц, преемник, передача власти, короновать (коронация)*	5	*coronation, transfer of power, chosen successor, crown prince*	5
Грузия	-	0	-	0
Страны Балтии	-	0	-	0
3. Фрейм Система монархической власти Слот 3.1. Подданные монарха				
Россия	*двор, вельможи, фавориты, знать, свита, царедворцы, (думные) дьяки, визири, серые кардиналы, придворные, челядь, подданные, псари, государевы слуги, рабы, смерды, холуи, платить оброк, бить челом, верноподданство, протянуть кнутом, выпороть, помиловать*	22	*court, courtiers, subjects, loyalists, palace intrigues*	5
Грузия	*вассалы, челядь, подданные, свита*	4	-	0
Страны Балтии	-	0	-	0
Слот 3.2. Региональные феодалы и наместники				
Россия	*барон, Высокоблагородие, Высокопревосходительство царек, наместник, удель-*	15	*boyars, (aluminium, regional) tsar, regal, es-*	13

	ный князь (князек), вассал, генерал-губернатор, региональный владыка, вотчина, (медный, алюминиевый) король, региональный властитель, барин, улус, провинция, удел		*tate, empire, estate, internecine, feud, baron, mogul, tycoon, robber baron, beneficiary*	
Грузия	*князь, наместник, феодал, удел, (феодальная) вотчина, магнат, междоусобица, средневековый диктатор, средневековая деспотия, (удельное, феодальное) княжество*	10	***feudal ruler**, feudalist, feud, fiefdom*	4
Страны Балтии	-	0	-	0
Слот 3.3. Свержение (отречение) монарха				
Россия	-	0	-	0
Грузия	*дворцовый переворот, отречение от престола, выгнать из дворца, **свергнуть** (согнать) с трона, отречение, покинуть трон*	5	*demise, **overthrow**, the flight of feudal ruler*	3
Страны Балтии	-	0	-	0

Таблица 10.

Суммарные ИП милитарной метафорики

Суммарный ИП	**Российская пресса**	**Британская пресса**
Сфера-мишень Россия	56	32
Сфера-мишень Грузия	24	13
Сфера-мишень Страны Балтии	0	0

Как показывают данные, в российской прессе наибольший ИП связан с метафорикой, описывающей российскую действительность. ИП для сферы-мишени Грузия значительно меньше, а для сферы-мишени Страны

Балтии равен нулю. В большинстве концептуальных структур ММ (как в российском, так и в британском сегментах) содержатся сильные неконгруэнтные метафоры и отсутствуют конгруэнтные метафоры, что позволяет говорить о данной ММ как о неконгруэнтной. Очевидно, что сопоставлять индексы продуктивности концептов сфер-мишеней для неконгруэнтной ММ нет смысла, так как продуктивность для одной из сфер-мишеней равна нулю.

В виду отсутствия метафор применительно к сфере-мишни Страны Балтии и малой продуктивности применительно к сфере-мишни Грузия рассмотрим распределение метафорики по концептуальным структурам на примере сферы-мишени Россия. Во фрейме Носитель верховной власти все зафиксированные в карте продуктивности российские и британские метафоры данного фрейма относятся к слабым неконгруэнтным метафорам (за исключением метафор *царь* и *tsar*). Ср.:

Это показывает, что Путин вполне независимый человек, который великолепно освоился в Кремле и может дать сто очков вперед любому придворному «византийцу». С другой стороны, это не может не настораживать. Потому что в случае с Президентом России единственным ограничителем воли <u>императора</u> может быть только сам <u>император</u> (МК, 12.02.2002). *Президент-<u>самодержец</u> не только делает доклад, но встречается сразу со всей политической элитой страны* (МК, 18.05.2004). *Им по-прежнему невдомек, как никому неизвестный полковник ФСБ по одному велению и одному хотению умудрился стать хозяином Кремля, <u>повелителем больших и малых народов</u>, а главное – владельцем ядерного чемоданчика* (МК, № 17, 2000). *The 47-year-old who is to be <u>crowned ruler</u> of the biggest country on earth in presidential elections tomorrow, becoming Russia's youngest leader since Stalin, says he ended his 16-year career in the KGB when it became clear that the plotters had failed* (The Guardian 25.03.2000).

В данном фрейме наблюдается зеркальная неконгруэнтность, создаваемая сильными неконгруэнтными метафорами *царь* и *tsar (czar),* широко используемыми в прессе для представления российского президента руководителем, обладающим ничем неограниченной властью. Ср.:

Тем самым президент Путин хочет показать, что царь хороший, а бояре плохие (ВН, 25.02.2004). *В речи нового царя прозвучала одна безусловно позитивная мысль: спустя десять лет после крушения СССР «больше никаких революций и контрреволюций»* (Коммерсант, 05,04,2001). *Во Владимире Путине каждый найдет того президента, которого хочет найти. Модерниста-реформатора, который хочет вести Россию в западном направлении. Либерала, проводящего прогрессивную экономическую политику для того, чтобы привлечь иностранных инвесторов. Царя, который крепко держит в руках политическую власть и не терпит конкуренции* (Известия, 02.03.2004). *Вот Путин в третьем лице, как положено, и подтвердил, что он «хороший царь». И многие искренне поверили, что теперь банкротства не будет, фондовый рынок неприлично взлетел* (Ведомости, 22.06.2004).

He's a new tsar of Russia and he's dangerous in the sense that he doesn't care about civil liberties; he doesn't care about free speech; he cares about stability. But stability is what Russia needed and that's why Russians adore him (The Guardian, 20.12. 2007). *It is in line with the Russian tradition. He's beyond criticism, like a tsar* (The Daily Telegraph, 11.03.2004). *The public largely believes that Putin - unlike Yeltsin - is a «good tsar» and would have willingly voted for him, given the choice* (The Guardian, 02.10.2007). *Despite the fact that Putin's Russia is increasingly autocratic and irredeemably corrupt, the man himself – their born-again Tsar – is overwhelmingly regarded as the answer to the nation's prayers* (DM, 17.05.2007). *But for all his faults, I shall raise a small glass of vodka to Boris's memory and hope that history gives him his*

rightful due. He was a good Tsar, if far from perfect (The Guardian, 24.04.2007).

В некоторых контекстах российской действительности приписывалось сразу два царя (В. В. Путин и Д. А. Медведев), что неизбежно, по мнению журналистов, должно вызвать нестабильность в стране. Ср.:

Russia will be ruled by two tsars, but there is little doubt which of the two will dominate (The Guardian, 11.12.2007). *Having two tsars is very dangerous for the stability of Russia's political system* (The Guardian, 12.12. 2007).

В слоте Носитель священной власти метафоры демонстрируют тесную ассоциативную связь монархической и религиозной метафоры, укорененную и в российской, и в британской культурной традиции. Идея святости, богоизбранности, трансцендентности монархической власти используется для акцентирования безграничности власти президентской. Ср.:

Общественное сознание готово принять на руки нового «божественного» младенца. Время у нас, конечно, циничное, но ведь как трогательны и прелестны фильмы о президенте, азбуки, посвященные Володе. А если захотят, чтобы у нас появился Путинбург, то пусть им станет Москва (Известия, 06.10.2000). *И чем больше времени проходит после новогоднего «крещения» преемника, тем больше этого сходства появляется* (МК, №21, 2000). *Монархия есть монархия, демократия есть демократия, а от гибрида получается химера. Монарх действительно волен менять своих первых министров сколько душе угодно, ибо источник его власти не какая-то там избирательная процедура, а божественное право* (Известия, 15.03.2001).

Even given the historical legacy of god-like tsars and omnipotent communist chiefs, Mr Putin's ability to dictate the terms of Russia's political discourse, achieved in only eight years, is remarkable (The Guardian, 3.10.2007). *It would also end the political dreams of a self-confessed robber baron who conjured worthless roubles into dollars but committed the cardinal sin of support-*

ing Putin's opponents (The Sunday Times, 13.06.2004). *In a hagiography of Putin days after he succeeded Yeltsin at the New Year, Vitaliy Tretyakov, the influential editor of Nezavisimaya Gazeta, wrote that the "enlightened Chekist" was just the kind of leader Russia needed* (The Guardian, 25.03.2000). *Sunday's vote was not about expressing faith in the tsarist, omniscient powers of Putin, but inspiring it* (The Observer, 15.03.2004). *Vlad the infallible* (The Observer, 13.05.2004).

К сильным неконгруэнтным метафорам данного слота относятся метафоры *помазанник* и *to annoit*, представляющие смену российских президентов через образ церковного обряда, являющегося одним из традиционных атрибутов передачи монаршей власти. Ср.:

Отказ Путина от участия в президентских дебатах, ранее с успехом опробованный «Единой Россией» во время выборов парламентских, «знаковая» смена правительства накануне выборов и прочие «сильные ходы», невозможные для политика в демократическом обществе, призваны продемонстрировать "иномерность" нынешнего главы государства, выступающего по отношению ко всем прочим в качестве едва ли не «помазанника Божиего», действия которого не подлежат сопротивлению, критике и – в перспективе – даже обсуждению (Завтра, 16.03.2004). *Наиболее эффектно выступил губернатор Пензенской области Василий Бочкарев, фактически назвавший президента России «божьим помазанником». Теперь от пензенского лидера, видимо, следует ждать нового предложения – заменить грядущую инаугурацию Путина коронацией* (Коммерсант, 01.03.2004).

*The big question being asked in Moscow is this: Will Putin now anoint Zubkov, a former collective farmer in Soviet times, as his chosen successor? (*DM, 12.09.2007). *Boris Yeltsin was among them. So, too, was Vladimir Putin, the hawkish young former KGB spy whom the then Kremlin leader had already anointed as his heir* (The Sunday Times, 2.1.2000). *Since coming to power as*

Boris Yeltsin's anointed successor, Mr Putin has worked hard to concentrate power in his own hands (The Sunday Telegraph 19.6.2005).

Монархия традиционно ассоциируется с артефактными символами верховной власти. Апелляция к таким метафорам как *корона, шапка Мономаха, трон, престол* акцентирует метафору РОССИЙСКИЙ ПРЕЗИДЕНТ – ЭТО МОНАРХ посредством активизации в сознании адресата детально структурированного фреймового знания слота АТРИБУТЫ МОНАРШЕЙ ВЛАСТИ. Ср.:

Владимир Путин еще на шаг приблизился к осуществлению намерения, о котором он говорил ,– передать свой скипетр преемнику в конце второго срока (Коммерсант, 03.03.2004). *Похоже власти снова получат по шапке. В смысле, по шапке Мономаха* (АиФ, № 33, 2005). *Можно долго спорить на тему, способен ли новый президент страны Владимир Путин хоть как-то дистанцироваться от прежней олигархии, возведшей его на престол* (МК, №28. 2000). *Back in August, he was expected to leave a power vacuum, with rival opponents of the Yeltsin circle fighting for the crown* (The Times, 2.1.2000).

Сильными неконгруэнтными метафорами данного слота являются российская метафора *трон* и британская *throne*. Ср.:

Вчера Владимир Путин утвердил новый состав президиума Госсовета. Ротация президиума проводится раз в полгода, и по традиции место у трона занимают те, кто готов поддерживать все начинания президента (Коммерсант, 13.03.2001). *Он только может жаловаться иностранным гостям, что бедность в России распространяется взрывными темпами, что в ближайшие 15 лет население России сократится на 22 млн человек. "Хорошая" цена за сохранение привилегий тех, кто окружает «трон»* (ОГ, 17.01.2002). *Тронутые троном. Вокруг президента сжимается кольцо единомышленников* (НГ, 16.07.2001). *Кто как не Власов наилучшим образом подходит на алмазный трон, считают многие наблюдатели. Однако*

кому отдаст предпочтение Владимир Путин - пойдет ли по пути личной преданности, землячества, или отдаст предпочтение профессионализму, покажет время (НИ, 23.01.2002).

Scarcely had the shellfish from the Bush-Putin Kennebunkport meeting been digested, than the heir apparent to the Kremlin throne, Sergei Ivanov, issued a threat that added weight to the fears that if the US is not already in a cold war with Russia, the peace is getting distinctly chilly (The Guardian, 5.6.2007). *When Mikhail Khodorkovsky, once the richest man in Russia, used his oil wealth to promote human rights and democracy, Putin detected a threat to his throne* (DM, 17.05.2007). *Did he expect the fact that the third in line to the throne was being sent to a war zone to go unreported?* (The Guardian, 17.05.2007).

Слот Передача власти представлен только слабыми неконгруэнтными метафорами, используемыми для элиминирования представления о демократическом выборе российского президента. Право передавать власть по наследству или лично выбирать преемника на престол – типичный признак монархической формы правления. Похожая интерпретация российских президентских выборов представлена в британской прессе. Смена президентов метафорически представлялась, как передача власти (*transfer of power*) и коронация (*coronation*). Ср.:

По своей пышности и размаху церемония президентской присяги Путина вполне могла сравниться с коронациями российских императоров (МК, 2000, №21). *Ельцин впервые со времен Московского царства сам мирно передал власть* (МК, 2000, № 17). *Next March's vote is going to be a coronation rather than an exercise in democracy* (M. Almond / The Mail on Sunday 2.1.2000). *Yeltsin's endorsement of Putin, plus the New Year transfer of power and the calling of early elections, have short-circuited Russia's young and feeble democracy* (The Guardian 25.03.2000). *President Putin is sworn in at an event more coronation than inauguration* (The Daily Telegraph, 8.5.2004).

Смена монархической власти часто сопровождается выбором престолонаследника. Апелляция к этому знанию с помощью метафор слота «НАСЛЕДНИКИ» позволяет поставить под сомнение демократичность выборов российского президента. Схожее видение российской политической действительности представлено в британских метафорах рассматриваемого слота (*crown prince, anointed successor*). Данный слот представлен слабыми неконгруэнтными метафорами. Ср.:

Раскрутка Путина началась в прошлом августе, когда никому неведомого руководителя ФСБ неожиданно назначают премьером и «наследным принцем» (МК, №10, 2000). *Six months ago, few people in Russia - let alone the West - had heard of Putin. In the public mind he emerged from nowhere in August as Yeltsin's prime minister and anointed successor as president* (The Mail on Sunday, 2.1.2000). *Yeltsin would make Putin his crown prince, but it was made clear that he would only have Yeltsin's chair provided he made it a priority to look after him* (Sunday Times, 2.1.2000).

Сильные неконгруэнтные метафоры слота НАСЛЕДНИКИ, создающие зеркальную неконгруэнтность в российской и британской прессе – *наследник* и *chosen successor*. Ср.:

The revelations about his fortune have emerged as Mr Putin prepares to hand over the reins to his chosen successor Dmitry Medvedev (DM, 21.12.2007). Many expected that, with his chosen successor in place, Putin would continue to be the most powerful man in the country in all but name (The Guardian, 17.12.2007). *He grew up in rat-infested slums, joined the KGB at 22, and rose silently through Russia's secret corridors of power to become Yeltsin's chosen successor in the Kremlin* (The Guardian 25.03.2000). *The Kremlin leader has not announced his chosen successor? but whoever it is, they are widely expected to be victorious* (DM, 15.04.2007).

Слот Подданные монарха – один из самых продуктивных. Вместе с тем широкий спектр образов представлен только слабыми неконгруэнтными метафорами. Ср.:

Если «царь» будет долго говорить о проблеме, то обязательно найдутся «псари», которые захотят «помочь царю» (Известия, 20.02.2002). *В полном соответствии занимаемой должности на место бывшего главы президентской администрации Александра Волошина в рейтинге придворных водрузился его преемник Дмитрий Медведев* (Коммерсант, 26.01.2004). *Самое сильное и заметное отличие от «старосемейного» уклада — олигархам-аборигенам не пожаловано облюбованное ими в благословенные 90-е, место великих визирей и ростовщиков при дворе* (Завтра, 04.02.2004). *Карты смешал Владимир Путин. В итоге руководство КПРФ избрало для себя неуклюжую тактику «царь - хороший, бояре - плохие»* (Известия, 14.04.2001).

The new tsar will surround himself with a fresh group of boyars. This system does not befit a modern nation (The Guardian, 12.04.2007). *His doting subjects have already lavished him with a regal palace in St Petersburg, and a billion-dollar ski-slope in Sochi* (The Observer 6.10.2002). *He said he wanted to discuss the matter with President Putin, suggesting that, as ever in Russia, the Tsar was being misled by his courtiers* (The Guardian, 5.04.2001).

Слот Региональные феодалы и наместники представлен слабыми неконгруэнтными метафорами, привносящими понятия феодальной иерархии в описание политической действительности. Ср.:

But Mr Putin's most dramatic power-play has been his decision to break the political power of the business "oligarchs" who were the main beneficiaries of the Yeltsin era (Sunday Telegraph 19.6.2005). *The trial of Mikhail Khodorkovsky this week is expected to reveal the implacable resolve of President Vladimir Putin to rid himself of the defiant robber baron* (The Sunday Times, 13.06.2004). *Mr Drachevsky, Mr Putin's regional tsar…* (The Guardian,

12.06.2002). *The aluminium tsars will continue to exploit Siberia's mineral wealth and fill Moscow's coffers* (The Guardian, 12.6.2002). *Chechen politicians and warlords struggle to divide up Mr Kadyrov's empire* (The Daily Telegraph, 10.5.2004). *The verbal broadside might have been more to do with naval rivalries including a feud between the senior admiral and the warship's commander* (The Daily Telegraph, 24.03.2004).

Как показывает карта продуктивности, монархическая модель осмысления действительности оказалась востребованной и для концептуализации Грузии. Однако далеко не все слоты рассмотренной модели актуализируются для осмысления грузинской политики. Грузинский монарх также является полновластным хозяином, получает царские почести, имеет свиту. Помимо «тбилисского монарха», в Грузии обнаруживаются местные феодалы, князья и т.п. Ср.:

Видно, не случайно только что взошедший на шаткий, разваливающийся грузинский престол Михаил Саакашвили на днях сделал заявление не по Беларуси, нет, а по Украине (Завтра, 21.01.2004). *Никаких сомнений в том, что Саакашвили будет царствовать от «имени народа» быть не должно* (СР, 30.3.2004). *Захватившим власть криминальным авторитетам пришлось свергнуть незадачливого президента и срочно звать на княжение Шеварднадзе* (СР, 15.1.2004). *Аджарский князь и его свита* (Эксперт, № 13, 2004). *Страна отмечала пришествие нового властителя, с которым связывает большие надежды на возрождение, поистине царскими почестями* (НИ, 26.1.2004).

Привлекают внимание монархические метафоры, характерные для репрезентации только грузинской действительности. Иная политическая ситуация требует других метафор. Если в России «монарх передал власть избранному преемнику», то для осмысления смены президентов в Грузии актуализировались понятия из фрейма СВЕРЖЕНИЕ МОНАРХА. Ср.:

И вот теперь странный тип Михаил Саакашвили, как когда-то Оводу, раскроил Шеварднадзе лицо розами и согнал с президентского трона (Завтра, 12.05.2004). *Первое появление Эдуарда Шеварднадзе после «отречения от престола»* (НТВ.ru, 24.11.2003). *Постепенно выявляется подоплека свержения президента Грузии Э.Шеварднадзе. При всех внешних признаках народной революции это был дворцовый переворот. Одна (более молодая) проамериканская группировка выгнала из дворца другую, старую группировку* (СР, 27.11.2003). *И особенно должно быть обидно Эдуарду Амвросиевичу, что, по иронии судьбы, сверг его с трона молодой однофамилец «товарища Саахова» — Михаил Саакашвили. И сверг, разумеется, под тем же самым лозунгом борьбы с коррупцией* (СР, 25.11.2003). *Зачем князя «раскулачили»?* (АиФ, № 22, 2004).

В британских СМИ эти события тоже интерпретировались посредством монархической модели осмысления политической действительности: грузинских монархов и феодалов свергали или заставляли отречься от престола. Ср.:

The 37-year-old lawyer, who led the overthrow of Eduard Shevardnadze symbolically splashed his face with the waters of the Black Sea (J. Strauss / The Daily Telegraph, 7.5.2004). *Georgian president claims victory as feudal ruler flees* (The Guardian, 6.03.2004). *He now sits in his house on the hill, giving interviews blaming everyone from the US Ambassador to George Soros to Elvis Presley for his demise* (The Guardian, 2.12.2003).

В российских СМИ для метафорического представления взаимоотношений Абхазии, Южной Осетии, Аджарии и других субъектов политической деятельности, с одной стороны, и центрального правительства в Тбилиси, с другой, оказалась востребована характерная для средневековья ситуация феодальной раздробленности, когда каждый правитель (*князь, магнат, наместник, феодал*) является полновластным правителем своего *уде-*

ла или *вотчины*, имеет *челядь*, постоянно вступает в *междоусобицы* с соседями. Ср.:

Выведенный из равновесия Михаил Саакашвили заявил в Поти, что аджарские власти "бросили вызов всей грузинской государственности". По его словам, на границе кортеж президента, который сопровождал только отряд из 30 спецназовцев, встретили «свыше сотни боевиков», выставленных «местным феодалом», который создал в Аджарии «средневековую диктатуру» (ВН, 15.03.2004). *Там у власти был обыкновенный средневековый диктатор – с тысячами собак, которых он содержал лучше, чем людей* (Известия, 11.10.04). *Республика все больше раскалывается на феодальные княжества* (Завтра, 18.1.2000). *В таком виде его режим благополучно существовал вплоть до бархатной грузинской революции – и тут, в новую информационную эпоху, стал очевидным анахронизмом, средневековой деспотией* (Эксперт, № 13, 2004). *Даже пророссийски настроенные независимые правители и олигархи, почувствовав вкус власти, пытались и пытаются внести каждый свою лепту в создание и упрочение собственного «удельного княжества», которым проще управлять в замкнутом языковом пространстве* (НГ, 11.3.2004). *За годы правления Эдуарда Шеварднадзе Аджария превратилась в некую феодальную вотчину ее главы, наделившего себя абсолютными полномочиями* (Эксперт, № 2, 2004).

Неопределенный статус Абхазии, Южной Осетии и, особенно, Аджарии инициировал в британской прессе метафорическое представление глав республик и автономий с помошью сильной неконгруэнтной метафоры *feudal ruler (feudal leader, feudalist*), и связанной с ней метафор *feud, fiefdom*. Ср.:

Georgian president claims victory as *feudal ruler* flees (The Guardian, 6.5.2006). *In short, Shevardnadze presides haplessly over a shrunken realm* (The Guardian, 21.03.2002). *Armed groups roamed Adzharia - the fiefdom*

carved out by Mr Abashidze (The Guardian, 4.5.2004). *The autonomous republic of Adjara, on Georgia's western coast, is ruled by the feudal regime of Aslan Abashidze* (The Guardian, 15.03.2004). *Mr Abashidze runs it as a fiefdom, presiding over armed forces and declining to pay taxes* (The Guardian, 3.05.2004).

Показательны результаты анализа сферы-мишени СТРАНЫ БАЛТИИ, где зависимость вербализации когнитивных структур и политической ситуации проявляется на уровне всей модели: продуктивность монархических метафор для данной сферы-мишени равна нулю. Таким образом, продуктивность неконгруэнтной ММ напрямую зависит от выбора сферы-мишени метафорической экспансии, при этом экстралингвистические факторы, обладающие дискурсообразующим характером, варьируют характеристики монархической модели в гораздо большей степени, нежели особенности национальных языков и концептосфер.

Продуктивность неконгруэнтной ММ зависит от того, какая республика из «мозаики суверенитетов» на постсоветском пространстве и в какой момент политической конъюнктуры выступает в качестве сферы-мишени метафорической экспансии. При этом экстралингвистические факторы, обладающие дискурсообразующим характером, варьируют характеристики монархической модели в гораздо большей степени, нежели особенности национальных языков и концептосфер.

4.4. Диахроническая фрагментация политического дискурса

В третьей главе были рассмотрены методы диахронического анализа политической метафорики и выделены методы фокусной и равномерной фрагментации. В настоящем параграфе осуществляется применение данного теоретического конструкта к материалу российского политического дискурса.

Для определения эвристик метода можно просто применить его к определенному материалу. Однако более показательным будет использование различных вариантов метода, но на примере одних и тех же данных для анализа, что позволит показать как плюсы одного из вариантов метода (т.е. его способность приводить к новому знанию), так и недостатки, высвечиваемые на фоне использования другого варианта этого метода.

В настоящем исследовании используется методика равномерной фрагментации с комбинированным шагом. При таком подходе применяется разный шаг фрагментации (шф) к одному и тому же материалу, а затем сопоставляются результаты исследований и делаются выводы не только об особенностях диахронического функционирования политической метафорики, но и о достоинствах и недостатках двух, казалось бы, равнозначных подходов. Таким образом, сопоставляются два аспекта: с одной стороны, собственно диахронический, с другой – методологический.

Выделяется два основных подхода к отбору метафор для анализа при равномерной фрагментации политического дискурса. Первый подход связан с исследованиями Х. Де Ландтсхеер, предложившей присваивать метафорам каждой понятийной сферы определенный индекс метафорической силы и вычислять уровень метафоричности по определенной формуле. Этот подход, рассмотренный в третьей главе настоящего исследования, вызвал множество нареканий в условности подобных подсчетов и механистичности распределения коэффициентов. Менее механистическим представляется вариант, использованный Ф. Боерсом [Boers 1997] при анализе метафор англоязычного экономического дискурса. Исследователь выбрал одну понятийную сферу-источник (ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО), а потом проследил ее активность и динамику на протяжении нескольких лет.

В настоящем исследовании принимается второй подход. Исследуемый материал ограничивается метафорикой из сферы-источника БОЛЕЗНЬ, которую исследователи относят к одной из наиболее «чувствительных» к дискурсивным условиям сфер-источников [Баранов Телешева 2006; Чудинов 2001, 2003а; Шмелева 2001; Borkowski 1996; De Landtsheer 1991; De Leonardis 2008; Kelly-Holmes 2004; Luoma-aho 2002; Moreno 2004; Musolff 2004a, 2004b; Rash 2005 и др.].

При определении параметра вычисления можно учитывать количество метафор в определенном сегменте диахронического отрезка в абсолютном исчислении или учитывать количество метафор из определенной сферы-источника в относительном исчислении, т.е. в процентном показателе от общего числа метафор. При анализе метафорики из определенной сферы-источника долевой подсчет малопригоден. Вместе с тем использование абсолютного показателя применимо с некоторыми оговорками.

Необходимо принимать во внимание, что абсолютный количественный показатель не отражает динамику метафорики, если распределение анализируемого материала не сбалансировано по сегментам по критерию количества слов или текстов. При сбалансированном подходе отношение устанавливается не к метафорам других сфер-источников, а к количеству других единиц (слов, предложений, текстов). Отметим, что от сегмента к сегменту варьируется не только количество метафор определенной сферы-источника метафорической экспансии, но и общее количество метафор. Следовательно, увеличение количества метафор определенной сферы-источника может быть связано с общим увеличением метафоричности. Отсюда может последовать ошибочный вывод о том, что рассмотренное обстоятельство способно снизить уровень достоверности подсчетов по абсолютному показателю. Важно учитывать, что общее увеличение метафоричности происходит не за счет пропорци-

онального увеличения всех сфер-источников метафорической экспансии, а только за счет некоторых из них, прагматический потенциал и концептуальные векторы которых востребованы на определенном этапе политической жизни общества. Следовательно, увеличение метафоричности политического дискурса, произошедшее за счет сфер-источников, не принимаемых во внимание, не отразится на анализируемых показателях, а увеличение метафоричности, связанное с ростом метафор из рассматриваемой понятийной области, разумеется, будет зафиксировано в абсолютном показателе количества метафор.

Для анализа использовался электронный корпус российской прессы («первичный корпус»), включающий в себя тексты статей из 228 периодических изданий за 8 лет общим числом ок. 1 500 000 статей. Единицей корпусного анализа является газетная статья, тематика которой связана с политической, экономической и общественной жизнью современной России. Нижняя граница выборки датируется 1.1.2000 г., верхняя – 31.12.2007 г. (данные границы приблизительно совпадают с периодом президентства В. В. Путина). Список использованных источников представлен в Приложении 2 (Корпус Б).

При отборе использовались как общероссийские, так и региональные периодические издания (в число региональной прессы включались как собственно региональные издания, так и региональные варианты общероссийских газет). На наш взгляд, привлечение региональной прессы необходимо по целому ряду причин. С одной стороны, общероссийские издания характеризуются многотиражностью и потенциально способны оказывать влияние на большую аудиторию. В условиях современной экономики многотиражность свидетельствует о том, что издание пользуется спросом большого числа людей, и значит, содержательно издание выражает взгляды, схожие со взглядами своих читателей. Вместе с тем важно учитывать, что набор общероссийских источников не очень

велик, а штат работающих в них журналистов ограничен. Включение в корпус региональных СМИ не устраняет, но отчасти нивелирует влияние данных факторов. Немаловажно и то, что при таком подходе учитывается метафорика именно российской, а не только столичной (по преимуществу) прессы.

Для исследования с шагом фрагментации, равным одному году, первичный корпус текстов был распределен на восемь групп в соответствии с годом публикации («2000», «2001», «2002», «2003», «2004», «2005», «2006», «2007»). Из каждой группы методом случайной выборки отбиралось по 8 400 текстов, при этом выборка осуществлялась с учетом задач комбинированной фрагментации, т.е. учитывалось равномерное распределение текстов по сезонам (шаг фрагментации равный трем месяцам, количество текстов на сезон равно 2100 текстам). Отметим, что при распределении текстов (по принципу 2100 текстов на 1 сезон, 8400 текстов на 1 год) учитывалось, что в начале 2000 г. в корпус включены два зимних месяца, а в конце 2007 г. – один месяц. Количество отбираемых текстов, не кратное трем, не позволило бы при делении получить целые числа, поэтому, к примеру, число 8000 текстов на 1 год и 2000 текстов на 1 сезон менее предпочтительно, чем 8400 и 2100 соответственно. Таким образом, на январь и февраль 2000 г. и декабрь 2007 г. пришлось по 700 текстов.

В результате выборка из первичного корпуса составила 67 200 текстов (корпус Б), которые и послужили материалом для анализа.

В данных текстах на основе сплошной выборки фиксировались метафорические контексты, объединяемые сферой-источником БОЛЕЗНЬ. При этом не учитывалась та незначительная группа морбиальных метафор, которая актуализирует мелиоративные смыслы (напр. *выздоровление, избавление от недуга, исцеление, залечивание ран, идти на поправку*

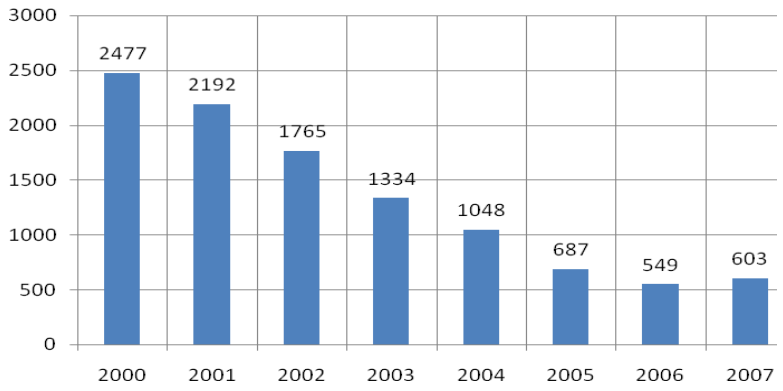
и т.п.) в этой преимущественно пейоративной сфере-источнике. Полученные для каждого сегмента показатели сопоставлялись между собой.

Данные о количестве метафор в каждом сегменте при использовании шага фрагментации (шф), равного календарному году, представлены на гистограмме 1.

Как показывают результаты анализа, уровень морбиальной метафорики планомерно снижается от 2000 г. к 2006 г., а в 2007 г. отмечается незначительный рост. Эти данные коррелируют с представлениями граждан России об улучшении социально-экономической ситуации, наблюдаемом в годы президентства В. В. Путина. Если в 90-е гг. метафорическая модель СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – ЭТО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ относилась к доминантным метафорическим моделям [Феденева 1998; Чудинов 2001], то в начале XXI века наблюдается значительное ослабление концептуальных векторов нежелательного развития ситуации.

Гистограмма 1.

Распределение метафорики со сферой-источником БОЛЕЗНЬ при шаге фрагментации, равном одному году.



По метафорическому замечанию А. П. Чудинова, «каждая историческая эпоха приносит новую систему концептуальных политических метафор. Периоды метафорических "бурь" сменяются метафорическими "затишьями", после которых начинается "извержение" новых метафориче-

ских "вулканов"» [2008: 86]. Начало XXI в. стало временем «метафорического затишья», совпавшего с периодом политической стабильности. Из наметившейся тенденции выпадают данные группы «2007», что может быть связано с предвосхищением мирового кризиса, разразившегося в 2008 г. В 2007 г. в прессе все чаще раздаются «тревожные звонки», предупреждающие об экономических трудностях, которые могут быть инициированы мировым экономическим кризисом. С другой стороны, расхождения данных групп «2006» и «2007» не столь велики, чтобы можно было однозначно судить о формировании новой метафорической тенденции или приближении «метафорической бури». Подобные данные вполне могут свидетельствовать о стабилизации уровня метафорики, демонстрирующего колебания малой амплитуды.

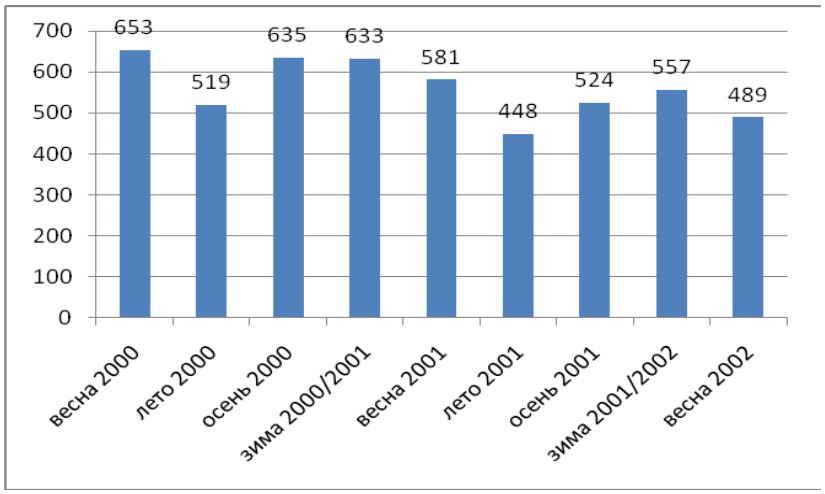
Обратимся теперь ко второму варианту рассматриваемой методики – равномерной фрагментации политического дискурса с сезонным шагом. При использовании шага фрагментации равного сезону (трем месяцам) использовался тот же материал, но с небольшими изменениями.

Учитывая, что календарный год начинается 1 января, в целях сохранения целостности сопоставляемых сегментов (сезонов) хронологические рамки выборки были уменьшены на два месяца в начале корпуса и на один месяц в конце. В результате удалось сохранить целостность сопоставляемых сегментов и избежать привлечения нового материала, что неизбежно пришлось бы сделать при учете трех зимних месяцев 1999-2000 гг. и зимних месяцев 2007-2008 гг. Таким образом, хронологические рамки первого сегмента составили 1.03.2000–31.05.2000, а последнего 1.09.2007–31.11.2007. В результате корпус анализируемого материала почти идентичен корпусу, использованному в первом исследовании, за небольшим сокращением (65100 текстов).

Данные хронологического сопоставления с шагом фрагментации, равным сезону (трем месяцам), представлены на гистограммах 2, 3, 4.

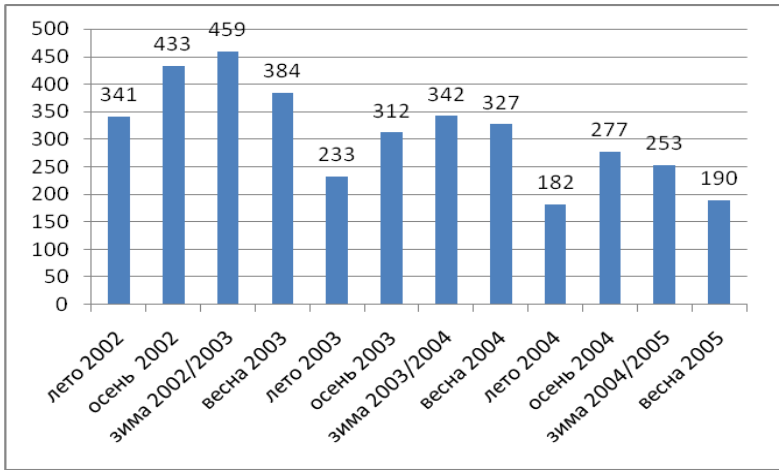
Гистограмма 2.

Распределение метафорики со сферой-источником БОЛЕЗНЬ
при равномерной фрагментации за период 1.3.2000–31.05.2002.



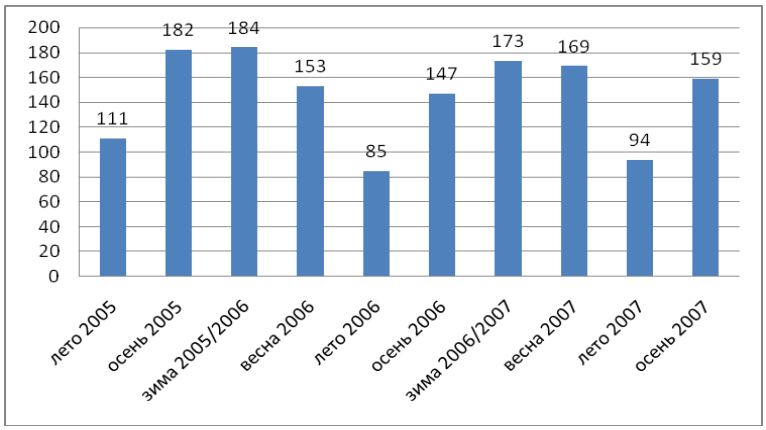
Гистограмма 3.

Распределение метафорики со сферой-источником БОЛЕЗНЬ
при равномерной фрагментации за период 1.06.2002–31.05.2005.



Гистограмма 4.

Распределение метафорики со сферой-источником БОЛЕЗНЬ при равномерной фрагментации за период 1.06.2005–31.11.2007.



При данном шаге фрагментации анализа тенденция к «метафорическому затишью» схематически менее заметна, однако полученные данные обнаруживают другую закономерность. Колебание уровня метафорики имеет циклический характер, при этом нижняя точка амплитуды колебаний, как правило, приходится на летние месяцы, а верхняя точка колебаний в зависимости от года – на зимние, весенние или осенние периоды. Подобное распределение может быть связано с традиционными для России представлениями о холодном времени года как о периоде болезней, ослабления организма, в то время как лето обычно ассоциируется с восполнением жизненных сил и здоровья. Эти представления восходят к целому ряду факторов, связанных с особенностями экстралингвистических реалий медицинского и климатического характера, и сознательно или бессознательно проявляются в метафорике политического дискурса.

В данном случае прослеживается закономерность, суть которой была сформулирована А. П. Чудиновым следующим образом: «источниками метафорической экспансии обычно становятся обозначения реалий, которые

очень актуальны для общества, хорошо известны людям и вызывают их повышенный интерес» [2001: 92-93].

Важно учитывать, что объединение результатов исследований, в которых применяется различный шаг фрагментации, повышает эвристичность анализа только при соблюдении единых правил проведения исследовательских процедур. Различия в методологических и методических деталях значительно ограничивает достоверность метадиахронических сопоставлений как с применением методики фрагментации политического дискурса, так и без нее.

Рассмотрим пример, показывающий, что получение данных о диахронической динамике политических метафор при сопоставлении результатов различных исследований сталкивается с большими трудностями. В словаре А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова [1994], посвященном инвентаризации метафор перестройки, указано, что на долю милитарных метафор приходится 6,16 % от общего числа метафор. В исследовании Ю. Б. Феденевой [1998], направленном на анализ политической метафорики 90-х гг., на долю метафор со сферой-источником ВОЙНА отводится 10,0 %. На основе этих данных едва ли можно делать вывод о том, что количество милитарных метафор уменьшилось в 90-е гг. по сравнению с периодом перестройки. Связано это как с различиями в классификации метафорических моделей и в ограничении рассматриваемого круга сфер метафорической экспансии, так и с принципами отбора и анализа материала.

Использование равномерной фрагментации с применением одного шага обладает большой гносеологической ценностью для когнитивно-дискурсивного анализа. Вместе с тем комбинированная методика равномерной фрагментации, применяемая в рамках одного исследования, в котором правила отбора и анализа материала ограничены едиными правилами, позволяет повысить эвристичность исследования и показать, что динамика метафорических систем сложный процесс, суммирующий закономерности многочисленных когнитивно и дискурсивно зависимых факторов.

4.5. Выводы по четвертой главе

На основе анализа рассмотренных материалов можно сделать следующие выводы о функционировании метафорических моделей в политическом дискурсе.

1. В сопоставительной политической метафорологии выделяются когнитивно-доминантные и дискурсивно-доминантные методики анализа. Когнитивно-доминантные методики подразделяются на три группы: методики сопоставительного анализа метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии; методики сопоставительного таргетирования (монодоменное векторное, монодоменное векторно-рефлексивное, полидоменное векторное, полидоменное рефлексивное, полидоменное векторно-рефлексивное и полидоменное оппозитное таргетирование). Дискурсивно-доминантные методики категоризуются соответственно четырем ракурсам сопоставительного анализа дискурса (этнокультурное, социальное, идеологическое и мультимодальное сопоставление).

2. Метод полидоменного векторно-рефлексивного таргетирования позволяет, с одной стороны, прослеживать корреляции между индексами продуктивности сферы-источника и сферы-мишени, с другой – обнаружить закономерность рефлексивной продуктивности, отражающей зависимость между индексом продуктивности и типом таргетирования. При рефлексивном таргетировании имеет место большая структурированность знания о сфере-мишени и возникает потребность в большей структурированности привлекаемых для концептуализации действительности метафор. Само по себе структурированное знание о сфере-мишени еще не предопределяет высокую продуктивность метафорики, но если смыслы определенной сферы-источника востребованы в данный момент в определенном дискурсе, рефлексивное таргетирование характеризуется повышенной

продуктивностью метафорики по сравнению с векторным таргетированием.

3. Полидоменное рефлексивно-векторное таргетирование позволяет исследовать такое свойство метафорических моделей, как междоменная конгруэнтность. Чем большее сходство наблюдается между репертуаром метафор, актуализируемых для концептуализации разных сфер-мишеней, тем большей конгруэнтностью обладает метафорическая модель. В современной российской и британской прессе выделяются три типа функционирования метафорических моделей (конгруэнтный тип ММ, смешанный тип конгруэнтности ММ и неконгруэнтный тип ММ), каждый из которых отражает соотношение воздействия когнитивно-дискурсивных факторов на метафорическую концептуализацию постсоветской действительности в России и Великобритании.

4. Применение комбинированной методики равномерной фрагментации российского политического дискурса 2000-2007 гг. позволило продемонстрировать, что уровень метафорики планомерно снижается от 2000 г. к 2007 г. Эти данные коррелируют с представлениями граждан России об улучшении социально-экономической ситуации, наблюдаемом в годы президентства В. В. Путина. Если в 90-е гг. метафорическая модель СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ – ЭТО БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ относилась к доминантным метафорическим моделям, то в начале XXI века наблюдается значительное ослабление концептуальных векторов нежелательного развития ситуации.

5. Применение диахронической фрагментации с шагом, равным трем месяцам, показало, что колебание уровня метафорики имеет циклический характер, при этом нижняя точка амплитуды колебаний приходится на летние месяцы, а верхняя точка колебаний на зимние или (в зависимости от года) весенние и осенние периоды. Подобное распределение может быть связано с традиционными для России представлениями о зиме и переходных периодах как о времени болезней, в то время как лето обычно

ассоциируется с восполнением жизненных сил и здоровья. Эти представления восходят к целому ряду факторов, связанных с особенностями экстралингвистических реалий медицинского и климатического характера, и сознательно или бессознательно проявляются в метафорике политического дискурса.

6. Комбинированная методика равномерной фрагментации, применяемая в рамках одного исследования, в котором правила отбора и анализа материала ограничены едиными принципами, позволяет повысить эвристичность когнитивно-дискурсивного исследования и показать, что динамика метафорических систем сложный процесс, суммирующий закономерности многочисленных когнитивно и дискурсивно зависимых факторов.

Заключение

В настоящей монографии предложена комплексная теоретико-методологическая модель сопоставительной политической метафорологии. Основу этой модели составляет сложный конгломерат теорий, методов, принципов, подходов и аспектов анализа метафоры в политическом дискурсе. Основное внимание в работе уделено анализу и систематизации этого многообразия, построению общей теории сопоставительной политической метафорологии и демонстрации когнитивно-дискурсивных эвристик сопоставительного анализа политической метафорики.

Проведенный анализ позволил установить, что теоретической основой, сыгравшей главную роль в возникновении и развитии политической метафорологии в ее истории и современном состоянии, стали два научных направления – политическая лингвистика и современная теория метафоры. В современной политической метафорологии получили заслуженное признание две ведущих концепции – когнитивная и риторическая (семантико-стилистическая). Эти концепции, постоянно конкурируя друг с другом и одновременно обогащая друг друга, способствуют дальнейшему успешному развитию политической метафорологии. Вместе с тем когнитивная теория метафоры оказала особое влияние на генезис политической метафорологии. Когнитивная трактовка метафоры не только инициировала рост метафорологических исследований, но и привела к объединению метафорологии и политической лингвистики. Новый взгляд на метафору привел к синтезу метафорологии и политической лингвистики и образованию на стыке двух дисциплин новой области лингвистических изысканий.

1. В соответствии с поставленными задачами было установлено, что общеметодологическая структура современной политической метафорологии состоит из четырех уровней, Общеметодологическая структура политической метафорологии состоит из четырех уровней, каждый из которых

связан с определенным аспектом научной деятельности: онтологический уровень, отражающий различия в понимании феномена метафоры как бытийной сущности и служащий базисом для всех остальных уровней методологии; аксиологический уровень, отражающий оценочную позицию субъекта исследования; гносеолого-квантитативный уровень, устанавливающий принципы определения релевантности источников анализа; междисциплинарный уровень, фундирующий эвристичность методов смежных наук.

Решение следующей задачи исследования позволило выявить основные объекты когнитивного анализа в сопоставительной политической метафорологии и провести их систематизацию Основными объектами когнитивного анализа в политической метафорологии являются три группы когнитивных структур: 1) сферы-источники метафорической экспансии; 2) сферы-мишени метафорической экспансии; 3) базисные когнитивные структуры.

Содержание основных понятийных разрядов, служащих сферами-источниками политической метафоры последних десятилетий, объединяется в пять групп: антропоморфная метафорика, природоморфная метафорика, социоморфная метафорика, артефактная метафорика, идеоморфная метафорика. Сферы-мишени метафорической экспансии охватывают самый широкий спектр феноменов как политической действительности, но ведущее место в метафорологических изысканиях занимают сферы-мишени, репрезентирующие кризисные или «пограничные» состояния политической жизни общества (ВОЙНА, ВЫБОРЫ, ТЕРРОРИЗМ, ПЕРИОД РЕФОРМ и т.п.).

Анализ метафорических проекций привел к разграничению двух видов отношений между когнитивными структурами. Первый тип – конститутивные отношения, отражающие конвенциональные, типичные ассоциативные связи между когнитивными структурами. Конститутивные отно-

шения объединяют когнитивные структуры во фреймы, сферы метафорической экспансии, когнитивные модели. Если конститутивные отношения отражаются в дискурсе, то конституирующие отношения в дискурсе устанавливаются. Конституирующие отношения образуют смысловые связи между концептами сферы-мишени и базисными когнитивными структурами посредством метафорической проекции.

Важнейшим фактором эвристичности современных метафорологических сопоставительных исследований является анализ когнитивных структур в сочетании с дискурсивным подходом. Основные ракурсы дискурсивного сопоставления политических метафор объединяются в четыре группы: 1) этнокультурное сопоставление; 2) социальное сопоставление; 3) диахроническое сопоставление; 4) мультимодальное сопоставление.

Этнокультурное сопоставление характеризуется противоборством двух парадигм, противопоставление которых основывается на различиях в теоретическом видении целей этнокультурного сопоставления: парадигма универсализма и лингвокультурологическая парадигма. Лингвокультурологическая парадигма призвана продемонстрировать, что национальная метафорика в одних своих аспектах отражает национальную культуру и национальный менталитет, в других – типична для определенного цивилизационного пространства, а в-третьих – имеет общечеловеческий характер. Парадигма универсализма, опирающаяся на теорию воплощенного разума, теорию первичных метафор и нейронную теорию метафор, ставит целью не разграничение общего и специфичного, а поиск универсальных оснований политической метафорики.

Второй ракурс дискурсивного сопоставления ориентирован на сравнение дискурсов, объединяемых по различным социальным критериям. В рамках этого подхода выделяется идеологическое сопоставление, которое призвано выявить особенности использования метафорики сторонниками разных идеологических взглядов, участниками определенных политиче-

ских объединений, приверженцами различных методов решения определенных политических проблем. Исследовательские процедуры по идентификации сторон дискурсивного противостояния определяется двумя критериями: принадлежностью к определенному политическому объединению и отношению к определенной насущной проблеме без акцентирования внимания на принадлежности субъектов дискурсивной деятельности к определенной политической общности.

В исследовании выделено основные типы идиолектного сопоставления: собственно идиолектное и идиолектно-групповое. При собственно идиолектном сопоставлении сравниваются метафоры отдельных политиков, а потом делаются выводы об общем и специфичном в их метафорических идиолектах. По критерию результатов исследования собственно идиолектные сопоставления подразделяются на три группы. В первую группу входят публикации, акцентирующие внимание на общности метафорики определенных политиков. Вторая группа представлена исследованиями демонстрирующими специфику метафор субъектов политической деятельности. К третьей группе относятся исследования смешанного типа, в которых между метафорами одних политиков обнаруживаются сходства, а при сопоставлении с метафорикой других политиков обнаруживаются различия. Таким образом, выявляются группы идиолектных дискурсов, объединяемых общностью используемых метафорических образов. При идиолектно-групповом сопоставлении результаты идиолектного анализа метафорики сопоставляются с метафорическими образами, присущими определенным политическим общностям.

К социальному сопоставлению относится анализ политической метафорики в гендерном аспекте. В рамках этого направления выделяются два подхода. Первый подход направлен на изучение влияния мужской и женской картины мира на метафорическую концептуализацию политики в

дискурсе СМИ. Второй подход связан с изучением различий в метафорическом представлении политиков-мужчин и политиков-женщин.

Третий ракурс дискурсивного сопоставления связан с анализом исторической динамики политических метафор. Диахронический метод априори сопоставительный, потому что едва ли возможен анализ изменений в определенной системе без сопоставления промежуточных состояний системы. В диахроническом исследовании выделяется континуальный и дискретный анализ. В первом случае исследуется диахроническая вариативность метафорики, задействованной за выбранный период времени. Этот подход может применяться в тех случаях, когда продолжительность выбранного периода времени не очень велика. Дискретный анализ используется в тех случаях, когда рассматриваемый период настолько велик, что приходится делать выборку метафор из отдельных периодов.

Важным методом диахронического анализа является фрагментация дискурса, т.е. разделение периода времени на определенные сегменты, показатели которых планируется сопоставлять.

Диахроническая вариативность системы политических метафор имеет количественный и качественный параметры отображения. Количественный показатель показывает корреляции между изменением политической ситуации и количеством метафор в политическом дискурсе (динамика метафоричности дискурса). Второй связан с доминированием отдельных метафор и метафорических моделей в различные исторические периоды (динамика доминантности метафорики).

Последний ракурс дискурсивного сопоставления связан с изучением семиотических закономерностей функционирования невербальной метафорики и ее взаимосвязи с вербальным пластом политических образов. В современных исследованиях выделяется несколько методик мультимодального анализа: невербальное сопоставление, вербально-невербальное сопоставление и исследование метафор в креолизованных текстах.

Между ракурсами дискурсивного сопоставления нет непроходимых границ. С одной стороны, использование одного ракурса сопоставления позволяет исследователю сосредоточиться на более детальном анализе предмета, с другой – синтетический подход позволяет увидеть новые грани и корреляции, которые могут быть недоступны при сопоставительном изучении одного аспекта политической метафорики.

С задачей систематизации ракурсов сопоставления связан вопрос о научно-региональных вариантах сопоставительной политической метафорологии. Анализ показал, что в этом аспекте можно выделить три ведущих региона (российский, североамериканский, европейский), каждый из которых обладает набором специфических черт.

Важный результат этого ракурса сопоставления – констатация тенденции, согласно которой когнитивно-дискурсивный анализ метафорики приобретает все больше сторонников. При этом интерес к синтезу когнитивного и дискурсивного подходов в ходе метафорологических исследований наблюдается не только в российских научных кругах, но и среди специалистов в зарубежных странах (хотя и без обязательного применения термина когнитивно-дискурсивный подход).

Согласно поставленным задачам было выявлено, что в сопоставительной политической метафорологии дифференцируются когнитивно-доминантные и дискурсивно-доминантные методики анализа. Когнитивно-доминантные методики подразделяются на три группы: методики сопоставительного анализа метафор, объединяемых сферой-источником метафорической экспансии; методики сопоставительного таргетирования; методики анализа корреляций метафорики и когнитивных структур базисного уровня. Дискурсивно-доминантные методики сопоставления категоризуются соответственно четырем ракурсам сопоставительного анализа дискурса.

Важным итогом исследования стала практическая верификация эпистемологических достоинств когнитивно-дискурсивной парадигмы сопоставительной политической метафорологии. Для этой цели использовались методы полидоменного векторно-рефлексивного таргетирования и равномерной комбинированной фрагментации политического дискурса.

Первый метод позволил продемонстрировать, что свойства метафорических моделей в различной степени зависят от когнитивно-дискурсивных факторов. Использование данного метода позволило выявить корреляции между индексами продуктивности сферы-источника и сферы-мишени, сформулировать закономерность рефлексивной продуктивности, отражающей зависимость между индексом продуктивности и типом таргетирования, а также выделить три типа конгруэнтности метафорических моделей, отражающие соотношение воздействия когнитивно-дискурсивных факторов на метафорическую концептуализацию постсоветской действительности в России и Великобритании.

С помощью комбинированной методики равномерной фрагментации удалось проследить диахронические закономерности корреляции когнитивных структур и ряда экстралингвистических факторов. Комбинированный анализ показал, что частотность метафор из сферы-источника БОЛЕЗНЬ находится в квантитативно фиксируемой зависимости, с одной стороны, от тенденции развития политической и социально-экономической ситуации, с другой – от геоклиматических условий проживания определенного лингвокультурного сообщества. С помощью комбинированной методики равномерной фрагментации было показано, что хотя динамика метафорических систем сложный процесс, суммирующий закономерности многочисленных факторов, данные факторы вполне поддаются анализу с когнитивно-дискурсивных позиций.

Применение данных методов позволило отобразить не только гносеологическую ценность практического применения рассматриваемой пара-

дигмы к сопоставлению политической метафорики, но и продемонстрировало эвристический потенциал для методологической эволюции сопоставительной политической метафорологии в русле когнитивно-дискурсивного подхода.

Предпринятое исследование теории и практики сопоставления политической метафорики вовсе не носит характер окончательного подведения итогов, что объясняется тем, что названное научное направление находится в своем апогее и можно ожидать его дальнейшего плодотворного развития.

Системное описание методологии данного научного направления продемонстрировало, что при большом количестве исследований остаются малоизученные области и методики, которым уделялось мало внимания. Среди них методики таргетирования, особенно варианты полидоменного анализа, с одной стороны, и векторно-рефлексивного и оппозитного сопоставлений, с другой.

К перспективным направлениям анализа относится комбинирование шага фрагментации в сочетании с выделенным в настоящей работе спектром дискурсивных сопоставлений. Особый интерес для сопоставительной политической метафорологии когнитивно-дискурсивного толка представляет синтез методик равномерной и фокусной фрагментации, что позволит объединить воедино эвристики двух основных направлений диахронического анализа. Логика развития науки такова, что решение одних проблем приведет к выдвижению других, которые будут не менее сложными и интересными.

Библиографический список

1. Алеева, Г. У. Общественно-политическая лексика татарского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 28 с.

2. Александрова, Т. А. Метафорическая оппозиция «свои-чужие» в политическом дискурсе / Т. А. Александрова // Единицы языка и их функционирование. – Саратов, 2004. – Вып. 10. – С. 205–208.

3. Алефиренко, Н. Ф. Проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2003. – 96 с.

4. Алимурадов, О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность / О. А. Алимурадов. – Пятигорск : ПГЛУ, 2003. – 305 с.

5. Андерсон, Р. Каузальная сила политической метафоры / Р. Андерсон // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург : УрГПУ, 2006. – С. 70–89.

6. Андерсон, Р. О кросс-культурном сходстве в метафорическом представлении политической власти / Р. Андерсон // Будаев Э. В. , Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. – М. : Флинта : Наука, 2008. – С. 76–97.

7. Аникин, Е. Е. Спортивная метафора как средство концептуализации президентских выборов США во французских СМИ / Е. Е. Аникин // Политическая лингвистика. – 2009. – № 27. – С. 7–12.

8. Аникин, Е. Е. Архетипы и инновации в диахронической динамике метафорических систем в политической коммуникации / Е. Е. Аникин, Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 1. – С. 5–11.

9. Антипина, О. В. Метафорический всплеск и метафорическое затишье: образ политической России в англоязычных СМИ / О. В. Антипина // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24. – С. 102–106.

10. Апресян, Ю. Д. Избранные труды / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры : Восточная литература, 1995. – Т. 1. Лексическая семантика. – 472 с.

11. Артемова, Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса : дис. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 237 с.

12. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз. ; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–33.

13. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 895 с.

14. Астафурова, Т. Н. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст / Т. Н. Астафурова, А. В. Олянич. – Волгоград : Нива, 2008. – 243 с.

15. Бабкина, В. А. Роль морбиальных метафор в создании образа России в немецких СМИ на современном этапе развития российско-немецких отношений / В. А. Бабкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 765. – С. 9–16.

16. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологичекой системе языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : ВГУ, 1996. – 103 с.

17. Багичева Н.В. Образы матери-Родины и Большой семьи в метафорическом онтогенезе // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 102-112.

18. Базылев, В. Н. Новая метафора языка (семиотико-синергетический аспект) : автореф. дис… д-ра филол. наук. – М., 1999б. – 53 с.

19. Базылев, В. Н. Политический дискурс России / В. Н. Базылев // Известия Уральского государственного педагогического университета. Лингвистика. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 15. – С. 5–32.

20. Бакумова, Е. Р. Ролевая структура политического дискурса : автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2002. – 20 с.

21. Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику / А. Н. Баранов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.

22. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры и типология метафорических моделей. – 2003а. – Режим доступа: http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Baranov.pdf.

23. Баранов, А. Н. Метафорические грани феномена коррупции / А. Н. Баранов // Общественные науки и современность. – 2004а. – № 2. – С. 70–79.

24. Баранов, А. Н. Метафоры в политическом дискурсе: языковые маркеры кризисности политической ситуации / А. Н. Баранов // Linguistic Change in Europe 1990-2000 / ed. by L. Zybatow. Wien, 2000. – С. 35–42.

25. Баранов, А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей / А. Н. Баранов // Вопросы языкознания. – 2003б. – № 2. – С. 73–94.

26. Баранов, А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры / Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – М. : Институт русского языка АН СССР, 1991а. – С. 184–193.

27. Баранов, А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга / А. Н. Баранов // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М. : Изд-во МГУ, 2003в. – С. 134–140.

28. Баранов, А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя / А. Н. Баранов // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М. : Едиториал УРСС, 2004б. – С. 7–21.

29. Баранов, А. Н. Постулаты когнитивной семантики / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский // Известия АН. – Сер. лит. и яз. – 1997. – Т. 56. – № 1. – С. 11–22.

30. Баранов, А. Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 64 с. – ISBN 5-07-001699-7.

31. Баранов, А. Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.

32. Баранов, А. Н. Словарь русских политических метафор / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. – М. : Помовский и партнеры, 1994. – 351 с.

33. Барышникова, Г. В. Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы) / Г. В. Барышникова, И. И. Дубинина // Известия Волго-

градского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4 (137). – С. 179–185.

34. Беглова, Е. И. Политическая структура в метафорическом поле номинаций / Е. И. Беглова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. — Екатеринбург : УрГПУ, 2004. – Т. 13. – С. 11–20.

35. Белт, Т. Политическое убеждение путем метафорического моделирования / Т. Белт // Политическая лингвистика. – 2007. – № 22. – С. 18–25.

36. Бенуа, У. Моделирование посредством темпоральной метафоры: «Мосты» Боба Доула и Билла Клинтона в их предвыборных обращениях 1996 г. / У. Бенуа // Политическая лингвистика. – 2009. – № 27. – С. 13–24.

37. Берестнев, Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте / Г. И. Берестнев. – Калининград : Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2005. – 155 с.

38. Берк, К. Риторика гитлеровской «Борьбы» / К. Берк // Политическая лингвистика. – 2008. – № 25. – С. 149–160.

39. Битокова, С. Х. Парадигмальность метафоры как когнитивного механизма (на материале кабардинского, русского и английского языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 1999. – 42 с.

40. Блэк, М. Метафора / М. Блэк // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990. – С. 153–172.

41. Богданов, К. А. О чистоте и нечисти: Совполитгигиена / К. А. Богданов // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 39–46.

42. Богданович, Г.Ю., Неелова О.И., Сегал Н.А. Метафора как средство декодирования общественно-политических реалий / Г. Ю. Богданович, О. И. Неелова, Н. А. Сегал // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 96–100.

43. Бокмельдер, Д. А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2000. – 18 с.

44. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии / Н. Н. Болдырев. – Тамбов : ТГУ, 2001. – 123 с.

45. Болдырев, Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — М. : Издательский Дом ЯСК, 2018. — 480 с.

46. Борискина, О. О. Еще один подход к изучению метафорики политического дискурса / О. О. Борискина // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1(31). – С. 153–158.

47. Борисова, И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И. Н. Борисова. – Изд. 3. – М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2009. – 317 с.

48. Бородулина, Н. Ю. Метафорическая репрезентация экономических понятий в семиотическом аспекте: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Курск, 2009. – 48 с.

49. Бородулина, Н. Ю. Метафорический взрыв в репрезентации греческого кризиса (по материалам современных публикаций в СМИ) / Н. Ю. Бородулина, М. Н. Макеева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 2 (47). – С. 49-56.

50. Будаев, Э. В. Гносеологический потенциал метода комбинированной фрагментации политического дискурса / Э.В. Будаев / Политическая лингвистика. – 2011. – № 3 (37). – С. 11-16.

51. Будаев, Э. В. Дискурсивный поворот в современной политической метафорологии / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 36. – С. 53–60.

52. Будаев, Э. В. Дискуссия о метафорах в современной зарубежной педагогике / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Педагогическое образование. – 2007. – № 1. – С. 188–200.

53. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — 3-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2018. – 352 с.

54. Будаев, Э. В. Концептуальная метафора на службе у разведки США / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2015. – № 52. – С. 12–16.

55. Будаев, Э. В. Критический дискурс-анализ СМИ: основные направления исследований в зарубежной лингвистике / Э. В. Будаев // Современный дискурс-анализ. – 2019. – № 1 (22). – С. 7–12.

56. Будаев, Э. В. Метафорическая репрезентация кризиса на Украине в русскоязычных комментариях новостных порталов / Э. В. Будаев, В. В. Курейко // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4. – С. 93–98.

57. Будаев, Э. В. Основы когнитивно-дискурсивного анализа политической метафоры / Э. В. Будаев. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2012. – 280 с.

58. Будаев, Э. В. Риторический анализ политической коммуникации в современной зарубежной лингвистике (2010-2018 годы) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Сибирский филологический журнал. – 2019. № 4. – С. 187–196.

59. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология. – Нижний Тагил : НТГСПИ, 2011. – 360 с.

60. Будаев, Э. В. Сопоставительная политическая метафорология: дисс. … д. филол. н. / Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2010. – 474 с.

61. Будаев, Э. В. Становление и эволюция зарубежной политической лингвистики / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 75–94.

62. Будаев, Э. В. Эволюция российской политической метафорики / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Когнитивные исследования языка. – 2017. – № 30. – С. 39–42.

63. Будаев, Э. В. «Metaphors We Live by»: трансформации прецедентного названия / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 3 (8). – С. 78–83.

64. Будаев, Э. В. «Метафоры, которыми мы живем»: преобразования прецедентного названия / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2007б. – № 22. – С. 99-105.

65. Будаев, Э. В. Гендерная специфика политической метафорики / Э. В. Будаев // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов : Институт языкознания РАН; ТГУ – 2006а. – № 1. – С. 88–92.

66. Будаев, Э. В. Дискуссия о метафорах в современной зарубежной педагогике / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Педагогическое образование. – 2007а. – № 1. – С. 188–200.

67. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2008а. – 352 с.

68. Будаев, Э. В. Зарубежная политическая метафорология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2008б. – 248 с.

69. Будаев, Э. В. Зооморфные метафоры как инструмент концептуализации сирийского конфликта в СМИ России и США / Э. В. Будаев, В. В. Тихонов // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2. – С. 43–49.

70. Будаев, Э. В. Лингвистическая советология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2009а. – 291 с.

71. Будаев, Э. В. Междисциплинарные истоки политической метафорологии / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32). С. 15-25.

72. Будаев, Э. В. Метафора в педагогическом дискурсе: современные зарубежные исследования / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Вып. 21. – 2006б. – С. 69–75.

73. Будаев, Э. В. Метафорический образ России в современном мире / Э. В. Будаев. – Екатеринбург : УрГПУ, 2009б. – 276 с.

74. Будаев, Э. В. Метафорическое моделирование постсоветской действительности в российском и британском политическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006в. – 220 с.

75. Будаев, Э. В. Россия, Грузия и страны Балтии в зеркале российских и британских метафор родства / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. 2006. № 18. С. 34–57.

76. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2006д. – 267 с.

77. Буженинов А.Э. Что союз грядущий нам готовит? (отношения В.В. Путина и Д. Трампа во французской политической карикатуре) / А. Э. Буженинов // Сопоставительная лингвистика. – 2017. – № 6. – С. 17–23.

78. Быстров, Н. П. Идеологема «фашизм» в советской публицистике 1920-х - начала 1950-х гг.: автореферат дисс. … канд. филол. н. – М., 2009. – 25 с.

79. Вайс, Д. Животные в советской пропаганде / Д. Вайс // Политическая лингвистика. − 2008а. − № 2 (25). – С. 19–35.

80. Вайс, Д. Животные в советской пропаганде: вербальные и графические стереотипы (часть 2) / Д. Вайс // Политическая лингвистика. – 2009. – № 27. – С. 39–46.

81. Вайс, Д. Паразиты, падаль, мусор. Образ врага в советской пропаганде / Д. Вайс // Политическая лингвистика. − 2008б. − № 1 (24). – С. 16–22.

82. Вайс, Д. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении / Д. Вайс // Политическая лингвистика. − 2007. − № 3 (23). – С. 34–60.

83. Васильев, А. Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления / А. Д. Васильев. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 224 с. – ISBN 5-89349-440-7.

84. Введение в когнитивную лингвистику: Учебное пособие / З. Д. Попова [и др.]. – Кемерово : ИПК «Графика», 2004. – 210 с.

85. Вежбицка, А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны / А. Вежбицка // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 107–125.

86. Вежбицкая, А. Язык, культура, познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.

87. Вепрева, И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2002. – 378 с.

88. Вепрева, И. Т. Перезагрузка / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина // Русский язык за рубежом. – 2009. – № 3. – С. 119–122.

89. Вершинина, Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная в современном политическом дискурсе: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.

90. Веснина, Л. Е. Метафорическое моделирование миграции в российских печатных СМИ / Л. Е. Веснина // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1(31). – С. 84–89.

91. Веснина, Л. Е. Образ России-игрока в китайской газете «Жэньминь Жибао» / Л. Е. Веснина // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. – СПб : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 133–137.

92. Водак, Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу / Р. Водак // Известия УрГПУ. Лингвистика. – 2006. –Вып. 19. – С. 107–116.

93. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград : Перемена, 1997. – 139 с.

94. Вольфсон, И. В. Язык политики. Политика языка / И. В. Вольфсон. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2003. – 125 с.

95. Воркачев, С. Г. Концепт как «зонтиковый термин» / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 24. – М., 2003. – С. 5–12.

96. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа / С. Г. Воркачев. – Краснодар : Техн. ун-т КубГТУ, 2002. – 140 с.

97. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт. Становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

98. Воробьева, О. И. Политический язык: семантика, таксономия, функции. автореф. дисс. … докт. филол. наук. – М., 2000. – 39 с.

99. Ворожбитова, А. А. На «входе» и «выходе» русского советского дискурса: (Лингвориторический аспект) / А. А. Ворожбитова // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: материалы науч. конф., посвящ. 80-лнтию филол. фак. РГПУ им. А. И. Герцена и 75-летию С. Г. Ильенко (С.-Петербург, 17-19 нояб. 1998 г.). – СПб. : СПбГУ, 1999. – С. 14–23.

100. Ворожцова, О. А. Лингвистическое исследование прецедентных феноменов в дискурсе российских и американских президентских выборов 2004 г. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 23 с.

101. Воронова, Н. С. Политическая метафора в немецком и русском языках: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003. – 181 с.

102. Ворошилова, М. Б. Политический креолизованный текст. Ключи к прочтению. – Екатеринбург : УрГПУ, 2013. – 194 с.

103. Гаврилова, М. В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике / М. В. Гаврилова. – СПб. : Изд-во СПбУЭФ, 2003. – 23 с.

104. Гаврилова, М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина) / М. В. Гаврилова. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. – 294 с.

105. Гаврилова, М. В. Методы и методики исследования политической коммуникации / М. В. Гаврилова. – СПб. : Изд-во Невского института языка и культуры, 2008а. – 91 с.

106. Гаврилова, М. В. Политическая коммуникация XX века / М. В. Гаврилова. – СПб. : Изд-во Невского института языка и культуры, 2008б. – 92 с.

107. Глазкова, М. Ю. Экспрессивный синтаксис в современной публицистике (на материале русскоязычных и англоязычных аналитических общественно-политических статей): автореф. дис. … канд. филол. наук. – Ростов н/Д, 2010. – 21 с.

108. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2000. – 190 с.

109. Глотова, Е. Ю. Метафоризация геноцида XX века – концептуальные образы «дегуманизации» и «очищения» / Е. Ю. Глотова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2009. – № 3. – С. 13–16.

110. Григорьева, О. Н. Имена террора в современном русском языке / О. Н. Григорьева // Вестник Московского университета. Филология. – 2002. – № 3. – С. 84–93.

111. Григорьева, В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты / В. С. Григорьева. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.

112. Гришаева, Л. И. Россия в зеркале немецкой прессы: путь к взаимопониманию народов? / Л. И. Гришаева // XXI век без войны и насилия? Материалы международной науч. конф. – Воронеж, 2002. – С. 99–124.

113. Грушевская, Т. М. Политический дискурс в аспекте газетного текста / Т. М. Грушевская / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2002. – 116 с.

114. Гукетлова, Ф. Н. Зооморфный код культуры в языковой картине мира (на материале французского, кабардино-черкесского и русского языков) : автореф. дис… д-ра филол. наук. – М., 2009. – 53 с.

115. Гуляева, Т. В. Вокативность американского официально-политического дискурса: коммуникативный и когнитивный аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2007. – 22 с.

116. Данилина, В. В. Политическая ораторская речь в ритмико-текстологическом аспекте: на материале английского языка : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 212 с.

117. Данн, Дж. Что такое "политтехнологическая феня" и откуда она взялась? Дж. Данн // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 116–125.

118. Дейнан, Э. Метафоры: справочник по английскому языку / Э. Дейнан. – М. : Астрель : АСТ, 2003. – 251 с.

119. Декленко, Е. В. Лингвокультурологический аспект патриотического дискурса : дис. … канд. филол. наук. – Челябинск, 2004. – 211 с.

120. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века / В. З. Демьянков // Язык и наука конца 20 века. – М. : Институт языкознания РАН, 1995. – С. 239–320.

121. Демьянков, В. З. Заметки по лингвистической политологии: реставрация и модернизация / В. З. Демьянков // Политика в зеркале языка и культуры: Сб. научных статей, посвященных 60-летнему юбилею проф. А. П. Чудинова / Отв. ред. М. В. Пименова. – М. : Институт языкознания РАН, 2010. (Серия "Филологический сборник". Вып. 10). – С. 37–41.

122. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учебное пособие / Отв. ред. М. Н. Володина. – М. : Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116–133.

123. Демьянков, В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–32.

124. Демьянков, В. З. «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике / В. З. Демьянков // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования: Сб. науч. трудов / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г. Р. Державина; Редкол.: Кубрякова Е. С. (отв. ред.), Позднякова Е. М. (зам. отв. ред.) и др. – М. ; Калуга : ИП Кошелев А.Б., 2007а. – С. 26–33.

125. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – № 3. – С. 32–43.

126. Демьянков, В. З. Термин «концепт» как элемент терминологической культуры / В. З. Демьянков // Язык как материя смысла: Сборник статей в честь академика Н. Ю. Шведовой / Отв. ред. М. В. Ляпон. – М. : Издательский центр «Азбуковник», 2007б. – С. 606–622.

127. Де Сола Пул, И. Символы демократии / И. Де Сола Пул // Политическая лингвистика. – 2009. – № 27. – С. 185–190.

128. Дзюба, Е. В. Когнитивная лингвистика / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург : УрГПУ, 2018. – 280 с.

129. Дзюба, Е. В. «Бархатные» метафоры чешского политического дискурса / Е. В. Дзюба // Политическая лингвистика. – 2017. – № 1 (61). – С. 31–40.

130. Добренко, Е. А. Метафора власти: Литература сталинской эпохи в историческом освещении / Е. А. Добренко. – Мюнхен : Otto Sagner, 1993. – 405 с.

131. Добрич, Н. Метафоры в политическом дискурсе Сербии – президент и образ великодушного отца / Н. Добрич // Политическая лингвистика. – 2009. – № 30. – С. 93–99.

132. Дорлигийн, А. Современный русский политический дискурс: лексико-семантический аспект: (На материале языка российских газет 90-х гг.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1999. – 13 с.

133. Дулесов, Е. П. Расширение метафоры как инструмент дискредитации позиции оппонента (на материале дореволюционных парламентских речей) / Е. П. Дулесов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4 (57). – С. 96–100.

134. Дуличенко, А. Д. Русский язык конца XX столетия / А. Д. Дуличенко. – München : O. Sagner, 1994. – 346 с.

135. Ерилова, С. Л. Метафоризация как способ смыслопостроения в политическом дискурсе : автореф. дис…. канд. филол. наук. – Тверь, 2003. – 177 с.

136. Ермакова, О. П. Семантические процессы в лексике / О. П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 32–66.

137. Желтухина, М. Р. Тропологическая суггестивность масс–медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ / М. Р. Желтухина. – М. : Ин–т языкознания РАН ; Волгоград : Изд–во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.

138. Зайцева, Е. Л. Метафорическая репрезентация концепта терроризм в тексте англоязычных таблоидов / Е. Л. Зайцева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 3 (52). – С. 76–80.

139. Залевская, А. А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / А. А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Под. ред. И. А. Стернина. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 36–46.

140. Зарипов, Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе / Р. И. Зарипов. – М. : Р. Валент, 2016. – 220 с.

141. Зарипов Р.И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии // Политическая лингвистика. – 2017. – № 6 (66). – С. 76–85.

142. Зарипов Р.И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте гражданской войны на Украине // Политическая лингвистика. 2015. № 2 (52). С. 172-180.

143. Захарова, Н. Н. Метафора в политическом дискурсе: Вербализация концепта власть / Н. Н. Захарова // Мир русского слова. – 2006. – № 1. – С. 55–59.

144. Зимина, М. В. Метафорический портрет президента России в немецкоязычной прессе / М. В. Зимина, М. В. Ополовникова // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – Т. 24. – № 4. – С. 235-239.

145. Зиновьев, Н. В. Доминантная метафорическая модель «Движение» в дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона: методика исследования темпоральной динамики / Н. В. Зиновьев, Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1 (73). – С. 57–64.

146. Зиновьева, Е. И. Понятие «концепт» в отечественном языкознании: основные подходы и направления исследования / Е. И. Зиновьева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – 2003. – Вып. 2. – С. 35–44.

147. Зубакина Т.Н. Интерпретационный аспект в изучении метафорической персонификации России (на материале текста У. Черчилля "The World Crisis. 1916-1918") // Политическая лингвистика. – 2016. – № 6 (60). – С. 109–112.

148. Зубкова, О. С. Специфика функционирования метафоры в индивидуальном лексиконе: (На примере медицинской метафоры в разных видах дискурса): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Курск, 2006. – 206 с.

149. Иванова, И. В. Концептуальная метафора как средство формирования образа политического деятеля в англоязычной прессе : дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004 – 215 с.

150. Иванова, С. В. Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии / С. В. Иванова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 1(24). – С. 29–33.

151. Иванова, Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов : автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 19 с.

152. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд-е 4-е, стереотипное. – М. : КомКнига, 2006. – 288 с.

153. Калашникова, Л. В. Метафора в концептуальной структуре дискурса / Л. В. Калашникова // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. – 2005. – № 1. – С. 91–96.

154. Калашникова, Л. В. Метафора как механизм когнитивно-дискурсивного моделирования действительности (на материале художественных текстов) : дис. ... д-ра филол. наук. – Орел, 2006. – 409 с.

155. Калыгина, М. Ю. Метафорическая репрезентация миграции в медиа-дискурсе России, Великобритании и США / М. Ю. Калыгина // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 109–113.

156. Карасик, В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2010. – 350 с. – ISBN 978-5-94244-035-0

157. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.

158. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – М. : Гнозис, 2009. – 405 с.

159. Карасик, В. И. Языковые мосты понимания / В. И. Карасик. – М.: Дискурс, 2019. – 524 с.

160. Караулов, Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова / Под ред. В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1989. – С. 5–11.

161. Каслова, А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003. – 208 с.

162. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 2002. – 416 с.

163. Керимов, Р. Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе : дис. … канд. филол. наук. – Барнаул, 2005а. – 18 с.

164. Керимов, Р. Д. Немецкая политика в зеркале спортивной метафоры / Р. Д. Керимов // Известия УрГПУ: Лингвистика. – Екатеринбург, 2005б. – Вып. 15. – С. 79–85.

165. Керимов, Р. Д. Текстильные концептуальные метафоры в политическом дискурсе ФРГ / Р. Д. Керимов // Политическая лингвистика. – 2007. – № 23. – С. 96–107.

166. Керимов, Р. Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации / Р. Д. Керимов. – Кемерово : КГУ, 2015. – 339 с.

167. Кибрик, А. А. Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.

168. Кибрик, А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 2009. – № 2. – С. 3–21.

169. Кимов, Р. С. Метафора и метонимия в соматической лексике / Р. С. Кимов // Вестник Тамбовского Университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008а. – № 5. – С. 218–225.

170. Кимов, Р. С. Пространство и время через призму соматической лексики / Р. С. Кимов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008б. – № 2. – С. 122–125.

171. Кипина, М. А. Victim of Russian bear: image of Ukraine in French political cartoons 2014-2018 / М. А. Кипина, М. В. Плотникова // Сопоставительная лингвистика. – 2018. – № 7. – С. 26–33.

172. Киреев, С. И. Вербальное и невербальное выражение метафор в социальном рекламном плакате / С. И. Киреев // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 2. – С. 32–37.

173. Китайгородская, М. В. Современная политическая коммуникация / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – С. 161–240.

174. Клемперер, В. LTI. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога / В. Клемперер / Пер. с нем. А. Б. Григорьева. – М. : Прогресс-Традиция, 1998. – 384 с.

175. Клочко, Н. Н. Образы Европы в современных национальных политических дискурсах (на примере антропоморфной метафорики) / Н. Н. Клочко // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. – М. : Флинта : Наука, 2008. – С. 273–292.

176. Кобб, Р. Использование символов в политике / Р. Кобб, Ч. Элдер // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 131–145.

177. Кобозева, И. М. Прагматический подход к идентификации метафоры в политическом дискурсе СМИ / И. М. Кобозева // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докл. Междунар. науч. конф. 25-27 октября 2001 г. / Под общ. ред. М. Н. Володиной, М. Л. Ремневой. – М. : Издательство МГУ, 2001а. – С. 78–80.

178. Кобозева, И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2001б. – № 6. – С. 132–149.

179. Ковальская, В. Функционирование метафоры во французской экономической терминосистеме / В. Ковальская // Scripta manent. – Смоленск, 2002. – Вып. 8. – С. 86–89.

180. Коженевска-Берчинска, Й. Метафорическая экспрессия в российском публицистическом пространстве / Й. Коженевска-Берчинска // Русский язык в центре Европы / Гл. ред. Э. Колларова. – Банска-Бистрица : Ассоциация русистов Словакии, 2008. – № 11. – С. 14–19.

181. Кожин, А. Н. Лексико-стилистические процессы в русском языке периода Великой Отечественной войны / А. Н. Кожин. – М. : Наука, 1985. – 328 с.

182. Колотнина, Е. В. Метафорическое моделирование действительности в русском и английском экономическом дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001. – 19 с.

183. Кондратьева, О. Н. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) / О. Н. Кондратьева, К. А. Ковалева // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 34–47.

184. Кондратьева, О. Н. Зооморфная метафора в переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским / О. Н. Кондратьева // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – 2003. – Т. 11. – С. 78–86.

185. Кондратьева О.Н. Майдан в метафорическом зеркале российских массмедиа // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5 (65). – С. 80–84.

186. Коптякова, Е. Е. Метафорическое представление внутренней политики Германии в российское прессе / Е. Е. Коптякова // Филология и человек. – 2008. – № 2. – С. 131–138.

187. Корнилаева, Н. Н. Метафорическая кодификация как средство моделирования восприятия в политическом дискурсе / Н. Н Корнилаева. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2008. – № 2. – С. 9–15.

188. Королева, Г. Г. Специфика визуальной семиотической системы в американских политических рекламных роликах / Г. Г. Королева // Политическая лингвистика. – 2012. – № 3 (41). – С. 87–94.

189. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе / В. Г. Костомаров. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 268 с.

190. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В. Г. Костомаров. – М. : Педагогика-Пресс, 1994. – 248 с.

191. Коцюбинская, Л. В. Метафора "информационная атака" как объект лингвистического исследования / Л. В. Коцюбинская // Политическая лингвистика. – 2016. – № 5 (59). – С. 77–81.

192. Кочкин, М. Ю. Политический скандал как лингвокультурный феномен : дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2003. – 184 с.

193. Красильникова, Н. А. «В плену у русского медведя», или современная Россия в метафорах британских и американских СМИ / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 21. – С. 92–97.

194. Красильникова, Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии : дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 231 с.

195. Красильникова, Н. А. Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 26. – С. 58–63.

196. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.

197. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

198. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.]. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1996. – 245 с.

199. Кривенко, Б. В. Язык массовой коммуникации. Лексико-семиотический аспект / Б. В. Кривенко. – Воронеж : Издательство ВГУ, 1993. – 136 с.

200. Кропотухина, П. В. Развертывание метафорической модели со сферой-источником «Мир растений» / «Plant kingdom» в политических текстах России и Великобритании / П. В. Кропотухина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2009. – № 2. – С. 85–89.

201. Крышталева, В. Е. Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века / В. Е. Крышталева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17. № 2. – С. 77–90.

202. Крючкова, Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов / Н. В. Крючкова. – Саратов : Научная книга, 2005. – 164 с.

203. Крючкова, Т. Б. Общественно-политическая лексика и терминология: основные свойства и тенденции развития: автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 1991. – 32 с.

204. Кубрякова, Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 3–15.

205. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2004а. – Т. 63. № 3. – С. 3-12.

206. Кубрякова, Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Известия АН. – Сер. лит. и яз. – 1999. – Т. 58. – № 5–6. – С. 3–13.

207. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. – М. : Языки славянской культуры , 2004б. – 560 с.

208. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – М. : URSS, 2009. – 268 с.

209. Куньщиков, С. В. Идеология в структуре политического процесса: сущность и динамика функционирования: автореф. дис. … канд. полит. наук. – Екатеринбург, 2006. – 24 с.

210. Купина, Н. А. Советизмы: к определению понятий / Н. А. Купина // Политическая лингвистика. – 2008. – № 2(28). – С. 35–45.

211. Купина, Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург : УрГУ ; Пермь : ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.

212. Купина, Н. А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры / Н. А. Купина. – Екатеринбург : Изд-во Уральского университета, 1999. – 176 с.

213. Кушнерук, С. Л. Метафоры в текстовых мирах коммерческой рекламы: эффект «двойного видения» / С. Л. Кушнерук // Когнитивные исследования языка. – 2016. – № 25. – С. 402–408.

214. Лагута, О. Н. Метафорология: теоретические аспекты / О. Н. Лагута. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т., 2003. – Ч. 1. – 114 с.

215. Лакофф, Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в Заливе / Дж. Лакофф // Будаев Э. В. , Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика. – М. : Флинта : Наука, 2008. – С. 97–113.

216. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.

217. Лапшина, В. В. Метафора как средство конструирования имиджа политика : на материале австрийских печатных СМИ : дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 151 с.

218. Лассан, Э. Р. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ / Э. Р. Лассан. – Вильнюс : Изд-во Вильнюсского ун-та, 1995. – 232 с.

219. Лассан, Э. Р. Парадигмы текстов и дискурсивные формации как объекты дискурсного анализа / Э. Р. Лассан // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 12. – С. 60–88.

220. Лассан, Э. Р. О формах существования концептуальных метафор как индикаторах силы и бессилия общества / Э. Р. Лассан // Политическая лингвистика. – 2010. – № 31. – С. 24–33.

221. Лассвелл, Г. Методика описания лозунгов / Г. Лассвелл, Д. Блюменсток // Политическая лингвистика. – 2007а. – № 23. – С. 152–170.

222. Лассвелл, Г. Почему количественный метод? / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – 2007б. – № 22. – С. 177–186.

223. Лассвелл, Г. Стиль в языке политики / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – 2007в. – № 22. – С. 165–177.

224. Лассвелл, Г. Стратегия советской пропаганды / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – 2009. – № 27. – С. 179–184.

225. Лассвелл, Г. Язык власти / Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 264–280.

226. Левикова, Е. Р. Метафора в американской политической риторике XX века / Е. Р. Левикова // Язык в пространстве и времени : Тез. и материалы междунар. науч. конф., 29-30 окт. 2002 г. Ч. 1. – Самара : Изд-во СамГПУ, 2002. – С. 346–350.

227. Лейтес, Н. Политбюро глазами Запада / Н. Лейтес // Политическая лингвистика. – 2009а. – № 30. – С. 146–154.

228. Лейтес, Н. Сталин глазами Политбюро / Н. Лейтес, Э. Бернаут, Р. Гартхофф // Политическая лингвистика. – 2009б. – № 29. – С. 146–154.

229. Лейтес, Н. Третий интернационал: об изменениях политического курса / Н. Лейтес // Политическая лингвистика. – 2007. – № 21. – С. 164–176.

230. Леонтович, О. А. Метод дискурс-анализа и сферы его применения / О. А. Леонтович // Дискурс, концепт, жанр / Отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. – С. 50–67.

231. Леонтьева, Т. В. Интеллект человека в зеркале растительных метафор / Т. В. Леонтьева // Вопросы языкознания. – 2006. – № 5. – С. 57–77.

232. Литвинова, Е. А. Метафорический образ России во французском политическом дискурсе / Е. А. Литвинова // Вестник Воронежского государственного

университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 47–49.

233. Литвинова, Т. И. Спортивная и игровая метафора в немецком политическом дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2008. – 24 с.

234. Лихачев, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 3–9.

235. Логачев, С. А. Метафора войны в политическом дискурсе (на материале немецких СМИ) / С. А. Логачев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 49. – С. 94–97.

236. Лямина А. П., Будаев Э. В. Милитарная, морбиальная и зооморфная метафора как способ создания образа России в СМИ Великобритании // Речевое воздействие в политическом дискурсе / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2016. – С. 88–90.

237. Магера, Т. С. Текст политического плаката: лингвориторическое моделирование (На материале региональных предвыборных плакатов) : дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2005. – 167 с.

238. Мазаева, Т. В. Образ В. В. Путина в контексте информационной войны (на материале The New York Times) / Т. В. Мазаева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2016. – Т. 2. – № 4. – С. 38–43.

239. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

240. Макарова, В. О метафоризации политического скандала в литовских масс-медиа / В. Макарова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14. – С. 41–47.

241. МакКормак, Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак // Теория метафоры: Сб. науч. ст. / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – С. 358–386.

242. Макушева, Ж. Н. Фразеологизмы с метафорическим значением в политическом нарративе «Выборы в США» / Ж. Н. Макушева // Культурно-языковые контакты. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2006. – Вып. 9. – С. 182–191.

243. Манаенко, Г. Н. Координаты понятия «дискурс» / Г. Н. Манаенко // Дискурс, концепт, жанр / Отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил : НТГСПА, 2009. – С. 15–35.

244. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова – М. : Флинта : Наука, 2004. – 296 с.

245. Матова, Ю. В. Политическая коммуникация как сфера-мишень метафоризации лексики трудовой деятельности в русском и английском языках (по материалам национальных лингвистических корпусов) / Ю. В. Матова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 3 (69). – С. 48–54.

246. Матова, Ю. В. Оценочный характер антропоцентрической метафоры трудовой деятельности в русском и английском языках / Ю. В. Матова, Э. В. Будаев // Вестник Пермского национально-исследовательского политехнического университета. Сер. Проблемы языкознания и педагогики. – № 2. – 2019. – С. 82–89.

247. Матыгина, Е. Б. Метафорические системы в американском внешнеполитическом дискурсе / Е. Б. Матыгина // Политическая лингвистика. – 2009. – № 28. – С. 76–91.

248. Медведева, Е. А. Прагматический аспект использования концептуальной метафоры в политическом дискурсе президента Российской Федерации В.В. Путина / Е. А. Медведева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 2. – С. 148–152.

249. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Мн. : БГУ, 1998. – Вып. 1. – 283 с.

250. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Мн. : БГУ, 2002. – Вып. 3. – 360 с.

251. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Мн. : БГУ, 2008. – Вып. 5. – 271 с.

252. Миронова, М. Ю. Метафоризация терминов английского языка (на примере политического термина lame duck) / М. Ю. Миронова // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4 (58). – С. 141-146.

253. Михалева, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

254. Мишин, А. В. Репрезентация образа России в журнале “Der Spiegel” (анализ заголовочного комплекса) / А. В. Мишин // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2018. – Т. 28. № 6. – С. 994–999.

255. Мишланова, С. Л. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты): монография / С. Л. Мишланова, Т. И. Уткина. – Пермь : Перм. гос. ун-т, 2008. – 428 с.

256. Моисеева, Т. В. Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ : дис. ... канд. филол. Наук. – Екатеринбург, 2007. – 235 с.

257. Москвин, В. П. Русская метафора: Очерк семиотической теории / В. П. Москвин. – М. : ЛЕНАНД, 2006. – 184 с.

258. Мохова, Е. К. Метафорический образ Америки в политическом дискурсе У. Чавеса / Е. К. Мохова // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1(31). – С. 106–108.

259. Муравьева, Н. В. В свободном полете воображения (О «хороших» и «плохих» сравнениях и метафорах) / Н. В. Муравьева // Русская речь. – 2002. – № 3. – С. 57–61.

260. Муране, С. Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы / С. Н. Муране // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2002. – Т. 8. – С. 134–143.

261. Мусолфф, А. Политическая «терапия» посредством геноцида: антисемитские концептуальные образы в книге Гитлера «Mein Kampf» / А. Мусолфф // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург : УрГПУ, 2006. – С. 151–171.

262. Мухамедьянова, Г. Н. Метафора как источник текстовой экспрессии в политических текстах разноструктурных языков / Г. Н. Мухамедьянова // Вопросы функционирования языковых единиц. – Уфа : РИО БашГУ, 2004. – С. 99–108.

263. Мухарямов, Н. М. Политическая лингвистика как научная дисциплина / Н. М. Мухарямов, Л. М. Мухарямова // Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН, Ин-т сравн. политологии, Рос. ассоц. полит. Науки ; Отв. ред. и сост. В. И. Герасимов, М. В. Ильин. – М., 2002. – № 3. – С. 44–60.

264. Нартикова, З. А. Метафорическая аргументация в политическом дискурсе: лингвокультурологический аспект (на материале выступлений российских и американских лидеров) / З. А. Нартикова, О. Л. Зайцева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2016. – № 1. – С. 136–142.

265. Наумова, И. А. Особенности использования технической метафоры в российском политическом дискурсе / И. А. Наумова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2007. – Т. 13, № 3. – С. 129–131.

266. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург : УрГПУ, 2007. – 207 с.

267. Некоторые константы русского политического дискурса сквозь призму политической метафорики (‘взаимоотношения бизнеса и власти’, ‘коррупция’) / А. Н. Баранов [и др.]. – М. : Фонд ИНДЕМ, 2006. – 84 с.

268. Никифорова, Л. К. Метафорическая репрезентация атомной энергетики в политическом дискурсе России, Франции и Германии: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2010. – 23 с.

269. Никонова, М. Н. Антропологизация техницизмов в современном русском языке (к проблеме образа человека в русской языковой картине мира): дис. … канд. филол. наук. – Омск, 2004. – 223 с.

270. Новикова, В. П. Метафорическое отражение проблем миграции в публицистическом тексте / В. П. Новикова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – № 3 (48). – С. 141-147.

271. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: Пер. с англ. / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. – М. : Прогресс, 1988. – 320 с.

272. Норман, Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии / Б. Ю. Норман // Язык и культура: Третья междунар. конф. Доклады. – Киев, 1994. – Ч. 1. – С. 53–60.

273. Ольховикова, Ю. А. Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в политическом дискурсе США и ФРГ: автореф... дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 23 с.

274. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса / А. В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.

275. Оруэлл, Дж. Политика и английский язык / Дж. Оруэлл // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 280–294.

276. Осборн, М. Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов «свет – тьма» / М. Осборн // Будаев Э. В. , Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология. – Екатеринбург : УрГПУ, 2008. – С. 125–142.

277. Ошеева, Ю. В. Политическая лексика и фразеология русского языка (1985-2000 гг.): дис. … канд. филол. наук. – Уфа, 2004. – 269 с.

278. Панфилов, А. К. Публицистический функциональный стиль и язык художественной литературы / А. К. Панфилов // Ученые записки Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина. – М., 1970. – № 353.

279. Паршин, П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики / П. Б. Паршин // Проблемы прикладной лингвистики = Scripta linguisticae applicate: сборник статей / Отв. ред. А. И. Новиков. – М. : Азбуковник, 2002. – С. 181–208.

280. Паршин, П. Б. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике / П. Б. Паршин // Труды Международного семинара Диалог’2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. В 2-х т. – Т. 1. Теоретические проблемы. – Протвино, 2000. – С. 229–234.

281. Паршин, П. Б. Понятие идеологического дискурса и методологические основания политической лингвистики / П. Б. Паршин. – Режим доступа: www.elections.ru/biblio/lit/parshin.htm (1999).

282. Паршина, О. Н. Российская политическая речь: теория и практика. – Изд. 2-е, испр. и доп. / О. Н. Паршина. – М. : URSS : ЛКИ, 2007. – 232 с.

283. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2005. – 325 с.

284. Пасечник, О. В. Концептуальная метафора как способ вербализации концепта «ПОЛИТИК» (На материале современных немецких СМИ) / О. В. Пасечник // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2007. – Т. 13 (1). – С. 174–177.

285. Перескокова, А. Ю. Метафорическое моделирование образа российских и американских средств массовой информации: рефлексивный аспект: автореф... дис. канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 23 с.

286. Петров, В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В. В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135–145.

287. Петрова, Н. В. Текст и дискурс / Н. В. Петрова // Вопросы языкознания. – 2003. – № 6.– С. 123–131.

288. Пименов, Е. А. Политические метафоры: новые и традиционные модели / Е. А. Пименов // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке: материалы международной науч. конф., Екатеринбург, 14-16 апр. 2005 г. – Екатеринбург, 2005. – С. 521–530.

289. Пименова, М. В. Введение в концептуальные исследования / М. В. Пименова, О. Н. Кондратьева. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. – 179 с. (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 5).

290. Пичкур, А. И. Прагматика обновления пространственных метафор в политическом дискурсе (на материале текстов немецких СМИ) / А. И. Пичкур // Прагматика форм речевого общения. – Самара : СамГУ, 2001. – С. 25–32.

291. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ : Восток – Запад, 2007. – 314 с.

292. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2001. – 191 с.

293. Попова, Т. Г. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ / Т. Г. Попова, Р. И. Зарипов // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5 (65). – С. 125-129.

294. Посохова, Я. А. Зооморфная метафора как способ моделирования образа враждебной России в англоязычных СМИ / Я. А. Посохова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 26. – С. 88–94.

295. Потапчук, Е. Ю. Пятый элемент (Трансформация метафоры в современном российском политическом дискурсе) / Е. Ю. Потапчук // Полис (Политические Исследования). – 2006. – № 5. – С. 92–105.

296. Почепцов, Г. Г. Информационные войны / Г. Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук ; Киев : Ваклер, 2000. – 576 с.

297. Прокофьева, Т. А. Концепт «кризис» в современном политическом дискурсе: дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2006. – 332 с.

298. Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 176 с.

299. Прохоров, Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с.

300. Пшенкин, А. А. Метафорический образ СССР/России в американском политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI веков: дис. … канд. филол. наук. – Барнаул, 2006. – 194 с.

301. Рахилина, Е. В. Основные идеи когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Современная американская лингвистика: фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М. : УРСС, 2002. – С. 370–390.

302. Рахилина, Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики / Е. В. Рахилина // Известия РАН. – Сер. лит. и яз. – 2000. – Т. 59, № 3. – С. 3–15.

303. Ревзина, О. Г. Язык и дискурс / О. Г. Ревзина // Вестник МГУ. Сер 9. Филология. – 1999. – № 1. – С 25–33.

304. Ричардс, А. Философия риторики / А. Ричардс // Теория метафоры: Сб. науч. ст. / Под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – С. 44–67.

305. Рогозинникова, Ю. В. Образы президентов России и США в политической карикатуре / Ю. В. Рогозинникова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 2 (68). – С. 87–100.

306. Рожкова, О. Е. Метафорическое представление концептов «война» и «терроризм» в политическом дискурсе / О. Е. Рожкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 72–74.

307. Рожкова, О. Е. Метафоры в политическом дискурсе / О. Е. Рожкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1. – С. 98–101.

308. Романенко, А. П. Образ ритора в советской словесной культуре / А. П. Романенко. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 427 с.

309. Романов, А. А. Политическая лингвистика. Функциональный подход / А. А. Романов. – М. ; Тверь : ИЯ РАН, 2002. – 190 с.

310. Романов, А. А. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации / А. А. Романов, И. Ю. Черепанова. – Тверь : ГЕРС, 1998. – 205 с.

311. Рудакова, А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / Под. ред. И. А. Стернина / А. В. Рудакова. – Воронеж : Истоки, 2002. – 78 с.

312. Руженцева, Н. Б. Методология и методики анализа массмедийного политического текста. – Екатеринбург : УрГПУ, 2018. – 208 с.

313. Ряпосова, А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)»: дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002. – 202 с.

314. Садуов, Р. Т. Прецедентные вербальные, визуальные и вербально-визуальные феномены в креолизованном тексте (на материале современного российского политического комикса) / Р. Т. Садуов // Политическая лингвистика. – 2013. – № 4 (46). – С. 221–229.

315. Санцевич, Н. А. Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): дис. … канд. филол. наук. – М., 2003. – 245 с

316. Светоносова, Т. А. Сопоставительное исследование ценностей в российском и американском политическом дискурсе : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 22 с.

317. Сегал, Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование / Н. А. Сегал. – М. : Флинта, 2017. – 248 с.

318. Селиванова, И. В. Военные метафоры в рождественских обращениях короля Испании / И. В. Селиванова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 4 (76). – С. 61–66.

319. Серио, П. От любви к языку до смерти языка / П. Серио // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 118–123.

320. Серио, П. Русский язык и советский политический дискурс: анализ номинаций / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М. : Прогресс, 2002. – С. 337–383.

321. Сизонова, О. Е. Политическая метафора как механизм актуализации ценностных детерминант во внешнеполитическом дискурсе США и Германии: На материале современной прессы / О. Е. Сизонова // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – Архангельск, 2007. – Вып. 5. – С. 156–158.

322. Симоненко, М. А. Архитектурная метафора в языке и речи: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Курск, 2009. – 24 с.

323. Скляревская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Скляревская. – СПб : Наука, 1993. – 151 с.

324. Скопинцева, Т. А. Речевые стратегии британских парламентариев в ходе обсуждения бюджета: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Иркутск, 1998. – 20 с.

325. Скребцова, Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики / РАН. Ин-т лингвистических исследований ; Послесл. Н. Л. Сухачева / Т. Г. Скребцова. – СПб : Анатолия, 2000. – 201 с.

326. Скребцова, Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. – СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

327. Скребцова, Т. Г. Метафоры современного российского внешнеполитического дискурса / Т. Г. Скребцова // Respectus philologicus. – 2002. – № 1 (6). – С. 113–125.

328. Скребцова, Т. Г. Наивные картины глобализации: взгляд лингвиста / Т. Г. Скребцова // Respectus philologicus. – 2003. – № 4 (9). – С. 73–79.

329. Скребцова, Т. Г. Современные исследования политической метафоры / Т. Г. Скребцова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2005. – Вып. 1. – С. 35–46.

330. Слово в действии: интент-анализ политического дискурса / Под ред. Т. Н. Ушаковой, Н. Д. Павловой. – СПб. : Алетейя, 2000. – 316 с.

331. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М. : Academia, 2000. – 125 с.

332. Соколовская, Т. Б. Языковая личность политического лидера (на материале газет новейшего времени): автореф. дис…. канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 156 с.

333. Солганик, Г. Я. Лексика газеты / Г. Я. Солганик. – М. : Высшая школа, 1981. – 112 с.

334. Солопова, О. А. Метафорическое моделирование образов «прошлого», «настоящего» и «будущего» в дискурсе парламентских выборов России (2003 г.) и Великобритании (2001 г.): автореф. дис… канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – 244 с.

335. Солопова, О. А. Ретроспективный анализ британского политического дискурса о будущем СССР / О. А. Солопова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2019. – № 4. – С. 124–134.

336. Солопова, О. А. Диахронический анализ метафор в британском корпусе текстов: колокола победы и Russia's V-day / О. А. Солопова, А. П. Чудинов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2018. – Vol. 22. – № 2. – С. 313–337.

337. Сорокина, М. В. Манипулятивный потенциал метафорической модели ВОЙНА В ИРАКЕ – ЭТО АМЕРИКАНСКИЙ ФУТБОЛ / М. В. Сорокина // Лингвистика.

Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004.– Т. 12. – С. 120–129.

338. Спиридовский, О. В. Интертекстуальность президентского дискурса в США, Германии и Австрии / О. В. Спиридовский // Политическая лингвистика. – 2006. – Вып. 20. – С. 161–170.

339. Стелцнер, Г. Обращение Ф. Д. Рузвельта к конгрессу 8 декабря 1941 г.: лингвистический анализ / Г. Стелцнер // Политическая лингвистика. – 2008. – № 25. – С. 135–149.

340. Степаненко, А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе: На материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 24 с.

341. Степанов, В. Н. Коммуникативная провокационная стратегия обличения в публичной речи / В. Н. Степанов, А. В. Месечко // Мир русского слова. – 2002. – № 5. – С. 81–85.

342. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры. – 2-е изд., испр. и доп. / Ю. С. Степанов. – М. : Акад. Проект, 2001. – 990 с.

343. Степанов, Ю. С. Язык и метод. К современной философии языка / Ю. С. Степанов. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 784 с.

344. Стернин, И. А. Значение и концепт: сходства и различия / И. А. Стернин // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. Сб. статей. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – С. 485–495.

345. Стоянова, Е. Театральная метафора в политическом дискурсе (на материале языка российских и болгарских масс-медиа) / Е. Стоянова // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. – Шумен : Шуменски университет "Епископ Константин Преславски", 2006. – Вып. 2. – С. 58–79.

346. Стрельников, А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России: дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 117 с.

347. Субботина, А. А. Функции метафоры в политическом дискурсе: (На материале англоязычной прессы) / А. А. Субботина // Культурно-языковые контакты. – Владивосток, 2006. – Вып. 9. – С. 274–284.

348. Сурина, А. В. Метафорическое моделирование российской действительности в мемуарах политических лидеров постсоветской эпохи : дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2007. – 221 с.

349. Таратынова, Т. В. Кандидаты на пост президента Российской Федерации 2008: метафорические портреты в немецких масс-медиа / Т. В. Таратынова // Политическая лингвистика. – 2009. – № 28. – С. 92–95.

350. Таратынова, Т. В. Милитарная метафора в представлении избирательной кампании США-2008 (по материалам немецких СМИ) / Т. В. Таратынова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 25. – С. 98–102.

351. Телешева, И. В. Политическая ситуация как сфера-магнит для морбиальной метафоры в российских и американских СМИ / И. В. Телешева // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 14. – С. 97–107.

352. Телешева, И. В. Когнитивное исследование морбиальной метафоры в современном политическом дискурсе России, США и Великобритании : дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2006. – 180 с.

353. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба [и др.]. – Екатеринбург : УрГПУ, 2016. – 308 с.

354. Теория метафоры: Сб. науч. ст. / Пер. под ред. Н. Д. Арутюновой. – М. : Прогресс, 1990. – 512 с.

355. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е издание, доработанное / С. Г. Тер-Минасова. – М. : МГУ, 2004. – 352 с.

356. Тихонова, С. А. Барак Обама как мишень прецедентности в политической карикатуре / С. А. Тихонова // Политическая лингвистика. – 2013. – № 1 (43). – С. 107–115.

357. Тот, С. Языковые явления в советской тоталитарной системе / С. Тот // Сборник статей по русистике / Budai Julia, Jager Ilona (szerk.). – Szeged, 1998. – Вып. 1. – С. 103–108.

358. Уржумцева, А.О. Украина, Россия и Евросоюз в ноябре 2013 года: метафорический образ стран и их взаимоотношений в испанской газете «Эль паис» / А. О. Уржумцева // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 195-200.

359. Ушакова, Т. Н. Интент-анализ политических текстов / Т. Н. Ушакова, В. А. Цепцов, К. И. Алексеев // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19, № 4. – С. 98–100.

360. Феденева, Ю. Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90 гг. XX века: дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998. – 17 с.

361. Федосеев, А. А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе: автореф. дисс. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2003. – 21 с.

362. Фелберг, Т. Путь Сербии в Европу по метафорам Зорана Джиджича / Т. Фелберг // Будаев Э. В. , Чудинов А. П. Зарубежная политическая метафорология. – Екатеринбург : УрГПУ, 2008. – С. 234–247.

363. Феллоуз, Э. «Пропаганда»: история слова / Э. Феллоуз // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 155–159.

364. Фельдман, Д. М. Терминология власти. Советские политические термины в историко-культурном контексте / Д. М. Фельдман. – М. : Изд-во Российского РГГУ, 2006. – 484 с.

365. Фенина, В. В. Репрезентация культурных ценностей во французском политическом дискурсе / В. В. Фенина // Политическая лингвистика. – 2008. – № 2(25). – С. 102–115.

366. Феррари, Ф. Гендер и отождествление в политическом дискурсе: Американская женщина как категория анализа / Ф. Феррари // Политическая лингвистика. – 2010. – № 31. – С. 39–54.

367. Фесенко, А. В. Русский язык при Советах / А. В. Фесенко, Т. П. Фесенко. – Нью-Йорк : [б.и.], 1955. – 222 с.

368. Филатенко, И. А. Современная политическая метафора в русскоязычной газетной коммуникации Украины: когнитивно-прагматическое описание : дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 2003. – 208 с.

369. Филинский, А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг.: автореф. дис… канд. филол. наук. – Тверь, 2002. – 20 с.

370. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. – М. : Никколо-Медиа, 2002. – 320 с.

371. Харченко, В. К. Функции метафоры: учебное пособие / В. К. Харченко – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 86 с.

372. Хахалова, С. А. Метафора в аспектах языка, мышления и культуры / С. А. Хахалова. – Иркутск : ИГЛУ, 1998. – 249 с.

373. Хомкова, Л. Р. Концепция фреймового подхода в разработке теории метафоры / Л. Р. Хомкова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Сер.: Психолингвистика. – Иркутск, 2004. – № 8. – С. 78–86.

374. Худяков, А. А. Концепт и значение / А. А. Худяков // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград : ВГПУ, 1996. – С. 97–103.

375. Худяков, А. А. Понятие и концепт: опыт терминологического анализа / А. А. Худяков // Филология и культура : материалы III междунар. науч. конф. 16-18 мая 2001, г. Тамбов. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та им. Г. Р. Державина, 2001. – Ч. 2. – С. 32–37.

376. Цурикова, Л. В. Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации / Л. В. Цурикова. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 257 с.

377. Чабан, Н. «Политический Франкенштейн» или «финансовый Гаргантюа»?: метафоры персонификации при освещении расширения Евросоюза в новостях Австралазии / Н. Чабан, Дж. Бейн, К. Статс // Будаев Э. В. , Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. – Екатеринбург : УрГПУ, 2006. – С. 242–265.

378. Чадюк, О. М. Метафора у сфері сучасної української політичної комунікації : дис. ... канд. філол. наук. – Киев, 2005. – 230 с.

379. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления / Под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. – М. : МГУ, 1997. – С. 340–369.

380. Ченки, А. Современные когнитивные подходы к семантике: Сходства и различия в теориях и целях / А. Ченки // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 68–78.

381. Чепанова, Е. И. Политическая метафора в современной прессе ФРГ: дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 1999. – 179 с.

382. Червиньски, П. Семантика негативно-оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности. Статья 1 / П. Червиньски // Политическая лингвистика − 2008а. − № 3 (23). – С. 118–133.

383. Червиньски, П. Семантика негативно-оценочных категорий при обозначении лиц в языке советской действительности. Статья 2 / П. Червиньски // Политическая лингвистика − 2008б. − № 1 (24). – С. 72–85.

384. Червиньски, П. Язык советской действительности: семантика позитива в обозначении лиц / П. Червиньски // Политическая лингвистика − 2009. − № 1 (27). – 132–147.

385. Чернякова, М. В. Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке / М. В. Чернякова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 13. – С. 86–96.

386. Чернявская, В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В. Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: Сб. науч. тр. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11–22.

387. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 136 с.

388. Чудакова, Н. М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.): дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 225 с.

389. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2003. – 248 с.

390. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М. : Флинта ; Наука, 2006. – 256 с.

391. Чудинов, А. П. Российская политическая метафорика в начале XXI века / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24. – С. 86–93.

392. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с.

393. Чудинов, А. П. Болгарско-русские метафорические параллели / А.П. Чудинов, Е. А. Нахимова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2017. – № 1 (25). – С. 104–108.

394. Чудинов, А. П. Дискурсивный поворот в российской когнитивной политической метафорологии / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. Г. Скворцов // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 37. – С. 110–115.

395. Шадаева, Л. И. Когнитивные и дискурсивные особенности метафоры в аргументативе современного английского языка (на материале текстов речей А. Линкольна): дис. … канд. филол. наук. – Иркутск, 2004. – 150 с.

396. Шаова, О. А. Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет): дис. … канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005. – 210 с.

397. Шапочкин, Д. В. Когнитивные аспекты политического дискурса (на материале британских, американских и немецких публичных политических речей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2005. – 20 с.

398. Шапошников, В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. – Изд. 2-е испр. и доп. / В. Н. Шапошников. – М. : КомКнига, 2006. – 288 с.

399. Шарманова, О. С. Грузино-российские отношения в зеркале вторичной непрямой номинации (на примере освещения военного конфликта 2008 в немецкоязычных СМИ) / О. С. Шарманова // Политическая лингвистика. – 2009. – № 28. – С. 96–103.

400. Шведова, Н. Ю. К определению концепта как предмета языкознания / Н. Ю. Шведова // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. Сб. статей. – М. : Изд-во РУДН, 2006. – С. 506–510.

401. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.

402. Шехтман, Н. Г. Сопоставительное исследование театральной и спортивной метафоры в российском и американском политическом дискурсе: дис... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 227 с.

403. Шибанова, Е. О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики: (На материале англоязычной прессы): автореф. дисс. … канд. филол. наук. – М., 1999. – 25 с.

404. Шинкаренкова, М. Б. Концептуальная метафора в креолизованных текстах в дискурсе русской рок-поэзии / М. Б. Шинкаренкова // Риторика и лингвокультурология: материалы межвузовской науч. конф., посвященной юбилею УрГПУ, Екатеринбург, 25-26 ноября 2005 / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург : УрГПУ, 2005. – С. 115–118.

405. Ширманов, И. А. Концептуальная метафора в дискурсе президентской предвыборной кампании в США (2004 г.) / И. А. Ширманов // Политическая лингвистика. – 2006. – № 20. – С. 170–175.

406. Шмелева, Т. В. Морбуальная оптика / Т. В. Шмелева // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. – Т. 7. – С. 134–138.

407. Шрайдман, Т. В. Политическая метафора как средство концептуального воздействия на общество / Т. В. Шрайдман // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2009. – № 6. – С. 204–210.

408. Шудегова, Е. А. Милитарная метафора в российском и американском политическом дискурсе / Е. А. Шудегова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2002. – Т. 8. – С. 46–53.

409. Шустрова, Е. В. Лингвокультурные типажи американских президентов / Е. В. Шустрова [и др.]. – Екатеринбург : УрГПУ, 2016. – 276 с.

410. Шустрова, Е. В. Присоединение Крыма к РФ в американской карикатуре / Е. В. Шустрова // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 66–73.

411. Якобсон, С. Первомайские лозунги в Советской России (1918—1943) / С. Якобсон, Г. Лассвелл // Политическая лингвистика. – 2007. – № 21. – С. 123–142.

412. Abadi, A. Source domains of metaphors in political discourse. A cross-cultural study: Israel and the U.S.A. / A. Abadi, Y. Sacerdoti // RASK. International Journal for Language & Communication. – 2001. – Vol. 5. – P. 27–52.

413. Abdel-Raheem, A. The journey metaphor and moral political cognition / A. Abdel-Raheem // Pragmatics & Cognition. – 2014. – Vol. 22(3). – P. 373–401.

414. Abrantes, A. M. É a Guerra. O Uso do Eufemismo na Imprensa. Um Estudo Contrastivo em Linguística Cognitiva / A. M. Abrantes. – Viseu : Passagem Editores, 2002. – 223 p.

415. Aden, R. Entrapment and Escape: Inventional Metaphors in Ronald Reagan's Economic Rhetoric / R. Aden // Southern Communication Journal. – 1988. – Vol. 54. – P. 384–401.

416. Ahrens, K. From Lexical Semantics to Conceptual Metaphors: Mapping Principle Verification with WordNet and SUMO / K. Ahrens, S. Chung, C. Huang // Proceedings of the 5th Chinese Lexical Semantics Workshop (CLSW-5). – Singapore : COLIPS, 2004. – P. 99–106.

417. Ahrens, K. When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor / K. Ahrens // Proceedings of the First Cognitive Linguistics Conference / Ed. by Y. E. Hsiao. – Taipei : National Chengchi University, 2002. – P. 273–302.

418. Akioye, A. A. The Rhetorical Construction of Radical Africanism at the United Nations: Metaphoric Cluster as Strategy / A. A. Akioye // Discourse and Society. – 1994. – Vol. 5. – № 1. – P. 7–31.

419. Akrivoulis, D. E. The Ways of Stargazing: Newtonian Metaphoricity in American Foreign Policy / D. E. Akrivoulis // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 15–27.

420. Al Jumah, F. H. A Comparative Study of Metaphor in Arabic and English: PhD Thesis. – Indiana : Indiana University of Pennsylvania, 2007. – 248 p.

421. Alverson, H. Semantics and Experience: Universal Metaphors of Time in English, Mandarin, Hindi, and Sesotho / H. Alverson. – Baltimor; London : John Hopkins University Press, 1994. – 151 p.

422. Anderson, R. D. 'Look at All Those Nouns in a Row': Authoritarianism, Democracy, and the Iconicity of Political Russian / R. D. Anderson // Political Communication. – 1996. – Vol. 13, № 2. – P. 145–164.

423. Anderson, R. D. Metaphors of Dictatorship and Democracy: Change in the Russian Political Lexicon and the Transformation of Russian Politics / R. D. Anderson // Slavic Review. – 2001b. – Vol. 60. – No. 2. – P. 312–335.

424. Anderson, R. D. The Causal Power of Metaphor: Cueing Democratic Identities in Russia and Beyond / R. D. Anderson // Metaphorical World Politics: Rhetorics of Democracy, War and Globalization / Ed. by F. A. Beer, Ch. De Landtsheer. – East Lansing, MI : Michigan State University Press, 2004. – P. 91-110.

425. Anderson, R. D. The Discursive Origins of Russian Democratic Politics / R. D. Anderson // Post-Communism and the Theory of Democracy / Ed. by R. D. Anderson, M. S. Fish, S. E. Hanson, P. G. Roeder. – Princeton : Princeton University Press, 2001a. – P. 96–125.

426. Andersson, T. Metaphorical Reasoning and Real Prototypes. Empirical Studies of Metaphors and Prototypes of Forest / T. Andersson. – Режим доступа: http://www.lucs.lu.se/ftp/pub/LUCS_Studies/LUCS20.ps (1993).

427. A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, methodology and interdisciplinarity / Ed. by R. Wodak, P. Chilton. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2005. – 320 p.

428. An Introduction to Critical Discourse Analysis in Education / Ed. by R. Rogers. – Mahwah : Lawrence Erlbaum, 2004. – 266 p.

429. Anikin E. E. Historical dynamics of metaphoric systems in Russian political communication / E. E. Anikin, E. V. Budaev, A. P. Chudinov // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 26–32.

430. Aponte, M. M. Metaphors in Hugo Chávez's Political Discourse: Conceptualizing Nation, Revolution, and Opposition : PhD Diss. – New York : The City University of New York, 2008. – 220 p.

431. Arendt, D. Geschichten und Lieder vom Rattenfänger oder Sprache und Bild als demagogische Handlung / D. Arendt // Frankfurter Hefte. – 1983. – Bd. 38, H. 12. – S. 53–63.

432. Atkinson, J. M. Our masters voices: the language and body language of politics / J. M. Atkinson. – London : Methuen, 1984. – 203 p.

433. Augoustinos, M. Reconciliation: The Genesis of a New Social Representation / M. Augoustinos, S. L. Penny // Papers on Social Representations. – 2001. – Vol. 10. – P. 1–18.

434. Bachem, R. Einführung in die Analyse politischer Texte / R. Bachem. – München : Oldenbourg R. Verlag, 1979. – 186 S.

435. Bachem, R. Strukturen und Funktionen der Metapher Unser Gemeinsames Haus Europa im aktuellen politischen Diskurs / R. Bachem, K. Battke // Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauchs in der Politik Opladen / ed. F. Liedtke, M. Wengler, K. Boke. – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1991. – S. 295–307.

436. Bachem, R. Unser gemeinsames Haus Europa: Zum Handlungspotential einer Metapher im öffentlichen Meinungsstreit / R. Bachem, K. Battke // Muttersprache. – 1989. – Bd. 99. – S. 110–126.

437. Baker, P. A corpus-based approach to discourses of refugees and asylum seekers in UN and newspaper texts / P. Baker, T. A. McEnery // Journal of Language and Politics. – 2005. – Vol. 4. – № 2. – P. 197–226.

438. Baldauf, Ch. Metapher und Kognition. Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher / Ch. Baldauf. – Frankfurt am Mein : Peter Lang, 1997. – 357 S.

439. Baranov, A. N. Metaphern im deutschen und russischen öffentlichen Diskurs / A. N. Baranov, D. O. Dobrovol'skij // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch. – Bonn : DAAD, 2003. – S. 11–44.

440. Baranov, A. Die metaphorische Struktur des öffentlichen Diskurses in Russland und Deutschland: Perestrojka- und Wende-Periode / A. Baranov, J. Zinken // Metapher, Bild und Figur: Osteuropäische Sprach- und Symbolwelten / Ed. by B. Symanzik, G. Birkfellner; A. Sproede. – Hamburg : Kovac, 2003. – P. 93–121.

441. Barbe E. Contending metaphors of the European Union as a global actor. Norms and power in the European discourse on multilateralism / E. Barbe, A. Herranz-

Surrallés, M. Natorski // Journal of Language and Politics. – 2015. – Vol. 14(1). – P. 18–40.

442. Barlaan, R. R. Animism exploits linguistic phenomena / R. R. Barlaan // Cognitive Linguistics and Non-Indo-European Languages / Ed. by E. H. Casad, G. B. Palmer. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 173–192.

443. Bärtsch, Ch. Metaphernkonzepte in Pressetexten. Das Verhältnis der Schweiz zu Europa und zur Europäischen Union : Abhandlung zur Erlangung der Doktorwürde der Philosophischen Fakultät der Universität Zürich. – Zürich, 2004. – 233 S.

444. Bassi, S. I sistemi metaforici concettuali nella politica contemporanea : Tesi. – Torino : Università degli Studi di Torino, 1996. – 222 p.

445. Bates, B. R. Audiences, Metaphors, and the Persian Gulf War / B. R. Bates // Communication Studies. – 2004. – Vol. 55. – № 3. – P. 447–463.

446. Baysha, O. Media framing of the Ukrainian political crisis, 2000-2001 / O. Baysha, K. Hallahan // Journalism Studies. – 2004. – Vol. 5(2). – P. 233–246.

447. Becker, M. J. Gewaltmetaphern im französischen Präsidentschaftswahlkampf 2011/12 / M. J. Becker // Metaphern der Gewalt. Konzeptualisierungen von Terrorismus in den Medien vor und nach 9/11. – Tübingen : Francke, 2014. – S. 197–214.

448. Beer, F. A. Body, Mind, and Soul in the Gulf War Debate / F. A. Beer, B. J. Balleck // The Theory and Practice of Political Communication Research / Ed. M. E. Stuckey. – Albany: State University of New York Press, 1996. – P. 159–176.

449. Beer, F. A. Metaphors, Politics and World Politics / F. A. Beer, Ch. De Landtsheer // Metaphorical World Politics / Ed. by F. A. Beer, Ch. De Landtsheer. – East Lancing : Michigan State University Press, 2004. – P. 5–52.

450. Beliakov, V. La réalité russe à travers la métaphorisation des discours médiatiques / V. Beliakov // metaphorik.de. – 2006. – № 10. – P. 31–58.

451. Benoit, W. A fantasy theme analysis of political cartoons on the Clinton-Lewinsky-Starr affair / W. L. Benoit [et al.] // Critical Studies in Media Communication. – 2001. – Vol. 18(4). – P. 377–394.

452. Benoit, W. L. Framing through temporal metaphor: The «bridges» of Bob Dole and Bill Clinton in their 1996 acceptance addresses / W. L. Benoit // Communication Studies. – 2001. – Vol. 52. – P. 70–84.

453. Benson, T. Beacons and Boundary Markers: Landmarks in Rhetorical Criticism / T. Benson // Landmark Essays in Rhetorical Criticism / Ed. by A. A. Lunsford, K. H. Wilson, R. A. Eberly. – Davis, CA : Hermagoras Press, 1993. – P. 11–22.

454. Benzon, W. L. Metaphor, recognition, and neural process / W. L. Benzon, D. G. Hays // The American Journal of Semiotics. – 1987. – Vol. 5(1). – P. 59–79.

455. Berendt, E. A. Intersections and Diverging Paths: Conceptual Patterns on Learning in English and Japanese / E. A. Berendt // Metaphors for Learning: Cross-Cultural Perspectives / Ed. by E. A. Berendt. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2008. – P. 73–102.

456. Bergen, B. To Awaken a Sleeping Giant: Cognition and Culture in 23 September 11 Political Cartoons / B. Bergen // Language, Culture, and Mind / Ed. by M. Achard, S. Kemmer. – Stanford : CSLI, 2004. – P. 2–12.

457. Bergsdorf, W. Herrschaft und Sprache. Studie zur politischen Terminologie der Bundesrepublik Deutschland / W. Bergsdorf. – Pfullingen : Neske, 1983. – 212 S.

458. Berhó, D. L. Working Politics: Juan Domingo Perón's Creation of Positive Social Identity / D. L. Berhó // Rocky Mountain Review of Language and Literature. – 2000. – Vol. 54(2). – P. 65–76.

459. Betz, W. Sprachlenkung und Metaphernstrategie und andere Tendenzen deutscher Sprachentwicklung / W. Betz // Sprache im technischen Zeitalter. – 1977. – Bd. 63. – S. 304–315.

460. Bickes H., Otten T., Weymann L. The financial crisis in the German and English press: Metaphorical structures in the media coverage on Greece, Spain and Italy / H. Bickes, T. Otten, L. Weymann // Discourse and Society. – 2014. – Vol. 25(4). – P. 424–445.

461. Bilgin, E. An Analysis of Turkish Modernity Through Discourses of Masculinities: A thesis for the degree of doctor of philosophy in political science. – Ankara : Middle East Technical University, 2004. – 301 p.

462. Billig, M. Metaphor, idiom and ideology: the search for ‘no smoking guns’ across time / M. Billig, K. MacMillan // Discourse & Society. – 2005. – Vol. 16, № 4. – P. 459–480.

463. Blackwell, A. Metaphors We Program by: Space, Action and Society in Java / A. Blackwell // Proccedings of 18th Workshop of the Psychology of Programming Interest Group / Ed. by P. Romero, J. Good, E. Acosta Chaparro, S. Bryant. – Brighton : University of Sussex, 2006. – P. 7–21.

464. Blaisdell, B. Beyond binaries: The use of metaphor to rearticulate success in school reform / B. Blaisdell // Journal of Thought. – 2004. – Vol. 39(4). – P. 75–88.

465. Betz, W. Sprachlenkung und Metaphernstrategie und andere Tendenzen deutscher Sprachentwicklung / W. Betz // Sprache im technischen Zeitalter. – 1977. – Bd. 63. – S. 304–315.

466. Black, M. More about Metaphor / M. Black // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 19–41.

467. Blackwell, A. F. Pictorial Representation and Metaphor in Visual Language Design / A. F. Blackwell // Journal of Visual Languages & Computing. – 2001. – Vol. 12(3). – P. 223–252.

468. Blankenship, J. The search for the 1972 Democratic nomination: A metaphorical perspective / J. Blankenship // Rhetoric and Communication: Studies in the Illinois Tradition / Ed. by J. Blankenship, H. G. Stelzner. – Urbana, IL: University of Illinois Press, 1976. – P. 236–260.

469. Blommaert J. Discourse: A Critical Introduction / J. Blommaert. – New York : Cambridge University Press, 2005. – 299 p.

470. Boers, F. Applied Linguistics Perspectives on Cross-Cultural Variation in Conceptual Metaphor / F. Boers // Metaphor and Symbol. – 2003. – Vol. 18(4). – P. 231–238.

471. Boers, F., Demecheleer M. A Few Metaphorical Models in (Western) Economic Discourse / F. Boers // Discourse and Perspective in Cognitive Linguistics / Ed. by W.-A. Liebert, G. Redeker, L. R. Waugh. – Amsterdam ; Philadelphia : Benjamins, 1997. – P. 115–129.

472. Borchers, T. A. Rhetorical Theory. An Introduction / T. A. Borchers. – Belmont: Wadsworth, 2006. – 346 p.

473. Borkowski, I. A metafory trwają... Przenośnia jako środek perswazji językowej w czasie kampanii wyborczej w 1991 i 1995 r. / I. Borkowski // Rozprawy Komisji Językowej XXII. – Wrocław, 1996. – T. 22. – S. 159–174.

474. Borkowski, I. Świt wolnego słowa: język propagandy politycznej 1981-1995 / I. Borkowski – Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003. – 196 s.

475. Bosman, J. Effects of Literal and Metaphorical Persuasive Messages / J. Bosman, L. Hagendoorn // Metaphor and Symbolic Activity. – 1991. – Vol. 6(4). – P. 271–292.

476. Bosman, J. Persuasive Effects of Political Metaphors / J. Bosman // Metaphor and Symbolic Activity. – 1987. – Vol. 2, № 2. – P. 97–113.

477. Bouvet, D. Le corps et la métaphore dans les langues gestuelles: à la recherche des modes de production des signes / D. Bouvet. – Paris : L'Harmattan, 1997. – 137 p.

478. Bouvet, D. Metaphors of the Body in Gestural Languages / D. Bouvet // Diogenes. – 1996. – Vol. 44(3). – P. 27–39.

479. Bralczyk, J. O języku polskiej polityki lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych / J. Bralczyk. – Warszawa : Trio, 2003. – 121 s.

480. Bralczyk, J. O języku polskiej propagandy politycznej lat siedemdziesiątych / J. Bralczyk. – Warszawa: Trio, 2001. – 211 s.

481. Brandt, N. C. Constructing school organization through metaphor: Making sense of school reform: PhD Dissertation. – Tallahassee : Florida State University, 2004. – 245 p.

482. Brenner, N. Metaphors We Kill by: Rhetoric and Conceptual Structure in U.S. Army Doctrine: PhD Dissertation. – College Park, 2005. – 240 p.

483. Brower, C. A Cognitive Theory of Musical Meaning / C. Brower // Journal of Music Theory. – 2000. – Vol. 44(2). – P. 323–379.

484. Brown, G. Discourse Analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 288 p.

485. Brugman, C. What is the Invariance Hypothesis? / C. Brugman // Cognitive Linguistics. – 1990. – Vol. 1(2). – P. 257–266.

486. Brummett, B. Rhetoric in Popular Culture / B. Brummett. – New York: St. Martin's Press, 1994. – 243 p.

487. Budaev, E. Metaphors of disease in the Russian press / E. Budaev // XLinguae. A European Scientific Language Journal. – 2017. – Vol. 10. – № 2. – P. 30–37.

488. Budaev, E. Political Metaphors and Cultural Frames: An Example of the US and Russia / E. Budaev // Language, Gender and Politics: A Festschrift for Yisa Kehinde Yusuf / Ed. by A. Odebunmi. – Lagos: Centre for Black and African Culture and Civilisation, 2009. – P. 265–274.

489. Budaev, E. V. Transformations of precedent text: Metaphors We Live by in academic discourse / E. V. Budaev, A. P. Chudinov // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. – 2017. – Vol. 1. – P. 60–67.

490. Buell, E. H. Is the Pen Mightier Than the Word? Editorial Cartoons and 1988 Presidential Nominating Politics / E. H. Buell, M. Maus // Political Science and Politics. – 1988. – Vol. 21(4). – P. 847–858.

491. Bullough, R.V. Exploring personal teaching metaphors in preservice teacher education / R.V. Bullough // Journal of Teacher Education. – 1991. – Vol. 42 (1). – P. 43–51.

492. Burke, K. Rhetoric of Motives / K. Burke. – New York : Prentice-Hall, 1950. – 340 p.

493. Burkhardt, A. Können Wörter lügen? / A. Burkhardt // Universitas. Zeitschrift für interdisziplinäre Wissenschaft. – 1992. – Bd. 47. – S. 831–840.

494. Burkhardt, A. Metaphors We Die By. Die tödliche Metaphorik von Rüstungswerbung, Innen- und Militärpolitik / A. Burkhardt // Germanistik und Deutschunterricht im Zeitalter der Technologie: Selbstbestimmung und Anpassung. Vorträge des Germanistentages 1987. Band 2: Politische Aufgaben und soziale Funktionen von Germanistik und Deutschunterricht / Hrsg. N. Oellers. – Tübingen : Niemeyer, 1988. – S. 72–88.

495. Caballero, R. Cutting across the senses: Imagery in winespeak and audio-visual promotion / R. Caballero // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009. – P. 73–94.

496. Çaglar, A. S. Constraining metaphors and the transnationalisation of spaces in Berlin / A. S. Çaglar // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2001. – Vol. 27. – № 4. – P. 601–613.

497. Candel, B. Political Islam and Translation Metaphors and Frames in Media Reporting and Islamist Rhetoric: Diss. – Guildford : University of Surrey, 2005. – 91 p.

498. Canêdo, L. B. As metáforas da família na transmissão do poder político: questoes de método / L. B. Canêdo // Cadernos Cedes. – 1997. – Vol. 18(42). – P. 29–52.

499. Carmeli, Y. S. Metaphorics and Nationalistic Sparks: The Language of Israeli Soccer Journalism / Y. S. Carmeli // Semiotica. – 2001. – Vol. 135, № 1/4. – P. 61–75.

500. Carney, G. M. Data, Anecdote and Metaphor in Gender Equality Policy-Making: Merging 'Intellectual and Real World Mainstreaming' / G. M. Carney // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 165–181.

501. Carolli, N. Visual Metaphor / N. Carolli // Aspects of Metaphor / Ed. by J. Hintikka. – Dordrecht : Kluwer, 1994. – P. 189–218.

502. Carpenter, R. H. America's Tragic Metaphor: Our Twentieth-Century Combatants as Frontiersmen / R. H. Carpenter // Quarterly Journal of Speech. – 1990. – Vol. 76. – P. 1–22.

503. Carvalho, S. N. Do crime a guerra: Uma análise crítica do discurso político-metafórico dos acontecimentos durante e após o 11 de setembro de 2001 / S. N. Carvalho // Revista philologus. – 2005. – № 33. – P. 41–54.

504. Carvalho, S. N. Metáfora, Cultura e Ideologia: a representação política de um governo através do discurso / S. N. Carvalho // Revista Philologus. – 2007. – Vol. 38. – P. 44–55.

505. Carver, R. Frame That Gene. A Tool for Analysing and Classifying the Communication of Genetics to the Public / R. Carver, R. Waldahl, J. Breivik // Science and Society. – 2008. – Vol. 9(10). – P. 943–947.

506. Carver, T. Real Construction Through Metaphorical Language: How Animals and Machines (Amongst Other Metaphors) Maketh (Hu)Man (What 'He' Is) / T. Carver // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 151–164.

507. Casad, E. H. Speakers, Context, and Cora Conceptual Metaphors / E. H. Casad // Cognitive Linguistics and Non-Indo-European Languages / Ed. by E. H. Casad, G. B. Palmer. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 65–89.

508. Chaban, N. Seeing Ukraine Through Others' Eyes: Cognitive Approach to National Identity Studies / N. Chaban // The Journal of Eurasian Research. – 2004. – Vol.2(1). – P. 52–64.

509. Charteris-Black, J. Britain as a Container: Immigration Metaphors in the 2005 Election Campaign / J. Charteris-Black // Discourse & Society. – 2006. – Vol. 17(5). – P. 563–558.

510. Charteris-Black, J. Comparative Study of Metaphor in Spanish and English Financial Reporting / J. Charteris-Black, T. Ennis // English for Specific Purposes. – 2001. – Vol. 20. – P. 249–266.

511. Charteris-Black, J. Corpus Approaches to Critical Metaphor Analysis / J. Charteris-Black. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. – 263 p.

512. Charteris-Black, J. Fire Metaphors Discourses of Awe and Authority / J. Charteris-Black. – London : Bloomsbury Publishing, 2017. – 238p.

513. Charteris-Black, J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor / J. Charteris-Black. – Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2005. – 239 p.

514. Chilton, P. A. Analysing Political Discourse: Theory and Practice / P. A. Chilton. – London; New York : Routledge, 2004. – 226 p.

515. Chilton, P. Foreign Policy by Metaphor / P. Chilton, G. Lakoff // Language and Peace / Ed. by Ch. Schäffner, A.Wenden. – London ; New York : Routledge, 2004. – P. 37–74.

516. Chilton, P. A. Getting the Message Through. Metaphor and the Legitimation of the Gulf War / P. A. Chilton // Sprache im Konflikt: zur Rolle der Sprache in sozialen, politischen und militärischen Auseinandersetzungen / R. Reiher (Hrsg.). – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 1995. – P. 347–360.

517. Chilton, P. A. Metaphor, Euphemism and the Militarization of Language / P. A. Chilton // Current Research on Peace and Violence. – 1987. – Vol.10 (1). – P. 7–19.

518. Chilton, P. A. Metaphors and Models of International Relations / P. A. Chilton // Englisch-Amerikanische Studien. – 1988. – № 3-4. – P. 395–406.

519. Chilton, P. A. Missing Links in Mainstream CDA: Modules, Blends and the Critical Instinct / P. A. Chilton // A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis. Theory, Methodology and Interdisciplinarity / Ed. by R. Wodak, P. Chilton. – Amsterdam, 2005. – P. 19–51.

520. Chilton, P. A. Nukespeak: Nuclear Language, Culture and Propaganda / P. A. Chilton // Nukespeak: The Media and the Bomb / Ed. by C. Aubrey. – London : Comedia Publishing Group, 1982. – P. 94–112.

521. Chilton, P. A. Security Metaphors. Cold War Discourse from Containment to Common House / P. A. Chilton. – New York; Bern; Frankfurt/M.: Peter Lang, 1996. – 468 p.

522. Chilton, P. A. Words, Discourse and Metaphors: the Meanings of deter, deterrent, and deterrence / P. A. Chilton // Language and the Nuclear Arms Debate / Ed. by P. A. Chilton. – London : Frances Pinter, 1985. – P. 103–127.

523. Chouliaraki, L. Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis / L. Chouliaraki, N. Fairclough. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1999. – 168 p.

524. Chrz, V. Metafory v politice / V. Chrz. – Praha : PsÚ AV ČR, 1999. – 169 s.

525. Chu, L. L. In Search of an Oriental Communication Perspective / L. L. Chu // Intercultural Communication Studies. – 1988. – Vol. 12(4). – P. 39–63.

526. Chudinov A., Budaev E., Tsygankova A., Suetina A. Pedagogical and medical metaphor in political discourse // 5th International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2018 Conference Proceedings. Sofia, 2018. – P. 447–454.

527. Chung, S. ECONOMY IS A PERSON: A Chinese-English Corpora and Ontological-based Comparison Using the Conceptual Mapping Model / S. Chung, K. Ahrens, C. Huang // Proceedings of the 15th ROCLING Conference for the Association for Computational Linguistics and Chinese Language Processing. – Taipei : National Tsing-Hwa University, 2003a. – P. 87–110.

528. Chung, S. ECONOMY IS A TRANSPORTATION DEVICE: Contrastive Representation of Source Domain Knowledge in English and Chinese / S. Chung, C. Huang , K. Ahrens // Proceedings of the special session of Upper Ontologies and Natural Language Processing (UONLP), 2003 International Conference on Natural Language Processing and Knowledge Engineering (NLP-KE). – Beijing, 2003b. – P. 790–796.

529. Chung, S. STOCK MARKETS AS OCEAN WATER: A Corpus-based, Comparative Study in Mandarin Chinese, English and Spanish / S. Chung, K. Ahrens, Y. Sung // National Taiwan University Working Papers in Linguistics. – 2003c. – Vol. 6. – P. 80–90.

530. Cibulskienė, J. Conceptual Metaphor in the Election Discourses of Lithuania and Great Britain: Summary of Doctoral Diss. – Vilnius : Vilnius University, 2006. – 44 p.

531. Cibulskienė, J. The Metaphorization of Elections as war in the 2001 General Election campaign of Great Britain / J. Cibulskienė // Respectus Philologicus. – 2002. – Vol. 2 (7). – P. 102–116.

532. Cienki, A. Bush's and Gore's Language and Gestures in 2000 US Presidential Debates: A Test Case for Two Models of Metaphors / A. Cienki // Journal of Language and Politics. – 2004. – Vol. 3. –№ 3. – P. 409–440.

533. Cienki, A. Frames, Idealized Cognitive Models, and Domains / A. Cienki // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / Ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. – New York : Oxford University Press, 2007. – P. 170–187.

534. Cobb, R. The Political Uses of Symbolism / R. Cobb, Ch. Elder // American Politics Quarterly. – 1973. – Vol. 1, № 3. – P. 305–338.

535. Cochran-Smith, M. The Research Base for Teacher Education: Metaphors We Live (and Die?) by / M. Cochran-Smith // Journal of Teacher Education. – 2002. – Vol. 53. – P. 283–285.

536. Codevilla, G. Military Language in the Constitutional Laws of Soviet Russia / G. Codevilla // Studies in Communication Sciences. – 2003. – Vol. 3(1). – P. 55–76.

537. Coenen, H. G. Analogie und Metapher: Grundlegung einer Theorie der bildlichen Rede / H. G. Coenen. – Berlin : Walter de Gruyter, 2002. – 251 S.

538. Cognitive and Communicative Approaches to Linguistic Analysis / Ed. by E. Contini-Morava, R. S. Kirsner, B. Rodriguez-Bachiller. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2004. – 389 p.

539. Cognitive Approaches to Pedagogical Grammar / Ed. by S. De Knop, T. De Rycker. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2008. – 444 p.

540. Cognitive Aspects of Bilingualism / Ed. by S. Kecskes, L. Albertazzi. – Dordrecht : Springer, 2007. – 362 p.

541. Cognitive Exploration of Language and Linguistics ; Second Revised Edition / Ed. by R. Dirven, M. Verspoor. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2004. – 277 p.

542. Cognitive Linguistic Approaches to Teaching Vocabulary and Phraseology / Ed. by F. Boers, S. Lindstromberg. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2008. – 396 p.

543. Cognitive Linguistics and Non-Indo-European Languages / Ed. by E. H. Casad, G. B. Palmer. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2003. – 456 p.

544. Cognitive Linguistics : Basic Readings / Ed. by D. Geeraerts. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – 485 p.

545. Cognitive Linguistics: Current Applications and Future Perspectives / Ed. by G. Kristiansen, M. Achard, R. Dirven, F. J. Ruiz de Mendoza Ibanez. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – 499 p.

546. Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory / Ed. by C. Hart, D. Lukeš. – Newcastle : Cambridge Scholars Publishing, 2007. – 275 p.

547. Cognitive Linguistics: Internal Dynamics and Interdisciplinary Interaction / Ed. by J. Ruiz de Mendoza Ibanez, M. Sandra, P. Cervel. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2005. – 434 p.

548. Cognitive Linguistics Investigations: Across Languages, Fields and Philosophical Boundaries / Ed. by J. Luchjenbroers. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2006. – 335 p.

549. Cognitive Models in Language and Thought: Ideologies, Metaphors, and Meanings / Ed. by R. Dirven; R. Frank, M. Pütz. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2003. – 437 p.

550. Cognitive Paths into the Slavic Domain / Ed. by D. Divjak, A. Kochańska. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2007.– 463 p.

551. Cognitive Poetics: Goals, Gains and Gaps / Ed. by G. Brone, J. Vandaele. – New York : Mouton De Gruyter, 2009. – 560 p.

552. Cognitive Poetics in Practice / Ed. by J. Gavins, G. Steen. – London ; New York : Routledge, 2003. – 188 p.

553. Cognitive Sociolinguistics: Language Variation, Cultural Models, Social Systems / Ed. by G. Kristiansen, R. Dirven. – Berlin ; New York : Mouton De Gruyter, 2008. – 545 p. –

554. Cognitive Stylistics: Language and cognition in text analysis / Ed. by E. Semino, J. Culpeper. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2002. – 333 p.

555. Concepts: Core Readings / Ed. by E. Margolis, S. Laurence. – London : Bradford Books, 1999. – 652 p.

556. Conceptual Representation / Ed. by H. Moss, J. Hampton. – Hove : Psychology Press, 2003. – 791p.

557. Conners, J. L. Visual Representations of the 2004 Presidential Campaign / J. L. Conners // American Behavioral Scientist. – 2005. – Vol. 49, No. 3. – P. 479–487.

558. Construction Grammar in a Cross-Language Perspective / Ed. by M. Fried, J.-O. Ostman. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2004. – 208 p.

559. Construction Grammars: Cognitive Grounding and Theoretical Extensions / Ed. by M. Fried, J.-O. Ostman. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2005. – 324 p.

560. Constructional Approaches to English Grammar / Ed. by G. Trousdale, N. Gisborne. – Berlin ; New York : Mouton De Gruyter, 2008. – 310 p.

561. Conway, L. G. Beyond the American Reaction: Integrative complexity of Middle Eastern leaders during the 9/11 crisis / L. G. Conway, P. Suedfeld, S. M. Clements // Psicología Política. – 2003. – Vol. 27. – P. 93–103.

562. Corcoran, P. E. Political Language and Rhetoric / P. E. Corcoran – Austin, TX : University of Texas Press, 1979. – 216 S.

563. Corpora in Cognitive Linguistics: Corpus-Based Approaches to Syntax and Lexis / Ed. by S. Th. Gries, A. Stefanowitsch. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2006. – 352 p.

564. Corts, D. P. Factors Characterizing Bursts of Figurative Language and Gesture in College Lectures / D. P. Corts // Discourse Studies. – 2006. – Vol. 8(2). – P. 211–233.

565. Corts, D. P. Spontaneous Production of Figurative Language and Gesture in College Lectures / D. P. Corts, H. R. Pollio // Metaphor and Symbol. – 1999. – Vol. 14. – P. 81–100.

566. Coulson, S. The Menendez Brothers Virus: Analogical Mapping in Blended Spaces / S. Coulson // Conceptual Structure, Discourse, and Language / Ed. by A. Goldberg. – Palo Alto : Center for the Study of Language and Information, 1996. – P. 67–81.

567. Craig, C. J. Narrative Inquiries of School Reform: Storied Lives, Storied Landscapes, Storied Metaphors / C. J. Craig – Greenwich: Information Age, 2003. – 223 p.

568. Crawford, L. E. Conceptual Metaphors of Affect / L. E. Crawford // Emotion Review. – 2009. – Vol. 1(2). – P. 129–139.

569. Critical Discourse Analysis: Theory and Interdisciplinarity / Ed. by G. Weiss, R. Wodak. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2003. – 321 p.

570. Croft, W. Radical Construction Grammar: Syntactic Theory in Typological Perspective / W. Croft – Oxford : Oxford University Press, 2001. – 416 p.

571. Croft, W. Cognitive Linguistics / W. Croft, D. A. Cruse – New York : Cambridge University Press, 2004. – 356 p.

572. Dahl, O. When the future comes from behind: Malagasy and other time concepts and some consequences for communication / O. Dahl // International Journal of Intercultural Relations. – 1995. – Vol. 19. – P. 197–209.

573. Danaher, D. S. A Cognitive Approach to Metaphor in Prose: Truth and Falsehood in Leo Tolstoy's 'The Death of Ivan Il'ich / D. S. Danaher // Poetics Today. – 2003. – Vol. 24. – P. 439–469.

574. Damele, G. Adventures of a metaphor. Apian imagery in the history of political thought / G. Damele // Metaphor and Communication. – Amsterdam: John Benjamins, 2016. – P. 173–188.

575. Daughton, S. M. Metaphorical Transcendence: Images of the Holy War in Franklin Roosevelt's First Inaugural / S. M. Daughton // Quarterly Journal of Speech. – 1993. – Vol. 79. – P. 427–446.

576. Debatin, N. Die Rationalität der Metapher: eine sprachphilosophische und kommunikationstheoretische Untersuchung / N. Debatin – Berlin : Walter de Gruyter, 1995. – 381 S.

577. De Geest, D. Literary Genres from a Systemic-Functionalist Perspective / D. De Geest, H. van Gorp // European Journal of English Studies. – 1999. – Vol. 3. – P. 33–50.

578. De Landtsheer, Ch. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach / Ch. De Landtsheer // Communicatuon and Cognition. – 1991. – Vol. 24(3/4). – P. 299–342.

579. De Landtsheer, Ch. The Language of Prosperity and Crisis: A Case Study in Political Semantics / Ch. De Landtsheer // Politics and the individual. – 1994. – Vol. 4(2). – P. 63–85.

580. De Landtsheer, Ch. Political Impression Management: How Metaphors, Sound Bites, Appearance Effectiveness, and Personality Traits Can Win Elections / Ch. De Landtsheer, Ph. De Vries, D. Vertessen // Journal of Political Marketing. – 2008. – Vol. 7(3/4). – P. 217–238.

581. De Landtsheer, Ch. Talking about Srebrenica. Dutch Elites and Dutchbat. How Metaphors Change During Crisis / Ch. De Landtsheer, I. De Vrij // Metaphorical World Politics / Ed. by F. A. Beer, Ch. de Landtsheer. – East Lansing : Michigan State University Press, 2004. – P. 163–189.

582. De Landtsheer, Ch. The Political Rhetoric of a Unified Europe / Ch. De Landtsheer // Politically Speaking: A Worldwide Examination of Language Used in the Public Sphere / Ed. by O. Feldman, Ch. De Landtsheer. – Westport ; London : Praeger, 1998. – P. 129–145.

583. Delap, L. Philosophical vacuity and political ineptitude: The Freewoman's critique of the suffrage movement / L. Delap // Women's History Review. –2002. – Vol. 11(4). – P. 613–630.

584. De Leonardis, F. War as a Medicine: The Medical Metaphor in Contemporary Italian Political Language / F. De Leonardis // Social Semiotics. – 2008. – Vol. 18, No. 1. – P. 33–45.

585. Dent-Read, C. H. Where Do Metaphors Come From? / C. H. Dent-Read, A. Szokolszky // Metaphor and Symbolic Activity. – 1993. – Vol. 8(3). – P. 227–242.

586. Denton, R. E., Hahn D. F. Presidential Communication: Description and Analysis / R. E. Denton, D. F. Hahn – Westport, Conn. : Praeger, 1986. – 332 p.

587. Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Ed. by D. Weiss. – Bern ; Berlin : Peter Lang, 2000. – 424 S.

588. De Sola Pool, I. Variety and Repetition in Political Language / I. De Sola Pool // Political Behavior: A Reader in Theory and Research / Ed. by H. Eulau. – Glencoe : The Free Press, 1954. – P. 217–231.

589. DeSousa, M. A., Medhurst M. J. Political Cartoons and American Culture: Significant Symbols of Campaign 1980 / M. A. DeSousa, M. J. Medhurst // Studies in Visual Communication. – 1982. – Vol. 8. – P. 84–97.

590. Diamond, M. No Laughing Matter: Post-September 11 Political Cartoons in Arab/Muslim Newspapers // Political Communication. – 2002. – Vol. 19(2). – P. 251–272.

591. Díaz-Peralta, M. Metaphor and ideology: Conceptual structure and conceptual content in Spanish political discourse / M. Díaz-Peralta // Discourse & Communication. – 2018. – Vol. 12(2). – P. 128–148.

592. Dieckmann, W. Politische Sprache – politische Kommunikation: Vorträge, Aufsätze, Entwürfe / W. Dieckmann – Heidelberg : Winter, 1981. – 279 S.

593. Dieckmann, W. Sprache in der Politik. Eine Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache / W. Dieckmann – Heidelberg : Winter, 1975. – 147 S.

594. Dirven, R. Metaphor and Nation: Metaphors Afrikaners Live by / R. Dirven – Frankfurt am Main : Peter Lang, 1994. – 193 p.

595. Discourse Studies / Ed. by T. van Dijk. – Vol. 1. – London : Sage, 2007a. – 377 p.

596. Discourse Studies / Ed. by T. van Dijk. – Vol. 2. – London : Sage, 2007b. – 417 p.

597. Discourse Studies / Ed. by T. van Dijk. – Vol. 3. – London : Sage, 2007c. – 444 p.

598. Discourse Studies / Ed. by T. van Dijk. – Vol. 4. – London : Sage, 2007d. – 440 p.

599. Discourse Studies / Ed. by T. van Dijk. – Vol. 5. – London : Sage, 2007e. – 368 p.

600. Di Sparti, A. Metafora, guerra e strategie comunicative / A. Di Sparti // Raccontare la guerra / a cura di A. Di Sparti, M. Giacomarra. – Palermo : L'Epos, 1995. – P. 13–49.

601. Drommel, R. Metaphern in der politischen Rede / R. Drommel, G. Wolff // Der Deutschunterricht. – 1978. – Bd. 30, H. 1. – S. 71–86.

602. Drulák, P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identiy. – 2005. – Режим доступа: www.lancaster.ac.uk/ias/research groups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc.

603. Drulák, P. Metaphors Europe Lives by: Language and Institutional Change of the European Union. EUI Working Papers. – 2004. – No. 15. – Режим доступа:: www.arena.uio.no/events/documents/Paper_001.pdf.

604. Drulák, P. Motion, Container and Equilibrium: Metaphors in the Discourse about European Integration / P. Drulák // European Journal of International Relations. – 2006. – Vol. 12, No. 4. – P. 499–531.

605. Dunn, J. A. The Transformation of Russian from a Language of the Soviet Type to a Language of the Western Type / J. A. Dunn // Language and Society in Post-Communist Europe: Selected Papers from the Fifth World Congress of Central and East European Studies, Warsaw, 1995 / Ed. by J. Dunn. – Basingtoke : Palgrave Macmillan, 1999. – P. 3–22.

606. Durrheim, K. The Role of Place and Metaphor in Racial Exclusion : South Africa's Beaches as Sites of Shifting Racialization / K. Durrheim, J. Dixon // Ethnic and Racial Studies. – 2001. – Vol. 24(3). – P. 433–450.

607. Dytman, A. „Sierpień 80" – konfrontacja nowomowy z językiem strajkujących robotników / A. Dytman // Rozprawy Komisji Językowej. Wrocławskie Towarzystwo Naukowe. – 1999. – T. XXV. – S. 79–87.

608. Edelman, M. Myths, Metaphors, and Political Conformity / M. Edelman // Psychiatry. – 1967. – Vol. 30. – P. 217–228.

609. Edelman, M. Political Language: Words that Succeed and Policies that Fail / M. Edelman – New York : Academic Press, 1977. – 164 p.

610. Edelman, M. The Symbolic Uses of Politics / M. Edelman – Urbana : University of Illinois Press, 1964. – 164 p.

611. Edelman, M. Constructing the Political Spectacle / M. Edelman – Chicago : University of Chicago Press, 1988. – 137 p.

612. Edwards, J. L. Metaphors of Enmity in Gulf War Political Cartoons / J. L. Edwards // The Ohio Speech Journal. – 1993. – Vol. 30. – P. 62–75.

613. Edwards, J. L. Political cartoons in the 1988 presidential campaign: Image, metaphor, and narrative / J. L. Edwards – New York: Garland Press, 1997. – 165 p.

614. Edwards, J. L. Running in the shadows in campaign 2000: Candidate metaphors in editorial cartoons / J. L. Edwards // American Behavioral Scientist. – 2001. – Vol. 44. – P. 2140–2151.

615. Edwards, J. L. Wee George and the seven dwarfs: Caricature and metaphor in campaign ’88 cartoons / J. L. Edwards // INKS: Cartoon and Comic Arts Studies. – 1995. – Vol. 2. – P. 26–34.

616. Eerden, B. Anger in Asterix: The Metaphorical Representation of Anger in Comics and Animated Films / B. Eerden // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009. – P. 243–264.

617. Eggington, W. The English Language Metaphors We Plan by / W. Eggington // Language Policy: Dominant English, Pluralist Challenges / Ed. by W. Eggington, H. Wren. – Amsterdam : John Benjamins, 1997. – P. 29–46.

618. Eidevall, G. Grapes in the Desert: Metaphors, Models, and Themes in Hosea 4. 14. / G. Eidevall – Stockholm : Almqvist & Wiksell, 1996. – 274 p.

619. Elder, C. D. The Political Uses of Symbols / C. D. Elder, R. W. Cobb – New York : Longman, 1983. – 173 p.

620. El Refaie, E. Metaphor in Political Cartoons: Exploring Audience Responses / E. El Refaie // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009. – P. 173–196.

621. El Refaie, E. Metaphors we discriminate by: Naturalized themes in Austrian newspaper articles about asylum seekers / E. El Refaie // Journal of Sociolinguistics. – 2001. – Vol. 5. – № 3. – P. 352–371.

622. El Refaie, E. Understanding Visual Metaphor: The Example of Newspaper Cartoons / E. El Refaie // Visual Communication. – 2003. – Vol. 2(1). – P. 75–95.

623. Elwood, W. N. Declaring War on the Home Front: Metaphor, Presidents, and the War on Drugs / W. N. Elwood // Metaphor and Symbol. – 1995. – Vol. 10(2). – P. 93–114.

624. Emanatian, M. Chagga ‘Come’ and ‘Go’: Metaphor and the Development of Tense Aspect / M. Emanatian // Studies in Language. – 1992. – Vol. 16. – P. 1–33.

625. Emanatian, M. Metaphor and the Expression of Emotion: The Value of Cross-Cultural Perspectives / M. Emanatian // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol. 10. – № 3. – P. 163–182.

626. Emmorey, K. Mental Imagery and Embodied Cognition: Insights from Sign Language Research / K. Emmorey // Journal of Mental Imagery. – 2002. – Vol. 26. – P. 50–53.

627. Ennis, T. J. A Cross-linguistic Analysis of Metaphorical Lexis and Collocation in English and Spanish Economics Discourse / T. J. Ennis. – Режим доступа: www.surrey.ac.uk/ALRG/dissertations/Ennis_T_1998.pdf.

628. Evans, V. A Glossary of Cognitive Linguistics / V. Evans – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2007a. – 239 p.

629. Evans, V. Cognitive Linguistics. An Introduction / V. Evans, M. Green – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2006a. – 830 p.

630. Evans, V. Figurative language in a cognitive theory of meaning construction: A lexical concepts and cognitive models approach / V. Evans, J. Zinken. – Режим доступа: www.sussex.ac.uk/Users/vyv/Evans&Zinken.pdf.

631. Evans, V. Lexical Concepts, Cognitive Models and Meaning-Construction / V. Evans // Cognitive Linguistics. – 2006b. – Vol. 17 (4). – P. 491–534.

632. Evans, V. The Cognitive Linguistics Enterprise: An Overview / V. Evans, B. K. Bergen, J. Zinken // The Cognitive Linguistics Reader / Ed. by V. Evans, B. Bergen, J. Zinken. – London: Equinox, 2007b. – P. 2–36.

633. Ezrahi, Y. The theatrics and mechanics of action: the theater and the machine as political metaphors / Y. Ezrahi // Social Research. – 1995. – Vol. 62. – № 2. – P. 299–322.

634. Fairclough, N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research / N. Fairclough – London ; New York : Routledge, 2003. – 270 p.

635. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: papers in the critical study of language / N. Fairclough – London ; New York : Longman, 1995. – 265 p.

636. Fairclough, N. Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis / N. Fairclough // Journal of Pragmatics. – 1985. – Vol. 9. – P. 739–763.

637. Fairclough, N. Discourse and Social Change / N. Fairclough – Cambridge: Polity, 1992. – 259 p.

638. Fairclough, N. Language and Power / N. Fairclough – London : Longman, 1989. – 259 p.

639. Fauconnier, G. Conceptual Integration Networks / G. Fauconnier, M. Turner // Cognitive Science. – 1998. – Vol. 22(2). – P. 133–187.

640. Fauconnier, G. Conceptual Projection and Middle Spaces / G. Fauconnier, M. Turner. – 1994. – Режим доступа: http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.ps.

641. Fauconnier, G. Generalized Integration Networks / G. Fauconnier // New Directions in Cognitive Linguistics / Ed. by V. Evans, S. Pourcel. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2009. – P. 147–160.

642. Fauconnier, G. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner – New York : Basic Books, 2002. – 440 p.

643. Felberg, T. R. Inhabiting the Theater of War: The Discourse Models of the NATO bombing of Yugoslavia in Milošević's address to the nation and Đukanović's address to the citizens of Montenegro / T. R. Felberg // Critical Approaches to Discourse Analysis Across Disciplines. – 2007. – Vol. 1(1). – P. 124–147.

644. Fellows, E. W. Propaganda: History of a Word / E. W. Fellows // American Speech. –1959. – Vol. 34(3). – P. 182–189.

645. Fernandez, J. W. Introduction: Confluents of Inquiry / J. W. Fernandez // Beyond metaphor: The theory of tropes in anthropology / Ed. by J. W. Fernandez. – Stanford, CA: Stanford University Press, 1991. – P. 1–13.

646. Ferrari, F. Metaphor at Work in the Analysis of Political Discourse: Investigating a 'Preventive War' Persuasion Strategy / F. Ferrari // Discourse & Society. – 2007. – Vol 18(5). – P. 603–625.

647. Fienup-Riordan, A. Clearing the Path: Metaphors to Live by in Yup'ik Eskimo Oral Tradition / A. Fienup-Riordan // American Indian Quarterly. – 1994. – Vol. 18(1). – P. 61–70.

648. Fiske, J. Television Culture / J. Fiske – New York : Methuen, 1987. – 353 p.

649. Flusberg, S. War metaphors in public discourse / S. Flusberg, T. Matlock, P. Thibodeau // Metaphor and Symbol. – 2018. – Vol. 33(1). – P. 1–18.

650. Fodor, J. A. Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong / J. A. Fodor – Oxford : Claredon Press, 1998. – 174 p.

651. Forceville, Ch. Art or Ad? The Effect of Genre-Attribution on the Interpretation of Images / Ch. Forceville // Siegener Periodicum zur Internationalen Empirischen Literaturwissenschaft. – 1999. – Bd. 18(2). – S. 279–300.

652. Forceville, Ch. Compasses, Beauty Queens and Other PCs: Pictorial Metaphors in Computer Advertisements / Ch. Forceville // Hermes. Journal of Linguistics. – 2000. – Vol. 24. – P. 31–55.

653. Forceville, Ch. Further Thoughts on Delimitating Pictorial Metaphor / Ch. Forceville // Theoria et Historia Scientiarum. – 2002. – Vol. 6. – P. 213–227.

654. Forceville, Ch. Non-Verbal and Multimodal Metaphor in a Cognitivist Framework: Agendas for Research / Ch. Forceville // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009a. – P. 19–42.

655. Forceville, Ch. Pictorial Metaphor in Advertising / Ch. Forceville – London ; New York : Routledge, 1996. – 233 p.

656. Forceville, Ch. The Role of Non-Verbal Sound and Music in Multimodal Metaphor / Ch. Forceville // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009b. – P. 383–400.

657. Forceville, Ch. Metaphors portraying right-wing politician Geert Wilders in Dutch political cartoons / Ch. Forceville, N. van de Laar // Populist Discourse: Critical Approaches to Contemporary Politics. – London : Routledge, 2019. – P. 292–307.

658. Foss, K. Rhetorical Criticism: Exploration and Practice / K. Foss – Long Grove, Illinois : Waveland Press, 2004. – 472 p.

659. Frankowska, M. Frazeologia i metaforyka w tekstach politycznych lat 1989-1993 / M. Frankowska // Jezyk a kultura / Pod red. J. Anusiewicza; B. Sicińskiego. – Wrocław, – 1994. – Tom 11. – S. 21–47.

660. Freeman, D. ‘According to my bond’: King Lear and Re-Cognition / D. Freeman // Language and Literature. – 1993. – Vol. 2. – P. 1–18.

661. Freeman, D. ‘The Rack Dislimns’: Schema and Rhetorical Pattern in Antony and Cleopatra / D. Freeman // Poetics Today. – 1999. – Vol. 20. – P. 443–460.

662. Freeman, M. Metaphor Making Meaning: Dickinson’s Conceptual Universe / M. Freeman // Journal of Pragmatics. – 1995. – Vol. 24. – P. 643–666.

663. Freeman, M. Grounded Spaces: Deictic-Self Anaphors in the Poetry of Emily Dickinson / M. Freeman // Language and Literature. – 1997. – Vol. 6. – P. 7–28.

664. Freeman, M. Poetry and the Scope of Metaphor: Toward a Theory of Cognitive Poetics / M. Freeman // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. by A. Barcelona. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2000. – P. 253–281.

665. Freeman, M. Cognitive Mapping in Literary Analysis / M. Freeman // Style. – 2002. – Vol. 36. – P. 466–483.

666. Frey, J. Metaphorik und Christologie / J. Frey, J. Rohls, R. Zimmermann. – Berlin: Walter de Gruyter, 2003. – 424 p.

667. Fridolfsson, Ch. Deconstructing Political Protest: Doctoral thesis. – Örebro, 2006. – 102 p.

668. Fridolfsson, Ch. Political Protest and Metaphor / Ch. Fridolfsson // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 132–147.

669. From Perception to Meaning : Image Schemas in Cognitive Linguistics / Ed. by B. Hampe J. E. Grady. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2005. – 488 p.

670. Galasiński, D. The linguistic construction of reality in the Black Book of Polish Censorship / D. Galasiński, A. Jaworski // Discourse & Society. – 1997. – Vol. 8(3). – P. 341–357.

671. Gallese, V. A Neuroscientific Grasp of Concepts: From Control to Representation / V. Gallese // Philosophical Transactions: Biological Sciences. – 2003. – Vol. 358, No. 1435. – P. 1231–1240.

672. Gallese, V. The Brain's Concepts: The Role of the Sensory-Motor System in Conceptual Knowledge / V. Gallese, G. Lakoff // Cognitive Neuropsychology. – 2005. – Vol. 22(3/4). – P. 455–479.

673. Gamson, W. A. Media Discourse as Symbolic Contest: The Bomb in Political Cartoons / W. A. Gamson, D. Stuart // Sociological Forum. – 1992. – Vol. 7(1). – P. 55–86.

674. Gardenfors, P. Conceptual Spaces: The Geometry of Thought / P. Gardenfors – Cambridge : The MIT Press, 2000. – 317 p.

675. Geis, M. L. The Language of Politics / M. L. Geis – New York : Springer, 1987. – 189 p.

676. Gibbs, R. W. Bodily Action and Metaphorical Meaning / R. W. Gibbs, N. L. Wilson // Style. – 2002. – Vol. 36(3). – P. 524–540.

677. Gidengil, E. Metaphors and Misrepresentation: Gendered Mediation in News Coverage of the 1993 Canadian Leaders' Debates / E. Gidengil, J. Everitt // Harvard International Journal of Press/Politics. – 1999. – Vol. 4(1). – P. 48–65.

678. Gidengil, E., Everitt J. Conventional Coverage / Unconventional Politicians: Gender and Media Coverage of Canadian Leaders' Debates, 1993, 1997, 2000 / E. Gidengil, J. Everitt // Canadian Journal of Political Science. – 2003a. – Vol. 36(3). – P. 559–577.

679. Gidengil, E., Everitt J. Talking Tough: Gender and Reported Speech in Campaign News Coverage / E. Gidengil, J. Everitt // Political Communication. – 2003b. – Vol. 20, № 3. – P. 209–232.

680. Gidengil, E., Everitt J. Tough Talk: How Television News Covers Male and Female Leaders of Canadian Politi-cal Parties / E. Gidengil, J. Everitt // Women and Electoral Politics in Canada / Ed. M. Tremblay, L. Trimble. – Toronto : Oxford University Press, 2003c. – P. 194–210.

681. Gingras, A.-M. Les metaphores dans le langage politique / A.-M. Gingras // Politique et Societes. – 1996. – Vol. 15(30). – P. 159–171.

682. Giroux, H. A. Closing the achievement gap: A metaphor for children left behind / H. A. Giroux, M. Schmidt // Journal of Educational Change. – 2004. – Vol. 5(3). – P. 213–228.

683. Głowiński, M. Marcowe gadanie: komentarze do słów 1966-1971 / M. Głowiński – Warszawa : Pomost, 1991. – 339 s.

684. Głowiński, M. Nowomowa po polsku / M. Głowiński – Warszawa : Pen, 1990. – 146 s.

685. Goatly, A. Green grammar and grammatical metaphor, or Language and the myth of power, or Metaphors we die by / A. Goatly // Journal of Pragmatics. – 1996. – Vol. 25. – № 4. – P. 537–560.

686. Goatly, A. The Language of Metaphors / A. Goatly – London : Routledge, 1997. – 372 p.

687. Goatly, A. Washing the Brain – Metaphor and Hidden Ideology / A. Goatly – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2007. – 433 p.

688. Goldberg, A. E. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure / A. E. Goldberg – Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1995. – 265 p.

689. Goldberg, A. E. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language / A. E. Goldberg – Oxford : Oxford University Press, 2006. – 280 p.

690. Good, C. H. Die deutsche Sprache und die kommunistische Ideologie / C. H. Good – Frankfurt a. M. : Peter Lang, 1975. – 226 S.

691. Goodnight, G. T. «Iraq is George Bush's Vietnam». Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy / G. T. Goodnight. – Режим доступа: www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/Iraq _and_Vietnam.doc (2004).

692. Grady, J. Blending and Metaphor / J. Grady, T. Oakley , S. Coulson // Metaphor in Cognitive Linguistics / Ed. R. Gibbs, G. Steen. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1999. – P. 101–124.

693. Grady, J. Foundations of Meaning: Primary Metaphors and Primary Scenes: Diss. University of California. – Berkeley : University of California at Berkley, 1997 / J. Grady. – Режим доступа: www.il.proquest.com/umi/dissertations.

694. Grady, J. Primary Metaphors as Inputs to Conceptual Integration / J. Grady // Journal of Pragmatics. – 2005. – Vol. 37, № 10. – P. 1595–1614.

695. Grady, J. Primitive and Compound Metaphors / J. Grady, S. Taub, S. Morgan // Conceptual Structure, Discourse and Language / Ed. by A. Goldberg. –

Stanford, CA: Center for the Study of Language and Information Publications, 1996. – P. 177–187.

696. Green, D. Shaping Political Consciousness: The Language of Politics in America from McKinley to Reagan / D. Green – Ithaca , NY : Cornell University Press, 1987. – 277 p.

697. Gribbin, W. The Juggernaut Metaphor in American Rhetoric / W. Gribbin // Quarterly Journal of Speech. – 1973. – Vol. 59. – P. 297–303.

698. Grieswelle, D. Rhetorik und Politik: Kulturwissenschaftliche Studien / D. Grieswelle – München : Minerva, 1978. – 155 S.

699. Grushkin, D. A. Linguistic Aspects of Metaphorical Expressions of Anger in ASL / D. A. Grushkin // Sign Language and Linguistics. – 1998. – Vol. 1/2. – P. 143–168.

700. Guttieri, K. The Integrative Complexity of American Decision Makers in the Cuban Missile Crisis / K. Guttieri, M. Wallace, P. Suedfeld // Journal of Conflict Resolution. – 1995. – Vol. 39, № 4. – P. 595–621.

701. Halverson, C. M. Lifting the Dark Threat: The Impact of Metaphor in the War Against Terror / C. M. Halverson // Journal of Undergraduate Research. – 2003. – Vol. 6. – P. 1–6.

702. Hammill, B. A. Models, Maxims, and Mother Metaphors: Perceptions of Four Women Regarding Teaching and Scholarship in the Field of Composition: : PhD Dissertation. – Indiana : Indiana University of Pennsylvania, 2005. – 162 p.

703. Handbook of Categorization in Cognitive Science / Ed. by H. Cohen, C. Lefebvre. – Amsterdam : Elsevier, 2005. – 1099 p.

704. Handbook of Cognitive Linguistics and Second Language Acquisition / Ed. by P. Robinson, N. C. Ellis. – New York ; London : Routledge, 2008. – 566 p.

705. Hansen, A. D. Politics and metaphor – a discourse theoretical analyses. ECPR conference 2005, Granada / A. D. Hansen. – 2005. – Режим доступа: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Hansen.pdf.

706. Hardaway, F. Foul Play: Sports Metaphors as Public Doublespeak / F. Hardaway // College English. – 1976. – Vol. 38(1). – P. 78–82.

707. Hardy, V. Metaphoric Myth in the Representation of Hispanics: A Thesis. – Washington, 2003. – 114 p.

708. Hardy-Short, D. C. Fire, Death, and Rebirth: A Metaphoric Analysis of the 1988 Yellowstone Fire Debate / D. C. Hardy-Short, C. B. Short // Western Journal of Communication. 1995. Vol. 59(2). – 103–125.

709. Harper, S. M. A Metaphorical Analysis of Teacher Beliefs about Using Technology in the Classroom: PhD Dissertation. – Kent : Kent State University, 2003. – 113 p.

710. Harris, J. G. Foreign Bodies and the Body Politic: Discourses of Social Pathology in Early Modern England / J. G. Harris – New York ; Cambridge : Cambridge University Press, 1998. – 197 p.

711. Harvey, A. D. The Body Politic: Anatomy of a Metaphor / A. D. Harvey // Contemporary Review. – 1999. – Vol. 275(1603). – P. 85–1993.

712. Hastings, A. Metaphor in Rhetoric / A. Hastings // Western Speech. – 1970. – Vol. 34. – P. 181–194.

713. Heine, B. Cognitive Foundations of Grammar / B. Heine – New York ; Oxford : Oxford University Press, 1997. – 185 p.

714. Heintze, Z. Język polityki w okresie transformacji / Z. Heintze. – Режим доступа: jp.bigweb.pl/index.php.

715. Heisey, D. R. The Strategy of Narrative and Metaphor in Interventionist Rhetoric: International Case Studies / D. R. Heisey // Rhetorical Movement: Essays in Honor of Leland M. Griffin / Ed. by D. Zarefsky. – Evanston, IL : Northwestern University Press, 1993. – P. 186–209.

716. Hellín García, M. J. Fight Metaphors in Spain's Presidential Speeches: J. L. Rodríguez Zapatero (2004-2007) / M. J. Hellín García // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. –2009. – Vol. 22. – P. 127–153.

717. Hellsten, I. Door to Europe or Outpost Towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism / I. Hellsten // Journalism at the Crossroads : Perspectives on Research / ed. J. Koivisto, E. Lauk. – Tartu : Tartu University Press, 1997a. – P. 121–141.

718. Hellsten, I., Renvall M. Inside or Outside of Politics? Metaphor and Paradox in Journalism / I. Hellsten // Nordicom Review. – 1997б. – Vol. 2. – P. 41–48.

719. Henry, D. The rhetorical dynamics of Mario Cuomo's 1984 keynote address: Situation, speaker, metaphor / D. Henry // Southern Speech Communication Journal. – 1988. – Vol. 53(2). – P. 105–120.

720. Heradstveit, D. Changes Iranian Images of How the Axis of Evil Metaphor the USA / D. Heradstveit, G. M. Bonham – Oslo : Norsk Utenrikspolitisk Institutt, 2003. – Paper No. 655. – 36 p.

721. Heradstveit, D., Bonham G. M. The "Axis of Evil" Metaphor and the Restructuring of Iranian Views Toward the US / D. Heradstveit, G. M. Bonham // Vaseteh. Journal of the European Society for Iranian Studies. – 2005. – Vol. 1(1). – P. 89–105.

722. Herbeck, A. D. Three strikes and you're out: the role of sports metaphors in political discourse / A. D. Herbeck // The Cooperstown Symposium on Baseball and American Culture, 1999 / Ed. by P. M. Rutkoff. – Jefferson, NC : Mc Farland, 2000. – P. 133–146.

723. Herlofsky, W. J. What You See is What You Get: Iconicity and Metaphor in the Visual Language of Written and Signed Poetry: A Cognitive Poetic Approach / W. J. Herlofsky // From Sign to Signing: Iconicity in Language and Literature / Ed. by W. G. Müller, O. Fischer. – Amsterdam : John Benjamins, 2003. – P. 41–61.

724. Herman, V. Deictic Projection and Conceptual Blending in Epistolarity / V. Herman // Poetics Today. – 1999. – Vol. 20. – P. 523–541.

725. Hermsen, T. Languages of Engagement: An Investigation of Metaphor, Physicality, Play and Visuality as Tools for Enhancing Student Learning and Perception: PhD Dissertation. – Columbus : Ohio State University, 2003. – 716 p.

726. Hernández, M. L. La metáfora política en la prensa venezolana: Un estudio lingüístico cognitivo / M. L. Hernández // Revista de Ciencias Humanas y Sociales. – 2004. – Vol. 20(44). – P. 55–77.

727. Herrera-Soler, H. Conceptual Metaphors in Press Headlines on Globalisation / H. Herrera-Soler // Annual Review of Cognitive Linguistics. – 2006. – Vol. 4 (1). – P. 1–20.

728. Hidasi, J. Cultural Messages of Metaphors / J. Hidasi // Metaphors for Learning: Cross-Cultural Perspectives / Ed. by E. A. Berendt. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2008. – P. 103–122.

729. Hiraga, M. ‘‘Blending’’ and an Interpretation of Haiku: A Cognitive Approach / M. Hiraga // Poetics Today. – 1999a. – Vol. 20. – P. 461–481.

730. Hiraga, M. Diagrams and Metaphors: Iconic Aspects in Language / M. Hiraga // Journal of Pragmatics. – 1994. – Vol. 22. – P. 5–21.

731. Hiraga, M. Metaphor and Iconicity: A Cognitive Approach to Analysing Texts / M. Hiraga – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. – 261 p.

732. Hiraga, M. Metaphors Japanese Women Live By / M. Hiraga // The Working Papers on Language, Gender and Sexism. – 1991. – Vol. 1. – P. 38–57.

733. Hiraga, M. Rough Sea and the Milky Way: ‘Blending’ in a Haiku Text / M. Hiraga // Computation for Metaphors, Analogy and Agents / Ed. by Ch. L. Nehaniv. – Berlin : Springer Verlag, 1999b. – P. 27–36.

734. Hiraga, M. The Interplay of Metaphor and Iconicity: A Cognitive Approach to Poetic Texts / M. Hiraga // Theoria et Historia Scientiarum: International Journal for Interdisciplinary Studies. – 2002. – Vol. 6. – P. 179–244.

735. Ho-Abdullah, I. The Many Facets of Teaching and Learning in Malay / I. Ho-Abdullah // Metaphors for Learning: Cross-Cultural Perspectives / Ed. by E. A. Berendt. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2008. – P. 123–137.

736. Ho-Abdullah, I. The Metaphors of Malaysian Social-Political Bloggers: A Shared Cognitive Schema? / I. Ho-Abdullah, R. S. Hashim // European Journal of Social Sciences. – 2009. – Vol. 8(3). – P. 514–522.

737. Hogan, P. Cognitive Science, Literature, and the Arts: A Guide for Humanists / P. Hogan – New York : Routledge, 2003. – 272 p.

738. Holland, N. The Brain of Robert Frost: A Cognitive Approach to Literature / N. Holland – London : Routledge, 1988. – 200 p.

739. Holme, R. Mind, Metaphor, and Language Teaching / R. Holme – New York : Palgrave Macmillan, 2004. – 242 p.

740. Holmgreen, L. Setting the Neo-Liberal Agenda: How Metaphors Help Shape Socio-Economic «Realities» / L. Holmgreen // Metaphorik.de. – 2003. – № 5. – P. 90–114.

741. Holy, L. Metaphors of the Natural and the Artifical in Czech Political Discourse / L. Holy // Man. – 2004-2005. – Vol. 29. – P. 809–829.

742. Honohan, I. Metaphors of Solidarity / I. Honohan // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 69–82.

743. Hook, G. D. Making nuclear weapons easier to live with: The political role of language in nuclearization / G. D. Hook // Bulletin of Peace Proposals. – 1985. – Vol. 16(1). – P. 67–77.

744. Howarth, D. Metaphor, catachresis and equivalence: the rhetoric of Freedom to Fly in the struggle over aviation policy in the United Kingdom / D. Howarth, S. Griggs // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 197–211.

745. Howe, J. Carrying the village: Cuna political metaphors / J. Howe // The Social Use of Metaphor / Ed. by D. Sapir, C. Crocker. – Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1977. – P. 132–163.

746. Howe, N. Metaphor in Contemporary American Political Discourse / N. Howe // Metaphor and Symbolic Activity. – 1988. – Vol. 3. – № 2. – P. 87–104.

747. Hudson, K. The Language of Modern Politics / K. Hudson – Basingstoke : Macmillan, 1978. – 167 p.

748. Hülsse, R. From Paradise to Brand: Liechtenstein's Metaphorical Struggle with Globalisation / R. Hülsse // Journal of Language and Politics. – 2009. – Vol. 8(1). – P. 112–135.

749. Hülsse, R. Looking beneath the surface – invisible othering in the German discourse about Turkey's possible EU-accession / R. Hülsse. – 2000. – Режим доступа: http://aei.pitt.edu/644/1/ICHuelsse.pdf.

750. Hülsse, R. Metaphern der EU-Erweiterung als Konstruktionen europäischer Identität / R. Hülsse – Baden-Baden : Nomos, 2003a. – 192 p.

751. Hülsse, R. Sprache ist mehr als Argumentation. Zur wirklichkeitskonstituierenden Rolle von Metaphern / R. Hülsse // Zeitschrift für internationale Beziehungen. – 2003b. – Vol. 10(2). –S. 211–246.

752. Hülsse, R., Spencer A. The Metaphor of Terror: Terrorism Studies and the Constructivist Turn / R. Hülsse // Security Dialogue. – 2008. – Vol. 39(6). – P. 571–592.

753. Hünig, W. K. Political cartoons in First World War: British and German Perspectives / W. K. Hünig // Communicating Ideologies: Multidisciplinary Perspectives on Language, Discourse and Social Practice / Ed. by M. Pütz, J. N. Aertselaer, T. van Dijk. – Berne : Peter Lang, 2004. – P. 503–546.

754. Hymer, B. "If you think of the world as a piece of custard": Gifted children's use of metaphor as a tool for conceptual reasoning / B. Hymer // Gifted Education International. – 2003. – Vol. 17(2). – P. 151–164.

755. Ilie, C. An integrated approach to the analysis of participant roles in totalitarian discourse: The case of Ceausescu’s Agent roles / C. Ilie // Manipulation and Ideologies in the Twentieth Century / Ed. by L. de Saussure, P. Schulz. – Amsterdam : Benjamins, 2005. – P. 191–211.

756. Ilie, C. The Ideological Remapping of Semantic Roles in Totalitarian Discourse, or, How to Paint White Roses Red / C. Ilie // Discourse & Society. – 1998. – Vol. 9. – No. 1. – P. 57–80.

757. Ilyushkina, M. Metaphorical modeling of Russia's image in the mass media: the case of American press / M. Ilyushkina, A. Chudinov // Язык и культура. – 2019. – № 45. – С. 20-30.

758. Imo, W. Construction Grammar und Gesprochene-Sprache-Forschung. Konstruktionen mit zehn matrixsatzfahigen Verben im gesprochenen Deutsch / W. Imo – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 2007. – 374 S.

759. Irandoust, H. The Past Participle: Moving across Conceptual Spaces / H. Irandoust // Cognitive Linguistics. – 1999. – Vol. 10. – P. 279–302.

760. Ito, Y. What Causes the Similarities and Differences Among the Social Sciences in Different Cultures? Focusing on Japan and the West / Y. Ito // Asian Journal of Communication. – 2000. – Vol. 10(2). – P. 93–123.

761. Ivie, R. L. Fire, Flood, and Red Fever: Motivating Truman Doctrine Speech / R. L. Ivie // Presidential Studies Quarterly. – 1999. – Vol. 29(3). – P. 570–591.

762. Ivie, R. L. Literalizing the Metaphor of Soviet Savagery: President Truman's Plain Style / R. L. Ivie // Southern Speech Communication Journal. – 1986. – Vol. 51. – P. 91–105.

763. Ivie, R. L. Metaphor and Motive in the Johnson Administration's Vietnam War Rhetoric / R. L. Ivie // Texts in Context: Critical Dialogues on Significant Episodes in American Political Rhetoric / Ed. by M. Leff, F. Kauffeld. – Davis, CA : Hermagoras Press, 1989. – P. 121–141.

764. Ivie, R. L. Metaphor and the Rhetorical Invention of Cold War 'Idealists' / R. L. Ivie // Communication Monographs. – 1987. – Vol. 54. – P. 165–182.

765. Ivie, R. L. The Metaphor of Force in Prowar Discourse: The Case of 1812 / R. L. Ivie // Quarterly Journal of Speech. – 1982. – Vol. 68. – P. 240–253.

766. Jackendoff, R. Foundations of Language: Brain, Meaning, Grammar, Evolution / R. Jackendoff – New York : Oxford University Press, 2002. – 477 p.

767. Jäger, H.-W. Politische Metaphorik im Jakobinismus und im Vormärz / H.-W. Jäger – Stuttgart : J. B. Metzzler, 1971. – 173 S. – ISBN 3476001954.

768. Jäkel, O. Is Metaphor Really a One-way Street? One of the Basic Tenets of the Cognitive Theory of Metaphor Put to the Test / O. Jäkel // Issues in Cognitive Linguistics / L. G. de Stadler, Ch. Eyrich (Hrsg.). – Berlin ; New York : Walter de Gruyter, 1999. – P. 367–388.

769. Jamieson, K. H. The Metaphoric Cluster in the Rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown, Jr. / K. H. Jamieson // Quarterly Journal of Speech. – 1980. – Vol. 66. – P. 51–72.

770. Jansen, S. C. The Sport/War Metaphor: Hegemonic Masculinity, the Persian Gulf War, and the New World Order / S. C. Jansen, D. Sabo // Sociology of Sport Journal. – 1994. – Vol. 11. – P. 1–17.

771. Jaynes, J. The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind / J. Jaynes – Boston : Houghton Mifflin, 1976. – 467 p. – ISBN 0395324408.

772. Jensen, J. British Voices on the Eve of the American Revolution: Trapped by the Family Metaphor / J. Jaynes // Quarterly Journal of Speech. – 1977. – Vol. 63. – P. 43–50.

773. Jewell, W. Global Community in the News: Metaphor, Media and Post-Cold War Discourse: PhD Dissertation. – Washington: Georgetown University, 1999. – 121 p.

774. Johnson, Ch. R. Constructional Grounding: The Role of Interpretational Overlap in Lexical and Constructional Acquisition: PhD Dissertation. – Berkeley : University of California, 1999. – 500 p.

775. Johnson, E. Proposition 203: A Critical Metaphor Analysis / E. Johnson // Bilingual Research Journal. – 2005. – Vol. 29, № 1. – P. 69–84.

776. Johnson, C. Learnability in the Acquisition of Multiply Senses: SOURCE Reconsidered / C. Johnson // Proceedings of the Twenty-Second Annual Meeting of the Berkley Linguistics Society / Ed. by J. Moxley, J. Juge, M. Juge. – Berkley : Berkley Linguistics Society, 1997a. – P. 469–480.

777. Johnson, C. Metaphor vs. Conflation in the Acquisition of Polysemy: The case of SSE / C. Johnson // Cultural, Typological and Psychological Issues in Cognitive Linguistics / Ed. by M. K. Hiraga, C. Sinha, S. Wilcox. Current Issues in Linguistic Theories 152. – Amsterdam : John Benjamins, 1997b. – P. 155–169.

778. Johnson, C. The Acquisition of the “What’s X doing Y?” Construction / C. Johnson // Proceedings of the Twenty-First Annual Boston University Conference on Language Development / Ed. by E. Hughes, M. Hughes, A. Greenhill. – Somerville : Cascadilal Press, 1997c. – Vol. 2. – P. 343–353.

779. Kahn, H. On Escalation: Metaphors and Scenarios / H. Kahn – London : Pall Mall Press, 1965. – 308 p.

780. Kardela, A. The ‘‘Unreliable Narrator’’: A Cognitive Linguistic Analysis of Truth in Kazuo Ishiguro’s The Remains of the Day / A. Kardela, H. Kardela // Beyond Philology / Ed. by J. Burzynska, D. Stanulewicz. – Gdañsk : Gdañsk University Press, 2002. – Vol. 2. – P. 121–145.

781. Kelle, B. E. Hosea 2: Metaphor and Rhetoric in Historical Perspective / B. E. Kelle – Atlanta : SBL, 2005. – 355 p.

782. Keen, S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination / S. Keen – New York : Harper & Row, 1991. – 199 p.

783. Keller-Bauer, F. Metaphorische Präzedenzen / F. Keller-Bauer // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. – 1983. – Bd. 51. – S. 46–60.

784. Kelly-Holmes, H. “The spoilt children of Europe”. German press coverage of the Nice Treaty referenda in Ireland / H. Kelly-Holmes, V. O’Regan // Journal of Language and Politics. – 2004. – Vol. 3. – № 1. – P. 81–116.

785. Kennedy, J. M. Metaphoric Thought and Devices in Pictures / J. M. Kennedy, C. D. Green, J. Vervaeke // Metaphor and Symbolic Activity. – 1993. – Vol. 8(3). – P. 243–255.

786. Kennedy, V. Intended tropes and unintended metatropes in reporting on the war in Kosovo / V. Kennedy // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 4. – P. 252–265.

787. Kennedy, V. Mystery! Unraveling Edward Gorey's Tangled Web of Visual Metaphor / V. Kennedy // Metaphor and Symbolic Activity. – 1993. – Vol. 8(3). – P. 181–193.

788. Kiklewicz, A. Pragmatyczne aspekty teorii metafor pojęciowych (przy szczególnym uwzględnieniu metafor politycznych w polskich tekstach prasowych) / A. Kiklewicz, M. Prusak // Respectus Philologicus. – 2006. – Vol. 9(14). – P. 20–30.

789. Kittay, E. F. Metaphor: Its Cognitive Force and Linguistic Structure / E. F. Kittay – New York : Oxford University Press, 1987. – 358 p.

790. Kitis E. Read it and believe it: How metaphor constructs ideology in news discourse. A case study / E. Kitis, M. Milapides // Journal of Pragmatics. – 1997. – Vol. 28. – P. 557–590.

791. Kjeldsen, J. What the Metaphor Could Not Tell Us About the Prime Minister’s Bicycle Helmet. Rhetorical Criticism of Visual Political Rhetoric / J. Kjeldsen // Nordicom Review. – 2000. – № 2. – P. 305–327.

792. Klemperer, V. LTI. Notizbuch eines Philologen / V. Klemperer – Berlin : Aufbau Verlag, 1947. – 303 S.

793. Knowledge, Concepts, and Categories / Ed. by K. Lamberts, D. Schank. – Hove : Psychology Press, 1997. – 424 p.

794. Koeller, W. Semiotik und Metapher: Untersuchungen zur grammatischen Struktur und der kommunikaliven Funktion vorn Metaphern / W. Koeller – Stuttgart : Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1975. – 388 S.

795. Koller, V. "A Shotgun Wedding": Co-Occurrence of War and Marriage Metaphors in Mergers and Acquisitions Discourse / V. Koller // Metaphor and Symbol. – 2002. – Vol. 17(3). – P. 179–203.

796. Koller, V. Metaphor and Gender in Business Media Discourse: A Critical Cognitive Study / V. Koller – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2004. – 244 p.

797. Koller, V. Missions and Empires: Religious and Political Metaphors in Corporate Discourse / V. Koller // Metaphor and Discourse / Ed. by A. Musolff, J. Zinken. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. – P. 116–134.

798. Konstruktionen in der Interaktion / Hrsg. von S. Günthner, W. Imo. – Berlin : De Gruyter, 2006. – 372 S.

799. Konstruktionsgrammatik. Von der Anwendung zur Theorie / Hrsg. von A. Stefanowitsch, K. Fischer. – Tübingen : Stauffenburg, 2006. – 210 S.

800. Kövecses, Z. Tocqueville's Passionate "Beast": A Linguistic Analysis of the Concept of American Democracy / Z. Kövecses // Metaphor and Symbol. – 1994. – Vol. 9(2). – P. 113–133.

801. Kövecses, Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling / Z. Kövecses – Cambridge : Cambridge University Press, 2000. – 240 p.

802. Kövecses, Z. Metaphor: A Practical Introduction / Z. Kövecses – New York : Oxford University Press, 2002. – 285 p.

803. Kövecses, Z. Metaphor in Culture: Universality and Variation / Z. Kövecses – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – 314 p.

804. Kövecses, Z. Metaphors of Anger, Pride and Love : A Lexical Approach to the Structure of Concepts / Z. Kövecses – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1986. – 147 p.

805. Kress, G. Linguistic Processes in Sociocultural Practice / G. Kress – Oxford : Oxford University Press, 1989. – 101 p.

806. Kuhn, Th. S. The Structure of Scientific Revolutions / Th. S. Kuhn – Chicago : University of Chicago Press, 1962. – 173 p.

807. Kurz, G. Metapher, Allegorie, Symbol / G. Kurz – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1982. – 112 S.

808. Küster, R. Militärmetaphorik im Zeitungskommentar: Darstellung und Dokumentation an Leitartikeln der Tageszeitungen ‚Die Welt‘ und ‚Süddeutsche Zeitung‘ / R. Küster. – Göppingen : Kümmerle Verlag, 1978. – 253 S.

809. Küster, R. Politische Metaphorik / R. Küster // Sprache und Literatur in Wissenschaft und Unterricht. – 1983. – Bd. 51. – S. 30–45.

810. Kuusisto, R. Framing the Wars in the Gulf and in Bosnia: The Rhetorical Definitions of the Western Power Leaders in Action / R. Kuusisto // Journal of Peace Research. – 1998. – Vol. 35. – № 5. – P. 603–620.

811. Laclau, E. Why Do Empty Signifiers Matter to Politics? / E. Laclau // The lesser evil and the greater good: The theory and politics of social diversity / Ed. by J. Weeks. – London : Verso, 1996. – P. 36–46.

812. Lakoff, G. Don’t Think Of An Elephant! Know Your Values and Frame the Debate: The Essential Guide for Progressives / G. Lakoff. – White River Junction : Chelsea Green Publishing, 2004. – 124 p.

813. Lakoff, G. Metaphor and War, Again / G. Lakoff. – 2003. – Режим доступа: www.alternet.org/story.html?StoryID=15414.

814. Lakoff, G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf / G. Lakoff. – 1991. – Режим доступа: metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm.

815. Lakoff, G. Metaphorical Thought in Foreign Policy. Why Strategic Framing Matters / G. Lakoff. – 2001a. – Режим доступа: www.frameworksinstitute.org/products/meta phoricalthought.pdf.

816. Lakoff, G. Metaphor, Morality, and Politics, or, Why Conservatives Have Left Liberals in the Dust / G. Lakoff // Social Research. – 1995. – Vol. 62(2). – P. 177–214.

817. Lakoff, G. Metaphors of Terror / G. Lakoff. – 2001b. – Режим доступа: www.press.uchicago.edu/ News/911lakoff. html.

818. Lakoff, G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1996. – 421 p.

819. Lakoff, G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought / G. Lakoff, M. Johnson – New York : Basic Books, 1999. – 624 p.

820. Lakoff, G. The Contemporary Theory of Metaphor / G. Lakoff // Metaphor and Thought / Ed. by A. Ortony. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – P. 202–251.

821. Lakoff, G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? / G. Lakoff // Cognitive Linguistics. – 1990. – Vol. 1. – № 1. – P. 39–74.

822. Lakoff, G. Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

823. Langacker, R. Cognitive Grammar: A Basic Introduction / R. Langacker – Oxford : Oxford University Press, 2008. – 562 p.

824. Langacker, R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar / 2nd ed / R. Langacker – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 2002. – 395 p.

825. Langacker, R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol.2: Descriptive Application / R. Langacker – Stanford : Stanford University Press, 1991. – 628 p.

826. Langacker, R. Grammar and Conceptualization / R. Langacker – Berlin; New York : Mouton de Gruyter, 1999. – 427 p.

827. Language and Politics / Ed. by M. J. Shapiro. – New York : New York University Press, 1984. – 253 p.

828. Language and the Cognitive Construal of the World / Ed. by J. R. Taylor, R. E. MacLaury. – Berlin ; New York : Mouton De Gruyter, 1995. – 407 p.

829. Language and the Nuclear Arms Debate: Nukespeak Today / Ed. by P. Chilton. – London : Frances Pinter, 1985. – 244 p.

830. Language in Poltics: Studies in Quantitative Semantics / H. D. Lasswell [et al.]. − New York : George W. Stewart, 1949. – 402 p.

831. Lasswell, H. D. Style in the Language of Politics / H. D. Lasswell // Language of Politics. – New York : George W. Stewart, 1949. – P. 20–39.

832. Lawler, J. M. Metaphors We Compute By / J. M. Lawler // Figures of Thought: For College Writers / Ed. by D. J. Hickey. – Mountain View, CA: Mayfield Publishing, 1999. – P. 411–422.

833. Lee, D. Cognitive Linguistics: An Introduction / D. Lee – New York ; Oxford : Oxford University Press, 2001. – 223 p.

834. Leinfellner, E. Der Euphemismus in der politischen Sprache / E. Leinfellner – Berlin : Duncker and Humblot, 1971. – 177 S.

835. Leites, N. A Study of Bolshevism / N. Leites – Glencoe, Ill. : Free Press, 1953. – 639 p.

836. Leites, N., Bernaut E., Garthoff R. Politburo Images of Stalin / N. Leites // World Affairs. – 1951. – Vol. 3. – P. 317–339.

837. Leonhardt, K. Dem europäischen Körper eine europäische Seele. Körperkonzepte einer europäischen Identität / K. Leonhardt // metaphorik.de. – 2012. – Vol. 22. – P. 65–78.

838. Lewis, B. The Political Language of Islam / B. Lewis – Chicago : University of Chicago Press, 1991. – 184 p.

839. Lippmann, W. A Test of the News / W. Lippmann, Ch. Merz // The New Republic. – 1920. – Vol. 33 (2). – P. 1–42.

840. Lönneker, B. Is There a Way to Represent Metaphors in WordNets? Insights from the Hamburg Metaphor Database / B. Lönneker // Proceedings of the ACL Workshop on the Lexicon and Figurative Language. – Sapporo : Sapporo Convention Center, 2003. – P. 18–26.

841. Lule, J. War and its metaphors: news language and the prelude to war in Iraq, 2003 / J. Lule // Journalism Studies. – 2004. – Vol. 5. – № 2. – P. 179–190.

842. Lundsten, L. Dangerous Metaphors. The Media Coverage of the American Crusade / L. Lundsten, M. Stocchetti // Implications of the Sacred in (Post)Modern Media / Ed. by J. Sumiala-Seppänen, K. Lundby, R. Salokangas. – Göteborg : Nordicom, 2006. – P. 139–158.

843. Lundsten, L. The War against Iraq in Transnational Broadcasting / L. Lundsten, M. Stocchetti. – Режим доступа: http://www.arcadainstitute.fi/mib/papers/GW03.pdf (2003).

844. Lunt, N. A Note on Political Science and the Metaphorical Imagination / N. Lunt // Politics. – 2005. – Vol. 25(2). – P. 73–79.

845. Luoma-aho, M. «Arm» Versus «Pillar»: The Politics of Metaphors of the Western European Union at the 1990-91 Intergovernmental Conference on Political Union / M. Luoma-aho // Journal of European Public Policy. – 2004. – Vol. 11(1). – P. 106–127.

846. Luoma-aho, M. Body of Europe and Malignant Nationalism. A Pathology of the Balkans in European Security Discourse / M. Luoma-aho // Geopolitics. – 2002. –Vol. 7(3). – P. 117–142.

847. Maalej, Z. Figurative Language in Anger Expressions in Tunisian Arabic: An Extended View of Embodiment / Z. Maalej // Metaphor and Symbol. – 2004. – Vol. 19(1). – P. 51–75.

848. Maalej, Z. Metaphors of Learning and Knowledge in the Tunisian Context: A case of Re-categorization / Z. Maalej // Metaphors for Learning: Cross-Cultural Perspectives / Ed. by E. A. Berendt. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2008. – P. 205–223.

849. Maalej, Z. The Embodiment of Fear Expressions in Tunisian Arabic: Theoretical and Practical Implications / Z. Maalej // Applied Cultural Linguistics: Implications for Second Language Learning and Intercultural Communication / Ed. by F. Sharifian, G. B. Palmer. – Amsterdam : John Benjamins, 2007. – P. 87–104.

850. MacCloskey, D. N. Metaphors economists live / D. N. MacCloskey // Social research. – 1995. – Vol. 62. – № 2. – P. 215–237.

851. Machin, D. Global Media Discourse: A Critical Introduction / D. Machin, Th. Van Leeuwen. – London ; New York : Routledge, 2007. – 188 p.

852. Macky, P. W. The Centrality of Metaphors to Biblical Thought: A Method for Interpreting the Bible / P. W. Macky. – Lewiston : Edwin Mellen, 1990. – 311 p.

853. Maes, A. Classifying Visual Rhetoric. Conceptual and Structural Heuristics / A. Maes, J. Schilperoord // Go Figure: New Directions in Advertising Rhetoric / Ed. by B. J. Phillips, E. F. McQuarrie. – Armonk : M. E. Sharpe, 2008. – P. 227–253.

854. Maes, A. Schemes and Tropes in Visual Communication: The Case of Object Grouping in Advertisements / A. Maes, J. Schilperoord // Discourse, Of Course:

An Overview of Research in Discourse Studies / Ed. by J. Renkema. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2009. – P. 67–78.

855. Maglio, P. Metaphors we surf the web by / P. Maglio, T. Matlock. – Режим доступа: http://www.almaden.ibm.com/cs/people/pmaglio/pubs/meta4surf.ps

856. Malszecki, G. M. "He shoots! He scores!": Metaphors of war in sport and the political linguistics of virility: PhD Dissertation.. – North York : York University, 1995. – 344 p.

857. Marín-Arrese, J. Cognition and Culture in Political Cartoons / J. Marín-Arrese // Intercultural Pragmatics. – 2008. – Vol. 5(1). – P. 1–18.

858. Matsuki, K. Metaphors of Anger in Japanese / K. Matsuki // Language and the Cognitive Construal of the World / Ed. by J. R. Taylor; R. MacLaury. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. – P. 137–151.

859. MacCloskey, D. Metaphors Economists Live by / D. MacCloskey // Social Research. – 1995. – Vol. 62. – P. 215–237.

860. Mayher, J. S. Metaphors We (Still) Teach By (?) / J. S. Mayher // English in Australia. – 2003. – № 136. – P. 79–84.

861. McQuarrie, E. F. Visual Rhetoric in Advertising: Text-Interpretive, Experimental, and Reader-Response Analyses / E. F. McQuarrie, D. G. Mick // Journal of Consumer Research. – 1999. – Vol. 26. – P. 37–54.

862. Medhurst, M. Cold War Rhetoric: Strategy, Metaphor, and Ideology / M. Medhurst, R. Ivie, P. Wander. – East Lansing : Michigan University Press, 1997. – 230 p.

863. Mediating Ideology in Text and Image: Ten Critical Studies / Ed. by I. Lassen, J. Strunck, T. Vestergaard. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2006. – 254 p.

864. Medubi, O. Language and Ideology in Nigerian Cartoons / O. Medubi // Cognitive Models in Language and Thought / Ed. by R. Dirven, R. Frank, M. Pütz. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 159–197.

865. Metaphor, Nation and Discourse / Ed. by Ljiljana Šaric. – Amsterdam : Benjamins, 2019. – 219 p.

866. Adamson, T. Metaphors we ought not to live by: Rush Limbaugh in the Age of Cognitive Science / T. Adamson [et al.]. – 1998. – Режим доступа: http://philosophy.uoregon.edu/metaphor/rush.htm.

867. Methods of Critical Discourse Analysis / Ed. by R. Wodak, M. Meyer. – London : Sage, 2001. – 200 p.

868. Methods in Cognitive Linguistics / Ed. by M. Gonzalez-Marquez, I. Mittelberg, S. Coulson, M. J. Spivey. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2007. – 452 p.

869. Miall, D. S. On the Necessity of Empirical Studies of Literary Reading / D. S. Miall // Frame. Utrecht Journal of Literary Theory. – 2000. – Vol. 14. – P. 43–59.

870. Miike, Y. New Frontiers in Asian Communication Theory: An Introduction / Y. Miike // Journal of Multicultural Discourses. – 2009. – Vol. 4(1). – P. 1–5.

871. Miller, C. Ship of State: The Nautical Metaphors of Thomas Jefferson / C. Miller. – Lanham : University Press of America, 2003. – 195 p.

872. Miller, E. F. Metaphor and Political Knowledge / E. F. Miller// American Political Science Review. – 1979. – Vol. 73, № 1. – P. 155–170.

873. Miller, S. I. Uses of Metaphor: A Qualitative Case Study // Qualitative Studies in Education / S. I. Miller, M. Fredericks. – 1988. – Vol. 1(3). – P. 263–272.

874. Milliken, J. L. Metaphors of Prestige and Reputation in American Foreign Policy and American Realism / J. L. Milliken // Post-Realism: The Rhetorical Turn in International Relation / Ed. by F. Beer, R. Hariman. – East Lancing : Michigan State University Press, 1996. – P. 217–238.

875. Mio, J. S. Metaphor and Politics / J. S. Mio // Metaphor and Symbol. – 1997. – Vol. 12(2). – P. 113–133.

876. Mio, J. S. Responses to Metaphors in Politics: Continued Explorations of the Metaphor Extension Hypothesis / J. S. Mio // Warring With Words. Narrative and Metaphor in Politics. – New York : Psychology Press, 2015. – P. 238–249.

877. Mittelberg, I. Metonymy First, Metaphor Second: A Cognitive-Semiotic Approach to Multimodal Figures of Thought in Co-Speech Gesture / I., Mittelberg,

L. R. Waugh // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009. – P. 329–356.

878. Molero de Cabeza, L. El personalismo en el discurso político venezolano. Un enfoque semántico y pragmático / L. Molero de Cabeza // Espacio Abierto. – 2002. – Vol. 11(2). – P. 291–334.

879. Mooij, J. J. A Study of Metaphor: On the Nature of Metaphorical Expressions with Special Reference to Their Reference / J. J Mooij. – Amsterdam : North Holland Publishing Company, 1976. – 196 p.

880. Moreno Lara, M. A. La metáfora conceptual y el lengua político periodístico: configuración, interacciones y niveles de descripción: Tesis. – Logrono : Universidad de la Rioja, 2004. – 562 p.

881. Morris, R. Visual Rhetoric in Political Cartoons: A Structuralist Approach / R. Morris // Metaphor and Symbolic Activity. – 1993. – Vol. 8(3). – P. 195–210.

882. Morgan, S. E. The Message is in the Metaphor: Assessing the Comprehension of Metaphors in Advertisements / S. E. Morgan, T. Reichert // Journal of Advertising. – 1999. – Vol. 28 (4). – P. 1–12.

883. Mottier, V. Metaphors, Mini-Narratives and Foucauldian Discourse Theory / V. Mottier // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 182–194.

884. Mühlhäusler, P. Metaphors Others Live by / P. Mühlhäusler // Language and Communication. – 1995. – Vol. 15(3). – P. 281–288.

885. Müller, C. Words, Gestures, and Beyond: Forms of Multimodal Metaphor in the Use of Spoken Language / C. Müller, A. Cienki // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009. – P. 297–328.

886. Müller, R. Creative Metaphors in Political Discourse. Theoretical considerations on the Basis of Swiss Speeches / R. Müller // metaphorik.de. – 2005. – № 9. – P. 53–73.

887. Mumby, D. K. Ideology and Television News: A Metaphoric Analysis of Political Stories / D. K. Mumby, C. Spitzack // Central States Speech Journal. – 1983. – Vol. 34, № 3. – P. 162–171.

888. Murphy, P. F. Studs, Tools, and the Family Jewels: Metaphors Men Live By / P. F. Murphy. – Madison : University of Wisconsin Press, 2001. – 167 p.

889. Musolff, A. Metaphor and conceptual evolution / A. Musolff // Metaphorik.de. – 2004a. – № 7. – P. 55–75.

890. Musolff, A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe / A. Musolff. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004b. – 224 p.

891. Musolff, A. Metaphorische Parasiten und „parasitäre“ Metaphern: Semantische Wechselwirkungen zwischen politischem und naturwissenschaftlichem Vokabular / A. Musolff // Metaphern und Gesellschaft. Die Bedeutung der Orientierung durch Metaphern. Wiesbaden : Springer, 2011. S. 105–119.

892. Musolff, A. Metaphor Scenarios in Public Discourse / A. Musolff // Metaphor and Symbol. – 2006. – Vol. 21(1). – P. 23–38.

893. Musolff, A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the Public Debate about Europe in Britain and Germany / A. Musolff. – Münich : Iudicum, 2000a. – 214 p.

894. Musolff, A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? / A. Musolff // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2000b. – Vol. 21(3). – P. 216–229.

895. Musolff, A. Political Metaphor Analysis. Discourse and Scenarios / A. Musolff. – London : Bloomsbury Academic, 2016. – 194 p.

896. Musolff, A. The heart of Europe: Synchronic variation and historical trajectories of a political metaphor / A. Musolff // Speaking of Europe. Approaches to complexity in European political discourse. – Amsterdam : John Benjamins, 2013. – P. 135–150.

897. Narayanan, S. S. Knowledge-based action representations for metaphor and aspect (KARMA) : PhD Thesis. – Berkeley : University of California at Berkley, 1997. – 290 p.

898. Narayanan, S. S. Moving Right Along: A Computational Model of Metaphoric Reasoning about Events / S. S. Narayanan // Proceedings of the Sixteenth National Conference on Artificial Intelligence and Eleventh Conference on Innovative

Applications of Artificial Intelligence, July 18-22, 1999, Orlando, Florida, USA. – Menlo Park, CA : AAAI Press, 1999. – P. 121–128.

899. Nasalski, I. Die politische Metapher im Arabischen. Untersuchungen zu Semiotik und Symbolik der politischen Sprache am Beispiel Ägyptens / I. Nasalski. – Wiesbaden : Harrassowitz, 2004. – S. 481.

900. New Directions in Cognitive Linguistics / Ed. by V. Evans, S. Pourcel. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2009. – 519 p.

901. Norgaard, R. B. Metaphors We Might Survive by / R. B. Norgaard // Ecological Economics. –1995. – Vol. 15(2). – P. 129-131.

902. Nuñez, R. E. Aymara, Where the Future is Behind You: Convergent Evidence from Language and Gesture in the Crosslinguistic Comparison of Spatial Realizations of Time / R. E. Nuñez, E. Sweetser // Cognitive Science. – 2006. – Vol. 30. – P. 410–450.

903. Oberhuber, F. Debating the European Constitution: On representations of Europe/the EU in the press / F. Oberhuber, C. Bärenreuter, M. Krzyzanowski, H. Schönbauer, R. Wodak // Journal of Language and Politics. – 2005. – Vol. 4 (2). – P. 227–271.

904. Oberlechner, T. Through Their Own Words: Towards a New Understanding of Leadership through Metaphors / T. Oberlechner, V. Mayer-Schönberger. – 2002. – Режим доступа: http://www.ksg.harvard.edu/leadership/Pdf/OberlechnerMayer SchonbergerWorkingPaper.pdf.

905. O'Brien, G. V. Indigestible Food, Conquering Hordes, and Waste Materials: Metaphors of Immigrants and the Early Immigration Restriction Debate in the United States / G. V. O'Brien // Metaphor and Symbol. – 2003. – Vol. 18. – № 1. – P. 33–47.

906. O’Brien, J. Metaphoricity in the Signs of American Sign Language / J. O’Brien // Metaphor and Symbol. –1999. – Vol. 14(3). – P. 159–177.

907. O'Halloran, K. Critical Discourse Analysis and Language Cognition / K. O’Halloran. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 2003. – 280 p.

908. O’Halloran, K. Critical Discourse Analysis and the Corpus-informed Interpretation of Metaphor at the Register Level / K. O’Halloran // Applied Linguistics. – 2007. – Vol. 28(1). – P. 1–24.

909. Orwell, G. Politics and the English Language / G. Orwell // Horizon. – 1946. – Vol. 13, No. 76. – P. 252–265.

910. Osborn, M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family / M. Osborn // Quarterly Journal of Speech. – 1967a. – Vol. 53. – P. 115–126.

911. Osborn, M. The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic / M. Osborn // Quarterly Journal of Speech. – 1977. – Vol. 63. – P. 347–363.

912. Osborn, M. The Evolution of the Theory of Metaphor in Rhetoric / M. Osborn // Western Speech. – 1967b. – Vol. 31. – P. 121–131.

913. Osborn, M. The Metaphor in Public Address / M. Osborn, D. Ehninger // Speech Monographs. – 1962. – Vol. 29. – P. 223–234.

914. Özçaliskan, S. Metaphorical Motion in Crosslinguistic Perspective: A Comparison of English and Turkish S. Özçaliskan // Metaphor & Symbol. – 2003. – Vol. 18. – P. 189–228.

915. Özçaliskan, S. Metaphors We Move by: Children's Developing Understanding of Metaphorical Motion in Typologically Distinct Languages / S. Özçaliskan //Metaphor and Symbol. – 2007. – Vol. 22(2). – P. 147–168.

916. Pancake, A. S. Taken by Storm: The Exploitation of Metaphor in the Persian Gulf War / A. S. Pancake // Metaphor and Symbol. – 1993. – Vol. 8, № 4. – P. 281–295.

917. Paris, R. Kosovo and the Metaphor War / R. Paris // Political Science Quarterly. – 2002. – Vol. 117. – № 3. – P. 423–450.

918. Partington, A. The Linguistics of Political Argument / A. Partington. – London; New York: Routledge, 2003. – 292 p.

919. Pereira, F. C. Creativity and Artificial Intelligence: A Conceptual Blending Approach / F. C. Pereira. – Berlin ; New York : Mouton De Gruyter, 2007. – 253 p.

920. Perry, S. Rhetorical Functions of the Infestation Metaphor in Hitler's Rhetoric / S. Perry // Central States Speech Journal. – 1983. – Vol. 34. – P. 229–235.

921. Phillips, B. J. Understanding Visual Metaphor in Advertising / B. J. Phillips // Persuasive Imagery. A Consumer Response Perspective / Ed. by L. M. Scott, R. Batra. – Mahwah : Lawrence Erlbaum, 2003. – P. 297–310.

922. Pikalo, J. Mechanical Metaphors in Politics / J. Pikalo // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 41–54.

923. Poletti, E. J. The Gold in the Heads of Scientists: Metaphor and Public Sector Reform / E. J. Poletti // Financial Accountability and Management. – 2004. – Vol. 20(1). – P. 19–38.

924. Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – 293 p.

925. Ponterotto, D. Metaphors We Can Learn By: How Insights from Cognitive Linguistic Research Can Improve the Teaching/Learning of Figurative Language / D. Ponterotto // English Teaching Forum. – 1994. – Vol. 32 (3). – P. 2–7.

926. Popova, Y. ‘‘The Fool Sees with His Nose’’: Metaphoric Mappings in the Sense of Smell in Patrick Suskind’s Perfume / Y. Popova // Language and Literature. – 2002. – Vol. 12. – P. 135–151.

927. Potts, A. Cancer as a Metaphor / A. Potts, E. Semino // Metaphor and Symbol. – 2019. – Vol. 34(2). – P. 81–95.

928. Proctor, T. Visualizing the Metaphor / T. Proctor, S. Proctor, I. Papasolomou // Journal of Marketing Communications. – 2005. – Vol. 11(1). – P. 55–72.

929. Radden, G. Cognitive English Grammar / G. Radden, R. Dirven. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2007. – 375 p.

930. Rakova, M. The Extent of the Literal : Metaphor, Polysemy and Theories of Concepts / M. Rakova. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2003. – 232 p.

931. Rakow, L. F. Women as Sign in Television News / L. F. Rakow, K. Kranich // Journal of Communication. – 1991. – Vol. 41. – P. 8–23.

932. Rash, F. Metaphor in Adolf Hitler’s Mein Kampf / F. Rash // metaphorik.de. – 2005. – № 9. – P. 74–111.

933. Rayner, J. Between Meaning and Event: An Historical Approach to Political Metaphors / J. Rayner // Political Studies. – 1984. – Vol. 32(4). – P. 537–550.

934. G. Wilson // Journal of Clinical Oncology. – 2004. – Vol. 22(19). – P. 4024–4027.

935. Renton, N. E. Metaphorically Speaking : A Dictionary of 3,800 Picturesque Idiomatic Expressions / N. E. Renton. – New York : Warner Books, 1990. – 528 p.

936. Rickert, W. Winston Churchill's Archetypal Metaphors: A Mythopoetic Translation of World War II / W. Rickert // Central States Speech Journal. – 1977. – Vol. 28. – P. 106–112.

937. Ringmar, E. Metaphors of Social Order / Ringmar, E. // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 57–68.

938. Ritchie, L. D. «Argument is War» – Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors / L. D. Ritchie // Metaphor and Symbol. – 2003. – Vol. 18(2). – P. 125–146.

939. Ritchie, L. D. Categories and Similarities: A Note on Circularity / L. D. Ritchie // Metaphor and Symbol. – 2003. – Vol. 18(1). – P. 49–53.

940. Ritchie, L. D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation / L. D. Ritchie // Metaphor and Symbol. – 2004. – Vol. 19(3). – P. 233–244.

941. Ritchie, L. D. Context and Connection in Metaphor / L. D. Ritchie. – Basingstoke : Palgrave, 2006. – 240 p.

942. Ritchie, L. D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation / L. D. Ritchie // Metaphor and Symbol. – 2004b. – Vol. 19(4). – P. 265–287.

943. Rohrer, T. Metaphors We Compute by: Bringing Magic into Interface Design / T. Rohrer. – Режим доступа: http://www.uoregon.edu/~uophil/metaphor /gui4web.htm (1995).

944. Rohrer, T. Mimesis, Artistic Inspiration and the Blends We Live by / T. Rohrer // Journal of Pragmatics. – 2005. – Vol. 37. – P. 1686–1716.

945. Rohrer, T. The Metaphorical Logic of (Political) Rape: The New Wor(l)d Order / T. Rohrer // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol. 10. – № 2. – P. 115–137.

946. Rohrer, T. To Plow the Sea: Metaphors for Regional Peace in Latin America / T. Rohrer // Metaphor and Symbol. – 1991. – Vol. 6(3). – P. 163–181.

947. Rolf, E. Metaphertheorien: Typologie, Darstellung, Bibliographie / E. Rolf. – Berlin : Walter de Gruyter, 2005. – 305 S.

948. Romaine, S. War and Peace in the Global Greenhouse: Metaphors We Die By / S. Romaine // Metaphor and Symbol. – 1996. – Vol. 11 (3). – P. 175–194.

949. Romano, M. The tide, change, nobody can stop it: Metaphor for social action / M. Romano // Discourse & Society. – 2018. – Vol. 29(6). – P. 655–673.

950. Ryazanova-Clarke L. Criminal Rhetoric in Russian Political Discourse / L. Ryazanova-Clarke // Language Design. – 2004. – Vol. 6. – P. 141–160.

951. Saigol, R. Symbolic Violence: Curriculum, Pedagogy and Society / R. Saigol. – Lahore : Society for the Advancement of Education, 2000. – 263 p.

952. Saigol, R. Becoming a Modern Nation: Educational Discourse in the Early Years of Ayub Khan (1958-64) / Saigol, R. – Monograph № 3 (Monograph Series of Council of Social Sciences). – Islamabad : COSS, 2003. – 52 p.

953. Sandikcioglu, E. More metaphorical warfare in the Gulf: Orientalist frames in news coverage / E. Sandikcioglu // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. by A. Barcelona. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 299–320.

954. Santa Ana, O. Brown Tide Rising: Metaphors of Latinos in Contemporary American Public Discourse / O. Santa Ana. – Austin, TX : University of Texas Press, 2002. – 402 p.

955. Santa Ana, O. 'Like an animal I was treated': anti-immigrant metaphor in US public discourse / O. Santa Ana // Discourse and Society. – 1999. – Vol. 10. – № 2. – P. 191–224.

956. Sarcinelli, U. Symbolische Politik. Zur Bedeutung symbolischen Handelns in der Wahlkampfkommunikation der Bundesrepublik Deutschland / U. Sarcinelli. – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1987. – 301 S.

957. Saslaw, J. Forces, Containers and Paths: The Role of the Body Derived Image Schematas in the Conceptualization of Musi / J. Saslaw // Journal of Music Theory. – 1996. – Vol. 40(2). – P. 217–243.

958. Schäffner, C. Die europäische Architektur – Metaphern der Einigung Europas in der deutschen, britischen und amerikanischen Presse / C. Schäffner // Inszen-

ierte Information. Politik und strategische Kommunikation in den Medien / Ed. by A. Grewenig. – Opladen : Westdeutscher Verlag, 1993. – S. 13–30.

959. Schiappa, E. The Rhetoric of Nukespeak / E. Schiappa // Communication Monographs. – 1989. – Vol. 56(3). – P. 253–272.

960. Herrschaft durch Sprache: Politische Reden / Hrsg. W. Schafarschik. – Stuttgart : Reclam, 1976. – 149 S.

961. Schiffrin, D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford : Wiley-Blackwell, 1994. – 470 p.

962. Schilperoord, J. Perceptual and Conceptual Visual Rhetoric. The Case of Symmetric Object Alignment / J. Schilperoord, A. Maes, H. Ferdinandusse // Metaphor and Symbol. – 2008. – Vol. 24. – P. 155–173.

963. Schilperoord, J. Visual Metaphoric Conceptualization in Editorial Cartoons / J. Schilperoord, A. Maes // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009. – P. 213–240.

964. Schoenhals, M. Demonising Discourse in Mao Zedong's China: People vs Non-People / M. Schoenhals // Totalitarian Movements and Political Religions. – 2007. – Vol. 8(3). – P. 465–482.

965. Schwarz, M. Einführung in die Kognitive Linguistik / M. Schwarz. – Tübingen : Francke, 1996. – 238 S.

966. Scolari, C. A. La zona roja: Invasión, espacio y conflicto durante el vértice del G8 en Génova / C. A. Scolari // Sphera Pública. – 2003. – № 3. – P. 229–251.

967. Semino, E. A sturdy baby or a derailing train? Metaphorical representations of the euro in British and Italian newspapers / E. Semino // Text. – 2002. – Vol. 22(1). – P. 107–131.

968. Semino, E. Politics is football: metaphor in the discourse of Silvio Berlusconi in Italy / E. Semino, M. Masci // Discourse and Society. – 1996. – Vol. 7(2). – P. 243–269.

969. Sena, J. F. A Picture Is Worth A Thousand Votes: Geraldine Ferraro and the Editorial Cartoonists / J. F. Sena // Journal of American Culture. – 1985. – Vol. 8. – P. 2–12.

970. Seriot, P. La langue, corps pur de la nation. Le discours sur la langue dans la Russie brejnévienne / P. Seriot // Les Temps Modernes. – 1992. – № 550. – P. 186–208.

971. Seriot, P. La langue du peuple / P. Seriot // Ces langues que l'on dit simple / F. Gadet (éd.). LINX (Univ. de Paris-X). – 1991. – № 25. – P. 121–139.

972. Seymour-Ure, C. What Future for the British Political Cartoon? / C. Seymour-Ure // Journalism Studies. – 2001. – Vol. 2(3). – P. 333–355.

973. Shapiro, M. Language and Political Understanding: The Politics of Discursive Practices / M. Shapiro. – New Haven : Yale University Press, 1981. – 253 p.

974. Shen, Y. Cognitive Constraints on Poetic Figures / Y. Shen // Cognitive Linguistics. – 1997. – Vol. 8. – P. 33–71.

975. Shen, Y., Cohen M. How Come Silence Is Sweet but Sweetness Is Not Silent: A Cognitive Account of Directionality in Poetic Synaesthesia / Y. Shen, M. Cohen // Language and Literature. – 1998. – Vol. 7. – P. 123–140.

976. Shinohara, K. Correspondence Between the Spatial Front/Back Axis and Temporal Concepts in Japanese / K. Shinohara // Studies in Language Sciences 2: Papers from the Second Annual Conference of the Japanese Society for Language Sciences. – Tokyo: Kuroshio, 2002. – P. 281–298.

977. Shinohara, K. Pictorial Metaphors of Emotion in Japanese Comics / K. Shinohara, Y. Matsunaka // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009. – P. 265–292.

978. Siewierska-Chmaj, A. Język polskiej polityki: politologiczno-semantyczna analiza expose premierów Polski w latach 1919-2004 / A. Siewierska-Chmaj. – Rzeszów : Wyższa Szkoła Informatyki i Zarządzania z siedzibą w Rzeszowie, 2006. – 166 s.

979. Silaški, N. The Great Wall of Europe: Verbal and multimodal potrayals of Europe‟s migrant crisis in Serbian media discourse / N. Silaški, T. Đurović // Migration and Media: Discourses about Identities in Crisis. – Amsterdam : John Benjamins, 2019. – P. 183–202.

980. Skirl, H. Metapher / H. Skirl, M. Schwarz-Friesel. – Heidelberg : Winter, 2007. – 100 S.

981. Slingerland, E. Collision with China: Conceptual Metaphor Analysis, Somatic Marking, and the EP-3 Incident / E. Slingerland // International Studies Quarterly. – 2007. – Vol. 51. – P. 53–77.

982. Smith, M. B. The Metaphor (and Fact) of War /M. B. Smith // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. – 2002. – Vol. 8(3). – P. 249–258.

983. So, C. The Summit as War: How Journalists Use Metaphors / C. So // Journalism Qurterly. – 1987. – Vol. 64. – P. 623–626.

984. Sofer, D. O. El Pueblo and La Rosca: A Political Dialogue in Colombia, 1944-1958 : Ph.D. Dissertation. – Austin : University of Texas, 2003. – 361 p.

985. Sommer, E. Metaphors Dictionary / E. Sommer, D. Weiss. – Detroit : Visible Ink, 2001. – 612 p.

986. Sonderling, S. Language as ideology in South African media texts and discursive practice: a need for critical language awareness / S. Sonderling // Communicatio. – 1998. – Vol. 24(2). – P. 11–30.

987. Sormani, Ph. Metaphorical Moves: 'Scientific Expertise' in Research Policy Studies / Ph. Sormani, M. Benninghoff // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 257–270.

988. Spellman, B. A Coherence Model of Cognitive Consistency : Dynamics of Attitude Change During the Persian Gulf War / B. Spellman, J. Ullman , K. Holyoak // Journal of Social Issues. – 1993. – Vol. 49(4). – P. 147–165.

989. Spolsky, E. Gaps in Nature: Literary Interpretation and the Modular Mind / E. Spolsky. – Albany : State University of New York Press, 1993. – 247 p.

990. Sprache und Sprachwissenschaft. Eine kognitiv orientierte Einführung / Hrgs von R. Pörings, U. Schmitz. – Tübingen, 2003. – 294 S.

991. Steen, G. Finding Metaphor in Grammar and Usage / G. Steen. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2007. – 430 p.

992. Steen, G. Genres of Discourse and the Definition of Literature / G. Steen // Discourse Processes. – 1999. – Vol. 28. – P. 109–120.

993. Steen, G. Identifying Metaphor in Language: A Cognitive Approach / G. Steen // Style. – 2002. – Vol. 36(3). – P. 386–407.

994. Steen, G. Literary and Nonliterary Aspects of Metaphor / G. Steen // Poetics Today. – 1992. – Vol. 13, No. 4. – P. 687–704.

995. Steen, G. Understanding Metaphor in Literature / G. Steen. – London : Longman, 1994. – 263 p.

996. Stelzner, H. G. Ford's War on Inflation: A Metaphor That Did Not Cross / H. G. Stelzner // Communication Monographs. –1977. – Vol. 44. – P. 284–287.

997. Stenvoll, D. Metaphors in Sexual Politics / D. Stenvoll. – 2005. – Режим доступа: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Stenvoll.pdf ().

998. Stenvoll, D. Slippery Slopes in Political Discourse / D. Stenvoll // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 28–40.

999. Stockwell, P. Cognitive Poetics : An Introduction / P. Stockwell. – London ; New York : Routledge, 2002. – 193 p.

1000. Straehle, C. Struggle as Metaphor in European Union Discourses on Unemployment / C. Straehle et al. /// Discourse and Society. – 1999. – Vol. 10. – № 4. – P. 67–100.

1001. Stuckey, M. E. Remembering the future: Rhetorical echoes of World War II and Vietnam in George Bush’s public speech on the Gulf War / M. E. Stuckey // Communication Studies. – 1992. – Vol. 43. – P. 245–256.

1002. Suedfeld, P. Changes in Integrative Complexity Prior to Surprise Attacks / P. Suedfeld, S. Bluck // Journal of Conflict Resolution. – 1988. – Vol. 32, No. 4. – P. 626–635.

1003. Suedfeld, P. Conceptual/integrative complexity / P. Suedfeld, P. Tetlock, S. Streufert // Motivation and Personality: Handbook of thematic content analysis / Ed. by C. P. Smith, J. W. Atkinson, D. C. McClelland, J. Veroff. – New York : Cambridge University Press, 1992. – P. 393–400.

1004. Suedfeld, P. Early communications in the war against terrorism: An integrative complexity analysis / P. Suedfeld, D. C. Leighton // Political Psychology. – 2002. – Vol. 23. – P. 585–599.

1005. Suedfeld, P. Integrative complexity of western and terrorist leaders in the war against the Afghan terrorist regime / P. Suedfeld // Psicología Política. – 2003. – Vol. 27. – P. 79–91.

1006. Sun, D. Thurber's Fables for Our Time: A Case Study in Satirical Use of the Great Chain Metaphor / D. Sun // Studies in American Humor. – 1994. – Vol. 3. – P. 51–61.

1007. Svensson, A. Ein heißgelaufener Motor auf einer Woge widriger Winde – oder: Wie sollen wir uns die Wirtschaft vorstellen? / A. Svensson // Osnabrücker Beiträge zur Sprachtheorie. – 1980. – Bd. 16. – P. 112–117.

1008. Sweetser, E. "The Suburbs of Your Good Pleasure": Cognition, Culture, and the Bases of Metaphoric Structure / E. Sweetser // Shakespeare International Yearbook / Ed. by G. Bradshaw, T. Bishop, M. Turner. – Aldershot : Ashgate, 2004. – Vol. 4: Shakespeare Studies Today. – P. 24–55.

1009. Sweetser, E. Whose Rhyme is Whose Reason? Sound and Sense in Cyrano de Bergérac / E. Sweetser // Language and Literature. – 2006. – Vol. 15. – P. 29–54.

1010. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics. – Vol. 1. Concept Structuring Systems / L. Talmy. – Cambridge, Mass. : The MIT Press, 2003a. – 573 p.

1011. Talmy, L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy. – Vol. 2. Typology and Process in Concept Structuring. – Cambridge, Mass. : The MIT Press, 2003b. – 503 p.

1012. Taub, S. F. Language from the Body: Iconicity and Metaphor in American Sign Language / S. F. Taub. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 257 p.

1013. Taylor, J. Cognitive Grammar / J. Taylor. – Oxford : Oxford University Press, 2002. – 621 p.

1014. Taylor, J. Metaphors We Serve By: Critical and Constructive Play with the Discourses on Service, National Service, and Service-Learning / J. Taylor. – Saarbrücken : VDM Verlag, 2008. – 228 p.

1015. Taylor, J. Red dogs and rotten mealies: How Zulus talk about anger / J. Taylor, T. Mbense // Speaking of emotions: Conceptualization and expression / Ed.

by A. Athanasiadou, E. Tabakowska. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1998. – P. 191–226.

1016. Teng, N. Y. Image Alignment in Multimodal Metaphor / N. Y. Teng // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009. – P. 197–211.

1017. Teng, N. Y. Grouping, Simile, and Oxymoron in Pictures: A Design-Based Cognitive Approach / N. Y. Teng, S. Sun // Metaphor and Symbol. – 2002. – Vol. 17. – P. 295–316.

1018. Terchek, R. J. Political Metaphors: Markets or Oligopolies? / R. J. Terchek // Associations. – 1999. – Vol. 3(2). – P. 165–183.

1019. Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Ed. by C. R. Caldas-Coulthard, M. Coulthard. – London ; New York : Routledge, 1996. – 294 p.

1020. Thaiss, G. The Conceptualization of Social Change Through Metaphor / G. Thaiss // Journal of African and Asian Studies. – 1978. – Vol. 13(1-2). – P. 1–13.

1021. The Handbook of Political Communication / Ed. by D. Nimmo, K. R. Sanders. – Beverly Hills : Sage, 1981. – 732 p.

1022. The Historical Linguistics-Cognitive Linguistics Interface / Ed. by J. G. Vazquez, M. Martinez, P. Ron Vaz. – Huelva : Universidad De Huelva, 2006. – 258 p.

1023. Thompson, S. Politics Without Metaphors is Like a Fish Without Water / S. Thompson // Metaphor: implications and applications / ed. by J. S. Mio, A. N. Katz. – Mahwah, NJ : Erlbaum, 1996. – P. 185–201.

1024. The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics / Ed. by D. Geeraerts, H. Cuyckens. – New York : Oxford University Press, 2007. – 1334 p.

1025. Thornborrow, J. Metaphors of security: A comparison of representations in defence discourse in post-cold-war France and Britain / J. Thornborrow // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4(1). – P. 99–119.

1026. Thornbury, S. Metaphors We Work by: EFL and its Metaphors / S. Thornbury // English Language Teaching Journal. – 1991. – Vol. 45(3). – P. 193–200.

1027. Tissari, H. Metaphors We Love by: On the Cognitive Metaphors of LOVE from the 15th Century to the Present / H. Tissari. // Studia Anglica Posnaniensia. – 2001. – Vol. 36. – P. 217–242.

1028. Tjarks, A. Familienbilder gleich Weltbilder. Wie familiäre Metaphern unser politisches Denken und Handeln bestimmen. – Wiesbaden : Springer, 2011. – 274 S.

1029. Tsur, R. Toward a Theory of Cognitive Poetics / R. Tsur. – Amsterdam : North Holland, 1992. – 573 p.

1030. Tsur, R. Poetic Rhythm – Structure and Performance: An Empirical Study in Cognitive Poetics / R. Tsur. – Berne : Peter Lang Verlag, 1998. – 378 p.

1031. Tsur, R. On the Shore of Nothingness: A Study in Cognitive Poetics / R. Tsur. – Exeter : Imprint Academic, 2003. – 380 p.

1032. Turner, M. Aspects of the Invariance Hypothesis / M. Turner // Cognitive Linguistics. – 1990. – Vol. 1, № 2. – P. 247–255.

1033. Turner, M. Conceptual Integration and Formal Expression / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Symbolic Activity. – 1995. – Vol. 10(3). – P. 183–204.

1034. Turner, M. Death is the Mother of Beauty: Mind, Metaphor, Criticism / M. Turner, G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 224 p.

1035. Turner M. Metaphor, Metonymy, and Binding / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. – Berlin ; New York, 2000. – P. 133–145.

1036. Ukosakul, M. Conceptual metaphors motivating the use of Thai ‘face’ / M. Ukosakul / M. Ukosakul // Cognitive Linguistics and Non-Indo-European Languages / Ed. by E. H. Casad, G. B. Palmer. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 275–303.

1037. Underhill, J. W. The Switch: Metaphorical Representation of the War in Iraq From September 2002 – May 2003 / J. W Underhill // metaphorik.de. – 2003. – № 5. – P. 135–165.

1038. Undie, Ch.-Ch. Metaphors We Love by / Ch.-Ch. Undie, J. Crichton, E. Zulu // African Journal of Reproductive Health. – 2007. – Vol. 11(3). – P. 221–235.

1039. Ungerer, F. An Introduction to Cognitive Linguistics / F. Ungerer, H. J. Schmid. – London : Longman, 2006. – 384 p.

1040. Urios-Aparisi, E. Interaction of Multimodal Metaphor and Metonymy in TV Commercials: Four Case Studies / E. Urios-Aparisi // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009. – P. 95–117.

1041. Van der Valk, I. Political Discourse on Ethnic Issues, a Comparison of the Right and the Extreme-Right in the Netherlands and France (1990-1997). – Режим доступа:
http://www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/grenoble/ws14/
valk.pdf

1042. Van Dijk, T. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach / T. Van Dijk. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 267 p. – ISBN 0521130301.

1043. Van Dijk, T. Principles of Critical Discourse Analysis / T. Van Dijk // Discourse and Society. – 1993. – Vol. 4(2). – P. 243–289.

1044. Van Hulst, M. J. Love and Life in Heart-less Town: Or, the Use of Metaphor in Local Planning / M. J. Van Hulst // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 212–224.

1045. Van Leeuwen, Th. Discourse and practice: New Tools for Critical Discourse Analysis / Th. Van Leeuwen. – Oxford ; New York : Oxford University Press, 2008. – 172 p.

1046. Van Mulken, M. Puns, Relevance and Appreciation in Advertisements / M. Van Mulken, R. Van Enschot-van Dijk, H. Hoeken // Journal of Pragmatics. – 2005. – Vol. 37. – P. 707-721.

1047. Van Teeffelen, T. Racism and Metaphor: The Palestinian-Israeli conflict in popular literature / T. Van Teeffelen // Discourse and Society. – 1994. – Vol. 5(3). – P. 381–405.

1048. Van Zoonen, L. Feminist Media Studies / L. Van Zoonen. – Thousand Oaks : Sage, 1994. – 173 p.

1049. Variation in Political Metaphor / Ed. by J. Perez et al. – Amsterdam : John Benjamins, 2019. – 212 p.

1050. Varieties and directions of inter-domain influence in metaphor / J. A. Barnden // Metaphor and Symbol. – 2004. – Vol. 19(1). – P. 1–30.

1051. Vertessen D. Metaphorical Election Style? Patterns of Symbolic Language in Belgian Politics / D. Vertessen, Ch. De Landtsheer. – 2005. – Режим доступа: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsessions/paperarchive/granada/ws14/Vertessen.pdf.

1052. Vertessen, D. A Metaphorical Election Style: Use of Metaphor at Election Time / D. Vertessen, Ch. De Landtsheer // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 271–285. .

1053. Vicari, P. Renaissance Emblematica / P. Vicari // Metaphor and Symbolic Activity. – 1993. – Vol. 8(3). – P. 153–168.

1054. Voss, J. F. Experts at Debate: The Use of Metaphor in the U.S. Senate Debate on the Gulf Crisis / J. F. Voss, J. Kennet, J. Wiley, T. Schooler // Metaphor and Symbol. – 1992. – Vol. 7. – № 3/4. – P. 197–214.

1055. Wallace, M. Political Rhetoric of Leaders under Stress in the Gulf Crisis / M. Wallace, P. Suedfeld, K. Thachuk // Journal of Conflict Resolution. – 1993. – Vol. 37, № 1. – P. 94–107.

1056. Walter, J. Discursive Metaphor Analysis: (De)Construction(s) of Europe / J. Walter, J. Helmig // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 119–131.

1057. Walter, J. Metaphors as Agents of Signification. Towards a Discursive Analyses of metaphors / J. Walter, J. Helmig. – 2005. – Режим доступа: www.essex.ac.uk/ecpr/events/jointsesions/paperarchive/granada/ws14/Helmig.pdf.

1058. Wee, L. Divorce before marriage in the Singapore–Malaysia relationship: The Invariance Principle at work / L. Wee // Discourse and Society. – 2001. – Vol. 12(4). – P. 535–549.

1059. Wei, J. M. Politics is Marriage and Show Business. A View From Recent Taiwanese Political Discourse / J. M. Wei // New Media Language / Ed. by J. Aitchison, D. M. Lewis. – London : Routledge, 2003. – P. 126–135.

1060. Wei, J. M. Virtual Missiles: Allusions and Metaphors Used in Taiwanese Political Discourse / J. M. Wei. – Lanham : Lexington Books, 2001. – 144 p.

1061. Wee, L. Divorce Before Marriage in the Singapore–Malaysia Relationship: The Invariance Principle at Work / L. Wee // Discourse and Society. – 2001. – Vol. 12. – № 4. – P. 535–549.

1062. Weiss, D. Alle vs. einer. Zur Scheidung von good guys vs. bad guys in der sowjetischen Propagandasprache / D. Weiss // Slavistische Linguistik 1999. Referate des XXV. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens / Ed. by W. Breu. – Konstanz, 1999. – P. 235–275.

1063. Weiss D. Die Entstalinisierung des propagandistischen Diskurses (am Beispiel der Sowjetunion und Polens) / D. Weiss // Schweizer Beiträge zum XII. Internationalen Slavisten-Kongress 1998 in Krakau / Ed. by J. P Locher. – Bern : Peter Lang, 1998. – P. 461–506.

1064. Weiss, D. Die Verwesung vor dem Tode. N. S. Chruščëvs Umgang mit Fäulnis-, Aas- und Müllmetaphern / D. Weiss // Der Tod in der Propaganda (Sowjetunion und Volksrepublik Polen) / Ed. by D. Weiss. – Bern ; Berlin : Peter Lang, 2000. – P.191–257.

1065. Welton, J. What Did You Say? What Do You Mean?: An Illustrated Guide to Understanding Metaphors / J. Welton, J. Telford, E. Newson. – London : Jessica Kingsley, 2004. – 112 p.

1066. White, M. Metaphor and Ideology in the Press Coverage of Telecom Corporate Consolidations / M. White, H. Herrera // Cognitive Models in Language and Thought: Ideology, Metaphors and Meanings / Ed. by R. Dirven, R. Frank, M. Pütz. – Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2003. – P. 281–323.

1067. Widdowson, H. G. Text, Context, Pretext: Critical Issues in Discourse Analysis / H. G. Widdowson. – Oxford : Blackwell Publishing, 2004. – 185 p.

1068. Wierzbicka, A. English : Meaning and Culture / A. Wierzbicka. – New York : Oxford University Press, 2006. – 352 p.

1069. Wierzbicka, A. Metaphors Linguists Live by: Lakoff & Johnson Contra Aristotle / A. Wierzbicka // Papers in Linguistics. – 1986. – Vol. 19(2). – P. 287–313.

1070. Wierzbicka, A. Semantics, Culture, and Cognition : Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations / A. Wierzbicka. – New York ; Oxford : Oxford University Press, 1992. – 487 p.

1071. Wierzbicka, A. Overcoming Anglocentrism in Emotion Research / A. Wierzbicka // Emotion Review. – 2009. – Vol. 1, No. 1. – P. 21–23.

1072. Wierzbicka, A. Understanding Cultures Through Their Key Words: English, Russian, Polish, German, and Japanese / A. Wierzbicka. – New York : Oxford University Press, 1997. – 317 p.

1073. Wilcox, Ph. P. Metaphor in American Sign Language / Ph. Wilcox. – Washington : Gallaudet University Press, 2000. – 213 p.

1074. Wildgen, W. Kognitive Grammatik: klassische Paradigmen und neue Perspektiven / W. Wildgen. – Berlin : Walter de Gruyter, 2008. – 251 S.

1075. Wilson, J. Politically Speaking: The Pragmatic Analysis of Political Language / J. Wilson. – Oxford : Basil Blackwell, 1990. – 203 p.

1076. Wodak, R. Critical Linguistics and Critical Discourse Analysis / R. Wodak // Handbook of Pragmatics / Ed. by J. Verschuren, J. Ostman, J. Blommaert. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 1995. – P. 204–210.

1077. Wodak, R. Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA / R. Wodak // Discourse Studies. – 2006. – Vol. 8(1). – P. 179–190.

1078. Wodak, R. The Discourse of Politics in Action / R. Wodak. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2009. – 252 p.

1079. Wodak, R. Introduction / R. Wodak, Ch. Ludwig // Challenges in a Changing World: Issues in Critical Discourse Analysis / Ed. by R. Wodak, Ch. Ludwig. – Vienna : Passagenverlag, 1999. – P. 11–20.

1080. Wolf, A. Essensmetaphern im Kontext von Aids und Hexerei in Malawi / A. Wolf // Die gesellschaftliche Konstruktion von Befindlichkeit. Ein Sammelband zur Medizinethnologie / Hrgs. von A. Wolf, M. Stürzer. – Berlin : Verlag für Wissenschaft und Bildung, 1996. – S. 205–221.

1081. Woll, B. Visual Imagery and Metaphor in British Sign Language / B. Woll // The Ubiquity of Metaphor: Metaphor in Language and Thought / Ed. by W. Paprotté, R. Dirven. – Amsterdam : Benjamins, 1985. – P. 601–628.

1082. Wye, M. E. Jane Austen's Emma: Embodied Metaphor as a Cognitive Construct / M. E. Wye. – Lewiston, NY : Edwin Mellen Press, 1998. – 137 p.

1083. Xing, L. Rhetoric of the Chinese Cultural Revolution – The Impact on Chinese Thought, Culture and Communication / L. Xing. – Columbia : University of South Carolina Press, 2004. – 250 p.

1084. Xue, J. Conceptual Metaphor in American Presidential Inaugural Addresses / J. Xue, Z. Mao, N. Li // Theory and Practice in Language Studies. – 2013. – Vol. 3(4). – P. 678–683.

1085. Yamanaka, K. The Tradition and Transformation of Metaphor in Japanese / K. Yamanaka // Metaphors for Learning: Cross-Cultural Perspectives / Ed. by E. A. Berendt. – Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins, 2008. – P. 29–51.

1086. Yanow, D. Cognition Meets Action: Metaphors as Models of and Models for / D. Yanow // Political Language and Metaphor: Interpreting and Changing the World / Ed. by T. Carver, J. Pikalo. – London : Routledge, 2008. – P. 225–238.

1087. Young, J. W. Totalitarian language: Orwell's Newspeak and its Nazi and Communist Antecedents / J. W. Young. – Charlottesville : University Press of Virginia, 1991. – 320 p.

1088. Yu, N. Chinese Metaphors of Thinking / N. Yu // Cognitive Linguistics. – 2003. – Vol. 14. – № 2/3. – P. 141–165.

1089. Yu, N. Figurative Uses of Finger and Palm in Chinese and English / N. Yu // Metaphor and Symbol. – 2000. – Vol. 15. – № 3. – P. 159–175.

1090. Yu, N. The Chinese Heart in a Cognitive Perspective : Culture, Body, and Language / N. Yu. – Berlin ; New York : Mouton De Gruyter, 2009. – 444 p.

1091. Yu, N. The eyes for sight and mind / N. Yu // Journal of Pragmatics. – 2004. – Vol. 36. – P. 663–686.

1092. Yule, G. Pragmatics / G. Yule. – Oxford : Oxford University Press, 2000. – 138 p.

1093. Yus, F. Visual Metaphor Versus Verbal Metaphor: A Unified Account / F. Yus // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009. – P. 147–172.

1094. Zarefsky, D. President Johnson's war on poverty / D. Zarefsky. – Tuscaloosa : University of Alabama Press, 1986. – 304 p.

1095. Zashin, E. The Uses of Metaphor and Analogy: Toward a Renewal of Political Language / E. Zashin, P. C. Chapman // The Journal of Politics. – 1974. – Vol. 36(2). – P. 290–326.

1096. Zbierska-Sawala, A. The Conceptualisation of the EuropeanUnion in Polish Public Discourse, 2002-2003 / A. Zbierska-Sawala // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2004. – Vol. 25(5/6). – P. 408–423.

1097. Zbikowski, L. M. Music, Language, and Multimodal Metaphor / L. M. Zbikowski // Multimodal Metaphor / Ed. by Ch. J. Forceville, E. Urios-Aparisi. – Berlin : Mouton De Gruyter, 2009. – P. 359–381.

1098. Zbikowski, L. M. Conceptualizing Music: Cognitive Structure, Theory, and Analysis / L. M. Zbikowski. – New York : Oxford University Press, 2002. – 360 p.

1099. Zglobiu, R. O. Metaphor, Metonymy and Analogy in Political Discourse / R. O. Zglobiu // Studia Universitatis Babes-Bolyai. Philologia. – Cluj-Napoca, 2006. – № 2. – P. 133–137.

1100. Zimmermann, H. D. Die politische Rede: Der Sprachgebrauch Bonner Politiker / H. D. Zimmerman. – Stuttgart : Kohlhammer, 1975. – 237 S.

1101. Zimmerman, R. Metaphertheorie und biblische Bildersprache. Ein methodologischer Versuch / R. Zimmerman // Theologische Zeitschrift. – 2000. – Bd. 56. – S. 108–133.

1102. Zinken, J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse / J. Zinken // Discourse and Society. – 2003. – Vol. 14(4). – P. 507–523.

1103. Zinken, J. Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition: Dissertation zur Erlangung der Wurde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld : Universität Bielefeld, 2002. – 262 S.

1104. Zinken, J. Metaphoric Practices in the German Wende Discourse / J. Zinken // Journal of Multilingual and Multicultural Development. – 2004a. – Vol. 25. – № 5/6. – P. 1–13.

1105. Zinken, J. Metaphors, Stereotypes, and the Linguistic Picture of the World: Impulses from the Ethnolinguistic School of Lublin / J. Zinken // metaphorik.de. – 2004b. – № 7. – P. 115–136.

1106. Zunshine, L. Theory of Mind and Experimental Representations of Fictional Consciousness / L. Zunshine // Narrative. – 2003. – Vol. 11. – P. 270–291.

1107. Zwoliński, A. Słowo w relacjach społecznych / A. Zwoliński. – Kraków : WAM, 2003. – 449 s.

1108. Zybatow, L. Russisch im Wandel: die russische Sprache seit der Perestrojka / L. Zybatow. – Wiesbaden : Harrassowitz, 1995. – 350 S.

Приложение 1.
Список источников «Корпуса А»

Российские источники

1. Аргументы и факты (АиФ)
2. Время новостей (ВН)
3. Завтра
4. Известия
5. Итоги
6. Комсомольская правда (КП)
7. Коммерсант-Власть
8. Московские новости (МН)
9. Московский комсомолец (МК)
10. Независимая газета (НеГ)
11. Новая газета (НГ)
12. Общая газета (ОГ)
13. Профиль
14. Российская газета (РГ)
15. Совершенно секретно (СС)
16. Советская Россия (СР)
17. Труд-7
18. Эксперт
19. gazeta.ru

Британские источники

1. The Daily Mail (DM)
2. The Daily Telegraph (DT)
3. The Economist
4. The Financial News (FN)
5. The Financial Times (FT)
6. The Guardian
7. The Herald
8. The Independent
9. The Mail on Sunday (MS)
10. The Observer
11. The Scotland on Sunday (SS)
12. The Sunday Business (SB)
13. The Sunday Herald (SH)
14. The Sunday Telegraph (ST)
15. The Sun
16. The Times
17. The Western Mail (WM)

Приложение 2.
Список источников «Корпуса Б»

1. АиФ в Восточной Сибири
2. АиФ-Иркутск
3. АиФ-Москва
4. АиФ на Дону
5. АиФ на Кубани
6. АиФ-Нижний Новгород
7. АиФ-Приморье
8. АиФ-Санкт-Петербург
9. АиФ-Северо-Запад
10. АиФ Удмуртии
11. АиФ-Югра
12. Анапа
13. Аргументы и факты
14. Арсеньевские вести (г. Владивосток)
15. Банковская газета
16. Бизнес-класс (г. Пермь)
17. Бийский рабочий
18. Биржа (г. Нижний Новгород)
19. Брюховецкие Новости
20. Ведомости
21. Ведомости Ставрополье
22. Ведомости Чувашия
23. Версия
24. Вестник Предгорья (г. Апшеронск)
25. Вечерние Челны
26. Вечерний Екатеринбург
27. Вечерний Краснодар
28. Вечерний Новороссийск
29. Вечерний Новосибирск
30. Вечерний Ростов
31. Вечерний Северодвинск
32. Вечерний Ставрополь
33. Вечерний Сыктывкар
34. Вечерний Челябинск
35. Вечерняя Казань
36. Вечерняя Москва
37. Волжская коммуна (г. Самара)
38. Вольная Кубань
39. Восточно-Сибирская правда (г. Иркутск)
40. Время (г. Самара)
41. Время и деньги (г. Казань)
42. Время новостей
43. Вятский наблюдатель (г. Киров)
44. Газета Дона (г. Ростов-на-Дону)
45. Газета.ru
46. Голос правды (г. Йошкар-Ола)
47. Грани.ру
48. Карельская губерния

49. Деловая Панорама (г. Санкт-Петербург)
50. Деловая Пенза
51. Деловое Поволжье
52. Деловой Петербург
53. Деловой Урал
54. Деловые люди
55. День Дона (г. Таганрог)
56. Дни.ру
57. Домашняя газета (г. Омск)
58. Единство (г. Набережные Челны)
59. Жизнь Правобережья (г. Беслан)
60. Завтра
61. Заполярье (г. Воркута)
62. Заря Кубани (г.Славянск-на-Кубани)
63. Златоустовский рабочий
64. Золотая Провинция (г. Ижевск)
65. ИА КОМИИНФОРМ
66. ИА Росбалт
67. ИАСибВест (г. Кемерово)
68. Известия
69. Известия (Москва)
70. Известия (СПб)
71. Известия Удмуртия
72. Известия Юг
73. Итоги
74. Йошкар-Ола
75. Капитал-Weekly (г. Пермь)
76. Карелия (г. Петрозаводск)
77. Комерсант-DAILY
78. Коммерсант
79. Коммерсант-Власть
80. Коммерсант-Екатеринбург
81. Коммерсант-Сибирь
82. Коммерсантъ - Западная Сибирь
83. Коммерсантъ - Омск
84. Коммерсантъ - Юг России
85. Коммерсантъ-СПб
86. Коммерческие Вести (г. Омск)
87. Комсомольская правда
88. Комсомольская правда-Екатеринбург
89. Комсомольская правда в Самаре
90. Комсомольская правда в СПб
91. Комсомольская правда на Дону
92. Комсомолец Кубани (г. Краснодар)
93. Комсомолец Кузбасса (г. Кемерово)
94. Континент Сибирь (г. Новосибирск)
95. Краевые новости (г. Краснодар)
96. Красная звезда
97. Краснодарские Известия
98. Красное знамя
99. Красносулинский вестник (г. Красный Сулин, Ростовская обл.)

100. Красноярский рабочий
101. Красный Север (г. Вологда)
102. Кубанские Ведомости (г. Краснодар)
103. Кубанские Новости
104. Кузбасс
105. Кузнецкий край (г. Кемерово)
106. Кузнецкий рабочий (г. Новокузнецк)
107. Курс-Н (г. Нижний Новгород)
108. Ленинградская правда
109. Литературная газета
110. Марийская Правда
111. Мир политики и бизнеса
112. МК в Кузбассе
113. МК в Марий Эл
114. МК в Питере
115. МК в Чебоксарах
116. МК на Дону
117. МК на Кубани
118. МК-Урал
119. Молодежь Севера (г. Сыктывкар)
120. Молот (г. Ростов-на-Дону)
121. Монитор-неделя (г. Нижний Новгород)
122. Монитор-сегодня (г. Нижний Новгород)
123. Московская правда
124. Московские новости
125. Московский комсомолец
126. Наш вариант (г. Киров)
127. Наше время (г. Ростов-на-Дону)
128. Наше слово (г. Воскресенск)
129. НГ-Политика
130. НГ-Регионы
131. Невское время
132. Неделя Волгодонская
133. Независимая газета
134. Нижегородская правда
135. Нижегородские новости
136. Новая газета
137. Новая газета (г. Рязань)
138. Новая Сибирь (г. Новосибирск)
139. Новое обозрение (г. Омск)
140. Новороссийские Вести
141. Новороссийский рабочий
142. Новости Югры (г. Ханты-Мансийск)
143. Новости Ямало-Ненецкого АО
144. Новые Известия
145. Новый город (г. Ульяновск)
146. Новый компаньон (г. Пермь)
147. Общая газета
148. Огни Кавказа (г. Белореченск)
149. Официальный Ростов
150. Парламентская газета

151. Пермские новости
152. Петербургский Час пик
153. Правда
154. Правда Севера (г. Архангельск)
155. Православная Москва
156. Прайм-ТАСС
157. Премьер (г. Вологда)
158. Приазовский край
159. Приазовье
160. Прибой (г. Геленджик)
161. Проспект (г. Нижний Новгород)
162. Профиль
163. Республика (г. Сыктывкар)
164. Республика Татарстан
165. РИА Новости
166. Российская бизнес-газета
167. Российская газета (Башкортостан)
168. Российская газета (Волга-Кама)
169. Российская газета (Восточная Сибирь)
170. Российская газета (Дальний Восток)
171. Российская газета (Кубань. Северный Кавказ)
172. Российская газета (Москва)
173. Российская газета (Пермский край)
174. Российская газета (Приволжье)
175. Российская газета (Северо-Запад)
176. Российская газета (Сибирь)
177. Российская газета (Средняя Волга)
178. Российская газета (Урал и Западная сибирь)
179. Российская газета (Центральная Россия)
180. Российская газета (Юг России)
181. Российские вести
182. Русский курьер
183. Русский фокус
184. Рязанские ведомости
185. Самарская газета
186. Самарское обозрение
187. Санкт-Петербургские ведомости
188. Северный Кавказ (г. Нальчик)
189. Северный Курьер (г. Петрозаводск)
190. Сегодняшняя газета (г. Красноярск)
191. Секрет фирмы
192. Сельская газета (г. Саранск)
193. Сельская жизнь
194. Сибирский посад (г. Тюмень)
195. Смена
196. Совершенно секретно
197. Советская Чувашия
198. Ставропольская правда
199. Степные зори (г. Ипатово, Ставропольский край)
200. Сургутская трибуна
201. Тагильский рабочий

202. Тверская, 13 (г. Москва)
203. Тверская газета
204. Тверская жизнь
205. Тихорецкие вести (г. Тихорецк, Краснодарский край)
206. Тольяттинское обозрение
207. Трибуна
208. Труд
209. Туапсинские вести
210. Тюменская правда
211. Тюменские известия
212. Тюменский курьер
213. Уральский рабочий
214. Финансовая неделя
215. Финансовые известия
216. Фонтанка.ру
217. Чебоксарские новости
218. Челны
219. Человек труда (г. Краснодар)
220. Челябинский Рабочий
221. Экономика и время (г. Санкт-Петербург)
222. Эксперт
223. Эксперт Северо-Запад
224. Эксперт-Сибирь
225. Эксперт-Урал
226. Экспресс-репортер (г. Тамбов)
227. Южноуральская панорама (г. Челябинск)
228. Gzt.ru